К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В. И. ЛЕНИН

О коммунистической общественной формации

Книга первая

2

Страница рукописи К. Маркса
«Критика политической экономии»

Страница «Критики Готской программы» К. Маркса

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В.И. ЛЕНИН

О коммунистической общественной формации

в 4-х томах

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В.И. ЛЕНИН

О коммунистической общественной формации

ТОМ 2

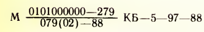
Из произведений
К. Маркса и Ф. Энгельса
1857—1895 гг.

Книга первая

ББК 11
О-11

Составители

В. П. КУЗЬМИН (руководитель),
Г. А. БАГАТУРИЯ, С. Е. ГРЕЧИХО,
В. Н. КУЗНЕЦОВ

М $\frac{0101000000-279}{079(02)-88}$ КБ—5—97—88

ISBN 5—250—00597—7 (т. 2, кн. 1)
ISBN 5—250—00598—5

1857–1871

Экономическое обоснование научного коммунизма

ТЕОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ В «КАПИТАЛЕ» МАРКСА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

ЭКОНОМИКА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

«КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (РУКОПИСЬ 1857—1858 гг.) — ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»

«К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ», ВЫПУСК ПЕРВЫЙ (1859 г.)

«К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.) — ВТОРОЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ 1863—1865 гг.— ТРЕТИЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»

«КАПИТАЛ», ТОМ ПЕРВЫЙ (1867 г.)

«УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ»

«ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ ТОВАРИЩЕСТВА»

Период 1857—1871 гг. начинается работой Маркса над первым вариантом «Капитала» и продолжается до первой пролетарской революции, до установления в марте 1871 г. Парижской Коммуны. Он характеризуется новым великим открытием Маркса — открытием прибавочной стоимости, созданием его главного труда — «Капитала», экономическим обоснованием теории научного коммунизма, а также деятельностью Маркса в I Интернационале.

Началом этого нового периода в истории марксизма условно можно считать август 1857 г., когда Маркс приступил к созданию первого варианта «Капитала». 23 августа он начинает писать Введение к своему труду, который в это время еще называет «Критикой политической экономии», а через два месяца приступает к работе над основным текстом рукописи. Но еще до того, по всей вероятности в январе — феврале, Маркс подверг критическому анализу книгу прудониста А. Даримона «О реформе банков». Эта критика составила начало основного текста «Критики политической экономии», к систематической работе над которым Маркс приступил полгода спустя. С учетом этих обстоятельств фрагменты «Критики политической экономии», написанные еще в январе — феврале 1857 г., включены в данный раздел, охватывающий материал от августа 1857 до марта 1871 г.

Исходным моментом нового периода в развитии марксистской теории явился экономический кризис 1857 г. После поражения европейской революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс к осени 1850 г. пришли к выводу, что *«новая революция возможна только вслед за новым кризисом»* (см. наст. изд., т. 1, с. 352; ср. наст. т., с. 692). В 1857 г. начался первый мировой экономический кризис. Маркс связывал с ним надежды на новый революционный подъем. В ожидании революционных событий он спешит обобщить свои многолетние экономические исследования, чтобы, как он говорит, «до потопа», т. е. до возможного начала революции, «иметь ясность по крайней мере в основных вопросах» (см. наст. т., с. 29). Так возникает первоначальный вариант будущего «Капитала» — рукопись 1857—1858 гг. «Критика политической экономии».

Работа над главным трудом Маркса в широком смысле слова продолжалась почти сорок лет от первых экономических исследований и их обобщения в «Экономическо-философских рукописях» до последних исследований и размышлений, связанных с незавершенными томами «Капитала». А после смерти Маркса еще более десяти лет — работа Энгельса по подготовке к изданию II и III томов. В общей сложности полвека. Но решающим этапом всего этого длительного и сложного процесса было десятилетие 1857—1867 гг.— от создания первоначального варианта до выхода в свет I тома. Именно в это десятилетие было сделано второе великое открытие Маркса — создана теория прибавочной стоимости — и на его основе разработана марксистская политическая экономия, ее теоретическое содержание и диалектико-материалистический метод, осуществлено экономическое обоснование теории научного коммунизма.

В период 1857—1871 гг. в экономических исследованиях Маркса выделяется ряд конкретных этапов.

В 1857—1858 гг. он создает «Критику политической экономии» (отдельные части работы написаны в январе — феврале, в конце августа, в середине октября 1857 — в конце мая 1858 г.).

На основе этой рукописи в августе 1858 — феврале 1859 г. он готовит к изданию первый выпуск своего труда под несколько измененным названием «К критике политической экономии», который выходит в свет в июне 1859 г. Затем наступает двухлетний перерыв в работе, вызванный главным образом полемикой с К. Фогтом.

В 1861—1863 гг. как продолжение первого выпуска Маркс создает второй вариант «Капитала» — рукопись под тем же названием «К критике политической экономии», более половины которой составляют «Теории прибавочной стоимости».

В 1863—1865 гг. он создает третий вариант «Капитала», от которого сохранились часть рукописи I тома (гл. VI), первая рукопись II тома и рукопись III тома.

На основе этого варианта в 1866—1867 гг. он готовит к печати I том «Капитала», который выходит в свет в сентябре 1867 г.

После завершения работы над I томом, в 1867—1870 гг. Маркс создает вторую рукопись (второй вариант) II тома. В 70-х гг. он продолжает работу над своим главным произведением: готовит новые издания I тома, пишет несколько частичных вариантов II тома, занимается проблематикой III тома.

Все основные разработки и достижения, относящиеся к теории будущего общества, связаны с различными вариантами главного труда Маркса, созданными в 1857—1867 гг. Дальнейшие этапы работы над «Капиталом» добавляют сравнительно немного нового в этом плане. Особое значение имеет первоначальный вариант — рукопись 1857—1858 гг., где заложены основы всего дальнейшего развития. Именно в этой рукописи в конце 1857 г. Маркс приходит к открытию прибавочной стоимости и начинает разрабатывать теорию прибавочной стоимости. Во Введении к «Критике политической экономии» он формулирует принципы материалистической диалектики как метода политической экономии, а в основном тексте систематически применяет этот метод в процессе исследования капиталистического способа производства. Рукопись 1857—1858 гг. содержит исключительное богатство мыслей, прямо или косвенно относящихся к будущему, коммунистическому обществу. Ряд положений уникален в том смысле, что они не получили разработки в других произведениях основоположников научного коммунизма. Многие теоретические положения, которые Маркс развивает во всем цикле «Капитала», уже формулируются или по крайней мере намечаются в этой первоначальной рукописи. Вместе с тем по мере дальнейшего развития экономической теории в последующих вариантах «Капитала» теория коммунистической формации обогащается новыми положениями (так, в связи с исследованием земельной ренты в III томе начинается разработка ряда проблем преобразования сельского хозяйства), а первоначально намеченные достигают классической зрелости.

Предметом исследования Маркса во всем цикле «Капитала» является сфера материального производства, точнее говоря, капиталистический способ производства. Маркс рассматривает его как исторически определенный способ производства, прослеживая его собственное раз-

витие и сопоставляя его как с добуржуазными способами производства, так и с производством будущего общества. Поэтому закономерно, что в плане теории коммунистической общественной формации наибольшее развитие в «Капитале» получили две группы проблем: экономические предпосылки и экономика будущего, коммунистического общества.

Маркс исследует здесь весь комплекс экономических предпосылок. Некоторые положения, лишь намеченные в прошлом, теперь формулируются вполне отчетливо. Другие появляются впервые, делая всю картину более полной. В поле зрения исследователя весь комплекс: материальные и духовные предпосылки, развитие производительных сил, общественных отношений и противоречий капитализма.

Маркс исследует сложную систему производительных сил: рабочая сила, средства производства, кооперация, разделение труда, силы природы, наука. Он проводит намеченное еще в «Экономическо-философских рукописях» важное различие между индивидуальными и общественными производительными силами. К последним он относит машины, кооперацию, разделение труда, науку и т. д., т. е. те потенции производства, которые возникают из его общественного характера, те производительные силы, которые могут быть использованы только сообща, коллективно, массой производителей или даже только всем обществом в целом. Именно развитие общественных производительных сил и приводит к необходимости уничтожения частной собственности на средства производства, на ставшие по своему характеру общественными средства производства. Исследования Маркса подготавливают вывод, который со всей определенностью будет сделан позднее Энгельсом в «Анти-Дюринге».

Уже в первоначальном варианте «Капитала» Маркс обращает особое внимание на развитие таких общественных производительных сил, как машины и наука.

Машинное производство он рассматривает, по сути дела, как первую форму автоматизации производства. С развитием крупной промышленности, системы машин, машинного производства прекращается «такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», «*непосредственный труд* как таковой перестает быть базисом производства, потому что, с одной стороны, он превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем также и потому, что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и в качестве производителя выступает, скорее, *комбинация* общественной деятельности» (см. наст. т., с. 30, 59; ср. с. 183). В связи с этим Маркс констатирует: «...рушится производство, основанное на меновой стоимости...» (см. наст. т., с. 57).

В системе машин материализуется научное знание. Наука — это всеобщая общественная производительная сила. Материализуясь в средствах производства, она становится непосредственной производительной силой. С развитием крупной промышленности материальное производство все более и более становится технологическим применением науки. Современные средства производства — это «*созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания»; их развитие «является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание стало *непосредственной производительной силой*» (см. наст. т., с. 58).

Функцию общественных производительных сил, развитие которых подготавливает уничтожение частной собственности, выполняют и опреде-

ленные отношения в сфере производства, коллективный, общественный характер труда, производства, его организация. В рукописи 1857—1858 гг. Маркс формулирует важное положение: «...в буржуазном обществе, основанном на *меновой стоимости*, возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя. (Имеется множество антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых, однако, никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством.)» (см. наст. т., с. 22). Позднее, в рукописи 1861—1863 гг., он приходит к новому обобщению: всеобщий закон состоит в том, что «материальная возможность последующей формы [производства] — как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия — создается в рамках предшествующей формы» (см. наст. т., с. 121).

С конца 50-х гг. (начиная с рукописи 1857—1858 гг.) Маркс обращает особое внимание на развитие акционерных обществ как новой формы (своего рода «коллективной» формы) частной собственности, капиталистической формы, подводящей к уничтожению частной собственности; а с начала 60-х гг.— на развитие кооперативных фабрик рабочих, доказывающих ненужность капиталистов для управления производством. Позднее, в рукописи III тома «Капитала» (1864—1865 гг.), он характеризует акционерный капитал как «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства», «упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства» и прямо указывает, что «капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному» (см. наст. т., с. 154—156). Аналогично характеризует он и развитие банков и кредита (см. там же, с. 157). В рукописях III и II томов «Капитала» (1865, 1867 гг.) он отмечает также возрастающую роль бухгалтерского учета как средства контроля и мысленного обобщения процесса производства (см. наст. т., с. 167, 197).

Как особую предпосылку коммунистического преобразования общества рассматривает Маркс в рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг. выработку дисциплины труда, развитие всеобщего трудолюбия: «...историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения...» (см. наст. т., с. 30; ср. с. 85). Это он считает одним из условий производительности труда.

Большое внимание Маркс уделяет анализу противоречий капитализма, прослеживает их развитие как предпосылку коммунистического преобразования общества. Исследование всего комплекса экономических предпосылок этого преобразования явилось важнейшей составной частью экономического обоснования теории научного коммунизма.

Диалектико-материалистический метод исследования, примененный Марксом в «Капитале», закономерно обусловил прогнозирование многих черт экономики будущего общества. Одни выводы относительно будущего

делает прямо сам Маркс, другие вытекают из его анализа различных явлений капитализма.

Ко времени создания «Капитала» основные характеристики будущего общества были уже выяснены: крупное машинное производство как его материальная основа, общественная собственность на средства производства, бесклассовая структура общества, отмирание политической надстройки, возрастание роли общественного сознания, всестороннее свободное развитие человека и многие другие. Теперь понимание всех этих особенностей будущего общества существенно углубляется. Маркс обращает внимание на автоматизацию процесса производства, изменение роли непосредственного труда и роли науки, обосновывает необходимость уничтожения частной собственности на общественные средства производства, конкретизирует необходимость уничтожения разделения труда как уничтожения старого разделения труда, закладывает основы для понимания отмирания государства как отмирания политических функций государства при сохранении и дальнейшем развитии необходимых функций управления производством и т. д.

Так, в рукописи 1857—1858 гг. Маркс фактически пересматривает прежние, идущие от предшественников-утопистов, в частности от Фурье, упрощенные представления о характере труда в будущем обществе. Труд перестанет быть деятельностью по внешнему принуждению, тяжелым бременем. Он станет подлинно свободным трудом, самодеятельностью, самоосуществлением человека. Но это не значит, что он будет чем-то вроде забавы, игры или развлечения. «Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье...»; «действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» (см. наст. т., с. 60, 44). В сфере материального производства труд будет подлинно свободным, когда он станет непосредственно общественным и вместе с тем научным трудом — деятельностью человека, управляющего всеми силами природы.

В рукописи 1861—1863 гг., а затем в рукописи III тома и в I томе «Капитала», исследуя механизм процесса производства, Маркс обращает внимание на необходимость функций управления, труда по управлению (см. наст. т., с. 88, 113—114, 151—152, 181). Образно он сравнивает его с функциями дирижера оркестра. Первоначально они соединяются с функциями частного собственника, капиталиста. Но уже с развитием капиталистического способа производства происходит разделение: функции управления начинают выполнять наемные служащие; а кооперативные фабрики рабочих доказывают возможность организовать производство вообще без капиталистов. Анализ функций управления в производстве явился важной предпосылкой дальнейшего развития марксистской теории государства в период после Парижской Коммуны.

Уже в первоначальном варианте «Капитала» Маркс углубляется в исследование принципиальных отличий экономического механизма будущего общества от капиталистического способа производства. Он размышляет о проблемах закона стоимости, труда как меры стоимости, регулирования производства, стимулах к труду, планомерности производства; об особенностях производства, обмена и распределения в будущем обществе. В связи с анализом обмена он высказывает мысли о непосредственно общественном характере труда, об отсутствии денежных отношений, обмене деятельностей; разрабатывая в II томе «Капитала» схемы воспроизводства, закладывает основы для разработки соответствую-

щих вопросов и экономики будущего общества. В связи с анализом распределения, исследуя проблему планомерности производства, он рассматривает необходимость планомерного распределения совокупного рабочего времени в масштабах общества; начиная с рукописи 1861—1863 гг., разрабатывает проблему распределения совокупного общественного продукта, закладывая тем самым теоретическую основу для классической постановки этого вопроса в «Критике Готской программы»; в рукописи III тома, а затем в II томе «Капитала» — примерно за десять лет до «Критики Готской программы» — впервые рассматривает принцип распределения по труду (см. наст. т., с. 167—168, 178).

Особо важное место занимает комплекс проблем, так или иначе связанных с положением человека в будущем обществе.

Исторически рассматривая буржуазное общество и сопоставляя его с добуржуазными формами общества и будущим обществом, Маркс характеризует первые две исторические формы как отношения личной зависимости и отношения вещной зависимости, а третью форму — как подлинно свободное общество (см. наст. т., с. 21). В Предисловии к «К критике политической экономии», говоря о том, что буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества, он, по существу, характеризует грядущую коммунистическую общественную формацию как подлинно человеческое общество, с переходом к которой завершается предыстория и начинается история подлинно человеческого общества. В рукописи 1861—1863 гг., развивая классическое положение «Манифеста Коммунистической партии» о будущем, коммунистическом обществе как об ассоциации, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (см. наст. изд., т. I, с. 279), Маркс противопоставляет предшествующему историческому развитию основной гуманистический принцип коммунистического общества: «...только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества»; «...развитие способностей рода *человек*, хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида...» (см. наст. т., с. 82, 93; ср. с. 131). В рукописи III тома «Капитала» Маркс рассматривает подлинно свободное развитие человека в соотношении с объективной вечной необходимостью материального производства: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Но чтобы удовлетворять свои потребности, сохранять и воспроизводить свою жизнь, человек должен трудиться, должен заниматься материальным производством во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. Это — царство естественной необходимости (см. наст. т., с. 166). Как отмечалось, уже в первоначальном варианте «Капитала» Маркс указывал, что свобода в этой области возможна и будет осуществлена, когда труд станет подлинно общественным и научным трудом. Теперь он развивает аналогичную мысль: «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой [т. е. труд], ставят его под свой

общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» (см. наст. т., с. 166). Таким образом, Маркс конкретизирует представление о свободе в будущем обществе: свободная деятельность в сфере материального производства и свободная деятельность в других областях человеческой жизни — и раскрывает диалектическое соотношение между ними.

Маркс указывает, что основным условием расцвета истинного царства свободы — всестороннего свободного развития человека — является сокращение рабочего дня, следовательно сокращение рабочего времени и увеличение свободного времени. Проблема соотношения рабочего и свободного времени занимает важное место в «Капитале», начиная уже с его первого варианта — рукописи 1857—1858 гг. Она связывается и с проблемой истинного богатства, и в конечном счете с проблемой качественной перестройки всего человеческого общества. Маркс рассматривает ее с разных сторон. В основе соотношения рабочего времени и свободного времени лежит развитие производительных сил, производительности труда. Оно связано с соотношением необходимого и прибавочного времени, труда, продукта. С развитием потребностей в будущем обществе меняется и это соотношение: часть прибавочного труда становится необходимым трудом, а вместе с уничтожением классовых антагонизмов уничтожается и антагонистический характер этого соотношения. Оно связано также с различием между материальным производством и другими видами деятельности. Свободное время выступает как время для свободного развития, для занятий наукой, искусством, общественной деятельностью, как время для досуга и наслаждения. Маркс неоднократно определяет его так: свободное время — это пространство человеческого развития (см. наст. т., с. 106; ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 147). Развитие человека в свободное время делает его и более развитым как производителя. Но, разумеется, развитие способностей человека в свободное время необходимо не только для этого. Оно не просто средство для развития производительных сил человека. В коммунистическом обществе всестороннее свободное развитие человека становится самоцелью.

С переходом к коммунизму происходит глубокое качественное изменение всего человеческого общества. Пока производительные силы развиты еще недостаточно, пока относительно мала, незначительна доля духовного производства в совокупном общественном производстве, богатство общества выступает прежде всего как материальное богатство и мерой его является рабочее время: чем больше совокупное рабочее время, тем богаче такое общество. Переход к качественно новому типу общества, к новой, коммунистической общественной формации принципиально меняет критерии общественного богатства, его мерой становится уже не рабочее время, а свободное время: чем больше свободного времени будет иметь общество и каждый его член для свободного развития, тем богаче они будут. Ибо истинное богатство — это свободное время (см. наст. т., с. 31, 106).

С исследованием данной проблемы связано формулирование фундамен-

тального закона экономии времени: «Если предположить наличие коллективного производства, определение времени, естественно, сохраняет существенное значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени». «Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени... Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек» (см. наст. т., с. 26, 60).

В «Капитале» Маркс разрабатывает теорию коммунистической общественной формации главным образом в экономическом аспекте. Вместе с тем он рассматривает и ряд других проблем: преобразование семейных отношений, соединение воспитания с производительным трудом, отмирание религии (см. наст. т., с. 178—179, 184).

Исследование буржуазного общества в «Капитале» — это предпосылка познания грядущей общественной формации. Ряд разработок Маркса, непосредственно относящихся к анализу капиталистического способа производства, особенно тенденций его развития, имеет значение как для понимания современного капитализма, так и для понимания некоторых особенностей развития нового общества. Таков анализ процесса становления капитализма как определенной социально-экономической системы, анализ диалектики предпосылок и результатов ее развития. Таково выявление, на фоне общей поляризации буржуазного общества, тенденции роста средних слоев; тенденции возрастания удельного веса духовного производства в совокупном общественном производстве и относительного сокращения рабочих в сфере собственно материального производства; тенденций, связанных с развитием автоматизации производства. Такова выработка важного понятия «совокупного рабочего» или «совокупного работника» (см. наст. т., с. 187—188, 350).

В «Капитале» Маркс развил не только содержание теории коммунистической общественной формации, но и методологию научного предвидения будущего. Непосредственную философскую основу этой теории и ее методологии образует диалектико-материалистическое понимание истории. Позднее, в Послесловии ко второму изданию I тома «Капитала», Маркс определил свой метод как материалистическую диалектику, кото-

рая по своей основе противоположна идеалистической диалектике, критична и революционна (см. наст. т., с. 343—344). Уже в первоначальном варианте «Капитала» Маркс писал, что его метод исторического рассмотрения капиталистического способа производства закономерно приводит к научному предвидению будущего — «к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему» (см. наст. т., с. 36). Прямо и в обобщенной форме Маркс говорит об исторической необходимости коммунистического преобразования общества в известном месте I тома «Капитала» об экспроприации экспроприаторов (см. наст. т., с. 195), но многочисленные выводы относительно будущего общества закономерно вытекают из систематического анализа капитализма на протяжении всего грандиозного исследования Маркса (ср. наст. т., с. 61). Вместе с тем уже Энгельс в одной из своих рецензий на «Капитал» отмечал то принципиальное отличие научного, марксистского предвидения от утопических картин будущего, что Маркс сознательно воздерживается от чрезмерной конкретизации: «Но о том, что будет после социального переворота, он говорит лишь в *самых* общих чертах» (см. наст. т., с. 199).

Экономический кризис 1857 г. не привел к революции, но он вызвал подъем рабочего движения. Это создало предпосылки для нового международного объединения рабочих. 28 сентября 1864 г. в Лондоне было основано Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал) — первая массовая международная организация борющегося пролетариата. Маркс стал ее идейным руководителем. Он составил ее первые программные документы — «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих» и «Временный Устав Товарищества», был автором всех основных теоретических документов I Интернационала.

Уже в «Манифесте» и преамбуле «Устава» были поставлены некоторые важнейшие вопросы, связанные с коммунистическим преобразованием общества: освобождение рабочего класса самим рабочим классом; экономическое освобождение как цель и политическое движение рабочего класса как средство, последнее было конкретизировано как необходимость завоевания политической власти, для чего необходима политическая организация рабочего класса — его партия, руководствующаяся научной теорией; необходимость интернациональной солидарности, союза рабочего класса всех стран; международный характер процесса освобождения рабочего класса; необходимость перехода к ассоциированному труду, организации кооперативного труда в национальном масштабе, общественного производства, управляемого общественным предвидением; необходимость борьбы за мир в международных отношениях (см. наст. т., с. 132—137). Учитывая необходимость объединения в Интернационале различных течений рабочего движения, первоначально Маркс не формулировал прямо требований уничтожения частной собственности на средства производства, диктатуры пролетариата и т. п. Однако, по существу, эти положения содержались в приведенных более общих формулировках.

По мере развития идейной борьбы в Интернационале с немарксистскими течениями, в особенности с бакунистами, и по мере развития и углубления революционного движения Маркс и Энгельс разрабатывали многие вопросы теории научного коммунизма, теории коммунистического преобразования общества: воспитание подрастающего рабочего поколе-

ния, уничтожение классовых различий, права наследования, уничтожение частной собственности на землю, национальный вопрос и т. д.

В работах и письмах Маркса и Энгельса данного периода затрагиваются и многие другие вопросы теории: проблема сосуществования социалистических и буржуазных стран, проблема перенаселения, возможность милиционной системы армии, перспективы революции, особенно в связи с экономическим кризисом 1857 г. и франко-прусской войной 1870—1871 гг., и т. д. Однако основное содержание теории коммунистической общественной формации в это время определяется двумя главными факторами: работой Маркса над «Капиталом» и его деятельностью в Интернационале. В этот период было разработано экономическое обоснование научного коммунизма и теория коммунистического преобразования общества, коммунистической общественной формации была поднята на качественно новый уровень.

К. Маркс

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1857—1858 гг.)[1]

Введенные в заблуждение этой номинальной необесцениваемостью металлических денег, Даримон[2] и К° видят лишь одну сторону дела, проявляющуюся в кризисах: повышение ценности золота и серебра по отношению почти ко всем остальным товарам; они не видят другой стороны — *обесценения* золота и серебра или *денег* по отношению ко всем остальным товарам (за исключением, быть может, труда, но не всегда) в периоды так называемого *процветания*, в периоды временного всеобщего повышения цен. Так как это обесценение металлических денег (и всех видов денег, покоящихся на них) всегда предшествует повышению их ценности, то Даримон и К° должны были бы поставить свою проблему наоборот: предотвратить периодически повторяющееся обесценение денег (на их языке — отменить привилегии товаров по отношению к деньгам). В последней формулировке задача тотчас же свелась бы к следующему: прекратить повышение и падение цен, т. е. уничтожить цены. Следовательно: упразднить меновую стоимость. Стало быть: отменить обмен в том его виде, в каком он соответствует буржуазной организации общества. Эта последняя задача означает: экономически революционизировать буржуазное общество. Тогда с самого начала обнаружилось бы, что болезнь буржуазного общества нельзя вылечить «преобразованием» банков или учреждением рациональной «денежной системы». **Обмен**

Январь — февраль 1857 г. *т. 46, ч. I, с. 74*

Итак, банк был бы всеобщим покупателем и продавцом[3]. Вместо банкнот он мог бы выпускать также чеки, а вместо последних — вести простые банковские счета. В соответствии с суммой стоимости товаров, которые индивид *x* доставил банку, он имел бы притязание к банку на ту же сумму стоимости в других товарах. Другая функция банка необходимым образом заключалась бы в том, чтобы аутентично устанавливать меновую стоимость всех товаров, т. е. **Банки**

материализованное в них рабочее время. Но на этом его функции не кончались бы. Банк должен был бы определять рабочее время, в течение которого товары могут быть изготовлены при средних средствах труда, то время, в течение которого они должны изготовляться.

Но и этого было бы недостаточно. Банку пришлось бы не только определять время, в течение которого должно быть произведено известное количество продуктов, и не только ставить производителей в такие условия, чтобы их труд был одинаково производительным (стало быть, также выравнивать и регулировать распределение средств труда), но банку пришлось бы также определять те количества рабочего времени, которые должны быть затрачены в различных отраслях производства. Последнее было бы необходимо, так как для того, чтобы реализовать меновую стоимость и сделать деньги банка действительно обратимыми, надо было бы обеспечивать все производство в целом, и притом в таких пропорциях, которые удовлетворяли бы потребности обменивающихся лиц.

Но и это еще не все. Самый большой обмен — это не обмен товаров, а обмен труда на товары. (Сразу же вслед за этим сказать об этом подробнее.) Рабочие не продавали бы банку свой труд, а получали бы меновую стоимость полного продукта своего труда и т. д. В таком случае при более пристальном рассмотрении оказывается, что банк был бы не только всеобщим покупателем и продавцом, но и всеобщим производителем. В сущности, банк был бы либо деспотическим правителем производства и распределения, либо не чем иным, как конторой, ведущей бухгалтерию и расчеты для совместно работающего общества. Предпосылкой является общность средств производства и т. д. и т. д. Сен-симонисты наделяли свой банк папской властью над производством [4].

Январь — февраль 1857 г. *т. 46, ч. I, с. 98*

К. Маркс

БАСТИА И КЭРИ [5]

[...] Кто же отрицает, что всеобщее существование наемного труда предполагает более высокое развитие производительных сил, чем то, которое имелось на ступенях, предшествовавших наемному труду? И каким образом пришло бы социалистам в голову выдвигать более высокие требования, если бы они не исходили из этого более высокого развития порож-

дениых иаемиым трудом общественных производительных сил? Последнее, напротив, есть предпосылка их требований.

Июль 1857 г. т. 46, ч. I, с. 15

К. Маркс

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1857—1858 гг.)[1]

Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости,— такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние,— такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей[6].

Свобода
Универсальное развитие человека
Обобществление производительных сил

Октябрь — ноябрь 1857 г. т. 46, ч. I, с. 100—101

Сама необходимость предварительно превратить продукт или деятельность индивидов в форму *меновой стоимости*, в *деньги*, дабы в этой *вещной* форме они приобрели и доказали свою общественную *силу*, доказывает два положения: 1) что индивиды производят только для общества и в обществе, 2) что их производство не является *непосредственно* общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов[7]. Индивиды подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием. Поэтому не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством, как это мы видели выше в отношении банка, выпускающего часовые боны *.

Производство

Частный обмен всех продуктов труда, способностей и деятельностей находится в противоречии как с распределением, основанным на отношениях гос-

* См. наст. т., с. 19—20. *Ред.*

подства и подчинения (естественно выросших или* политических) между индивидами (какой бы характер ни принимало это господство и подчинение: патриархальный, античный или феодальный) (при этом собственно *обмен* происходит тут лишь от случая к случаю и не столько затрагивает жизнь каждой общины в целом, сколько возникает между различными общинами, вообще отнюдь не подчиняет себе все отношения производства и общения), так и со свободным обменом индивидов, ассоциированных на основе совместного владения средствами производства и совместного контроля над ними. (Эта последняя ассоциация не есть нечто произвольное: она предполагает определенное развитие материальных и духовных условий, о которых здесь не место распространяться дальше.)

Обмен
Обобществление средств производства
Предпосылки

Октябрь — ноябрь 1857 г *т. 46, ч. 1, с. 101—102*

Предпосылки

Необходимость революции

[...] В буржуазном обществе, основанном на *меновой стоимости*, возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя. (Имеется множество антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых, однако, никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством.) [8]

Октябрь — ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 102—103*

В *прейскурантах*, где все стоимости измерены в деньгах, одновременно отражаются, с одной стороны, независимость общественного характера вещей от лиц, а с другой стороны — стремление торговли снова подчинить отдельным лицам эти вещи на основе той отчужденности, с какой совокупные отношения производства и общения выступают по отношению к отдельному лицу и ко всем отдельным лицам. Так как обособление, если можно так выразиться, мирового рынка (включающего деятельность каждого отдельного лица) возрастает с развитием денежных отношений (меновой стоимости) и, vice versa**, всеобщая связь и всесторонняя зависимость производства и потребления возрастают вместе с независимостью и безразличием потребителей и производителей друг к другу; так как это противо-

* Перевод уточнен. *Ред.*
** — наоборот. *Ред.*

речие ведет к кризисам и т. д., то одновременно с развитием этого отчуждения [Entfremdung], на его собственной основе, делаются попытки его преодолеть: прейскуранты, вексельные курсы, почтовая и телеграфная связь между лицами, ведущими торговлю и т. д. (средства сообщения, конечно, совершенствуются одновременно с этим), при помощи которых каждое отдельное лицо получает сведения о деятельности всех остальных и старается приспособить к ней свою собственную деятельность. {Другими словами, хотя спрос и предложение каждого человека выступают независимо от всех остальных, все же каждый старается осведомляться относительно состояния всеобщего спроса и предложения, а эта осведомленность затем в свою очередь оказывает на них практическое влияние. Хотя все это на данной основе и не устраняет отчужденности, однако это приводит к таким отношениям и связям, которые заключают в себе возможность устранения старой основы. (Возможность всеобщей статистики и т. д.)} **Предпосылки**

(Впрочем, это следует развить при рассмотрении категорий: «*цены, спрос* и *предложение*». Здесь же надо отметить только то, что обзор совокупной торговли и совокупного производства, в той мере, в какой он фактически содержится в прейскурантах, на деле служит лучшим доказательством того, что индивидам их собственный обмен и их собственное производство противостоят как *вещное, независимое* от них отношение. На *мировом рынке связь отдельного лица* со всеми, но в то же время и *независимость этой связи от самих отдельных лиц* развились до такой степени, что его образование содержит поэтому вместе с тем уже и условие для выхода за его пределы.) **Предпосылки**

Сравнивание вместо действительной общности и всеобщности.

{Говорили и, возможно, еще говорят, что красота и величие покоятся именно на этой стихийной, независимой от знания и воли индивидов связи, предполагающей как раз их взаимную независимость и безразличие по отношению друг к другу, на материальном и духовном обмене веществ. И, несомненно, эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения. Столь же несомненно и то, что индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали. Но нелепо понимать эту всего лишь *вещную связь* как естественную, неотделимую от природы индивидуальности (в противоположность рефлектированному зна- **Предпосылки**

нию и воле) и имманентную ей. Эта связь — продукт индивидов. Она — исторический продукт. Она принадлежит определенной фазе развития индивидов. Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывают лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью, отправляясь от этих условий. Это — связь, стихийная связь индивидов внутри определенных, ограниченных производственных отношений.

Предпосылки
Общественная жизнь

Универсальное развитие человека
Общественные отношения
Предпосылки

Универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю, являются продуктом не природы, а истории. Та степень и та универсальность развития потенций [der Vermögen], при которых становится возможной *эта* индивидуальность, имеют своей предпосылкой как раз производство на основе меновых стоимостей, которые вместе со всеобщим отчуждением [Entfremdung] индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей. На более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным именно потому, что он еще не выработал всю полноту своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений. Так же как смешно тосковать по этой первоначальной полноте индивида, так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности. Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный взгляд никогда не поднимался, и потому этот романтический взгляд, как правомерная противоположность, будет сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины.}

Октябрь — ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. I, с. 104—106*

Труд

Труд отдельного лица, рассматриваемый в самом акте производства,— это те деньги, на которые человек непосредственно покупает продукт, предмет своей особенной деятельности; но это — *особенные* деньги, на которые можно купить именно лишь этот *определенный* продукт. Чтобы непосредственно быть *всеобщими деньгами*, труд отдельного лица должен был бы с самого начала быть не *особенным* трудом, а трудом *всеобщим*, т. е. должен был бы с самого начала фигурировать как звено *всеобщего производства.* Но при такой предпосылке не обмен впервые придавал бы труду характер всеобщности, а заранее данный коллективный характер труда определял бы участие

Коллективный труд

работника в продуктах. Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве,— это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностей, которые определялись бы коллективными потребностями, коллективными целями,— с самого начала включал бы участие отдельного лица в коллективном мире продуктов. На основе меновых стоимостей только обмен впервые *полагает* труд в качестве всеобщего труда. На предположенной же выше основе труд был бы *положен* в качестве всеобщего труда до обмена, т. е. обмен продуктов вообще не был бы той *промежуточной операцией*, которой опосредствовалось бы участие отдельного лица во всеобщем производстве. Опосредствование, естественно, должно иметь место.

Коллективное производство

Обмен деятельностей

Непосредственно общественный труд

В первом случае, который исходит из самостоятельного производства отдельных лиц — как бы эти самостоятельные производства ни определяли и ни видоизменяли друг друга post festum * своими взаимными связями,— имеет место опосредствование путем обмена товаров, путем меновой стоимости, путем денег, которые все являются выражением одного и того же отношения. Во втором случае *сама предпосылка опосредствована;* т. е. предполагается коллективное производство, коллективность как основа производства. Труд отдельного лица с самого начала выступает как общественный труд. Поэтому какова бы ни была особенная материальная форма того продукта, который это лицо создает или помогает создать,— оно купило своим трудом не определенный особенный продукт, а определенное участие в коллективной продукции. Поэтому ему и не приходится обменивать тот или иной особенный продукт. Его продукт *не есть меновая стоимость*. Этот продукт не должен быть предварительно превращен в какую-нибудь особенную форму, чтобы приобрести всеобщий характер для отдельного лица. Вместо того разделения труда, которое неизбежно порождается при обмене меновыми стоимостями, здесь существовала бы такая организация труда, которая имела бы своим следствием участие отдельного лица в коллективном потреблении.

Коллективное производство Общественный труд

В первом случае общественный характер производства *утверждается* [wird *gesetzt*] лишь post festum путем превращения продуктов в меновые стоимости и обмена этих меновых стоимостей. Во втором случае *общественный характер производства* является предпосылкой, и участие в мире продуктов, уча-

Общественный характер производства

* — «после праздника», т. е. после того, как событие произошло, задним числом, впоследствии. *Ред.*

стие в потреблении не опосредствовано обменом независимых друг от друга работ или продуктов труда. Оно опосредствовано теми общественными условиями производства, в рамках которых действует индивид.

Поэтому желать сделать труд отдельного лица (т. е. также и его продукт) непосредственно *деньгами, реализованной меновой стоимостью*, значит определять его *непосредственно* как всеобщий труд, т. е. отрицать именно те условия, при которых труду необходимо превращаться в деньги и меновые стоимости и которые ставят его в зависимость от частного обмена. Требование сделать труд отдельного лица непосредственно деньгами может быть удовлетворено лишь при таких условиях, при которых оно уже не может быть больше поставлено. Ибо труд на основе меновых стоимостей как раз и предполагает, что ни труд отдельного лица, ни его продукт не носят *непосредственно* всеобщего характера; что он приобретает эту форму лишь путем *предметного опосредствования*, посредством отличных от него *денег*.

Коллективное производство Закон экономии времени

Если предположить наличие коллективного производства, определение времени, естественно, сохраняет существенное значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности. Стало быть, экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства [9]. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени. Однако это существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем. Работы отдельных лиц в одной и той же отрасли труда * и различные виды труда различны не только *количественно*, но и *качественно*. Что является предпосылкой всего лишь *количествен-*

Всестороннее развитие человека и общества

Экономия и планомерное распределение рабочего времени

* Перевод уточнен. *Ред.*

ного различия вещей? Одинаковость их *качества.* Стало быть, количественное измерение работ предполагает однородность, одинаковость их *качества.*

Октябрь — ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 115—117*

Обращение есть такое движение, в котором всеобщее отчуждение выступает как всеобщее присвоение, а всеобщее присвоение — как всеобщее отчуждение. Хотя это движение в целом выступает как общественный процесс, а отдельные моменты этого движения исходят от сознательной воли и особых целей индивидов, тем не менее совокупная целостность этого процесса выступает как некоторая объективная связь, возникающая стихийно; хотя она и проистекает из взаимодействия сознательных индивидов, но она не заключена в их сознании и в целом им не подчинена. Их собственное столкновение друг с другом создает для них некоторую стоящую над ними, *чуждую* им общественную силу; их взаимодействие выступает как не зависящий от них процесс и как не зависящая от них власть. Так как обращение представляет собой некоторую целостность общественного процесса, то оно является также и той первой формой, в которой в качестве чего-то независимого от индивидов выступает уже не просто общественное отношение, как это имеет место, например, у монеты или у меновой стоимости, а само общественное движение в целом. Общественная связь индивидов между собой как ставшая самостоятельной, властвующая над индивидами сила, как бы ее ни представлять себе — как силу природы, случайность или в любой другой форме,— есть необходимый результат того, что исходным пунктом здесь не является свободный общественный индивид. Обращение, как первая целостность среди экономических категорий, весьма подходит для того, чтобы сделать это наглядным.

Уничтожение отчуждения общественных отношений

Октябрь — ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 141*

В качестве средства обмена деньги выступают как необходимый посредник между производством и потреблением. При развитой системе денежных отношений люди производят лишь для того, чтобы обменивать, или производят лишь обменивая. Стало быть, если бы деньги были устранены, то мы или были бы отброшены к более низкой ступени производства (которой соответствует меновая торговля, практикуемая как нечто побочное), или же перешли бы к более высокой ступени, на которой меновая стоимость уже не являлась бы самым первым определением товара, так как всеобщий труд, чьим представителем она

Устранение денег

Непосредственно общественный труд

является, уже не выступал бы как частный труд, получающий общественный характер лишь опосредствованным образом.

Ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 160*

В этом первом разделе [10],— где рассматриваются меновые стоимости, деньги, цены,— товары выступают всегда как уже имеющиеся в наличии. [...] Внутренняя структура производства образует второй раздел. Концентрированное выражение [буржуазного общества] в государстве образует третий раздел, международные отношения [производства] — четвертый, мировой рынок — заключение, в котором производство, а также и каждый из его моментов, положено как совокупное целое, но в котором вместе с тем развертываются все противоречия. Мировой рынок тогда снова оказывается предпосылкой целого и его носителем. Кризисы суть тогда общее указание на выход за рамки этой предпосылки и тяготение к принятию некоторой новой исторической формы.

Предпосылки

Ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 173*

Предпосылки

Непосредственно общественный труд

Кризисы. Разложение способа производства и формы общества, основанных на меновой стоимости. Реальное превращение индивидуального труда в общественный и vice versa *[11].

Ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 213*

Предпосылки

Нужно помнить, что новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности. Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе [12]. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития.

Становление общественной формации как целостной системы

Ноябрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 229*

* — наоборот. *Ред.*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 15 НОЯБРЯ 1857 г.[13]

Перспективы революции
Кризис и революция

[...] Весной перемена на краткий срок возможна и даже вероятна,— перемена не к «хорошему состоянию дел», но все же такая, что снова можно будет вести дела, так что торговый механизм будет продолжать действовать и не покроется ржавчиной. До настоящего времени ни один кризис не прекращался так быстро и сразу, и менее всего это может произойти с современным кризисом, который последовал после десятилетнего процветания и спекуляции [14]. Притом сейчас уже нет более никакой новой Австралии и Калифорнии для спасения положения [15], и Китай попал в трясину лет на двадцать. Но сила этого первого удара показывает, какие колоссальные размеры принимает дело. Да иначе и быть не может после огромного увеличения добычи золота и соответственно колоссального расширения промышленности.

Было бы желательно лишь, чтобы это «улучшение» в сторону хронического кризиса наступило раньше, чем последует второй и решающий главный удар. Необходимо хроническое давление в течение некоторого времени, чтобы подогреть массы населения. Тогда пролетариат нанесет удар лучше, с бо̀льшим знанием дела и более согласованно; точно так же, как кавалерийская атака удается намного лучше, если лошадям дадут сначала пробежать 500 шагов рысью, чтобы приблизиться к неприятелю на расстояние, с которого их можно пустить в карьер [16]. Я бы не хотел, чтобы события начались слишком рано, прежде, чем будет охвачена полностью вся Европа, иначе борьба была бы более тяжелой, более затяжной и с бо̀льшими колебаниями. Май или июнь — это, пожалуй, было бы слишком рано: вследствие долгого периода процветания массы не могли не впасть в состояние ужасающей летаргии. Надо думать, однако, что наши друзья — Кинкель и компания — предъявят нам теперь к платежу вексель на революцию; ничего, мы уже довольно скоро оплатим его этим господам.

т. 29, с. 171

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 8 ДЕКАБРЯ 1857 г.[17]

Перспективы революции

Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах.

т. 29, с. 185

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1857—1858 гг.) [1]

Предпосылки

Великая историческая сторона капитала заключается в *создании* этого *прибавочного труда*, излишнего с точки зрения одной лишь потребительной стоимости, с точки зрения простого поддержания существования рабочего, и историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения,— когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; — следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека.

Потребности
Труд как потребность и дисциплина труда
Производительные силы
Сокращение рабочего времени
Наука и производство
Автоматизация производства

Таким образом, капитал и труд относятся здесь друг к другу как деньги и товар: если капитал есть всеобщая форма богатства, то труд является такой субстанцией, которая ставит себе целью только непосредственное потребление. Но в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность,

Богатая индивидуальность
Свободная деятельность

созданная исторически. Поэтому-то *капитал* и *производителен*, т. е. поэтому-то он и является *существенным отношением для развития общественных производительных сил*. Таковым капитал перестает быть только тогда, когда развитие самих этих производительных сил находит предел в самом капитале.

Декабрь 1857 г. *т. 46, ч. I, с. 280—281*

Рабочее и свободное время
Свободное время как богатство

Все развитие богатства покоится на созидании свободного времени [18]. Отношение *необходимого* рабочего времени к *избыточному* (таковым в первую очередь представляется оно с точки зрения необходимого труда) изменяется на различных ступенях развития производительных сил.

[...] Созданию прибавочного труда на одной стороне соответствует на другой стороне создание минус-труда, создание относительного безделья (или, в лучшем случае, создание *непроизводительного* труда). Это понятно само собой, во-первых, применительно к капиталу, а затем также и применительно к тем классам, с которыми капитал делится [прибавочной стоимостью]; стало быть, применительно к живущим за счет прибавочного продукта пауперам, лакеям, прихлебателям и т. д., короче — к целой веренице капиталистической челяди; применительно к той части *обслуживающего* класса, которая получает средства к существованию [путем обмена] не с капиталом, а с доходом.

Между этим *обслуживающим* классом и *работающим* классом в их отношении ко всему обществу имеется существенное различие с точки зрения создания *свободного времени*, а затем также — с точки зрения создания времени для производства науки, искусства и т. д. Ход развития общества состоит отнюдь не в том, что индивид, после того как он удовлетворил свои самые насущные потребности, создает для себя избыток; наоборот, так как определенный индивид или класс индивидов вынужден работать больше, чем это требуется для удовлетворения его самых насущных потребностей, так как на одной стороне создается *прибавочный труд*,— то на другой стороне создается не-труд и избыточное богатство.

Предпосылки

В реальной действительности развитие богатства происходит только в этих противоположностях; но именно само развитие богатства заключает в себе возможность уничтожения этих противоположностей. Иными словами, такого рода возможность существует потому, что индивид может удовлетворить *свои собственные* самые насущные потребности, лишь удовлетворяя вместе с тем самые насущные потребности *другого* индивида и создавая для него сверх того избыток. В условиях рабства это осуществля-

ется в грубой форме. Лишь в условиях наемного труда это приводит к *промышленности*, к *промышленному* труду.

Декабрь 1857 г. *т. 46, ч. 1, с. 371, 375—376*

Предпосылки

Стало быть, [предполагается] исследование всей природы с тем, чтобы открыть новые полезные свойства вещей; универсальный обмен продуктами всех чужих друг для друга климатов и стран; новые виды обработки (искусственной) природных предметов, посредством которой им придается новая потребительная стоимость {впоследствии сослаться на ту роль, которую *предметы роскоши* играли в древнем мире в отличие от современности}; всестороннее исследование земных недр, имеющее целью как открытие новых полезных ископаемых, так и выявление новых полезных свойств старых ископаемых, например новых их свойств как источников сырья и т. д.; отсюда развитие естествознания до наивысшей точки; точно так же открытие, создание и удовлетворение новых потребностей, порождаемых самим обществом. Культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями,— производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества (ибо для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком),— тоже являются условиями производства, основанного на капитале. Это создание новых отраслей производства, т. е. качественно нового прибавочного времени, представляет собой не только разделение труда, но и отталкивание от самого себя определенного производства в виде труда, имеющего новую потребительную стоимость; представляет собой развитие постоянно расширяющейся и все более всеобъемлющей системы видов труда, видов производства, которым соответствует постоянно расширяющаяся и все более богатая система потребностей.

Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда,— т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость,— то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само*

по себе более высокое, как правомерное само по себе. Таким образом, только капитал создает буржуазное общество и универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи. Отсюда великое цивилизующее влияние капитала; создание им такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как *локальное развитие* человечества и как *суеверное поклонение природе*. Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства. Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими.

Противоречия капитализма

Однако из того, что всякую подобную границу капитал рассматривает как ограничение и поэтому *идеально* выходит за ее пределы, вовсе не следует, что капитал преодолел ее *реально*, а так как каждое подобное ограничение противоречит его назначению [Bestimmung], то капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются. Более того. Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставят осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала.

Поэтому те экономисты, которые, подобно Рикардо, считают производство непосредственно тождественным с самовозрастанием стоимости капитала и которые, стало быть, не задумываясь ни о пределах потребления, ни о существующих пределах самого обращения, поскольку оно во всех пунктах должно выставлять эквиваленты, обращают внимание только на развитие производительных сил и на рост про-

мышленного населения и рассматривают предложение безотносительно к спросу,— поняли положительную сущность капитала правильнее и глубже, чем те экономисты, которые, подобно Сисмонди, подчеркивают пределы потребления и существующего круга эквивалентов, хотя Сисмонди глубже понял ограниченность основанного на капитале производства, его отрицательную односторонность. Рикардо больше понял универсальную тенденцию капиталистического производства, Сисмонди — его специфическую ограниченность [19].

Весь спор о том, возможно ли и неизбежно ли при господстве капитала *перепроизводство*, вращается вокруг вопроса: обусловливает ли непосредственно процесс возрастания стоимости капитала в производстве реализацию его стоимости в обращении; является ли обусловленное *процессом производства* возрастание стоимости капитала *реальным* возрастанием его стоимости. Рикардо, конечно, тоже до некоторой степени подозревает, что *меновая стоимость* не является стоимостью вне обмена и лишь посредством обмена на деле доказывает, что она есть стоимость; но те пределы, на которые в результате этого наталкивается производство, Рикардо рассматривает как случайные, как такие пределы, которые преодолеваются. Таким образом, само преодолевание подобных пределов Рикардо включает в сущность капитала, хотя в своем изложении он часто впадает в абсурд. Между тем *Сисмонди*, наоборот, подчеркивает не только то, что производство наталкивается на предел, но и то, что предел этот создается самим капиталом, который таким образом запутывается в противоречиях; в связи с этим Сисмонди чувствует, что эти противоречия должны привести капитал к гибели. Вот почему ему хотелось бы путем обычая, закона и т. д. установить внешние пределы для производства, которые, однако, именно потому, что они являются всего лишь внешними и искусственными пределами, неизбежно были бы опрокинуты капиталом. С другой стороны, Рикардо и вся его школа никогда не понимали действительных *современных кризисов*, во время которых это противоречие капитала разражается в сильных бурях, все более и более угрожающих самому капиталу как основе общества и самого производства. [...]

Противоречия капитализма

Если подойти к делу ближе, то прежде всего *имеется предел, присущий не производству вообще, а производству, основанному на капитале.* Этот предел — двоякий, или, точнее, это один и тот же предел, но рассматриваемый в двух направлениях. Показать здесь, что капитал содержит в себе *особое* ограничение производства,— ограничение, противо-

речащее всеобщей тенденции капитала переступать всякую границу производства,— будет достаточно для того, чтобы обнаружить основу *перепроизводства*, основное противоречие развитого капитала; для того, чтобы вообще обнаружить, что капитал представляет собой не *абсолютную* форму развития производительных сил, как это полагают экономисты, что капитал так же не является абсолютной формой развития производительных сил, как не является он и такой формой богатства, которая абсолютно совпадала бы с развитием производительных сил.

Те ступени развития производства, которые предшествуют капиталу, с точки зрения капитала выступают как оковы для развития производительных сил. Сам же капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем пришпоривании, которое вместе с тем является их обуздыванием: дисциплинирование производительных сил, которое на известной ступени их развития становится столь же излишним и обременительным, как [в свое время средневековые] корпорации и т. д. Эти имманентные границы должны совпадать с самой природой капитала, с существенными определениями его понятия. [...]

Hinc * перепроизводство, т. е. внезапное *напоминание* о всех этих необходимых моментах производства, основанного на капитале; отсюда всеобщее обесценение вследствие забвения этих необходимых моментов. Вместе с тем это ставит перед капиталом задачу на более высоком уровне развития производительных сил и т. д. все снова и снова пытаться [осуществить этот выход за свои собственные пределы], каждый раз со все бо́льшим крушением его *как капитала*. Поэтому ясно, что чем выше развитие капитала, тем в большей степени он оказывается пределом производства,— а потому также и пределом потребления,— не говоря уже о других противоречиях, которые делают капитал обременительным пределом для производства и общения.

Противоречия капитализма

Декабрь 1857 г. *т. 46, ч. I, с. 386—388, 392—394*

Противоречия капитализма

[...] По самой своей природе капитал полагает *предел* для труда и созидания стоимости, находящийся в противоречии с тенденцией капитала к их беспредельному расширению. И поскольку капитал, с одной стороны, полагает *специфические* для него пределы, а с другой стороны — гонит производство к выходу за *всякие* пределы, он есть живое противоречие. [...]

* — Отсюда. *Ред.*

Вопрос о том, в какой мере капитал, имея тенденцию *безгранично повышать производительные силы, вместе с тем* делает односторонней, лимитирует и т. д. *главную производительную силу* — самого *человека*,— вообще, в какой мере капитал имеет тенденцию ограничивать производительные силы, к этому месту не относится.

Январь 1858 г. *т. 46, ч. I, с. 402, 403*

Методология

[...] Наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого: это самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся еще приступить.

Научное предвидение Предпосылки

С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, т. е. устраненными * предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя [20].

Январь 1858 г. *т. 46, ч. I, с. 449*

Предпосылки

Признание [рабочим] продукта труда своим собственным продуктом и оценка отделения [труда] от условий его осуществления как несправедливого, насильственного, свидетельствуют об огромной сознательности, являющейся продуктом способа производства, основанного на капитале, и точно так же служат похоронным звоном, предвещающим гибель

* Перевод уточнен. *Ред.*

этого способа производства, как с появлением у раба сознания того, что он *не может быть собственностью другого лица*, с появлением у него осознания себя личностью, рабство влачит уже только искусственное существование и не может дальше служить основой производства [21] *.

Январь 1858 г. *т. 46, ч. I, с. 451—452*

Действительно, в процессе производства капитала, как это станет еще яснее из дальнейшего рассмотрения этого процесса, труд является некоей целостностью — комбинацией работ,— отдельные составные части которой являются чуждыми друг другу, так что совокупный труд как целостность *не* является *делом* отдельного рабочего, и даже совместным трудом различных рабочих совокупный труд как целостность является лишь постольку, поскольку рабочие не сами себя комбинируют, а комбинированы [внешней силой]. Этот комбинированный труд в его совокупности в такой же мере оказывается подчиненным чужой воле и чужой мысли и ею руководимым, имеющим свое *духовное единство* вне себя,— насколько в его материальном единстве он подчинен *предметному единству машин*, основного капитала, который как *одушевленное чудовище* объективирует научную мысль и фактически является объединяющим началом; он отнюдь не относится к отдельному рабочему как орудие — наоборот, рабочий существует при нем как одушевленная единичная точечность, как живой изолированный придаток.

Таким образом, комбинированный труд в двояком смысле является комбинацией *an sich* **; но он не представляет собой комбинации ни в смысле свободного установления отношений друг к другу совместно работающих индивидов, ни в смысле их господства над их особенными или отдельными функциями и над орудием труда. Поэтому если рабочий относится к продукту своего труда как к чужому, то и к комбинированному труду он относится как к чужому; то же самое имеет место и в отношении собственного труда рабочего, который он хотя и считает ему принадлежащим, но чужим для него, вынужденным проявлением жизни, которое поэтому характеризуется А. Смитом и другими как *бремя, жертва* и т. д.[22] Сам труд, так же как и его продукт, *отрицается как труд особого, изолированного рабочего*. Труд, отрицаемый как изолированный труд, на самом деле является утверждаемым общественным или комбинированным трудом. Однако утверждаемый таким об-

* Перевод этого фрагмента уточнен. *Ред.*

** — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

разом *общественный или комбинированный труд*, как в состоянии деятельности, так и перейдя в неподвижную форму объекта, непосредственно выступает вместе с тем как нечто другое по отношению к действительно существующему единичному труду,— выступает и как *чужая объективность* (чужая собственность), и как *чужая субъективность* (субъективность капитала). Следовательно, и труд, и его продукт представлены капиталом в виде отрицаемого изолированного труда отдельного рабочего, а потому и в виде отрицаемой собственности этого рабочего. Поэтому капитал есть существование общественного труда, его комбинация и как субъекта, и как объекта, но это существование самостоятельно выступает в противоположность действительным моментам труда и, следовательно, само фигурирует наряду с ними как *особое* существование. Поэтому капитал, со своей стороны, выступает в качестве захватывающего субъекта и собственника *чужого труда*, а само его отношение является таким же абсолютным противоречием, как и отношение наемного труда.

Январь 1858 г. *т. 46, ч. I, с. 460—461*

Всестороннее свободное развитие человека

[...] Древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, представляется * куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целост-

* Перевод уточнен. *Ред.*

ности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления.

Январь 1858 г. *т. 46, ч. 1, с. 476*

Производство, базирующееся на меновой стоимости, и общественный строй, базирующийся на обмене этих меновых стоимостей (в какой бы степени они, как мы это видели в предыдущей главе о деньгах, ни имели вида, будто они утверждают собственность исключительно как результат *труда*, частную собственность на продукт собственного труда как условие [труда] и труд как всеобщее условие богатства), предполагают и порождают отделение труда от его объективных условий. Этот обмен эквивалентов имеет место, однако он есть только поверхностный слой такого производства, которое покоится на присвоении чужого труда *без обмена*, но под *видимостью обмена*. Эта система обмена зиждется на *капитале* как на своей основе, и если ее рассматривать отдельно от него, т. е. так, как она выступает на поверхности, как *самостоятельную* систему, то это только *видимость*, но *неизбежная видимость*.

Поэтому теперь уже нет ничего удивительного в том, что система меновых стоимостей (обмен эквивалентов, мерой которых служит труд) превращается в *присвоение чужого труда без обмена*, или, вернее, что в качестве ее скрытого фона выступает этого рода присвоение, полнейший разрыв между трудом и собственностью. Дело в том, что господство самой меновой стоимости и производства, производящего меновые стоимости, *предполагает*, что чужая рабочая сила сама является меновой стоимостью, т. е. предполагает отрыв живой рабочей силы от ее объективных условий; отношение к ним — или отношение ее к своей собственной объективности — как к чужой собственности; одним словом: отношение к ним как к *капиталу*. Только период гибели феодального общества, когда оно, однако, еще вело междоусобную борьбу,— как, например, в Англии в XIV и в первой половине XV столетия,— был золотым веком для эмансипирующегося труда. Для того чтобы труд снова стал относиться к своим объективным условиям как к своей собственности, необходимо, чтобы иная система пришла на смену системе частного обмена, вызывающей, как мы видели, обмен овеществленного труда на рабочую силу и поэтому ведущей к присвоению живого труда без обмена.

Соединение рабочей силы и объективных условий труда

Январь 1858 г. *т. 46, ч. 1, с. 501—502*

Предпосылки

Та *крайняя форма отчуждения [Entfremdung]*, в которой, в рамках отношения между капиталом и

наемным трудом, труд, производственная деятельность, выступает по отношению к своим собственным условиям и к своему собственному продукту, представляет собой необходимую промежуточную стадию и потому *an sich* *, но только еще в превратной, поставленной на голову форме, уже содержит в себе разложение всех *ограниченных предпосылок производства* и даже больше того — создает и устанавливает безусловные предпосылки производства, а значит и всю полноту материальных условий для целостного, универсального развития производительных сил индивида. Это будет рассмотрено впоследствии.

Производительные силы

Январь 1858 г. *т. 46, ч. I, с. 508*

Предпосылки

Способ производства

Производительные силы

Несмотря на то что капитал ограничен по самой своей природе, он стремится к универсальному развитию производительных сил и таким образом становится предпосылкой нового способа производства, основанного на развитии производительных сил не для воспроизводства определенного состояния или в лучшем случае — для его расширения, но такого способа производства, при котором свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства; такого способа производства, единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта. Эта тенденция, которую имеет капитал, но которая вместе с тем противоречит ему как ограниченной форме производства и поэтому толкает его к гибели,— отличает капитал от всех прежних способов производства и вместе с тем содержит в себе то, что капитал является всего лишь переходным пунктом. Все прежние формы общества погибали с развитием богатства, или, что одно и то же,— с развитием общественных производительных сил. [...]

Уже одного развития науки — т. е. наиболее основательной формы богатства, являющейся как продуктом, так и производителем богатства — было достаточно для разложения этих обществ. Но *развитие науки*, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает *развитие производительных сил человека*, т. е. развитие богатства.

Если рассматривать вопрос *идеально*, то разложения определенной формы сознания было бы достаточно, чтобы убить целую эпоху. Реально же этот предел сознания соответствует *определенной ступе-*

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

ни развития материальных производительных сил, а потому — богатства. Разумеется, развитие имело место не только на старом базисе, но являлось *развитием самого этого базиса.* Наивысшее развитие самого этого *базиса* (тот цветок, в который он превращается; однако это все тот же *данный* базис, *данное* растение в виде цветка, поэтому *после* расцвета и как следствие расцвета наступает увядание) есть тот пункт, где сам базис приобретает такую форму, в которой он совместим с *наивысшим развитием производительных сил*, а потому также — с наиболее богатым развитием индивидов [в условиях данного базиса]. Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе. [...]

Предпосылки

В качестве предпосылки своего воспроизводства капитал полагает *производство* самого *богатства*, а потому и универсальное развитие производительных сил, беспрестанные перевороты в своих существующих предпосылках. Стоимость не исключает никакой потребительной стоимости; следовательно, никакой особый вид потребления и т. д., общения и т. д. она не включает в качестве абсолютного условия; и точно так же всякая ступень развития общественных производительных сил, общения, знания и т. д. является для капитала лишь таким пределом, который он стремится преодолеть. Сама его предпосылка — стоимость — положена как продукт, а не как витающая над производством более высокая предпосылка. Пределом для *капитала* служит то обстоятельство, что все это развитие протекает антагонистично и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид *отчуждает* себя самого; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям *своего собственного*, а как к условиям *чужого богатства* и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистичная форма преходяща и создает реальные условия своего собственного уничтожения.

Противоречия капитализма

Результатом является всеобщее — по своей тенденции и по своим возможностям — развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса, а также универсальность общения и поэтому мировой рынок в качестве базиса. Базис как возможность универсального развития индивида и действительное развитие индивидов на этом базисе как беспрестанное устранение *предела* для этого развития, предела, который и осознается как предел, а не как некая *священная грань.* Универсальность индивида не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеаль-

Предпосылки

Всестороннее развитие человека

ных отношений. Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как *процесса* и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела. Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало *условием производства*, чтобы определенные *условия производства* не являлись пределом для развития производительных сил.

Январь 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 32—35*

Противоречия капитализма

Капитал сам представляет собой противоречие, так как он постоянно стремится устранить *необходимое рабочее время* (а это означает вместе с тем сведение рабочего к минимуму, т. е. существование рабочего в качестве всего лишь живой рабочей силы), но *прибавочное рабочее время* существует лишь как антитеза, лишь в рамках противоположности необходимому рабочему времени, и, следовательно, капитал делает необходимое рабочее время *необходимым* условием своего воспроизводства и возрастания своей стоимости.

Предпосылки

Развитие материальных производительных сил — которое одновременно представляет собой развитие сил рабочего класса — в определенный момент *уничтожает самый капитал*.

Январь 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 36—37*

Необходимый и прибавочный труд

Положим, что не существует никакого капиталиста, но непосредственные рабочие, обменивающиеся друг с другом, работают больше, чем это необходимо для жизни, так как они также хотят накоплять и т. д. Назовем *заработной платой* ту часть труда, которую рабочий выполняет для того, чтобы прожить, а *прибылью* — то прибавочное время, которое он работает в целях накопления. Тогда стоимость его товара равнялась бы совокупному количеству содержащегося в нем труда, равнялась бы общей сумме живого рабочего времени, но отнюдь не равнялась бы той заработной плате, которую он сам себе выдал, или той части товара, которую он должен был бы воспроизводить, для того чтобы прожить.

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 67—68*

«Договор капиталиста с *рабочим не есть феномен производства*... [...] Это соглашение есть не что иное, как *вторичная операция* [...] *При иной организации труда она может исчезнуть.* [...]» [23]

Уничтожение наемного труда и капитала

[...] Росси вполне прав в том, что наемный труд не является абсолютной формой труда, но он забывает при этом, что и капитал точно так же не явля-

ется абсолютной формой средств труда и материала труда и что эти две формы [наемный труд и капитал] представляют собой одну и ту же форму в виде различных моментов и потому стоят и падают вместе [...]

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 88, 89*

[...] Побуждаемый простой логикой, Рикардо провозгласил антагонистическую природу прибыли, труда и капитала [...] [...] Антагонистическая форма была провозглашена, и Кэри, который не понимает Рикардо, мог поэтому его бранить, называя отцом коммунистов и т. д. [24], причем в определенном смысле он прав, хотя сам он и не понимает этого определенного смысла.

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 93*

«Во все времена и повсюду одинаковые количества труда должны иметь одинаковую стоимость для того, кто работает. При нормальном состоянии своего здоровья, силы и бодрости и при обычной степени искусства и ловкости, которыми он может обладать, он всегда вынужден отдавать *одну и ту же долю* своего *покоя*, своей *свободы* и своего *счастья*. [...]» [25]

Труд

«Да будешь ты трудиться в поте лица своего!» — таково было проклятие Иеговы, обрушенное им на Адама [26]. И Адам Смит рассматривает труд именно как проклятие. «Покой» выступает у него как адекватное состояние, тождественное «свободе» и «счастью». То обстоятельство, что индивид «при нормальном состоянии своего здоровья, силы, бодрости, искусства, ловкости» испытывает также потребность в нормальной порции труда и в прекращении покоя,— по-видимому, совершенно чуждо пониманию Смита. Правда, сама мера труда выступает здесь как данная извне,— данная той целью, которую надо достичь, и теми препятствиями, которые должны быть преодолены трудом для достижения этой цели. Но то, что это преодоление препятствий само по себе есть осуществление свободы и что, далее, внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой сам индивид, следовательно, полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд,— этого Адам Смит также не подозревает.

Впрочем, Смит прав в том отношении, что в исторических формах труда,— таких, как рабский, барщинный, наемный труд,— труд выступает всегда как нечто отталкивающее, всегда является *трудом по*

внешнему принуждению, а в противоположность ему не-труд выступает как «свобода и счастье». Здесь можно говорить о труде в двух аспектах: об этом антагонистическом труде — и, что связано с ним, о таком труде, который еще не создал (или же, в сравнении с пастушеским и т. п. состоянием, лишился) субъективных и объективных условий, необходимых для того, чтобы труд был привлекательным трудом, чтобы он был самоосуществлением индивида, что́ ни в коем случае не означает, что этот труд будет всего лишь забавой, всего лишь развлечением, как это весьма наивно, совсем в духе гризеток, понимает Фурье [27]. Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение [28].

Свободный труд

В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы.

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 109—110*

Рабочее и свободное время

[...] Рабочее время, необходимое для удовлетворения абсолютных потребностей, оставляет *свободное* время (величина которого различна на различных ступенях развития производительных сил), и в результате этого может быть создан прибавочный продукт, если выполняется *прибавочный труд*. Целью является уничтожение самого отношения [необходимого и прибавочного труда]; так, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта [29] и, наконец, чтобы материальное производство оставляло каждому человеку избыточное время для другой деятельности. В этом теперь уже нет ничего мистического.

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 111*

Противоречия капитализма

Производство

Эти пределы производства, базирующегося на капитале, еще в гораздо большей степени свойственны прежним способам производства, поскольку они основаны на обмене. Но эти пределы не представляют собой закона производства вообще. Как только меновая стоимость перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет оп-

Всестороннее развитие человека

ределяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадает вся эта история с ее судорогами и страданиями.

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 123*

Обмен

Максимум увеличения стоимости капитала, так же как и непрерывности процесса производства, имеет место в том случае, когда время обращения предположено равным нулю; это означает, следовательно, что устранены те условия, при которых производит капитал, устранена его ограниченность временем обращения, необходимость проходить различные фазы своего метаморфоза.

Обмен и разделение труда

Необходимой тенденцией капитала является стремление приравнять время обращения к нулю, т. е. устранить самого себя, так как только благодаря капиталу время обращения становится моментом, определяющим время производства. Это равносильно устранению необходимости обмена, денег и покоящегося на обмене и деньгах разделения труда, т. е. равносильно устранению самого капитала.

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 129*

Обмен

Если представить себе двух работников, обменивающихся друг с другом, рыбака и охотника, то время, которое оба они теряют на обмен, не дает ни рыбы, ни дичи, а представляет собой вычет из того времени, в течение которого оба они могут создавать стоимости, один — ловить рыбу, другой — охотиться, овеществляя свое рабочее время в какой-нибудь потребительной стоимости. Если бы рыбак захотел вознаградить себя за этот убыток за счет охотника, потребовав себе больше дичи или отдав ему меньше рыбы, то тот с таким же правом мог бы поступить точно так же. Убыток был бы для них общим. Эти издержки обращения, издержки обмена могли бы представлять собой только вычет из совокупного производства обоих работников и совокупного созидания ими стоимостей. Если бы они поручили производить этот обмен третьему лицу *C* и, таким образом, не теряли бы на это непосредственно рабочего времени, то каждый из них должен был бы отдавать посреднику *C* соответственную долю своего продукта. При этом они могли бы добиться лишь некоторого уменьшения убытка.

Обмен и разделение труда

Но если бы они работали как коллективные собственники, то имел бы место не обмен, а коллективное потребление. Поэтому издержки обмена отпали бы. Отпало бы не разделение труда [вообще], а разделение труда, основанное на обмене. Поэтому неправилен взгляд Дж. Ст. Милля на издержки обращения как на *необходимую цену разделения тру-*

да [30]. Это лишь издержки стихийного разделения труда, основанного не на общности собственности, а на частной собственности.

Февраль 1858 г. т. 46, ч. II, с. 133—134

Свободное время и развитие человека

Так как всякое *свободное время* есть время для свободного развития, то капиталист узурпирует *свободное время*, созданное рабочими для общества, т. е. узурпирует цивилизацию [...]

Февраль 1858 г. т. 46, ч. II, с. 135

Свободная конкуренция при капитализме

Так как конкуренция исторически выступает внутри страны как уничтожение цехового принуждения, государственного регулирования, внутренних пошлин и т. д., а на мировом рынке как устранение разобщенности, запретительных или покровительственных пошлин — словом, выступает исторически как отрицание границ и пределов, свойственных ступеням производства, предшествующим капиталу; так как исторически конкуренция вполне правильно обозначалась и отстаивалась физиократами как laissez faire, laissez passer *, то она и рассматривалась только с этой, лишь отрицательной, лишь исторической ее стороны, а с другой стороны, это привело к еще большей нелепости, к тому, что конкуренцию рассматривали как столкновение освободившихся от оков, руководящихся только собственным интересом индивидов, как взаимное отталкивание и притяжение свободных индивидов и, таким образом,— как абсолютную форму существования свободной индивидуальности в сфере производства и обмена. Нет ничего ошибочнее такого взгляда.

Свобода человека

Если свободная конкуренция уничтожила границы прежних производственных отношений и способов производства, то прежде всего следует заметить, что то, что для нее являлось подлежащим преодолению пределом, для прежних способов производства было имманентной границей, в рамках которой они естественным образом развивались и двигались. Эти границы становятся подлежащими преодолению пределами лишь после того, как производительные силы и отношения общения развились настолько, чтобы капитал как таковой мог начать выступать в качестве регулирующего принципа производства. Те границы, которые он ломал, были подлежащими преодолению пределами для его движения, развития, осуществления. Капитал при этом отнюдь не уничтожал все границы, все пределы, а только не соответствующие

* — требование полной свободы действий (буквально: «предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). *Ред.*

ему границы, которые являлись для него подлежащими преодолению пределами. Капитал внутри своих собственных границ — как бы эти границы с более высокой точки зрения ни выступали в качестве подлежащих преодолению пределов производства и как бы они ни становились такого рода пределами в силу собственного исторического развития капитала — чувствует себя свободным, беспредельным, т. е. ограниченным лишь самим собой, лишь своими собственными жизненными условиями. Подобным же образом цеховое ремесло в эпоху своего расцвета находило в цеховой организации полностью ту свободу, в которой оно нуждалось, т. е. соответствующие ему производственные отношения. Ведь оно само породило их из себя и развило их как *свои* имманентные условия, а, следовательно, отнюдь не как внешние и стеснительные пределы. Исторический аспект отрицания цехового строя и т. д. со стороны капитала посредством свободной конкуренции означает только то, что достаточно окрепший капитал при помощи адекватного ему способа общения уничтожил те исторические пределы, которые затрудняли и тормозили адекватное ему движение.

Противоречия капитализма

Но конкуренция далеко не исчерпывается этим ее всего лишь историческим значением или *этим* всего лишь *отрицательным* содержанием. *Свободная конкуренция* представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу, т. е. реальный образ действий капитала как капитала. Только по мере развития свободной конкуренции внутренние законы капитала — которые на первоначальных исторических ступенях его развития выступают лишь как тенденции — полагают себя как законы, а основанное на капитале производство полагает себя в своих адекватных формах. Ибо свободная конкуренция есть свободное развитие основанного на капитале способа производства, свободное развитие условий капитала и самого капитала как процесса, постоянно воспроизводящего эти условия.

Свобода человека

В условиях свободной конкуренции свободны не индивиды, а капитал. До тех пор пока покоящееся на капитале производство является необходимой и поэтому наиболее подходящей формой для развития общественной производительной силы, движение индивидов в рамках чисто капиталистических условий выступает как их свобода, которая, однако, при этом догматически прославляется в качестве таковой путем беспрестанных ссылок на пределы, уничтоженные свободной конкуренцией. Свободная конкуренция представляет собой реальное развитие капитала. Она полагает в качестве внешней необходимости для отдельного капитала то, что соответствует природе

капитала, основанному на капитале способу производства, понятию капитала. То взаимное принуждение, которое капиталы в условиях конкуренции применяют по отношению друг к другу, по отношению к труду и т. д. (конкуренция между рабочими является лишь иной формой конкуренции капиталов), представляет собой *свободное* и вместе с тем *реальное* развитие богатства в качестве капитала. Это настолько соответствует действительности, что наиболее глубокие экономические мыслители, как, например, Рикардо, *предполагают* абсолютное господство свободной конкуренции, чтобы иметь возможность изучать и формулировать адекватные законы капитала,— законы, которые вместе с тем выступают как господствующие над капиталом жизненные тенденции.

Но свободная конкуренция представляет собой адекватную форму производительного процесса капитала. Чем больше она развивается, тем в более чистом виде выступают формы движения капитала. Предполагая абсолютное господство свободной конкуренции, Рикардо, например, фактически, помимо своей воли, признал *историческую природу* капитала и ограниченный характер свободной конкуренции, которая как раз и является лишь свободным движением капиталов, т. е. их движением при таких условиях, которые не свойственны никаким предыдущим, разложившимся ступеням, а являются собственными условиями капитала. Господство капитала есть предпосылка свободной конкуренции, совершенно так же как римская императорская деспотия была предпосылкой свободного римского «частного права».

Противоречия капитализма

До тех пор пока капитал слаб, он сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства. Когда он чувствует себя сильным, он отбрасывает эти костыли и движется соответственно своим собственным законам. Когда он начинает ощущать самого себя пределом для развития и когда его начинают рассматривать как такой подлежащий преодолению предел, он ищет прибежище в таких формах, которые, хотя они кажутся завершением господства капитала, вместе с тем, в результате обуздания свободной конкуренции, являются провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства. То, что заложено в природе капитала, реально выступает наружу, как внешняя необходимость, лишь через посредство конкуренции, которая сводится к тому, что реально существующие многие капиталы навязывают друг другу и самим себе имманентные определения капитала. Поэтому ни одна кате-

гория буржуазной экономики, и даже самая первая — например, определение стоимости,— не становится действительной иначе как через посредство свободной конкуренции, т. е. через посредство действительного процесса капитала, процесса, который выступает как взаимодействие капиталов и всех остальных, определяемых капиталом, отношений производства и общения.

Свобода человека

Отсюда, с другой стороны, происходит та нелепость, что свободную конкуренцию рассматривают как конечное развитие человеческой свободы, а отрицание свободной конкуренции отождествляют с отрицанием индивидуальной свободы и основанного на индивидуальной свободе общественного производства. Это есть лишь свободное развитие на ограниченной основе — на основе господства капитала. Поэтому этот вид индивидуальной свободы есть вместе с тем полнейшее упразднение всякой индивидуальной свободы и полное порабощение индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму вещных сил и даже сверхмощных вещей — вещей, независимых от самих индивидов, вступающих в те или иные отношения друг к другу.

Раскрытие того, чем является свободная конкуренция, есть единственный рациональный ответ на превознесение свободной конкуренции со стороны пророков буржуазии или на проклятия в ее адрес со стороны социалистов. Когда говорят, что в рамках свободной конкуренции индивиды, руководствуясь только своими частными интересами, осуществляют общественный или, точнее, *всеобщий* интерес, то это означает лишь то, что в условиях капиталистического производства они давят друг на друга и что поэтому их взаимный антагонизм сам есть лишь воссоздание тех условий, при которых имеет место это взаимодействие. Впрочем, когда иллюзия относительно конкуренции как якобы абсолютной формы свободной индивидуальности исчезает, это служит доказательством того, что условия конкуренции, т. е. условия производства, основанного на капитале, уже ощущаются и мыслятся как подлежащие преодолению *пределы* и что поэтому они уже *являются* и все более и более становятся такими пределами. Утверждение, что свободная конкуренция равносильна конечной форме развития производительных сил, а потому и человеческой свободы, сводится к тому, что господство буржуазии означает конец всемирной истории — несомненно, приятная мысль для позавчерашних выскочек.

Предпосылки Противоречия капитализма

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 153—156*

Предпосылки Акционерные общества

Высшая [...] форма, [...] которая [...] является *последним полаганием* капитала в адекватной ему форме,— это акционерный капитал [31].

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 162*

Развитие машинного производства как предпосылка

[...] Будучи включено в процесс производства капитала, средство труда проходит через различные метаморфозы, из которых последним является *машина* или, вернее, *автоматическая система машин* (система машин, являющаяся *автоматической*, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин,—и только она превращает машины в систему), приводимая в движение автоматом, такой движущей силой, которая сама себя приводит в движение. Эта автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены. В машине, а еще больше — в совокупности машин, выступающей как автоматическая система, средство труда по своей потребительной стоимости, т. е. по своему вещественному бытию, переходит в существование, адекватное основному капиталу и капиталу вообще, а та форма, в которой средство труда в качестве непосредственного средства труда было включено в процесс производства капитала, уничтожается, превращаясь в форму, положенную самим капиталом и соответствующую ему.

Машина ни в каком отношении не выступает как средство труда отдельного рабочего. Ее differentia specifica * заключается вовсе не в том, чтобы, как это имеет место у средства труда отдельного рабочего, опосредствовать деятельность рабочего, направленную на объект; наоборот, деятельность рабочего определена таким образом, что она уже только опосредствует работу машины, ее воздействие на сырой материал — наблюдает за машиной и предохраняет ее от помех в ее работе. Здесь дело обстоит не так, как в отношении орудия, которое рабочий превращает в орган своего тела, одушевляя его своим собственным мастерством и своей собственной деятельностью, и умение владеть которым зависит поэтому от виртуозности рабочего. Теперь, наоборот, машина, обладающая вместо рабочего умением и силой, сама является виртуозом; сама машина имеет собственную душу в виде действующих в ней ** механических законов и для своего постоянного самодвижения потребляет уголь, смазочное масло и т. д. (вспомогательные материалы), подобно тому

* — специфическое отличие. *Ред.*

** Перевод уточнен. *Ред.*

как рабочий потребляет предметы питания. Деятельность рабочего, сводящаяся к простой абстракции деятельности, всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот. Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины.

Присвоение живого труда посредством овеществленного труда — присвоение силы или деятельности, созидающей стоимость, посредством самодовлеющей стоимости, которое заложено в понятии капитала,— в производстве, основанном на машинах, положено как характер самого процесса производства также и со стороны вещественных элементов производства и его вещественного движения. Процесс производства перестал быть процессом труда в том смысле, что труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала. Наоборот, труд выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единство которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин, выступающей по отношению к единичной незначительной деятельности рабочего, в противовес ему, как могущественный организм. В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила, каковою капитал в качестве присвоения живого труда является по своей форме. Включение процесса труда в процесс увеличения стоимости капитала в качестве всего лишь его момента также и с вещественной стороны обусловлено превращением средства труда в систему машин, а живого труда — всего лишь в живой придаток этой системы машин, в средство для ее деятельности.

Увеличение производительной силы труда и максимальное отрицание необходимого труда представляют собой, как мы видели [32], необходимую тенденцию капитала. Осуществлением этой тенденции является превращение средства труда в систему машин. В системе машин овеществленный труд вещественно противостоит живому труду как господствующая над ним сила и как активное подчинение его себе, не только путем присвоения живого труда, но и в самом реальном процессе производства. Отношение капитала как стоимости, присваивающей себе деятельность, созидающую стоимость, вместе с тем положено в ос-

новном капитале, существующем в виде системы машин, как отношение потребительной стоимости капитала к потребительной стоимости рабочей силы.

Овеществленная в системе машин стоимость выступает, далее, как такая предпосылка, по отношению к которой созидающая стоимость энергия единичной рабочей силы исчезает как бесконечно малая величина. Посредством производства в гигантском масштабе, обусловленного системой машин, в продукте также исчезает всякое отношение к непосредственной потребности производителя, а потому — к непосредственной потребительной стоимости. В той форме, в которой производится продукт, и в тех отношениях, при которых он производится, уже положено, что продукт производится только как носитель стоимости, а его потребительная стоимость выступает лишь как условие для этого. Сам овеществленный труд непосредственно выступает в системе машин не только в форме продукта или продукта, применяемого как средство труда, но в форме самой производительной силы. Развитие средства труда в систему машин не случайно для капитала, а представляет собой историческое преобразование традиционных, унаследованных средств труда, превращение их в средства труда, адекватные капиталу. Таким образом, накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала, а более определенно — как свойство *основного капитала*, коль скоро он вступает в процесс производства в качестве подлинного средства производства.

Следовательно, *система машин* выступает как наиболее адекватная форма *основного капитала*, а основной капитал, поскольку капитал рассматривается в его отношении к самому себе,— как *наиболее адекватная форма капитала вообще*. С другой стороны, поскольку основной капитал закреплен в своем бытии в качестве определенной потребительной стоимости, он не соответствует понятию капитала, который как стоимость безразличен по отношению ко всякой определенной форме потребительной стоимости и может принять каждую из этих форм или сбросить ее как безразличное для него воплощение. С этой стороны, с точки зрения отношения капитала к тому, что находится вне его, адекватной формой капитала в противоположность основному капиталу является *оборотный капитал*.

Поскольку, далее, система машин развивается вместе с накоплением внутри общества научного знания и вообще производительной силы, постольку не

рабочий, а капитал выступает в качестве представителя всеобщего общественного труда. Производительная сила общества измеряется *основным капиталом*, существует в нем в предметной форме, и, наоборот, вместе с этим всеобщим прогрессом, который капитал присваивает себе бесплатно, развивается производительная сила капитала. Здесь не следует входить в рассмотрение развития системы машин во всех деталях; оно необходимо здесь только в самой общей форме, поскольку *средство труда*, превращаясь в *основной капитал*, утрачивает — со своей вещественной стороны — свою непосредственную форму и вещественно противостоит рабочему как *капитал*. Знание выступает в системе машин как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся, а живой труд выступает как подчиненный самостоятельно действующему овеществленному труду. Рабочий выступает как излишний, если только его деятельность не обусловлена потребностями [капитала] *.

Итак, полное развитие капитала имеет место лишь тогда — или капитал лишь тогда создает соответствующий ему способ производства,— когда средство труда не только формально определено как *основной капитал*, но устранена его непосредственная форма и *основной капитал* противостоит труду внутри процесса производства в качестве машины, весь же процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки. Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства. Как при анализе превращения стоимости в капитал, так и при рассмотрении дальнейшего развития капитала оказывается, что капитал, с одной стороны, предполагает определенное данное историческое развитие производительных сил — среди этих производительных сил также и развитие науки,— а с другой стороны, гонит их вперед и форсирует их развитие.

Поэтому тот количественный объем, в котором капитал развивается в качестве основного капитала, а также действенность (интенсивность) развития капитала как основного капитала,— вообще свидетельствует о той степени, в которой капитал развит как капитал, как власть над живым трудом, и вообще о том, насколько капитал подчинил себе процесс производства. [Развитие основного капитала свидетельствует о развитии капитала в целом] также и в том отношении, что основной капитал выражает на-

* Здесь рукопись повреждена. Перевод этого абзаца уточнен. *Ред.*

копление овеществленных производительных сил и накопление овеществленного труда. Но если капитал приобретает свою адекватную форму в качестве потребительной стоимости внутри процесса производства только в системе машин и в других вещественных формах существования основного капитала, таких, как железные дороги и т. д. (о чем мы будем говорить впоследствии),— то это отнюдь не означает, что эта потребительная стоимость, эта система машин сама по себе является капиталом, или что ее существование в качестве системы машин тождественно с ее существованием в качестве капитала. Подобно тому как золото не лишилось бы своей потребительной стоимости золота, если бы оно перестало быть *деньгами*, так и система машин не потеряла бы своей потребительной стоимости, если бы она перестала быть капиталом. Из того обстоятельства, что система машин представляет собой наиболее адекватную форму потребительной стоимости основного капитала, вовсе не следует, что подчинение капиталистическому общественному отношению является для применения системы машин наиболее адекватным и наилучшим общественным производственным отношением.

В той самой мере, в какой рабочее время — простое количество труда — полагается капиталом в качестве единственно определяющего элемента, в той же самой мере непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания, с одной стороны, точно так же как и по отношению к той всеобщей производительной силе, которая вырастает из общественного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда (хотя и является историческим продуктом). Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством.

Если, таким образом, с одной стороны, превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей, выступает как свойство *основного капитала* в противовес живому труду; если единичный труд как таковой вообще перестает быть производительным, а, наоборот, явля-

ется производительным лишь в рамках совместного труда многих, подчиняющего себе силы природы, и это превращение непосредственного труда в общественный труд выступает как низведение единичного труда до состояния беспомощности по отношению к представленной в капитале, сконцентрированной в нем совместности,— то, с другой стороны, поддержание труда в одной отрасли производства посредством *сосуществующего труда*[33] другой отрасли производства выступает теперь как свойство *оборотного капитала.*

[...] Капитал применяет машину лишь в той мере, в какой она дает рабочему возможность более значительную часть своего времени работать на капитал, относиться к более значительной части своего времени как к не принадлежащей ему, дольше работать на другого. Посредством этого процесса, действительно, сводится к минимуму количество труда, необходимого для производства определенного предмета, но лишь для того, чтобы в максимуме подобных предметов реализовался максимум прибавочного труда. Первая сторона важна потому, что капитал здесь — совершенно непреднамеренно — сводит к минимуму человеческий труд, затрату силы. Это пойдет на пользу освобожденному труду и является условием его освобождения. [...]

Присвоение живого труда капиталом приобретает при машинном производстве непосредственную реальность также и в следующем смысле. С одной стороны, именно проистекающий непосредственно из науки анализ и применение механических и химических законов делают машину способной выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие. Однако развитие системы машин на этом пути начинается лишь тогда, когда крупная промышленность уже достигла более высокой ступени развития и все науки поставлены на службу капиталу, а уже имеющаяся система машин сама обладает большими ресурсами. Изобретения становятся тогда особой профессией, а применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов. [...]

Обмен живого труда на овеществленный труд, т. е. полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства. Предпосылкой этой последней ступени является и продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства. Но по

мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству. (Само развитие этой науки, в особенности естествознания, а вместе с ним и всех других наук, в свою очередь находится в соответствии с развитием материального производства.) Земледелие, например, становится всего лишь применением науки о материальном обмене веществ, регулирующим этот обмен веществ с наибольшей выгодой для всего общественного организма.

Действительное богатство предстает теперь — и это раскрывается крупной промышленностью — скорее в виде чудовищной диспропорции между затраченным рабочим временем и его продуктом, точно так же как и в виде качественной диспропорции между сведенным к простой абстракции трудом и мощью того производственного процесса, за которым этот труд надзирает. Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. (То, что имеет силу относительно системы машин, верно также для комбинации различных видов человеческой деятельности и для развития человеческого общения.) Теперь рабочий уже не помещает в качестве промежуточного звена между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним.

В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида. *Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство*, представля-

ется жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью. Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам.

Рабочее время как мера богатства при капитализме

Всестороннее свободное развитие человека

Сам капитал представляет собой совершающее процесс противоречие, состоящее в том, что он, с одной стороны, стремится свести рабочее время к минимуму, а, с другой стороны, делает рабочее время единственной мерой и источником богатства. Поэтому капитал сокращает рабочее время в форме необходимого рабочего времени, с тем чтобы увеличивать его в форме избыточного рабочего времени; поэтому капитал во все возрастающей степени делает избыточное рабочее время условием — вопросом жизни и смерти — для необходимого рабочего времени. С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения,— для того чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости. Производительные силы и общественные отношения — и те и другие являются различными сторонами развития общественного индивида — представляются капиталу лишь средством и служат ему лишь средством для того, чтобы производить на своей ограниченной основе. Но в действительности они представляют собой материальные условия для того, чтобы взорвать эту основу.

Противоречия капитализма

«Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство*» (реальное богатство) «представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а *такое время, которым можно свободно располагать* за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство,— свободное время для *каждого индивида* и всего общества»[34].

Наука как производительная сила

Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов[35], и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] стало *непосредственной производительной силой* *, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса. *Развитие основного капитала является показателем степени развития богатства вообще.* [...]

Рабочее и свободное время

Созидание — за пределами необходимого рабочего времени — *большого количества свободного времени* для общества вообще и для каждого члена общества (т. е. созидание простора для развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и общества),— это созидание не-рабочего времени на стадии капитала, как и на всех более ранних ступенях, выступает как не-рабочее время, как свободное время для немногих. Капитал добавляет сюда то, что он всеми средствами искусства и науки увеличивает прибавочное рабочее время народных масс, так как его богатство непосредственно заключается в присвоении прибавочного рабочего времени; ведь *непосредственной целью* капитала является *стоимость*, а не потребительная стоимость.

Таким образом, капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к всё сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного разви-

* Перевод уточнен. *Ред.*

Противоречия капитализма

тия. Но постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в *создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд*. Если первое ему удается слишком хорошо, то он начинает страдать от избыточного производства, и тогда необходимый труд прерывается, так как *капитал* не в состоянии реализовать *прибавочный труд*.

Чем больше развивается это противоречие, тем становится яснее, что рост производительных сил больше не может быть прикован к присвоению чужого прибавочного труда и что рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать — и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме,— тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время [36]. *Рабочее время в качестве меры богатства* предполагает, что само богатство основано на бедности и что свободное время существует *в виде противоположности прибавочному рабочему времени и благодаря этой противоположности*, или благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда. *Поэтому самая развитая система машин заставляет теперь рабочего работать дольше, чем работает дикарь, или дольше, чем работал сам этот рабочий, когда он пользовался самыми простыми, примитивнейшими орудиями.* [...]

Свободное время как мера богатства

Подобно тому как вместе с развитием крупной промышленности тот базис, на котором она покоится — присвоение чужого рабочего времени,— перестает составлять или создавать богатство, так вместе с этим ее развитием *непосредственный труд* как таковой перестает быть базисом производства, потому что, с одной стороны, он превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем также и потому, что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и в качестве производителя выступает, скорее, *комбинация* общественной деятельности. [...]

В непосредственном обмене единичный непосредственный труд выступает воплощенным в каком-ни-

будь особом продукте или в части продукта, а его [единичного непосредственного труда] социальный, общественный характер — характер труда как овеществления всеобщего труда и как [средства] удовлетворения всеобщих потребностей — дан только путем обмена. Напротив, в производственном процессе крупной промышленности, где, с одной стороны, предпосылкой для производительной силы средства труда, развившегося в автоматический процесс, является подчинение сил природы общественному разуму,— *с другой стороны, труд отдельного индивида в его [труда] непосредственном бытии положен как снятый отдельный труд, т. е. положен как общественный труд. Таким образом, отпадает и другой базис этого способа производства.*

Февраль 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 203—209, 212—218*

Экономия времени

Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени (минимум — и сведение к минимуму — издержек производства). Но это сбережение тождественно с развитием производительной силы. Следовательно — отнюдь не *отказ от потребления*, а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления. Способность к потреблению является условием потребления, является, стало быть, первейшим средством для потребления, и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы.

Потребление

Рабочее и свободное время

Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек.

Человек как основной капитал

Впрочем, само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени, как это представляется с точки зрения буржуазной политической экономии. Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразование в более высокую форму не распределения, а самого способа производства. Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им

обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. И для того, и для другого процесс производства вместе с тем является физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии.

Наука и производство

Подобно тому как система буржуазной экономики развертывается перед нами лишь шаг за шагом, так же обстоит дело и с ее самоотрицанием, которое является ее конечным результатом. Мы теперь еще имеем дело с непосредственным процессом производства. Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами — их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства.

Март 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 221—222*

Предпосылки

В своих «Six lectures delivered in Manchester» (1837 г.) [37] *Оуэн* [...] объявляет развитие капитала *необходимым условием* для преобразования общества [...]

«[...] Но отдельных индивидов нельзя осуждать за те изменения, результатом которых явилось все это; *эти изменения происходят согласно законам природы и являются подготовительными и необходимыми ступенями, ведущими к великой и важной социальной революции*, которая приближается. Без крупных капиталов нельзя было бы основать крупных предприятий; нельзя было бы заставить людей понять осуществимость [гораздо более совершенной организации общества, или возможность] новых комбина-

ций с целью придать всем людям * более высокий характер и производить за год больше богатства, чем могут потребить все; понять, что богатство также должно быть более высокого порядка, чем то, которое до сих пор вообще производилось» (с. 56—57).

«Именно эта новая химическая и механическая фабричная система развивает теперь способности людей и подготовляет их к пониманию и принятию иных принципов и иной практики, а тем самым — к осуществлению благодетельнейшей перемены в [человеческих] делах, какой еще не знал свет. Именно эта новая фабричная система и создает теперь необходимость иной и более высокой структуры общества» (с. 58).

Март 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 222, 223*

Если норма прибыли большего капитала уменьшается, но не пропорционально его величине, то возрастает валовая прибыль, несмотря на уменьшение нормы прибыли. Если норма прибыли уменьшается пропорционально его величине, то валовая прибыль остается той же самой, как и у меньшего капитала; остается стационарной. Если норма прибыли уменьшается в большей пропорции, чем возрастает его величина, то валовая прибыль большего капитала по сравнению с меньшим уменьшается вместе с уменьшением нормы прибыли.

Это во всех смыслах важнейший закон современной политической экономии и наиболее существенный для понимания труднейших отношений. С исторической точки зрения это важнейший закон. Этот закон, несмотря на свою несложность, до сих пор никем не был понят и еще никогда сознательно не формулировался.

Так как это уменьшение нормы прибыли равнозначно 1) уже произведенной производительной силе и той материальной основе, которую она образует для нового производства (а это одновременно предполагает огромное развитие мощи науки); 2) уменьшению той части уже произведенного капитала, которая обменивается на непосредственный труд, т. е. уменьшению непосредственного труда, требующегося для воспроизводства огромной стоимости, выражающейся в большой массе продуктов, в большой массе продуктов по низким ценам, ибо общая сумма цен равняется воспроизведенному капиталу плюс прибыль; 3) размеру капитала вообще, в том числе и его части, не являющейся основным капиталом; следовательно, колоссальному развитию сношений, большой сумме меновых операций, величине рынка и всесторонности одновременного труда; развитию средств сообщения и т. д., наличию фонда потреб-

---

* Перевод уточнен. *Ред.*

ления, необходимого для этого огромного процесса (рабочие едят, нуждаются в жилье и т. д.),— то обнаруживается, что уже наличная материальная, уже выработанная, существующая в форме основного капитала производительиая сила, как и мощь иауки, как и население и т. д.— словом, все условия богатства, величайшие условия для воспроизводства богатства, т. е. для богатого развития социального индивида — иначе говоря, вызванное самим капиталом в его историческом развитии развитие производительных сил, достигнув определенного пуикта, снимает самовозрастаиие капитала, вместо того чтобы полагать его.

Предпосылки

За пределами известного пункта развитие производительных сил становится для капитала преградой; следовательно,— капиталистические отношения становятся преградой для развития производительиых сил труда. Достигиув этого пункта, капитал, т. е. наемиый труд, вступает в такое же отношение к развитию обществениого богатства и производительных сил, в каком оказались цеховой строй, крепостиичество, рабство, и как оковы сбрасывается с необходимостью. Последняя рабская форма, которую принимает человеческая деятельность,— с одной стороны, форма наемного труда, а с другой — форма капитала, тем самым совлекается, и само это совлечеиие есть результат способа производства, соответствующего капиталу; материальные и духовные условия отрицаиия иаемиого труда и капитала, которые сами уже представляют собой отрицание прежних форм иесвободного общественного производства, сами являются результатом капиталистического процесса производства.

Противоречие между развитием производительиых сил и капиталистическими отиошениями

Возрастающее иесоответствие между производительным развитием общества и его наличиими производствеииыми отношениями находит себе выражение в резких противоречиях, кризисах, судорогах. Насильствеиное уничтожеиие капитала, не в силу внешних для него обстоятельств *, а как условие его самосохраиения, есть та наиболее разительная форма, в которой ему дается совет уйти и уступить место более высокому состоянию общественного производства. Производительиое развитие общества — это ие только растущая мощь науки, ио и масштаб, в котором оиа уже положена как основиой капитал, размер, широта ее реализации и охвата ею всей совокупиости производства. Это также рост населения и т. д., словом — развитие всех моментов производства; ибо производительиая сила труда, так же как и применение машии, зависит от численности насе-

Противоречия капитализма

* Перевод уточиен *Ред.*

ления, рост которого уже сам по себе является как предпосылкой, так и результатом роста потребительных стоимостей, подлежащих воспроизводству, а следовательно, и потреблению.

Так как рассматриваемое нами понижение прибыли равносильно сравнительному уменьшению непосредственного труда по отношению к величине овеществленного труда, воспроизводимого и вновь создаваемого непосредственным трудом, то капитал попытается сделать все, чтобы компенсировать уменьшение пропорции живого труда к величине капитала вообще, а поэтому также уменьшение отношения прибавочной стоимости, взятой в форме прибыли, к предпосланному капиталу, сокращая долю необходимого труда и еще больше увеличивая количество прибавочного труда по сравнению со всем применяемым трудом. Поэтому высшее развитие производительной силы наряду с величайшим увеличением существующего богатства будет совпадать с обесценением капитала, деградацией рабочего и максимальным истощением его жизненных сил.

Эти противоречия приводят к взрывам, катаклизмам, кризисам, во время которых, путем внезапного прекращения труда и уничтожения значительной части капитала, последний насильственно сводится к уровню, на котором он может продолжать функционировать *. Конечно, эти противоречия приводят к взрывам, кризисам, при которых внезапное прекращение всякого труда и уничтожение значительной части капитала насильственно возвращают его к тому уровню, на котором он в состоянии полностью применять свои производительные силы, не совершая самоубийства. Но эти регулярно происходящие катастрофы приводят к повторению их в большем масштабе, а в конечном счете — к насильственному свержению капитала.

Март 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 262—264*

Противоречия капитализма

Тот факт, что при развитии производительных сил труда предметные условия труда, опредмеченный [овеществленный] труд должны возрастать в процентном отношении к живому труду (это, собственно говоря, есть тавтологическое положение, ибо что̀ иное означает рост производительной силы труда, как не то, что требуется меньше непосредственного труда для создания большего продукта и что, следовательно, общественное богатство все более и более выражается в созданных самим трудом условиях

* Эта фраза написана Марксом по-английски над следующей фразой, написанной в основном по-немецки и повторяющей ту же самую мысль. *Ред.*

труда), с точки зрения капитала представляется не так, что один момент общественной деятельности, опредмеченный [овеществленный] труд, становится все более мощным телом для другого момента, субъективного живого труда, а так, что — и это важно для наемного труда — объективные условия труда приобретают все более колоссальную самостоятельность по отношению к живому труду, самостоятельность, выражающуюся уже в самом их размере, и что общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила. Ударение ставится не на *опредмеченности* [*овеществленности*], а на *отчужденности* [*Entfremdet*-, Entäußert-, Veräußertsein], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд противопоставил себе как один из своих моментов,— на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу.

Поскольку на основе капитала и наемного труда созидание этого предметного тела для деятельности осуществляется в рамках противоположности по отношению к непосредственной рабочей силе, поскольку этот процесс опредмечивания [овеществления] труда на деле выступает как процесс отчуждения труда со стороны рабочего или присвоения чужого труда со стороны капитала,— постольку извращение является *действительным, а не мнимым*, существующим не только в представлении рабочих и капиталистов. Но, очевидно, этот процесс извращения есть лишь *историческая* необходимость, необходимость лишь для развития производительных сил, начинающегося с определенной исторической отправной точки, или основы, но отнюдь не *абсолютная* необходимость для производства, а, напротив, преходящая необходимость, и результатом и целью (имманентной целью) этого процесса является устранение самой этой основы, равно как и этой формы процесса.

Уничтожение отчуждения средств производства от производителей

Буржуазные экономисты настолько в плену представлений определенной стадии исторического развития общества, что необходимость *опредмечивания* [*овеществления*] общественных сил труда представляется им неразрывно связанной с необходимостью их *отчуждения* по отношению к живому труду. Но вместе с устранением *непосредственного* характера живого труда как лишь *единичного*, или всеобщего лишь внутренне, или лишь внешне, вместе с превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или *общественную*, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения; они тем самым превращаются в собственное

Непосредственно общественный труд

органическое общественное тело, где индивиды воспроизводят себя как отдельные единицы, но как общественные единицы. Условия подобного воспроизводства их жизни, подобного их производительного жизненного процесса, созданы лишь самим историческим экономическим процессом — как объективные, так и субъективные условия, которые представляют собой лишь две различные формы одних и тех же условий.

Отсутствие собственности у рабочего и собственность опредмеченного [овеществленного] труда на живой труд, или присвоение чужого труда капиталом — как то, так и другое лишь выражает на двух противоположных полюсах одно и то же отношение — суть основные условия буржуазного способа производства, а вовсе не безразличные для этого способа производства случайности. Эти способы распределения представляют собой те же условия производства, лишь sub specie distributionis *. Поэтому крайне нелепо, когда, например, *Джон Стюарт Милль* говорит:

«Законы и условия производства богатства имеют характер физических истин... Не так обстоит дело с распределением богатства. Оно зависит исключительно от человеческих установлений» (*Mill J. St.* Principles of Political Economy. Vol. I. London, 1848, p. 239, 240) [38].

«Законы и условия» производства богатства и законы «распределения богатства» суть одни и те же законы в различной форме, и как те, так и другие изменяются, подвержены одному и тому же историческому процессу; вообще представляют собой лишь моменты определенного исторического процесса.

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, что, отправляясь, например, от возникшего из разложения крепостничества свободного труда, т. е. от наемного труда, машины могут *возникнуть* лишь в рамках противоположности по отношению к живому труду, как чужая для него собственность и враждебная ему сила; другими словами, что машины должны противостоять рабочим как капитал. Но

Машины

столь же легко понять, что машины не перестанут быть агентами общественного производства, когда, например, станут собственностью ассоциированных рабочих. Но в первом случае их распределение, т. е. то, что они *не принадлежат* рабочему, есть также и условие способа производства, основанного на наемном труде. Во втором случае измененное распреде-

* — под углом зрения распределения. *Ред.*

леиие нсходило бы от *измененной*, иовой основы производства, возникшей лишь в результате историческoго процесса.

Март 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 346—348*

[...] В рамках буржуазиой экономики [...] в отсталых отраслях производства или в таких, которые еще сопротивляются грозящей им гибели в современиом способе производства. [...] Имеет место самая гнусиая эксплуатация труда без того, чтобы здесь отиошеиие капитала и труда носило в себе базис для развития иовых производительных сил и зародыш иовых исторических форм.

Предпосылки

Март 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 367*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 2 АПРЕЛЯ 1858 г.[39]

Капитал распадается иа четыре отдела: a) Капитал вообще. (Это — *содержание первого выпуска.*) b) *Конкуренция* нли действие миогих капиталов друг иа друга. c) *Кредит*, где весь капнтал выступает по отношенню к отдельным капнталам как всеобщий элемент. d) *Акционерный капитал*, как самая совершеииая форма (подводящая к коммуиизму), вместе со всемн его противоречнями *.

Предпосылки
Акционерные общества

т. 29, с. 254

К. Маркс

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ПЕРВОГО ВЫПУСКА «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»[40]

То, что общественная связь, возиикающая в результате столкновения иезависимых индивидов, выступает по отношению к иим одновремеиио н как вещиая необходимость, и как чисто виешияя связь, *как раз и выражает их независимость, для которой общественное бытие является хотя и необходимостью*, ио и ие более, чем *средством, и, следовательно, самим индивидам представляется как нечто внешнее, а в деньгах — даже как чувственно-осязаемая вещь.* Они производят в обществе и для общества, как общественные [gesellschaftliche] существа, ио вместе с тем это выступает как всего лншь средство опредметить их индивидуальиость. Так как они, с од-

* Ср. наст. т., с. 50. *Ред.*

Сознание
Общественные отношения

ной стороны, не подчинены какой-либо первобытной общине [Gemeinwesen], а с другой стороны, не являются сознательно общественными [gemeinschaftliche] существами, подчиняющими себе общественную связь [Gemeinwesen], то эта общественная связь по отношению к ним как к независимым субъектам неизбежно должна существовать как тоже независимая, внешняя, случайная вещность [Sachliches]. Это как раз и является условием для того, чтобы они как независимые частные лица вместе с тем находились в некоторой общественной связи.

Август — октябрь 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 449*

[...] Получивший в обращении развитие процесс обмена меновыми стоимостями не только уважает свободу и равенство, но и является их реальным базисом, а они являются его продуктом. Как чистые идеи они представляют собой идеализированные выражения различных моментов обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических, политических и социальных отношениях, они лишь воспроизведены в других степенях. Это подтвердилось также и исторически. Дело не только в том, что триединство собственности, свободы и равенства на этой основе было теоретически впервые сформулировано итальянскими, английскими и французскими экономистами XVII и XVIII веков. Они и реализовались впервые только в современном буржуазном обществе. [...]

Отсюда возникает заблуждение тех социалистов, в особенности французских, которые хотят доказать, будто социализм представляет собой осуществление буржуазных идей, французской революцией не открытых, а только исторически пущенных в оборот, и тщатся продемонстрировать, что меновая стоимость *первоначально* (во времени) или по своему понятию (в ее адекватной форме) представляет собой систему всеобщей свободы и всеобщего равенства, но была искажена деньгами, капиталом и т. д. Или же они утверждают, что история до сих пор делала лишь неудачные попытки осуществить свободу и равенство в форме, соответствующей их истинной природе, и что вот теперь они, Прудон например, открыли панацею, благодаря которой подлинная история этих отношений должна быть поставлена на место их искаженной истории. Система меновых стоимостей, а еще больше система денежных отношений, действительно является системой свободы и равенства. Но те противоречия, которые появляются при более глубоком анализе этой системы, представляют собой имманентные ей противоречия, усложнения самой этой собственности, самой этой свободы и самого

этого равенства, которые при случае переходят в свою противоположность. Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развивалась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо. От буржуазных апологетов этих социалистов отличает, с одной стороны, ощущение противоречий системы, а с другой — утопизм, непонимание необходимого различия между реальной и идеальной структурой буржуазного общества и вытекающее отсюда желание предпринять совершенно излишнее дело: претворить опять в действительность само идеальное выражение, просветленное и самой действительностью как таковой из себя отбрасываемое рефлектированное отображение [этой же действительности].

Август — октябрь 1858 г. *т. 46, ч. II, с. 456, 457*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 8 ОКТЯБРЯ 1858 г.[41]

Предпосылки

Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, такой шестнадцатый век, который, я надеюсь, так же сведет его в могилу, как первый вызвал его к жизни. Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах, и производства, покоящегося на базисе этого рынка. Поскольку земля кругла, то, по-видимому, с колонизацией Калифорнии и Австралии [15] и открытием дверей Китая и Японии процесс этот завершен. Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение? [42]

Перспективы революции
Проблема сосуществования социалистических и капиталистических стран

т. 29, с. 295

К. Маркс

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ВЫПУСК ПЕРВЫЙ [43]

Критика теории «рабочих денег»

Учение о рабочем времени как непосредственной денежной единице измерения было впервые система-

тически развито *Джоном Греем* *. Он предлагает, чтобы национальный центральный банк при помощи своих филиалов удостоверял рабочее время, затраченное на производство различных товаров. В обмен за свой товар производитель получает официальное свидетельство его стоимости, т. е. квитанцию на такое количество рабочего времени, какое содержится в его товаре **; эти банкноты на 1 рабочую неделю, 1 рабочий день, 1 рабочий час и т. д. вместе с тем служат удостоверением на получение эквивалента в виде любого из других товаров, находящихся на складах банка ***. Таков основной принцип Грея, тщательно разработанный им в деталях и во всем приспособленный к существующим английским учреждениям. При такой системе,— говорит Грей,—

«было бы в любое время так же легко продать за деньги, как теперь легко за деньги купить; производство было бы равномерным и никогда неиссякающим источником спроса» ****.

Благородные металлы утратили бы свое «привилегированное» положение по отношению к другим товарам и

«заняли бы подобающее им мéсто на рынке рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, а их стоимость интересовала бы нас не больше, чем стоимость алмазов» *****.

«Должны ли мы сохранить нашу воображаемую меру стоимостей, золото, и тем самым сковать производительные

---

* John Gray. «The social system. A treatise on the principle of exchange». Edinburgh, 1831. Ср. его же «Lectures on the nature and use of money». Edinburgh, 1848 [44]. После февральской революции Грей послал французскому временному правительству памятную записку, в которой поучал последнее тому, что Франция якобы нуждается не в «organisation of labour» [«организации труда»], а в «organisation of exchange» [«организации обмена»], план которой полностью разработан в измышленной им денежной системе. Добрый Джон не подозревал, что через 16 лет после появления его «Социальной системы» патент на это самое открытие будет получен столь изобретательным Прудоном.

** Грей. «Социальная система и т. д.», стр. 63: «Деньги должны быть только квитанцией, свидетельством того, что обладатель их либо вложил известную стоимость в фонд национального богатства, либо приобрел право на указанную стоимость от какого-либо лица, вложившего ее туда».

*** «Когда определенная стоимость уже овеществлена в продукте, она может быть положена в банк и может быть по первому требованию взята из него обратно, с тем, однако, общепризнанным условием, что лицо, вложившее в проектируемый национальный банк какое-нибудь имущество, может взять обратно равноценную стоимость в любом другом виде, не будучи обязано взять именно ту самую вещь, которую оно положило в банк». Цитированное произведение, стр. 67—68.

**** Цитированное произведение, стр. 16.

***** Грей. «Лекции о природе и употреблении денег», стр. 182.

силы страны или мы должны обратиться к естественной мере стоимостей, к труду, и освободить производительные силы страны?» *.

Уничтожение товарного производства

Если рабочее время — имманентная мера стоимостей, то почему же рядом с ним существует другая, внешняя мера? Почему меновая стоимость развивается в цену? Почему все товары измеряют свою стоимость в одном особом товаре, который превращается таким образом в адекватное бытие меновой стоимости, в деньги? Такова была проблема, которую Грей должен был разрешить. Вместо того, чтобы ее разрешить, он вообразил, что товары могли бы находиться в непосредственном отношении друг к другу как продукты общественного труда. Но они могут относиться друг к другу только в качестве того, что они действительно собой представляют. Товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые посредством своего отчуждения в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если же Грей принимает содержащееся в товарах рабочее время за *непосредственно общественное*, то он принимает его за обобществленное рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных индивидуумов. В таком случае действительно какой-нибудь один специфический товар, вроде золота и серебра, не мог бы противостоять другим товарам в качестве воплощения всеобщего труда, меновая стоимость не превращалась бы в цену; но вместе с тем и потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром, и таким образом была бы уничтожена самая основа буржуазного производства. Это, однако, совсем не то, что имеет в виду Грей. Грей считает, что *продукты должны производиться как товары, но обмениваться не как товары*. Грей возлагает исполнение этого благого желания на национальный банк. С одной стороны, общество в лице банка делает индивидуумов независимыми от условий частного обмена, а с другой стороны, оно заставляет этих индивидуумов продолжать производство на основе частного обмена. Между тем внутренняя последовательность заставляет Грея отвергать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет «реформировать» только возникшие из товарного обмена деньги. Так, он превра-

* Цитированное произведение, стр. 169.

щает капитал в национальный капитал *, земельную собственность — в национальную собственность **; и если внимательно приглядеться к деятельности его банка, то можно обнаружить, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельства на доставленный труд, но и регулирует самое производство. В своем последнем сочинении «Лекции о природе и употреблении денег», в котором он робко старается представить свои рабочие деньги как чисто буржуазную реформу, Грей запутывается в еще более вопиющей бессмыслице.

Каждый товар есть непосредственно деньги. Такова была теория Грея, выведенная из его неполного и потому неверного анализа товара. «Органическое» конструирование «рабочих денег», «национального банка» и «товарных складов» — всего лишь фантазия, в которой догма обманчиво преподносится как управляющий миром закон. Догма, согласно которой товар есть непосредственно деньги или содержащийся в товаре особенный труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, истиной оттого, что какой-то банк верит в нее и действует сообразно с ней. Напротив, в таком случае банкротство взяло бы на себя роль практической критики. То, что у Грея остается скрытым и неизвестным ему самому, а именно, что рабочие деньги суть экономически звучащая фраза, прикрывающая благое желание уничтожить деньги, вместе с деньгами — меновую стоимость, вместе с меновой стоимостью — товар, а с товаром — буржуазную форму производства,— это прямо высказывается некоторыми английскими социалистами, писавшими частью раньше Грея, частью после него ***. Но только на долю господина *Прудона* и его школы выпала задача — всерьез проповедовать извержение *денег* и превознесение *товара* в качестве сущности социализма и тем самым свести социализм к элементарному непониманию необходимой связи между товаром и деньгами ****.

Ноябрь 1858 — январь 1859 г. *т. 13, с. 67—70*

Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих даль-

* «Дела каждой страны должны вестись на национальный капитал» (Джон Грей. «Социальная система», стр. 171).

** «Земля должна быть обращена в национальную собственность». (Цитированное произведение, стр. 298.)

*** См., напр., W. Thompson. «An inquiry into the distribution of wealth etc.». London, 1824. Bray. «Labours wrongs and labours remedy». Leeds, 1839 [45].

**** В качестве сжатого изложения этой мелодраматической теории денег можно рассматривать книгу: Alfred Darimon. «De la réforme des banques». Paris, 1856 [46].

нейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом [47]. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что̀ сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого̀ старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее ре-

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как основа социальной революции

шения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества [48].

Антагонизмы буржуазного способа производства

Предпосылки

Коммунистическая общественная формация как подлинно человеческое общество

Январь — февраль 1859 г. *т. 13, с. 6—8*

Ф. Энгельс

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КАРЛА МАРКСА «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» [49]

Не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционизирующим открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится все остальное. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» *. Это положение настолько просто, что оно должно было бы быть само собой разумеющимся для всякого, кто не завяз в идеалистическом обмане. Из него вытекают, однако, в высшей степени революционные выводы не только для теории, но и для практики: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собствен-

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как основа социальной революции

* См. предыдущий фрагмент. *Ред.*

ности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха *социальной революции.* С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма» *. Таким образом, при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времен.

Антагонизмы буржуазного способа производства

Предпосылки

Величайшая революция

Между 25 июля и 5 августа 1859 г. *т. 13, с. 491*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ФРЕЙЛИГРАТУ, 29 ФЕВРАЛЯ 1860 г.[50]

Когда Леви приехал (в первый раз) из Дюссельдорфа — он и тебя тогда часто посещал,— он вздумал да же соблазнять меня обещанием поднять восстание фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и т. д. Я резко высказался против такого бесполезного и опасного *безумства.*

т. 30, с. 400

Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что время от времени кто-нибудь даже оказывается забрызганным грязью, это — несомненно. Или — или. Однако, если принять во внимание, какие огромные усилия употребляет весь официальный мир в борьбе против нас, официальный мир, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прямо-таки глубоко в нем увязал; если принять во внимание грязную клевету «демократии глупости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если знать историю всех остальных партий *того же периода*; если, наконец, спросить себя, какие же *факты* (а не *гнус-*

* См. предыдущий фрагмент. *Ред.*

ности какого-нибудь Фогта или Теллеринга [51], ***которые можно опровергнуть перед судом***) могут быть выдвинуты против всей партии,— то приходишь к заключению, что в этом XIX столетии наша партия выделяется своей чистотой.

т. 30, с. 402—403

К. Маркс

ПИСЬМО ВЕБЕРУ, 3 МАРТА 1860 г.[52]

Одновременно с опубликованием в Америке «Разоблачений» [53] там появился г-н *Виллих* вместе с *Кинкелем*. Оба они приехали для проведения ***революционного займа*** [54], так как, согласно взглядам Кинкеля, ***которые он изложил*** тогда в американских немецких газетах, «революции делать так же легко, как строить железные дороги», если только для этого имеются «необходимые деньги» [55]. Я решительно высказался против подобных глупостей.

т. 30, с. 416

К. Маркс

ГОСПОДИН ФОГТ [56]

Союз коммунистов [57] был основан — первоначально под другим названием — в Париже в 1836 году. [...]

Что касается тайного учения самого Союза, то оно подверглось всем изменениям, которые претерпел французский и английский социализм и коммунизм, а также и их немецкие разновидности (фантазии Вейтлинга, например). Начиная с 1839 г.,— как видно уже из доклада Блюнчли [58],— наряду с социальным вопросом важнейшую роль играет религиозный вопрос. Различные фазы, через которые проходила немецкая философия в период с 1839 по 1846 г., находили в среде этих рабочих обществ самых страстных последователей. Тайная форма общества обязана своим происхождением Парижу. Главная цель Союза — пропаганда среди рабочих в Германии — требовала сохранения этой формы и впоследствии. Во время своего первого пребывания в Париже [59] я поддерживал личный контакт с тамошними руководителями Союза, а также с вождями большинства тайных французских рабочих обществ, не входя, однако, ни в одно из них. В Брюсселе, куда меня выслал Гизо, я основал вместе с Энгельсом, В. Вольфом и другими существующее и поныне Просветительное общество немецких рабочих [60]. В то же время мы выпустили ряд памфлетов, частью

печатных, частью литографированных, в которых подвергли беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза [61]; вместо этого мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно прочную теоретическую основу и, наконец, в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества [62]. Под влиянием этой нашей деятельности лондонский Центральный комитет завязал с нами переписку и направил в Брюссель в конце 1846 г. одного из своих членов, часовщика *Иосифа Молля*,— который позднее, как солдат революции, пал на поле битвы в Бадене [63],— чтобы пригласить нас вступить в Союз. Сомнения, высказанные нами по поводу этого предложения, Молль рассеял сообщением, что Центральный комитет собирается созвать в Лондоне конгресс Союза, где отстаиваемые нами критические взгляды будут выражены в официальном манифесте в качестве доктрины Союза, но что для борьбы с консервативными и противодействующими элементами необходимо наше личное участие, последнее же связано с нашим вступлением в Союз. Итак, мы вступили в Союз. Конгресс, на котором были представлены члены Союза из Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Англии, состоялся, и после бурных, длившихся несколько недель прений был принят составленный Энгельсом и мной «Манифест Коммунистической партии» [64], который вышел в свет в начале 1848 г., а позднее появился в английском, французском, датском и итальянском переводах.

Февраль — ноябрь 1860 г. *т. 14, с. 450—451*

Одному из этих «милых людей», г-ну *Шиммельпфеннигу*, *Техов* адресует свое письмо от 26 августа 1850 г. для «сообщения друзьям». Прежде всего он сообщает «милому человеку» тщательно скрываемые мной теории, которые он, однако, немедленно выведал у меня во время нашей единственной встречи [65] с помощью пословицы: «in vino veritas» *.

«Я»,— рассказывает г-н Техов г-ну Шиммельпфеннигу «для сообщения друзьям»,— «я... заявил под конец, что я их» (Маркса, Энгельса и др.) *«всегда* **представлял** *себе стоящими выше абсурдной идеи о благодатном коммунистическом стойле* à la Кабе» и т. д. («Главная книга» [66], стр. 150).

* — «истина в вине». *Ред.*

Представлял! Таким образом, Техов, не *зная* даже азбуки наших взглядов, был настолько великодушен и снисходителен, что *представлял* себе их не совсем как «абсурд».

Не говоря уже о научных работах, если бы он только прочел «Манифест Коммунистической партии», который он ниже называет моим «катехизисом пролетариев», то он нашел бы там подробный раздел, озаглавленный: «Социалистическая и коммунистическая литература», и в конце его параграф: «Критически-утопический социализм и коммунизм», где сказано:

Критика утопизма

«Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, изображенный нами выше. Изобретатели этих систем, правда, видели противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видели на стороне пролетариата никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения. Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они точно так же не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, *которые создали бы эти условия.* Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место *исторических* условий освобождения — *фантастические* условия, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — *организация общества по придуманному ими рецепту.* Дальнейшая история всего мира сводится для них к *пропаганде и практическому* осуществлению их общественных планов... Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию... Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты и все еще *мечтают* об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании внутренних колоний [Home-colonies], об устройстве *маленькой Икарии* — карманного издания нового Иерусалима» («Манифест Коммунистической партии», 1848, стр. 21, 22) [67].

Предпосылки

В последних словах Икария *Кабе,*— или, как ее называет Техов, «благодатное стойло»,— прямо названа «карманным изданием нового Иерусалима».

Признанное Теховым абсолютное незнакомство со взглядами, высказанными Энгельсом и мной в печа-

ти за много лет до нашей встречи с ним, полностью объясняет его заблуждение. Для *его* собственной характеристики приведем некоторые примеры.

«Он» (Маркс) «насмехается над дураками, которые машинально повторяют за ним его катехизис пролетариев, и над коммунистами à la Виллих, как и над буржуа. Единственно кого он уважает,— это *аристократов*, но настоящих, знающих себе цену. *Чтобы лишить их господства*, ему нужна сила, которую он находит только в пролетариате; *поэтому он выкроил свою систему с расчетом на эту силу*» («Главная книга», стр. 152).

Критика утопизма

Итак, Техов «представляет» себе, что я сочинил «катехизис пролетариев». Он имеет в виду «Манифест», в котором подвергнут критике и — если угодно Техову — «высмеян» социалистический и критический утопизм всех сортов. Но это «высмеивание» было не так уж просто, как он это себе «представляет», и потребовало порядочной затраты труда, что он мог бы увидеть из моей книги против Прудона «Нищета философии» (1847 г.) [68]. Техов «представляет» себе далее, что я «выкроил» *«систему»*, между тем как я, наоборот, даже в предназначенном непосредственно для рабочих «Манифесте» отверг *все* системы и поставил на их место «критическое понимание условий, хода и общих результатов действительного общественного движения» [69]. Но подобное «понимание» нельзя машинально повторять за кем-нибудь или «выкроить», как какой-нибудь патронташ. Необычайно наивен взгляд на взаимоотношения между аристократией, буржуазией и пролетариатом, в том виде как Техов себе это «представляет» и мне *подсовывает*.

Предпосылки

Аристократию я «уважаю», над буржуазией «насмехаюсь», а для пролетариев «выкраиваю систему», чтобы с их помощью «лишить господства» аристократию. В первом разделе «Манифеста», озаглавленном «Буржуа и пролетарии» (см. «Манифест», стр. 11) [70], подробно объясняется, что экономическое, а, значит, в той или иной форме, и политическое *господство буржуазии* есть основное условие как существования современного пролетариата, так и создания «материальных условий его освобождения». «Вообще развитие современного пролетариата (см. «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», январь 1850, стр. 15) обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь *при ее господстве* приобретает он широкое национальное существование, способное поднять его революцию до общенациональной, лишь при ее господстве он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобожде-

ния. Лишь *ее господство* вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает почву, *на которой единственно возможна пролетарская революция»* [71]. Поэтому я в том же самом «Revue» объявляю всякое пролетарское движение, в котором не участвует Англия, «бурей в стакане воды» [72]. Энгельс развил те же самые взгляды уже в 1845 г. в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» [73]. Следовательно, в странах, где аристократия в континентальном смысле,— а так именно и понимал Техов «аристократию»,— еще только должна быть «лишена господства», согласно моим взглядам, отсутствует первая предпосылка пролетарской революции, а именно *промышленный пролетариат* в национальном масштабе. [...]

Насколько ясно я представлял себе тогда ближайшее будущее Америки, видно из следующего места той же «Revue»: «Очень скоро здесь разовьется *чрезмерная спекуляция*, и если даже английский капитал массами устремится туда же, тем не менее *Нью-Йорк* на этот раз останется центром всей этой спекуляции и первым, как и в 1836 г., испытает крах» (двойной выпуск «Revue», май — октябрь 1850, стр. 149) [74]. Этот прогноз для Америки, сделанный мной в 1850 г., целиком подтвердился большим торговым кризисом 1857 года. О «старой Европе», после описания ее экономического подъема, я, напротив, сказал: «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно,— о действительной революции не может быть и речи... Бесконечные распри, которыми занимаются сейчас представители отдельных фракций континентальной партии порядка, взаимно компрометируя друг друга, отнюдь не ведут к революции; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений *в данный момент* так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна*. Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и *все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов*. Новая революция возможна только вслед за кризисом» (стр. 153 l. c.) [75].

Кризис и революция

Действительно, европейская история только со времени кризиса 1857—1858 гг. снова приняла острый и, если угодно, революционный характер. Действительно, как раз в период реакции 1849—1859 гг. промышленность и торговля развивались на континенте в неслыханных доселе размерах, а вместе с ними росла материальная основа политического господства буржуазии. Действительно, в течение этого периода «все нравственное негодование и все пламен-

ные прокламации демократии» разбивались об экономические отношения.

Февраль — ноябрь 1860 г. *т. 14, с. 459—464*

К. Маркс

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.) [76]

Необходимость труда

Реальный труд, коль скоро он создает потребительные стоимости, представляет собой присвоение природного фактора для человеческих потребностей, будь то потребности производства или индивидуального потребления, является всеобщим условием обмена веществ между природой и человеком и как такое естественное условие человеческой жизни не зависит от всех ее определенных общественных форм, в одинаковой мере общ им всем. То же самое относится к процессу труда в его всеобщих формах, который ведь вообще является только живым трудом, разложенным на свои особые элементы, в качестве единства которых выступает сам процесс труда, воздействие труда через средство труда на материал труда. Сам процесс труда, с точки зрения его всеобщей формы, еще не выступает, следовательно, *ни в какой* особой *экономической определенности.* В нем не выражено никакого определенного исторического (общественного) производственного отношения, в которое люди вступают в производстве их общественной жизни, напротив, в нем выражена та всеобщая форма и те всеобщие элементы, на которые во всех общественных способах производства одинаково должен разлагаться труд, чтобы действовать в качестве труда.

Рассмотренная здесь форма процесса труда является лишь его абстрактной формой, которая оторвана от всех определенных исторических характеристик и одинаково подходит ко всем видам процесса труда, в какие бы общественные отношения друг к другу ни вступали люди во время этого процесса.

Август — сентябрь 1861 г. *т. 47, с. 64—65*

Капиталистическое производство выступает как наиболее экономичное — в определенных пределах, если отвлечься от всего процесса обращения и от чрезвычайной сложности торговых и денежных операций, проистекающей из его базиса, меновой стоимости,— по отношению к *овеществленному труду,* по отношению к труду, овеществленному в товарах. И в то же время капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению

Человек

к человеку, к живому труду, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества.

Август — сентябрь 1861 г. *т. 47, с. 186*

Предпосылки

В разделе о прибавочной стоимости должны быть рассмотрены еще следующие пункты: [...]

3) Капиталистическое отношение как созидатель прибавочного труда: работать сверх того, что необходимо для удовлетворения насущных потребностей. Цивилизаторская роль капитала. Рабочее время и свободное время. Противоположность. Прибавочный труд и прибавочный продукт. Следовательно, в конечном счете — отношение между населением и капиталом.

Сентябрь — декабрь 1861 г. *т. 47, с. 199*

Рабочее и свободное время в антагонистическом классовом обществе
Развитие прибавочного труда как предпосылка

е) ХАРАКТЕР ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА

Раз существует такое общество, в котором некоторые лица живут не работая (не участвуя непосредственно в производстве потребительных стоимостей), то ясно, что условием существования всей надстройки этого общества является прибавочный труд рабочих. От этого прибавочного труда неработающие лица получают двоякий выигрыш: *во-первых*, материальные условия жизни — путем участия в продукте, за счет которого и посредством которого они существуют; в продукте, доставляемом рабочими сверх того продукта, который требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы. *Во-вторых*, то свободное время, которое неработающие лица имеют в своем распоряжении, будь то для безделья или для осуществления деятельности, не являющейся непосредственно производительной (как, например, война, государственное управление), или же для развития человеческих способностей и общественных потенций (искусство и т. д., наука), не преследующих никакой непосредственно практической цели,— это свободное время предполагает прибавочный труд на стороне работающей массы, т. е. предполагает, что рабочие должны затрачивать в материальном производстве больше времени, чем его требуется для производства их собственной материальной жизни.

Свободное время на стороне неработающих слоев общества базируется на *прибавочном труде* или *чрез-*

мерном труде, на *прибавочном рабочем времени* работающей части общества; свободное развитие на одной стороне базируется на том, что все свое время, стало быть, все пространство для своего развития, рабочие вынуждены затрачивать исключительно на производство определенных потребительных стоимостей; развитие человеческих способностей на одной стороне базируется на тех барьерах, которые поставлены развитию на другой стороне. На этом антагонизме базируется вся существовавшая до сих пор цивилизация и все общественное развитие.

Таким образом, *с одной стороны*, свободное время одних соответствует времени чрезмерного труда, порабощенному трудом времени других — времени их существования и деятельности в качестве всего лишь рабочей силы. *С другой стороны*, прибавочный труд реализует себя не только в большем количестве стоимости, но и в *прибавочном продукте* — в избытке продукта над тем его количеством, которое требуется работающему классу для его собственного существования и которое он потребляет.

Стоимость наличествует в потребительной стоимости. Следовательно, прибавочная стоимость — в прибавочном продукте. Прибавочный труд — в добавочном производстве, которое образует базис для существования классов, непосредственно не поглощенных материальным производством. Таким образом, общество развивается в результате того, что работающая масса, которая образует его материальный базис, напротив, лишена возможности развиваться. [...]

Выражаясь более определенно: то прибавочное рабочее время, в течение которого работающая масса работает сверх меры, необходимой для воспроизводства ее собственной рабочей силы, ее собственного существования, сверх *необходимого труда*, это прибавочное рабочее время, выступающее в качестве прибавочной стоимости, в то же время материализуется в прибавочном продукте, и этот прибавочный продукт представляет собой материальный базис существования всех классов, находящихся за рамками работающих классов, всей надстройки общества. *Вместе с тем он высвобождает время*, предоставляет неработающим классам свободное время для развития других способностей. Производство прибавочного рабочего времени на одной стороне вместе с тем является производством *свободного* времени на другой стороне. Все человеческое развитие, в той мере, в какой оно выходит за рамки развития, непосредственно необходимого для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени и предполагает его

как свой необходимый базис. Таким образом, свободное время общества создается посредством создания несвободного времени, рабочего времени рабочих, удлиненного за пределы рабочего времени, необходимого для их собственного существования. Свободное время на одной стороне соответствует порабощенному времени на другой.

Рассматриваемая нами здесь форма прибавочного труда — труда, выполняемого сверх меры необходимого рабочего времени,— является у капитала общей со всеми теми формами общества, развитие которых выходит за рамки чисто природного отношения и поэтому является антагонистическим развитием — общественное развитие одних делает своим природным базисом труд других.

Абсолютное прибавочное рабочее время, которое здесь рассматривается, остается базисом также и в условиях капиталистического производства, хотя мы познакомимся еще и с другой формой прибавочного рабочего времени.

Коль скоро здесь мы имеем дело только с противоположностью между рабочим и капиталистом, то все неработающие классы должны вместе с капиталистом участвовать в дележе продукта прибавочного труда; так что это прибавочное рабочее время не только создает базис их материального существования, но одновременно создает и их *свободное время*, сферу их развития.

Абсолютная прибавочная стоимость, т. е. абсолютный прибавочный труд, и в дальнейшем всегда остается господствующей формой [капиталистического производства].

Подобно тому как растение живет за счет земли, скот за счет растения или за счет травоядного скота,— так та часть общества, которая обладает свободным временем, временем, не поглощенным непосредственным производством средств существования, живет за счет прибавочного труда рабочих.

Мы увидим, как экономисты и т. д. рассматривают эту противоположность как естественную. Поэтому богатством оказывается свободное время *. Так как прибавочная стоимость в первую очередь выступает в виде прибавочного продукта, а все другие виды труда уже представляют собой свободное время по сравнению с тем рабочим временем, которое затрачивается на производство продуктов питания, то отсюда ясно, почему физиократы основывают прибавочную стоимость на прибавочном продукте в земледелии, который они только ошибочно рассматривают как простой дар природы. [...]

---

* Ср. наст. т., с. 58, 105. *Ред.*

Добавление к е).

Коль скоро при капиталистическом производстве капитал вынуждает рабочего работать сверх его необходимого рабочего времени,— т. е. сверх того рабочего времени, которое требуется для удовлетворения его собственных жизненных потребностей как рабочего,— то в качестве этого отношения господства прошлого труда над живым трудом, капитал создает, производит *прибавочный труд*, а тем самым и *прибавочную стоимость.* Прибавочный труд — это труд рабочего, труд отдельного индивида, выполняемый за пределами его насущных потребностей, фактически представляющий собой труд для общества, хотя этот прибавочный труд от имени общества в первую очередь присваивает здесь капиталист. Как уже говорилось, этот прибавочный труд, с одной стороны, представляет собой базис свободного времени общества, а с другой стороны, тем самым — материальный базис всего общественного развития и всей культуры вообще. В той мере, в какой именно капитал вынуждает значительную часть общества к этому труду сверх ее непосредственной нуждаемости, он создает культуру, выполняет определенную исторически-социальную функцию. Тем самым создается всеобщее трудолюбие общества вообще, выходящее за пределы того времени, которое требуется для удовлетворения непосредственных физических потребностей самих работников.

Предпосылки

Ясно, конечно, что все господствующие классы, всюду, где общество зиждется на классовом антагонизме,— так что на одной стороне собственники условий производства господствуют над всем обществом, а на другой неимущие члены общества, лишенные собственности на условия производства, вынуждены работать, вынуждены своим трудом поддерживать свою жизнь и жизнь своих господ,— в известных пределах осуществляют это же самое принуждение (в условиях рабства, например, в гораздо более непосредственной форме, чем в условиях наемного труда) и, следовательно, точно так же заставляют труд выходить за пределы, поставленные ему одними лишь физическими потребностями. Но при всех состояниях общества, где господствует *потребительная стоимость*, рабочее время является более или менее безразличным, коль скоро оно удлиняется лишь для того, чтобы, помимо жизненных средств для самих работников, доставить господам какое-либо патриархальное богатство, определенную массу потребительных стоимостей. Напротив, в той мере, в какой определяющим элементом производства становится *меновая стоимость*, удлинение рабочего времени за пределы физических потребностей

становится все более и более решающим. Там, например, где рабство и крепостничество господствуют у народов со слаборазвитой торговлей, ни о каком чрезмерном труде думать не приходится. Поэтому рабство и крепостничество наиболее отвратительную форму принимают у торговых народов, как, например, у карфагенян. Но еще более отвратительная форма рабства и крепостничества присуща тем народам, которые сохраняют их в качестве базиса своего производства в эпоху, когда эти народы поддерживают связи с другими народами, у которых имеет место капиталистическое производство; стало быть, например, в южных штатах Американского Союза.

Предпосылки

Так как при капиталистическом производстве меновая стоимость впервые господствует над всем производством и над всей структурой общества, то принуждение, которому капитал подвергает труд, для того чтобы заставить его выйти за пределы своих насущных потребностей, является наибольшим. Равным образом, так как при капиталистическом производстве *необходимое рабочее время* (общественно необходимое рабочее время) впервые полностью определяет величину стоимости всех продуктов, то при нем интенсивность труда достигает более высокой степени,— в результате того, что здесь впервые рабочие повсеместно вынуждаются затрачивать на производство того или иного предмета лишь то *рабочее время*, которое *необходимо* при всеобщих общественных условиях производства. Бич рабовладельца не может обеспечить эту интенсивность в такой же степени, в какой ее обеспечивает принуждение, осуществляемое капиталистическим отношением. В условиях последнего свободный рабочий, для того чтобы удовлетворить свои необходимые потребности, вынужден свое рабочее время: 1) превращать в *необходимое рабочее время*, придавать ему определенную (конкуренцией) всеобщую общественную степень интенсивности; 2) выполнять прибавочный труд, чтобы иметь право (иметь возможность) работать в течение рабочего времени, необходимого ему самому. Напротив, раб уже удовлетворил свои необходимые потребности, как это делает животное, и теперь от его природных задатков зависит то, в какой мере бич и т. д. побудит его, окажется для него достаточным мотивом к тому, чтобы он отдал свой труд в возмещение потребленных им жизненных средств. Рабочий работает, чтобы создать жизненные средства для самого себя, чтобы сохранить свою собственную жизнь. Жизнь раба поддерживает другой человек с тем, чтобы принуждать его к труду.

Таким образом, в этом смысле капиталистическое отношение является более производительным — во-

первых, потому, что при этом отношении речь идет о рабочем времени как таковом, о меновой стоимости, а не о продукте как таковом, или о потребительной стоимости; во-вторых, потому, что свободный рабочий может удовлетворять свои жизненные потребности лишь в той мере, в какой он продает свой труд, т. е. его вынуждают к этому его собственные интересы, а не принуждение извне.

Разделение труда вообще может существовать только в том случае, если каждый производитель товара расходует на производство этого товара больше рабочего времени, чем требует его собственная потребность в этом определенном товаре. Но отсюда еще не следует, что его рабочее время вообще удлиняется за пределы круга его насущных потребностей. Напротив, круг его потребностей,— который, разумеется, с самого начала будет расширяться вместе с разделением труда, разделением занятий,— будет определять общее количество его рабочего времени.

[...] Простой выход — удлинение — рабочего времени за его природные или традиционные пределы приводит к применению общественного труда в новых отраслях производства. Приводит посредством высвобождения *рабочего времени*; прибавочный же труд не только создает *свободное время*, он *высвобождает* (в этом суть дела) принуждение к труду и труд вообще, которые были связаны в той или иной отрасли производства, для новых отраслей производства. Но в законе развития человеческой природы заложено то, что едва лишь обеспечивается удовлетворение одного круга потребностей, как высвобождаются, создаются *новые потребности*. Поэтому, понуждая рабочее время к превышению меры, определенной для удовлетворения физических потребностей рабочего, капитал толкает к большему разделению общественного труда, совокупного труда общества, к большему разнообразию производства, к расширению круга общественных потребностей и средств их удовлетворения, а также, следовательно,— к развитию производственных возможностей человека и тем самым — к приведению в действие человеческих способностей в новых направлениях. Но если прибавочное рабочее время является условием свободного времени, то это расширение круга потребностей и средств их удовлетворения обусловлено тем, что рабочий прикован к необходимым жизненным потребностям.

Потребности

Предпосылки

Добавление к добавлению к е), стр. 107.

«Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше» («The Source and Remedy of the National Difficulties». London, 1821, стр. 6) [77].

Сентябрь — декабрь 1861 г　　*т. 47, с. 211—213, 251—254*

Труд по управлению

При совместной работе многих, для которых их взаимосвязь сама является чуждым им отношением и единство которых лежит вне их самих, необходимость в командовании, в надзоре сверху сама выступает как условие производства, как ставший необходимым в результате кооперации рабочих и обусловленный ею новый вид труда, *«труд по надзору»,*— совершенно так же как в армии, даже если она состоит только из одного и того же рода войск, возникает необходимость в командующих, необходимость в командовании, для того чтобы она могла действовать как единый организм. Это командование принадлежит капиталу, хотя отдельный капиталист может осуществлять его в свою очередь с помощью специальных работников, которые, однако, перед армией рабочих представляют капитал и капиталиста. [...]

В той мере, в какой необходимость в особых работниках этого рода вытекает из функций, порождаемых самим капиталистическим производством, было бы, конечно, абсурдным доказывать необходимость капитала тем, что он выполняет эти функции. Это такая же тавтология, как если бы мы захотели оправдывать рабство в глазах негров тем, что они как рабы нуждаются в надсмотрщике с бичом, который столь же необходим для осуществляемого ими производства, как и они сами. Но он необходим лишь потому и постольку, поскольку они являются

Необходимость функций управления

рабами, необходим лишь на базисе рабства. Если же какая-либо кооперация, как, например, кооперация музыкантов в оркестре, требует руководителя, то совершенно различны та форма, которую эта функция руководства трудом принимает в условиях капитала, и та форма, которую оно в противоположном случае, например, в условиях ассоциации, приняло бы в качестве особой функции труда наряду с другими функциями, но не в качестве силы, которая собственное единство рабочих осуществляет как чуждое им единство, а эксплуатацию их труда — как эксплуатацию, учиненную над ними чуждой им силой [78].

Сентябрь — декабрь 1861 г. *т. 47, с. 293—294*

Для самого рабочего не существует комбинации деятельностей. Комбинация для него — это скорее комбинация тех односторонних функций, которым подчинены каждый рабочий или каждая группа рабочих. Функция рабочего является односторонней, представляет собой абстрактную часть целого. То целое, которое здесь образуется, основывается именно на этом *всего лишь частичном существовании рабочего* и на его изоляции в отдельной функции. Следовательно, это такая комбинация, при которой рабочий образует лишь некоторую ее часть, комбина-

Труд

ция, которая основывается на том, что его труд не является комбинированным трудом. *Рабочие образуют кирпичики этой комбинации.* Однако эта комбинация не является таким отношением, которое принадлежит самим рабочим и подчинено им как объединенным индивидам.

Сентябрь — декабрь 1861 г. *т. 47, с. 311*

Тенденция относительного сокращения работающих в сфере материального производства

Хотя численность рабочих абсолютно растет, но относительно она убывает, не только по отношению к постоянному капиталу, поглощающему труд рабочих, но также и по отношению к той части общества, которая не имеет непосредственного отношения к материальному производству или вообще не занята ни в каком производстве [79].

Сентябрь — декабрь 1861 г. *т. 47, с. 338*

Предпосылки
Производительные силы
Способ производства

Наиболее значительно у Рикардо как раз то, в чем его упрекали, а именно, что при рассмотрении капиталистического производства он, не думая о «людях», о распределении, а потому и потреблении, обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы жертв оно ни стоило. *Развитие производительных сил общественного труда есть историческая* задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокого способа производства. Что̀ здесь Рикардо не по душе, так это то, что прибыль — стимул капиталистического производства и условие, а также двигатель накопления — ставится под угрозу самим законом развития производства. А количественное соотношение — здесь всё.

В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что̀ Рикардо лишь смутно сознает. Здесь обнаруживается *чисто экономическим* образом, с точки зрения самого̀ капиталистического производства, его предел, его *относительность*, то, что оно — не *абсолютный*, а лишь исторический *способ производства*, соответствующий определенной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

Декабрь 1861 г. *т. 48, с. 294*

[...] Это — лишь потребность буржуазной экономики, чтобы число живущих только трудом увеличивалось абсолютно, хотя относительно это число и уменьшается. Ибо в условиях буржуазной экономики рабочая сила становится излишней, коль скоро нет больше необходимости эксплуатировать ее ежедневно в течение 12—15 часов. Такое развитие производительной силы, которое уменьшило бы абсолютную численность рабочих, т. е. действительно

Противоречия капитализма

дало бы возможность всей иации совершать свое совокупное производство за меньший промежуток времени, вызвало бы революцию, так как означало бы обесценение большинства населения. Здесь снова обнаруживается граница буржуазного производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительной силы, напротив, в определенный момент оио вступает в коллизию с этим развитием. Частичио эта коллизия постоянно проявляется в кризисах и т. д., которые происходят оттого, что попеременио то одна, то другая часть рабочего класса становится излишней в своей прежней сфере занятости. Граница буржуазиого производства есть прибавочное время рабочих; абсолютиое прибавочное время, выигрываемое обществом, буржуазное производство *не интересует*. Поэтому *развитие производительной силы* важно [для него] лишь постольку, поскольку оио увеличивает прибавочное рабочее время рабочего, но ие поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом, буржуазное производство движется в рамках противоположиости.

Декабрь 1861 г. *т. 48, с. 326*

Противоречия капитализма

Накопление капитала (рассматриваемое с материальной стороны) имеет двойственный характер. С одной стороны, оно заключается в *возрастающей массе* прошлого труда, или в имеющейся в иаличии массе условий труда, в материальных предпосылках — в массе уже имеющихся налицо продуктов и определенном числе рабочих,— при которых имеет место новое производство или воспроизводство. А вовторых, оно заключается в *концентрации*, в уменьшении числа капиталов, в росте капиталов, находящихся в руках отдельных капиталистов, короче говоря, в иекотором новом распределении капиталов, общественного капитала. Вследствие этого возрастает власть капитала как таковая. Обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства, противостоящих действительным создателям этих условий производства, становится вследствие этого все более бросающимся в глаза. Капитал все более и более оказывается *общественной силой* (функциоиером которой является только капиталист и которая не находится решительно ни в каком отношеиии к тому, что создает или может создать труд одного иидивида), но *отчужденной, обособленной общественной силой*, которая противостоит обществу как вещь, а посредством этой вещи — как сила отдельных капиталистов. Тем самым, с другой стороны, все бо́льшая масса [инди-

видов] лишается условий производства, противопоставляется им. Противоречие между *всеобщей общественной силой*, в которую превращается капитал, и *частной властью отдельных капиталистов* над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем включает преобразование материальных условий производства во всеобщие и поэтому коллективные общественные условия производства.

Предпосылки

Развитие [этого противоречия] обусловлено развитием производительной силы вместе с капиталистическим производством, а также тем способом, каким это развитие производительной силы совершается.

Декабрь 1861 г. *т. 48, с. 328—329*

Когда капиталист превращает часть своей прибыли, своего дохода, в капитал, в средства труда и материал труда, то он оплачивает то и другое той частью труда, которую рабочий выполнил для него бесплатно. Здесь налицо некоторое новое количество труда, образующее эквивалент для некоторого нового количества товаров — таких именно товаров, которые по своей потребительной стоимости представляют собой средства труда и материал труда. Этот случай относится, стало быть, к накоплению капитала и не содержит в себе никаких затруднений; мы имеем здесь дело с ростом постоянного капитала за его прежние границы, или с образованием нового постоянного капитала сверх той его массы, которая уже существует и подлежит возмещению. Затруднение относится к воспроизводству *уже существующего* постоянного капитала, а не к образованию нового постоянного капитала сверх той его массы, которая подлежит воспроизводству. Новый постоянный капитал явно ведет свое происхождение из прибыли; он существовал одно мгновение в форме дохода, превратившегося вслед за тем в капитал. Эта часть прибыли сводится к *тому прибавочному рабочему времени, которое общество и без существования капитала должно было бы постоянно затрачивать, чтобы иметь в своем распоряжении, так сказать, фонд дальнейшего развития — фонд, необходимость которого вызывается уже ростом населения.*

Расширение производства

Март 1862 г. *т. 26, ч. I, с. 83*

[...] Предположим, что никакого капитала не существует и что рабочий сам присваивает себе свой прибавочный труд, избыток созданных им стоимостей над стоимостями, потребленными им. Лишь при

Труд

этом положении вещей можно было бы сказать, что труд такого рабочего действительно производителен, т. е. создает новые стоимости.

Апрель — май 1862 г. *т. 26, ч. I, с. 134*

Рабочее и свободное время

Предположим, что производительность труда повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $^{2}/_{3}$ населения, то теперь участвует лишь $^{1}/_{3}$. Прежде $^{2}/_{3}$ населения доставляли жизненные средства для $^{3}/_{3}$ населения; теперь $^{1}/_{3}$ — для $^{3}/_{3}$. Прежде «чистый доход» (в отличие от дохода работника) составлял $^{1}/_{3}$; теперь — $^{2}/_{3}$. Теперь нация — если отвлечься от [классовой] противоположности — должна была бы употреблять на непосредственное производство $^{1}/_{3}$ своего времени вместо прежних $^{2}/_{3}$. При равномерном распределении все имели бы больше времени — $^{2}/_{3}$ — для непроизводительного труда и досуга. Но при капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым.

Апрель — май 1862 г. *т. 26, ч. I, с. 205—206*

Промышленность и сельское хозяйство

[...] Буржуазному способу производства свойственно развивать промышленность быстрее, чем земледелие. Это, впрочем, различие *историческое*, которое может исчезнуть [80].

Июнь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 95*

Общественная собственность на землю

Если бы собственность на землю превратилась в *народную собственность*, то перестал бы существовать вообще базис капиталистического производства, та основа, на которой покоится превращение условий труда в обособленную от рабочего и противостоящую ему силу.

Июль 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 107—108*

Исчезновение земельной ренты

В нашем понимании земельная рента является следствием *исторического различия* в соотношении между органическими составными частями капитала,— различия, которое может быть отчасти сглажено и может даже совсем исчезнуть с развитием земледелия. Правда, то различие, которое проистекает только из разницы в естественном плодородии почвы, остается, даже если бы отпала *абсолютная* рента. Но — совершенно отвлекаясь от возможного выравнивания природных различий — эта *дифференциальная рента* связана с регулированием рыночной цены и, стало быть, отпадает вместе с ценой и капиталистическим производством. Оставалось бы в силе лишь то обстоятельство, что *общественный*

труд обрабатывает почву различного плодородия, причем, несмотря на различие в количестве применяемого труда, этот труд может становиться более производительным на всех почвах. Но бо̀льшая масса труда, которой сто̀ит продукт худшей почвы, отнюдь не будет порождать того следствия, которое имеет место при буржуазном строе, а именно, что также и продукт лучшей почвы должен оплачиваться бо̀льшим количеством труда. Напротив, труд, сбереженный на почве IV, был бы использован для улучшения почвы III, труд, сбереженный на почве III,— для улучшения почвы II, а труд, сбереженный на почве II,— для улучшения почвы I; стало быть, весь капитал, пожираемый теперь земельными собственниками, послужил бы тогда для того, чтобы уравнять труд на различных почвах и уменьшить общее количество труда, затрачиваемого в земледелии.

Июль 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 110*

Рикардо рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет *производства для производства*, и он *прав*. Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство как таковое не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война во всяком случае ведет к гибели отдельных лиц. (Сисмонди прав лишь против таких экономистов, которые *затушевывают* этот антагонизм, отрицают его.) При таком подходе к вопросу остается непонятым то, что это развитие способностей рода *«человек»*, хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида [81]; что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву. Мы не говорим уже о бесплодности подобных назидательных рассуждений, ибо в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают

Развитие производительных сил и человека

Противоречия капитализма

Развитие человека и общества

себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество.

Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только *научно честной*, но и *научно обязательной* для его позиции. Но поэтому для Рикардо и совершенно безразлично, поражает ли насмерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих. Когда этот прогресс обесценивает капитал промышленной буржуазии, то Рикардо это тоже приветствует. Если развитие производительной силы труда обесценивает наполовину *наличный* основной капитал, то что из этого? — говорит Рикардо,— зато ведь производительность человеческого труда удвоилась. Здесь, таким образом,— *научная честность*. Если точка зрения Рикардо и соответствует в целом интересам *промышленной буржуазии*, то это лишь *потому*, что ее интересы совпадают — и лишь *в той мере, в какой* они совпадают,— с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда. Там, где буржуазия вступает в противоречие с этим развитием, Рикардо столь же *беспощадно* выступает против буржуазии, как в других случаях — против пролетариата и аристократии.

Но *Мальтус!* Этот негодяй извлекает из добытых уже наукой (и всякий раз им *украденных*) предпосылок только такие выводы, которые *«приятны»* (полезны) аристократии против буржуазии и им обеим — *против* пролетариата. Он поэтому хочет не *производства ради производства*, а лишь производства в той мере, в какой оно поддерживает или укрепляет *существующий строй* и служит выгоде господствующих классов.

Июль 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 123—124*

Противоречия капитализма

[...] Рикардо вскрывает и формулирует экономическую противоположность классов — так, как ее показывает внутренняя связь,— и что в результате этого в политической экономии ухватывается и вскрывается самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития. Поэтому *Кэри* — посмотреть позднее соответствующее место — доносит на Рикардо, как на отца коммунизма [82] [...]

Если, таким образом, с одной стороны, налицо научная правомерность и великая историческая ценность рикардовского способа исследования, то, с другой стороны, ясна и его научная недостаточность, как это будет в деталях показано в дальнейшем.

Июль 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 179*

Все, что может сделать капитал, это подчинить земледелие условиям капиталистического производства. Но он не в состоянии отнять у *земельной собственности* возможность захватывать ту часть земледельческого продукта, которую капитал мог бы присваивать себе *лишь* при условии *отсутствия земельной собственности*, а не в силу своей собственной деятельности. При условии же существования земельной собственности капитал вынужден оставлять земельному собственнику избыток стоимости над ценой издержек. Но сама эта разница между стоимостью и ценой издержек проистекает лишь из различия в соотношении между *органическими* составными частями капитала. Все те товары, стоимость которых, соответственно этому органическому строению, *превышает* цену издержек, этим самым показывают, что они созданы *относительно* менее производительным трудом, чем те, стоимость которых равна цене издержек, и еще менее производительным, чем те, стоимость которых *ниже* цены издержек; ибо они требуют большего количества *непосредственного* труда в сравнении с содержащимся в постоянном капитале *прошлым трудом*, требуют большего количества труда, чтобы привести в движение определенный капитал. Это различие — *историческое*; оно, стало быть, может исчезнуть. Та самая аргументация, которая показывает, что существование абсолютной земельной ренты возможно, показывает также, что ее действительность, ее существование есть всего лишь исторический факт, который свойствен *известной* ступени развития земледелия, а на более высокой ступени может исчезнуть.

Земледелие

Исторический характер абсолютной земельной ренты

Июль 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 263—264*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 2 АВГУСТА 1862 г.[83]

Уничтожение земельной собственности и исчезновение абсолютной земельной ренты

[...] При моем понимании «абсолютной ренты» *земельная собственность* действительно (при известных исторических условиях) *удорожает* цены на сырье. С коммунистической точки зрения это можно хорошо использовать.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то совсем *не обязательно*, чтобы *абсолютная рента* уплачивалась при всех обстоятельствах и с земель *всех категорий* (если даже принять взятое выше строение земледельческого капитала). Она не выплачивается там, где — фактически или юридически — *нет собственности на землю*. В этом случае применение капитала в земледелии не встречает осо-

бенных препятствий. И капитал движется в этой стихии столь же непринужденно, как и во всякой другой. Тогда продукты земледелия продаются, как это постоянно бывает с массой продуктов промышленности, *ниже* своей стоимости,— по *цене издержек*. Фактически *земельная собственность* может отпасть также и в том случае, когда капиталист и земельный собственник соединяются в одном лице и т. д.

Но здесь не стоит останавливаться на этих деталях.

т. 30, с. 220

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 7 АВГУСТА 1862 г.[84]

Итциг * сообщил мне еще, что он, может быть, начнет издавать газету, когда вернется в сентябре. Я ответил ему, что за *хорошее вознаграждение* охотно стану английским корреспондентом, не принимая на себя никакой ответственности и не вступая с ним в политическое сотрудничество, так как в политическом отношении мы ни в чем не сходимся, кроме некоторых весьма отдаленных конечных целей.

т. 30, с. 222

К. Маркс

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.) [76]

На низкой ступени развития общественной производительности труда — следовательно, на той ее ступени, когда прибавочный труд относительно мал,— класс живущих чужим трудом бывает вообще мал по сравнению с числом работников. Класс этот может возрасти весьма значительно (относительно) по мере того, как возрастает производительность труда, как возрастает, следовательно, и относительная прибавочная стоимость.

Август 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 449*

Противоречия капитализма

В кризисах мирового рынка бурно прорываются наружу противоречия и антагонизмы буржуазного производства. Но, вместо того чтобы исследовать, в чем состоят те антагонистические элементы, которые разражаются катастрофой, апологеты удовлетворяются тем, что отрицают самую катастрофу и

* — Ф. Лассаль. *Ред.*

вопреки ее закономерной периодичности упрямо утверждают, что если бы производство направлялось по учебникам, то дело никогда не доходило бы до кризиса. Апологетика состоит здесь, далее, в фальсификации простейших экономических отношений и особенно в том, что вопреки противоположности фиксируется единство. [...]

Чтобы доказать, что капиталистическое производство не может приводить к всеобщим кризисам, отрицаются все его условия и все определения его общественной формы, все его принципы и differentiae specificae *, словом, отрицается само *капиталистическое производство*, и в сущности доказывается, что если бы капиталистический способ производства был не специфически развитой, своеобразной формой общественного производства, а таким способом производства, который предшествует самым ранним зачаткам капитализма, то свойственные ему антагонизмы, противоречия, а потому также и их бурное проявление в кризисах не существовали бы. [...]

Апологетические фразы, пускаемые в ход в целях отрицания кризисов, важны постольку, поскольку они всегда доказывают противоположное тому, что хотят доказать. В целях отрицания кризисов они говорят о единстве там, где существуют противоположность и противоречие. Стало быть, они важны постольку, поскольку можно сказать: они доказывают, что если бы в действительности не существовало тех противоречий, которые изобретатели этих фраз устранили в своем воображении, то не было бы и кризиса. Но в действительности кризис существует, ибо существуют эти противоречия. Всякое основание, приводимое апологетами против существования кризиса, представляет собой противоречие, устраненное лишь в их воображении, стало быть реальное противоречие, стало быть основание кризиса. Стремление устранить противоречия при помощи фантазирования есть вместе с тем подтверждение того, что в действительности имеются налицо те противоречия, которые, согласно благочестивому желанию, *не должны* существовать.

Август — сентябрь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 556, 557, 577*

Противоречия капитализма

Слово *перепроизводство* само по себе вводит в заблуждение. До тех пор, пока не удовлетворены самые насущные потребности значительной части общества или хотя бы *только* самые непосредственные ее потребности, разумеется, абсолютно не может быть речи о *перепроизводстве продуктов* — в том смысле, что масса продуктов была бы избыточна по

* — специфические отличия. *Ред.*

сравнению с потребностью в них. Наоборот, следует сказать, что на основе капиталистического производства в этом смысле постоянно имеется *недопроизводство*. Пределом для производства служит прибыль капиталистов, а отнюдь не потребности производителей. Но перепроизводство продуктов и перепроизводство *товаров* — две совершенно различные вещи. Если Рикардо полагает, что форма *товара* безразлична для продукта и, далее, что *товарное обращение* лишь формально отличается от меновой торговли, что меновая стоимость является здесь лишь мимолетной формой обмена веществ, а деньги поэтому представляют собой лишь формальное средство обращения, то все это в сущности вытекает из его предпосылки о том, что буржуазный способ производства есть абсолютный способ производства, т. е. способ производства без более точного специфического определения, и что все его определения представляют собой, следовательно, лишь нечто формальное. Поэтому-то Рикардо и не может признать, что буржуазный способ производства включает в себя границу для свободного развития производительных сил, границу, которая обнаруживается в кризисах и — среди всего прочего — в *перепроизводстве*, этом основном явлении кризисов. [...]

Планомерное общественное производство

Все возражения, какие Рикардо и другие выдвигают против перепроизводства и т. д., покоятся на том, что они рассматривают буржуазное производство либо как такой способ производства, в котором не существует различия между покупкой и продажей, а имеет место непосредственная меновая торговля,— либо как *общественное* производство, при котором общество как бы по плану распределяет свои средства производства и производительные силы в той степени и той мере, как это необходимо для удовлетворения его различных потребностей, так чтобы на каждую сферу производства приходилась такая *доля* общественного капитала, какая требуется для удовлетворения соответствующей потребности. Эта фикция проистекает вообще из неспособности понять специфическую форму буржуазного производства, а эта неспособность, в свою очередь, проистекает из погруженности в буржуазное производство, представляемое как производство вообще [schlechthin]. Совершенно так же человек, исповедующий определенную религию, видит в ней религию вообще [schlechthin], а вне ее усматривает одни только *лже*религии.

Между тем следовало бы, наоборот, спросить: каким образом на основе капиталистического производства, где каждый работает за свой страх и риск и где особенный труд вынужден вместе с тем выражать

себя как свою противоположность, как абстрактно всеобщий и в этой форме общественный труд,— каким образом на этой основе необходимые выравнивание и взаимосвязь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними возможны иначе, чем путем постоянного уничтожения постоянной дисгармонии? Это еще признаётся тогда, когда речь идет о выравниваниях, производимых конкуренцией, ибо эти выравнивания всегда предполагают, что что-то должно быть выравнено, т. е. что гармония всегда является лишь результатом движения, уничтожающего существующую дисгармонию.

Август — сентябрь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 586—588*

Противоречия капитализма

Во всеобщих кризисах мирового рынка все противоречия буржуазного производства бурно прорываются наружу в своей совокупности, в частных же кризисах (*частных* по содержанию и по охвату) — лишь разрозненно, изолированно, односторонне.

Что касается специально *перепроизводства*, то оно имеет своим условием всеобщий закон производства капитала — производить в меру развития производительных сил (т. е. в меру возможности при данной массе капитала эксплуатировать максимальную массу труда), не считаясь с существующими границами рынка или платежеспособных потребностей. И происходит это путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, а потому и постоянного обратного превращения дохода в капитал, тогда как, с другой стороны, у массы производителей спрос ограничивается и, в соответствии с природой капиталистического производства, вынужден ограничиваться средним уровнем потребностей.

Август — сентябрь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 594*

Предпосылки

Постоянная цель капиталистического производства состоит в том, чтобы при минимуме авансированного капитала производить максимум прибавочной стоимости или прибавочного продукта; и в той мере, в какой этот результат достигается не чрезмерным трудом рабочих, это представляет собой такую тенденцию капитала, которая выражается в стремлении производить данный продукт с возможно меньшими затратами сил и средств, т. е. такую экономическую тенденцию капитала, которая учит человечество экономно расходовать свои силы и достигать производственной цели с наименьшей затратой средств.

Сами рабочие при таком понимании представляются тем, чем они и являются в капиталистическом

производстве,— простыми средствами производства, а не самоцелью и не целью производства.

Август — сентябрь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 608*

Таковы те противоречия, в которых Рикардо бьется в этой главе [85]. Что он забывает отметить, так это — постоянное увеличение средних классов, стоящих посредине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой,— средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч.

Август — сентябрь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 636*

Стоит только однажды уяснить себе различие между постоянным и переменным капиталом, проистекающее исключительно из непосредственного процесса производства, из отношения различных составных частей капитала к живому труду, чтобы обнаружилось также, что само по себе это различие не имеет никакого отношения к абсолютной массе произведенных предметов потребления, хотя оно и имеет большое отношение к тому, в каких именно предметах реализуется данная масса валового дохода. Однако этот способ реализации валового дохода в различных товарах является не *причиной*, как это выходит у Рикардо и подразумевается у Бартона [86], а *результатом* имманентных законов капиталистического производства, ведущих к тому, что все более уменьшается, по сравнению со всей суммой продукта, та часть его, которая образует фонд для воспроизводства рабочего класса. Если значительная часть капитала состоит из машин, сырья, вспомогательных материалов и т. д., то из всей массы рабочего класса лишь незначительная часть будет занята воспроизводством жизненных средств, входящих в потребление рабочих. Но это относительное уменьшение воспроизводства переменного капитала представляет собой не причину относительного уменьшения спроса на труд, а, наоборот, его следствие. Точно так же более значительная часть рабочих, занятых производством предметов потребления, вообще входящих в доход, будет производить предметы, входящие в потребление — в расходование дохода — капиталистов, земельных собственников и их слуг (государства, церкви и т. д.), и менее значительная часть будет производить предметы, предназначенные для дохода рабочих. Но это опять-таки — следствие, а не причина. С изменением социального отношения

рабочих и капиталистов, с революционизированием отношений, господствующих в капиталистическом производстве, это немедленно изменилось бы. Доход, употребляя выражение Рикардо, «реализовался бы в других товарах»[87].

В, так сказать, физических условиях производства нет ничего такого, что вынуждало бы к тому или другому способу реализации дохода. Если бы рабочие господствовали, если бы они имели возможность производить для самих себя, то они очень скоро и без больших усилий подтянули бы капитал (употребляя выражение вульгарных экономистов) до уровня своих потребностей. Огромная разница заключается в том, противостоят ли наличные средства производства рабочим как капитал, так что они *лишь* постольку могут применяться рабочими, поскольку это необходимо в интересах увеличения прибавочной стоимости и прибавочного продукта для их нанимателей, применяют ли эти средства производства *их*, рабочих,— или же рабочие, в качестве субъектов, применяют средства производства как объект, чтобы производить богатство для самих себя. Разумеется, при этом предполагается, что капиталистическое производство уже вообще развило производительные силы труда до той необходимой высоты, на которой может наступить эта революция.

Предпосылки

Август — сентябрь 1862 г. *т. 26, ч. II, с. 643—644*

Противоречия капитализма

Рикардо рассматривает буржуазное, еще точнее — капиталистическое производство как *абсолютную форму* производства[88]. Это значит, что, по его мнению, определенные формы производственных отношений капиталистического производства нигде не могут вступать в противоречие с целью производства как такового, или сковывать эту цель, состоящую в создании изобилия, которое заключает в себе как количество потребительных стоимостей, так и многообразие их, что, в свою очередь, обусловливает высокое развитие человека как производителя, всестороннее развитие его производительных способностей. И тут Рикардо попадает в смешное противоречие с самим собой. Когда мы говорим о стоимости и богатстве, мы должны, согласно разъяснениям Рикардо, иметь в виду лишь общество в целом. А когда мы говорим о капитале и труде, то Рикардо считает чем-то само собой разумеющимся, что «валовой доход» существует только для того, чтобы создавать «чистый доход». В буржуазном производстве Рикардо восхищается фактически именно тем, что его определенные формы дают простор свободному — по сравнению с более ранними формами производства — развитию производительных сил. В тех случаях, когда эти фор-

мы перестают это делать или когда выступают наружу те противоречия, в рамках которых они это делают, Рикардо отрицает противоречия, или, вернее, он сам выражает противоречие в другой форме, выставляя в качестве ultima Thule * *богатство как таковое*, массу потребительных стоимостей самоё по себе, безотносительно к производителям.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями

Сисмонди глубоко чувствует, что капиталистическое производство само себе противоречит [89], что его формы — его производственные отношения — с одной стороны, подстегивают к необузданному развитию производительной силы и богатства, но что, с другой стороны, отношения эти ограничены определенными условиями и что свойственные им противоречия потребительной и меновой стоимости, товара и денег, покупки и продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д. принимают тем бо̀льшие размеры, чем дальше развивается производительная сила. Особенно он чувствует основное противоречие: с одной стороны, неограниченное развитие производительной силы и увеличение богатства, которое вместе с тем состоит из товаров и должно быть превращено в деньги; с другой стороны, как основа этого, ограничение массы производителей предметами первой необходимости. Поэтому для Сисмонди кризисы являются не случайностью, как это получается у Рикардо, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающимися в бурной форме, охватывающими широкую область и повторяющимися через определенные периоды. И вот он все время колеблется: что̀ должно быть обуздано государством — производительные ли силы, чтобы привести их в соответствие с производственными отношениями, или производственные отношения, чтобы привести их в соответствие с производительными силами? При этом он часто ищет спасения в прошлом; он становится «laudator temporis acti» ** или же пытается укротить противоречия при помощи также и другого рода регулирования отношений между доходом и капиталом, между распределением и производством, не понимая, что отношения распределения суть лишь отношения производства sub alia specie ***. Он метко *критикует* противоречия буржуазного производства, но он их *не понимает*, а потому не понимает и процесса их разрешения. Однако в основе у него дей-

* — нечто последнее, крайняя точка, крайний предел, конечная цель (буквально: крайняя Фула — островная страна, находившаяся, по представлению древних, на крайнем севере Европы). *Ред.*

** — «хвалителем минувшего времени» (Гораций, «Наука поэзии»). *Ред.*

*** — под другим углом зрения. *Ред.*

Необходимость преобразования форм собственности

ствительно имеется смутная догадка о том, что развившимся в недрах капиталистического общества производительным силам, материальным и социальным условиям создания богатства, должны соответствовать *новые* формы присвоения этого богатства; что буржуазные формы являются лишь преходящими и полными противоречий формами, в которых богатство получает всегда лишь противоречивое существование, повсюду выступая вместе с тем как своя собственная противоположность. Это — такое богатство, которое всегда имеет своей предпосылкой бедность и которое развивается лишь за счет того, что оно развивает бедность.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 51—52*

Противоречия капитализма

[...] То обстоятельство, что вследствие своих собственных имманентных законов буржуазное производство вынуждено, с одной стороны, так развивать производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе, а с другой стороны, что оно может развивать их всё же только в пределах этой ограниченности,— это обстоятельство есть самая глубокая и самая сокровенная причина кризисов, прорывающихся в буржуазном производстве противоречий, в рамках которых оно движется и которые даже при грубом, поверхностном взгляде характеризуют его лишь как исторически преходящую форму.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 81*

Производство и потребности

Таким образом, здесь предполагается: 1) *капиталистическое производство*, при котором производство в каждой отдельной отрасли — и его увеличение — регулируется не *непосредственно* потребностями общества и совершается не *под контролем* последнего, а регулируется производительными силами, которыми каждый отдельный капиталист распоряжается независимо от потребностей общества; и 2) предполагается, что, тем не менее, производство ведется так *пропорционально*, как будто капитал в различных отраслях производства применяется непосредственно обществом в соответствии с потребностями общества.

Планомерное производство

При таком предположении, представляющем собой contradictio in adjecto *, т. е. в том случае, если бы капиталистическое производство было абсолютно социалистическим, никакое перепроизводство действительно не могло бы иметь места.

Социалистическое производство

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 118—119*

* — буквально: «противоречие в эпитете», или «противоречие в определении», т. е. абсурдное противоречие такого типа, как в выражениях «круглый квадрат», «деревянное железо». *Ред.*

Как стоимости товары суть *общественные* величины,— следовательно, нечто абсолютно отличное от их «свойств» как «вещей». В качестве стоимостей они представляют лишь отношения людей в их производственной деятельности. Стоимость, действительно, «предполагает обмен», но обмен этот есть обмен вещами между людьми, обмен, не имеющий абсолютно никакого отношения к вещам как к таковым. Вещь сохраняет те же «свойства», независимо от того, находится ли она в руках *A* или *B*. Понятие «стоимости», действительно, предполагает «обмен» продуктов. При обобществленном труде отношения людей в их общественном производстве не представлены как «стоимости» «вещей». Обмен продуктами как товарами есть определенная форма обмена трудом и зависимости труда каждого человека от труда других, определенный способ общественного труда, или общественного производства.

Общественное производство

Уничтожение товарного обмена

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 131*

«The Source and Remedy of the National Difficulties, deduced from Principles of Political Economy, in a Letter to Lord John Russel». London, 1821 (без имени автора) [34].

Этот малоизвестный памфлет (размером около 40 страниц), появившийся в то время, когда начал привлекать к себе внимание «этот невероятный кропатель» [90] Мак-Куллох, содержит существенный шаг вперед по сравнению с Рикардо. Прибавочную стоимость, или «прибыль», как ее называет Рикардо (который часто называет ее также и «прибавочным продуктом»), или *«процент»*, как ее называет автор памфлета, этот автор прямо характеризует как *«прибавочный труд»*, труд, выполняемый рабочим бесплатно,— выполняемый сверх того количества труда, которым возмещается стоимость его рабочей силы, или производится эквивалент его заработной платы. Насколько важно было свести *стоимость* к труду, настолько же важно было *прибавочную стоимость*, которая представлена в *прибавочном продукте*, свести к *прибавочному труду*. По сути дела это было сказано уже А. Смитом [91] и составляет один из главных моментов в том, что дал Рикардо. Но у Рикардо это нигде не высказано и не зафиксировано в *абсолютной форме*.

Если у Рикардо и других политико-экономов интерес направлен только на то, чтобы понять отношения капиталистического производства и объявить их абсолютными формами производства, то рассматриваемый нами памфлет и остальные подлежащие здесь рассмотрению сочинения той же категории овладевают вскрытыми Рикардо и другими политико-

экономами тайнами капиталистического производства для того, чтобы с позиций промышленного пролетариата выступить против капиталистического производства. [...]

Требование уменьшения прибавочного труда может иметь двоякое значение:

1) рабочие должны выполнять меньше труда сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства рабочей силы, для создания эквивалента заработной платы;

2) менее значительная доля *совокупного количества труда* должна принимать *форму прибавочного труда*, т. е. такого времени, в течение которого рабочие даром работают на капиталиста; а стало быть, и менее значительная доля того продукта, в котором представлен труд, должна принимать форму *прибавочного продукта*; т. е. рабочий должен получать больше из своего собственного продукта, а капиталисту должно доставаться из этого продукта меньше, чем раньше.

Сам автор не имеет ясного представления по этому вопросу, как это видно также и из следующих строк, в которых собственно содержится последнее слово его сочинения:

> «Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда за пользование капиталом не уплачивается никакого процента, когда вместо 12 часов работают только 6 часов. Богатство есть *такое время, которым можно свободно располагать*, и ничего больше» (стр. 6) *.

Так как здесь под «процентом» понимается прибыль, рента, ссудный процент — короче, любая форма прибавочной стоимости — и так как, согласно самому автору памфлета, капитал есть не что иное, как продукт труда, накопленный труд, который в состоянии в обмен на себя получать не только равное количество труда, но и прибавочный труд, то, по его мнению, выражение «капитал не приносит процента» означает: не существует никакого капитала. Продукт не превращается в капитал. Не существует ни *прибавочного продукта*, ни *прибавочного труда*. Только тогда нация действительно богата.

Однако это может означать [одно из двух. Или]: не существует ни продукта, ни труда *сверх* того продукта и того труда, которые требуются для воспроизводства рабочих. Или: рабочие присваивают *самим себе* этот избыток будь то продукта или труда.

Но что автор имеет в виду *не только* последнее, явствует из того, что он с положением: «никакого процента за пользование капиталом» соединяет сле-

* Ср. наст. т., с. 58. *Ред.*

дующие положения: «нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов», *«богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»*.

А это может означать следующее:

Свободное время как действительное богатство

Если работать должны все, если отпадает противоположность между работающими чрезмерно и бездельниками,— а это во всяком случае было бы следствием того, что капитал перестал существовать, что продукт не давал бы больше права на чужой *прибавочный труд*,— и если к тому же принять во внимание развитие производительных сил, как оно создано капиталом, то общество за 6 часов будет производить необходимое изобилие продуктов, будет за эти 6 часов производить больше, чем теперь производится за 12 часов, и вместе с тем все будут иметь 6 часов «времени, которым они могут свободно располагать», т. е. будут иметь настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития *. Время — это *простор* для развития способностей и т. д. Известно, что сами политико-экономы рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для *других*, для другой части общества, а тем самым — и для общества наемных рабочих [в целом].

Или же это может иметь и такой смысл:

Рабочие теперь работают 6 часов сверх того, что *(теперь)* требуется для их собственного воспроизводства. (Однако вряд ли таков может быть взгляд автора памфлета, так как то, что *теперь* требуется рабочим, он изображает как бесчеловечный минимум.) Если капитал перестанет существовать, то они будут работать уже только 6 часов, и бездельники должны будут работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы *свободное время*, время для своего развития.

Самому автору памфлета это, очевидно, не ясно. Тем не менее, во всяком случае остается этот прекрасный тезис:

> «Нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»*.

Также и Рикардо, в главе *«Стоимость и богатство, их отличительные свойства»* [92], говорит, что подлин-

* Ср. наст. т., с. 59. *Ред.*

ное богатство состоит в том, что создается возможно больше потребительных стоимостей возможно меньшей стоимости, т. е., другими словами, что в возможно меньшее рабочее время создается возможно большее изобилие материального богатства. Также и здесь «время, которым можно свободно располагать», и пользование тем, что создано в рабочее время других, выступает как истинное богатство, но, как и всё в капиталистическом производстве, а потому и у его истолкователей,— в рамках антагонизма. Противоположность богатства и стоимости позже выступает у Рикардо в той форме, что чистый продукт должен быть возможно больше по сравнению с валовым продуктом, а это — опять-таки в этой антагонистической форме — означает, что те классы общества, время которых лишь отчасти поглощено материальным производством или совсем не поглощено им, хотя они и пользуются плодами этого материального производства, должны быть возможно более многочисленны по сравнению с теми классами, время которых целиком поглощено материальным производством и потребление которых поэтому образует всего лишь одну из статей издержек производства, всего лишь условие того, чтобы они были такими вьючными животными для высших классов. Это все же означает пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это есть самое большее из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения.

Рабочее и свободное время

Это автор памфлета отвергает. *Рабочее время,* даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек*, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью,— как угодно.

Свободное время как действительное богатство

Само собой разумеется, что само рабочее время — тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого,— вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного времени,* совершенно другой, более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным

временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 245—246, 263—266*

«Учить, что богатство и могущество нации зависят от ее *капитала*,— значит превращать труд в нечто подчиненное богатству, превращать людей в служителей собственности» (стр. 7)[34].

В том антитезисе, который рикардовская теория вызвала к жизни на базе своих собственных предпосылок, характерным является следующее:

По мере того, как политическая экономия все более и более развивалась,— а это развитие, поскольку речь идет об основных принципах, получило наиболее заостренное выражение у Рикардо,— она все определеннее и определеннее изображала труд как единственный элемент стоимости и единственный [активный] созидатель потребительной стоимости, развитие производительных сил — как единственное средство для действительного увеличения богатства, а возможно большее развитие производительных сил труда — как экономический базис общества. Таков, действительно, базис *капиталистического производства*. И особенно сочинение Рикардо[93], когда оно доказывает, что закон стоимости не нарушается ни земельной собственностью, ни накоплением капитала, ни чем-либо еще, занято, собственно говоря, только тем, что пытается устранить из теории все те явления, которые противоречат этой концепции или кажутся противоречащими ей. Но в такой же мере, в какой труд понимается как *единственный* источник меновой стоимости и как активный источник потребительной стоимости, в такой же самой мере *«капитал»* теми же самыми политико-экономами, в особенности Давидом Рикардо (а после него, в еще большей степени, Торренсом, Мальтусом, Бейли и другими), рассматривается как регулятор производства, источник богатства и цель производства, между тем как труд выступает у них как наемный труд, носитель и действительное орудие которого в силу необходимости является паупером (к тому же тут выступает еще и мальтусовская теория народонаселения), всего лишь одной из статей издержек производства и простым инструментом производства, обреченным на минимум заработной платы и вынужденным опускаться ниже этого минимума всякий раз, как только рабочие оказываются в «излишнем» для капитала количестве. В этом противоречии политическая экономия лишь высказала сущность капиталистического производства или, если угодно, сущность наемного труда, отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как

Противоречия капитализма

чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним. Но эту определенную *специфическую*, историческую форму общественного труда, как она выступает в капиталистическом производстве, эти политико-экономы объявляют всеобщей, вечной формой, истиной, коренящейся в природе вещей, а *эти* производственные отношения — абсолютно (а не исторически) необходимыми, естественными и разумными отношениями общественного труда. Будучи всецело ограничены горизонтом капиталистического производства, они объявляют ту *антагонистическую* форму, в которой выступает здесь общественный труд, столь же необходимой, как необходим сам этот труд, освобожденный от указанного антагонизма. Таким образом, объявляя в одно и то же время единственным источником богатства, с одной стороны, *труд* в абсолютном смысле этого слова (ибо для них наемный труд и труд тождественны), а с другой стороны, в таком же абсолютном смысле *капитал*, нищету рабочего и богатство того, кто не работает, они постоянно движутся в абсолютных противоречиях, совершенно не подозревая этого. (*Сисмонди* своей догадкой об этом противоречии делает эпоху в политической экономии [89].) «Труд, *или* капитал» — в этой формулировке Рикардо [94] разительно выступают как само противоречие, так и та наивность, с какой оно высказывается в качестве чего-то тождественного.

Труд

Но так как то же самое реальное развитие, которым буржуазной политической экономии было придано это теоретически беспощадное выражение, развивает содержащиеся в само̀й действительности реальные противоречия и в особенности противоположность между растущим богатством «нации» в Англии и растущей нищетой рабочих, так как, далее, эти противоречия получили *теоретически* меткое, хотя и неосознанное выражение в теории Рикардо и других политико-экономов, то было вполне естественно, что те умы, которые стали на сторону пролетариата, ухватились за теоретически уже обработанное для них противоречие. Труд есть единственный источник меновой стоимости и единственный активный созидатель потребительной стоимости. Так говорите вы. С другой стороны, вы говорите, что *капитал* — это всё, а рабочий — ничто, или что рабочий представляет собой просто одну из статей издержек производства капитала. Вы сами себя опровергли. Капитал есть околпачивание рабочего — и больше *ничего*. *Труд* есть *всё*.

Таково, и в самом деле, последнее слово всех тех сочинений, которые защищают пролетарские интересы с точки зрения Рикардо, исходя из его собственных предпосылок. Подобно тому как Рикардо не понимает формулируемого в его системе тождества *капитала* и *труда*, так авторы этих сочинений *не понимают* того противоречия между капиталом и трудом, которое они изображают. Поэтому даже самые значительные среди них, как например Годскин, сами принимают как вечные формы все экономические предпосылки капиталистического производства и хотят только вычеркнуть капитал, основу и вместе с тем необходимое следствие этих предпосылок.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 267—269*

Предпосылки

О *производительности* капитала можно говорить лишь постольку, поскольку капитал рассматривается как выражение определенного общественного отношения производства. А когда капитал рассматривается таким образом, то сейчас же обнаруживается исторически преходящий характер этого отношения, всеобщее познание которого несовместимо с его дальнейшим существованием и которое само создает средства для своего уничтожения.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 274*

Рабочие и условия труда

Итак, первоначальное накопление, как мною показано[95], есть не что иное, как отделение условий труда в качестве самостоятельных сил, противостоящих труду и рабочим. Исторические процессы сделали это отделение моментом общественного развития. Раз капитал уже существует, то из самого способа капиталистического производства развивается сохранение и воспроизводство этого отделения во все бо́льших размерах, пока не произойдет исторический переворот.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 281*

Накопление только представляет как *беспрерывный процесс* то, что в *первоначальном накоплении* выступает как особый исторический процесс, как процесс возникновения капитала и как переход от одного способа производства к другому.

Политико-экономы, находясь в плену у тех представлений, в которых движутся агенты капиталистического производства, впадают в двойное, но взаимно обусловленное quidproquo *.

С одной стороны, они превращают капитал из

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

отношения в вещь, в «запас товаров» (при этом они уже забывают, что сами товары — это *не* просто вещи), которые, поскольку они в качестве условий производства служат для нового труда, называются капиталом, а соответственно способу своего воспроизводства — оборотным капиталом.

С другой стороны, они вещи превращают в капитал, т. е. то общественное отношение, которое представлено в вещах и посредством вещей, они рассматривают как такое свойство, которое присуще вещи как таковой, лишь только эта вещь входит как элемент в процесс труда, или в технологический процесс.

Таким образом, *[с одной стороны,] концентрация* в руках тех, кто не работает, *сырья и жизненных средств* в качестве сил, господствующих над трудом, в качестве *предварительного* условия разделения труда (в дальнейшем это последнее увеличивает не только концентрацию, но также, благодаря повышению производительной силы труда, и концентрируемую массу), т. е. *предварительное накопление капитала* как условие для разделения труда — означает для политико-экономов увеличение количества или концентрацию (они не проводят различия между тем и другим) жизненных средств и средств труда.

Труд и объективные условия труда

С другой стороны, эти жизненные средства и средства труда не функционировали бы, по их мнению, как объективные условия производства, если бы эти вещи не обладали свойством быть капиталом, если бы продукт труда, образующий условие труда, не потреблял самого труда, если бы прошлый труд не потреблял живого труда и если бы эти вещи не принадлежали — не рабочему, а — самим себе или per procura * капиталисту.

Как будто разделение труда не было бы в такой же степени возможно (хотя оно и не могло исторически с самого начала появиться в такой форме, в которой оно может выступить только как результат развития капиталистического производства), если бы условия труда принадлежали ассоциированным рабочим и если бы последние относились к ним как к тому, чем эти условия труда являются natura **, т. е. как к своим собственным продуктам и предметным элементам своей собственной деятельности. [...]

Политико-экономы не рассматривают капитал как отношение. Они не могут рассматривать его таким образом, не рассматривая его вместе с тем как исторически преходящую, относительную, не абсолютную форму производства.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 282—283*

* — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*
** — по своей природе. *Ред.*

Промышленность и сельское хозяйство

Развитие производительной силы неравномерно. Природе капиталистического производства свойственно, что оно развивает промышленность быстрее, чем земледелие. Это проистекает не из природы земли, а из того, что земле требуются другие общественные отношения для того, чтобы она действительно эксплуатировалась в соответствии со своей природой.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 311—312*

Предпосылки

Концентрация капитала. Накопление крупных капиталов путем уничтожения мелких. Притяжение. Декапитализация промежуточных сочетаний капитала и труда. Это всего лишь последняя степень и форма того процесса, который превращает условия труда в капитал, затем воспроизводит капитал и отдельные капиталы в более широких размерах, наконец отделяет капиталы, образовавшиеся во многих пунктах общества, от их владельцев и централизует их в руках крупных капиталистов. Приобретая эту крайнюю форму противоположности и противоречия, производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство.

Общественное производство

Мы здесь имеем общественный труд и общность орудий производства в действительном процессе труда. Капиталисты в качестве *функционеров* указанного процесса, который вместе с тем ускоряет это *общественное* (ассоциированное) производство, а тем самым и развитие производительных сил, становятся в той же мере излишними, в какой они [per] procura * общества загребают себе доходы и превозносятся как *собственники* этого общественного богатства и *командиры* общественного труда. С ними происходит то же, что и с феодалами, притязания которых, как и их *услуги*, сделались излишними с возникновением буржуазных обществ, превратились просто-напросто в устаревшие и не соответствующие своей цели привилегии и тем самым быстро приблизились к своей гибели.

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 327*

Труд по управлению

В промышленную прибыль, действительно, входит некоторая часть, представляющая собой заработную плату (там, где нет управляющего, получающего эту заработную плату). Капитал в процессе производства выступает как руководитель труда, командир его (captain of industry) и в этом смысле играет деятельную роль в самом процессе труда. Но поскольку эти функции вытекают из специфической формы капиталистического производства, т. е. из господства капитала над трудом как *его* трудом и по-

* — по уполномочию, по доверенности. *Ред.*

тому над рабочими как его орудиями, из природы капитала, выступающего как *общественное единое начало*, как субъект общественной формы труда, персонифицированной в нем в качестве власти над трудом, постольку этот связанный с эксплуатацией труд (который можно передать и управляющему) есть такой труд, который, конечно, входит в стоимость продукта так же, как и труд наемного рабочего, подобно тому как *при рабстве труд надсмотрщика над рабами* так же должен оплачиваться, как и труд самого работника. Если человек свое отношение к своей собственной природе, к внешней природе и к другим людям представил себе на *религиозный лад* в виде каких-то самостоятельно существующих сил, так что эти представления приобрели над ним господство, то он нуждается в *жрецах* и *их* труде. Но с исчезновением религиозной формы сознания и связанных с ней отношений в общественный процесс производства перестает входить и этот труд жреца. Вместе с *жрецом* исчезает и труд жреца, а вместе с капиталистом аналогичным образом исчезает тот труд, который он выполняет *как* капиталист или который он поручает выполнять другому лицу. (Пример с рабством проиллюстрировать цитатами [96].)

Исчезновение религии

Впрочем, эта апология, сводящая прибыль к заработной плате как плате за труд по надзору, сама оборачивается против апологетов, поскольку английские социалисты с полным основанием отвечали на это: отлично, в дальнейшем вы будете получать лишь заработную плату обычных управляющих; ваша промышленная прибыль не на словах только, а на деле должна быть сведена к заработной плате за надзор или за руководство трудом. [...]

И далее английские социалисты говорят: труд по управлению и по надзору теперь можно так же покупать на рынке и его можно сравнительно столь же дешево произвести, а потому и купить, как и всякую другую рабочую силу. Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по управлению, совершенно отделенный от владения капиталом (безразлично, своим или чужим), предлагается в избытке. Сделалось совершенно необязательным, чтобы этот труд по управлению выполнялся *капиталистами*. Он realiter * существует отдельно от капитала — не в бутафорском отделении промышленных капиталистов от денежных капиталистов, а в отделении промышленных управляющих и т. д. от капиталистов всех категорий. Лучшим доказательством этого служит следующее. *Во-первых*, устроенные самими

* — реально, на самом деле. *Ред.*

Кооперативные фабрики рабочих

рабочими кооперативные фабрики [97]. Они дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал так же излишен для рабочих, как самому капиталисту представляется излишней для буржуазного производства функция земельных собственников. *Во-вторых*, в той мере, в какой труд капиталиста не является тем, что вытекает из процесса [производства] как капиталистического процесса и, следовательно, само собою исчезает вместе с исчезновением капитала, в той мере, в какой он не является изваянием для функции эксплуатации чужого труда, т. е. в той мере, в какой он вытекает из общественной формы труда (кооперации, разделения труда и т. д.), он совершенно так же не зависит от капитала, как не зависит от него и сама эта общественная форма труда после того, как она сбросила с себя капиталистическую оболочку. Говорить, что этот труд по руководству трудом необходим как *капиталистический труд*, как функция капиталиста, означает только то, что вульгарный экономист не может себе *представить* развившиеся в недрах капитала общественную производительную силу труда и его общественный характер отделенными от этой их капиталистической формы, от формы отчуждения, антагонизма и противоречия их моментов, отделенными от их извращения и их quidproquo. А это как раз и есть то, что мы утверждаем.

Предпосылки

Октябрь 1862 г. — *т. 26, ч. III, с. 521—523*

Труд по управлению

Часть труда по управлению вызывается лишь враждебной противоположностью между капиталом и трудом, антагонистическим характером капиталистического производства, относится к его faux frais de production *, совершенно так же как $^{9}/_{10}$ «труда», вызываемого процессом обращения. Дирижер-капельмейстер отнюдь не обязательно должен быть собственником инструментов оркестра, и в его функции как дирижера не входит спекуляция на издержках по содержанию членов оркестра, вообще он не имеет никакого отношения к их «заработной плате».

Октябрь 1862 г. — *т. 26, ч. III, с. 531*

Если бы товар и деньги не могли становиться капиталом,— а потому, если бы их нельзя было и ссужать как капитал *in posse* **,— то они не могли бы противостоять наемному труду. Если бы они, таким образом, как *товар* и *деньги* не противостояли наемному труду и труд, следовательно, сам не стано-

* — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. *Ред.*

** — в возможности. *Ред.*

вился бы товаром, то это означало бы не что иное, как возвращение к способам производства, предшествующим капиталистическому производству, где труд не превращается в товар, а масса труда выступает еще в виде крепостного или рабского труда. При свободном труде как основе это возможно лишь в том случае, если рабочие являются собственниками своих условий производства. Свободный труд развивается в рамках капиталистического производства как *общественный* труд. Следовательно, то, что рабочие являются собственниками условий производства, означает, что последние принадлежат общественно-объединенным рабочим, что рабочие производят в качестве общественно-объединенных рабочих и подчиняют себе свое собственное производство как обобществленное. Но, подобно Прудону, хотеть сохранения наемного труда, а тем самым основы капитала, и в то же время требовать устранения «зол» посредством отрицания одной из производных форм капитала, это — ребячество.

Свободный труд
Обобществление производства

Октябрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 552*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 15 НОЯБРЯ 1862 г.[98]

[...] Буржуазная республика основательно оскандалилась также и в Америке, так что в будущем уже нельзя будет проповедовать ее как самоцель, а придется говорить о ней только как о средстве и переходной форме к социальной революции [...]

Буржуазная республика как предпосылка

т. 30, с. 243

К. Маркс

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.) [76]

Также и нация в целом, при предположении, что она есть что-то иное, нежели совокупность капиталистов, может в известном смысле сравнивать стоимость со стоимостью следующим образом: она может исчислять совокупное рабочее время, в какое ей обходится возмещение потребленной части ее постоянного капитала и той части продукта, которая вошла в индивидуальное потребление,— и то рабочее время, которое затрачено на создание избытка, предназначенного для расширения масштаба воспроизводства [99].

Распределение совокупного рабочего времени общества

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 348—349*

Распределение совокупного общественного продукта

Когда отдельный капиталист продолжает свое производство в том же самом (или расширяющемся) масштабе, возмещение капитала кажется такой операцией, которая не затрагивает рабочего, ибо и сам рабочий, если бы условия труда принадлежали ему, тоже должен был бы возмещать их из валового продукта, чтобы продолжать воспроизводство в том же самом масштабе или расширять его (а последнее тоже необходимо в связи с естественным ростом населения).

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 364*

Распределение совокупного общественного продукта

Рабочий не может, конечно, дать капиталисту больше, чем свой прибавочный труд. Он не может платить капиталисту еще особо за то, что последний *страхует* себя как обладателя плодов этого прибавочного труда. Самое большее можно было бы сказать, что даже и вне капиталистического производства производители несли бы в этом отношении известные расходы, т. е. должны были бы часть своего труда или продуктов своего труда затрачивать на страхование своих продуктов, своего богатства или его элементов — от случайностей и т. д.

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 369*

Что касается «заработной платы» предпринимателя, то прежде всего само собой разумеется, что при капиталистическом производстве на долю капиталиста или оплачиваемого им служащего — представителя этого капиталиста — выпадают функции капитала как повелителя над трудом. Вместе с капиталистическим производством исчезла бы также и эта функция в той мере, в какой она проистекает не из природы кооперативного труда, а из господства условий труда над самим трудом.

Функции управления

Кооперативный труд

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 370*

Итак, в общем итоге у Рамсея [100], во-первых, получается, что капиталистический способ производства, основанный на наемном труде, не является необходимой, т. е. абсолютной, формой общественного производства. (Сам Рамсей высказывает это лишь в той ограниченной формулировке, что «оборотный капитал» и «заработная плата» были бы излишни, если бы основная масса народа не была так бедна, что она вынуждена получать свою долю в продукте авансом, до того как продукт готов.) Во-вторых, у Рамсея получается, что процент в отличие от промышленной прибыли, равно как и земельная рента (т. е. созданная самим капиталистическим производством форма земельной собственности) являют-

ся такими наростами, которые несущественны для капиталистического производства и которые оно могло бы отбросить. Если бы этот буржуазный идеал был действительно осуществим, результатом явилось бы только то, что вся прибавочная стоимость непосредственно доставалась бы промышленным капиталистам и общество (в экономическом отношении) было бы сведено к простой противоположности между капиталом и наемным трудом,— упрощение, которое, несомненно, ускорило бы гибель этого способа производства.

Предпосылки

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 372—373*

Исторический характер капиталистического способа производства
Накопление

Функция накопления, естественно, всегда переходит к тем, кто 1) присваивает себе прибавочную стоимость, и 2) среди тех, кто присваивает себе прибавочную стоимость, в особенности к тому, кто в то же время является агентом в самом производстве. Поэтому, когда говорят, что прибыль оправдана *тем*, что капиталист сколачивает свой капитал путем «сбережений» из прибыли и что он выполняет функцию накопления, то этим говорят только то, что капиталистический способ производства оправдан самим фактом своего существования,— что в равной мере относится к предыдущим и последующим способам производства. Когда говорят, что другим путем накопление невозможно, то забывают, что этот определенный способ накопления — при посредстве капиталиста — имеет определенную историческую дату своего возникновения и движется в направлении к (тоже исторической) дате своей гибели.

Будущие способы производства

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с 437*

Первоначальное единство между работником и условиями труда имеет {мы не говорим об отношениях рабства, когда сам работник принадлежит к объективным условиям труда} две основные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое семейное земледелие (с которым связана домашняя промышленность) того или иного типа. Обе эти формы являются детскими формами, одинаково мало пригодными для того, чтобы развивать труд как *общественный* труд и повышать производительную силу общественного труда. Отсюда необходимость разъединения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью (под последней следует понимать собственность на условия производства). Самой крайней формой этого разрыва, при которой вместе с тем производительные силы общественного труда достигают самого мощного развития, является форма капитала. Первоначальное единство может быть восстановлено лишь на той материальной

Предпосылки
Единство между работником и условиями производства

основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания претерпевают рабочий класс и все общество.

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 438—439*

Предпосылки Общественный характер труда, производства

Два основных факта характеризуют капиталистическое производство:

Во-первых, концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают выступать в качестве непосредственной собственности отдельного работника, а выступают как силы общественного производства, хотя вначале еще только в качестве собственности неработающих капиталистов. Последние являются в буржуазном обществе их опекунами и пользуются всеми плодами этого опекунства.

Во-вторых, организация самого труда как труда общественного посредством кооперации, разделения труда и соединения труда с результатами господства общества над силами природы.

И тем и другим путем капиталистическое производство уничтожает частную собственность и частный труд, хотя еще только в антагонистических формах.

Декабрь 1862 г. *т. 26, ч. III, с. 442*

Мы видим, какой большой скачок сделан от Рамсея до Джонса [101]. Как раз ту функцию капитала, которая делает его капиталом,— авансирование заработной платы,— Рамсей объявляет случайной функцией, вызванной лишь нищетой основной массы народа и безразличной для процесса производства как такового. В этой ограниченной форме Рамсей *отрицает* необходимость капиталистического способа производства. Джонс же {поразительно, что оба они были попами английской государственной церкви [102]. Английские попы всё же, по-видимому, думают больше, чем континентальные} показывает, что именно эта функция делает капитал капиталом и обусловливает характерные особенности капиталистического способа производства. Джонс показывает, как эта форма возникает лишь на известной ступени развития производительных сил и создает тогда совершенно новый материальный базис. Но поэтому Джонс гораздо глубже, чем Рамсей, понимает также и «упразднимость», лишь исторически преходящую необходимость этой формы. Джонс отнюдь не считает капиталистические отношения вечными отношениями:

Исторический характер капиталистического способа производства

«Когда-нибудь в будущем может возникнуть такой порядок вещей,— и *отдельные части света, возможно, приближаются к нему,*— при котором работники и владельцы

накопленного запаса будут тождественны; но в развитии народов... этого до сих пор *никогда еще* не было, и для того чтобы проследить и понять *это развитие*, мы должны наблюдать, как работники постепенно переходят из-под власти заказчиков, которые платят им из своего дохода, во власть предпринимателей, платящих им авансированием капитала, из валового продукта которого владельцы его рассчитывают реализовать для себя особого рода доход. Это, возможно, не является столь же *желательным порядком вещей, как тот, при котором работники и капиталисты тождественны*; но мы должны *тем не менее принимать его как известную стадию в ходе развития производства*, которая до сих пор была характерна для развития передовых народов. До этой стадии жители Азии еще не дошли» (стр. 73).

Исторический характер капиталистического способа производства

Здесь Джонс без всяких обиняков заявляет, что он «принимает» капитал и капиталистический способ производства лишь как переходную фазу в развитии общественного производства, как такую фазу, которая, с точки зрения развития производительных сил общественного труда, означает громадный прогресс в сравнении со всеми предшествовавшими формами, но которая отнюдь не есть конечный результат, а, напротив, в присущей ей форме антагонизма между «владельцами накопленного богатства» и «фактическими работниками» заключает в себе необходимость своей гибели.

Джонс был профессором политической экономии в Хейлибери, *преемником Мальтуса*. Здесь мы видим, как действительная наука политической экономии кончает тем, что рассматривает буржуазные производственные отношения как всего лишь *исторические*, которые ведут к более высоким отношениям, где исчезает тот антагонизм, на котором основаны буржуазные производственные отношения. [...]

Рикардианская школа отрицает земельного собственника как функционера капиталистического производства. Антагонизм, таким образом, сводится к антагонизму между капиталистом и наемным рабочим. Но это отношение между капиталистом и наемным рабочим рикардианская политическая экономия рассматривает как нечто данное, как закон природы, на котором покоится сам процесс производства. Позднейшие экономисты — такие, как Джонс — идут дальше этого и признают уже только *историческую* правомерность этого отношения. Но с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются *историческими*, приходит конец заблуждению, рассматривающему буржуазный способ производства как естественный закон производства, и открывается перспектива ново-

Новая общественно-экономическая формация

го общества, новой экономической общественной формации, к которой буржуазный способ производства образует лишь переход [103].

Декабрь 1862 г. — *т. 26, ч. III, с. 444—446*

Важнейшее следствие закона падения нормы прибыли, помимо того ужаса, который он внушает политико-экономам, состоит в том, что он предполагает постоянно растущую концентрацию капиталов и, следовательно, постоянно растущую декапитализацию более мелких капиталистов. Таков вообще результат всех законов капиталистического производства.

Предпосылки

И если мы отделим от этого факта тот антагонистический характер, которым он отличается на основе капиталистического производства, то что же тогда выражает этот факт, этот процесс прогрессирующей централизации?

Общественный характер производства

Только то, что производство утрачивает свой частный характер и становится общественным процессом, и притом реально, а не всего лишь формально, как при всяком таком обмене, при котором производство является общественным вследствие абсолютной зависимости производителей друг от друга и необходимости для них представить свой труд как труд абстрактно общественный (как деньги). Ибо средства производства применяются теперь как общие средства производства и потому — не в силу того, что они являются собственностью отдельных лиц, а в силу их отношения к производству — как общественные средства производства; равным образом и труд на отдельных предприятиях выполняется теперь в общественном масштабе.

Декабрь 1862 г. — *т. 26, ч. III, с. 466*

Так же как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды. В недрах ремесла развиваются зачатки мануфактуры, а местами, в отдельных сферах и для выполнения отдельных процессов уже имеет место применение машин. В еще большей мере это последнее относится к периоду собственно мануфактуры, которая для отдельных процессов применяет силу воды и ветра (или также силу людей и животных как всего лишь заместителей воды и ветра). Но это имеет место в единичных случаях и не определяет характер господствующего периода, не образует его «стержня», как говорит Фурье [104]. Величайшие открытия — порох, компас и книгопечатание — принадлежат ремесленному пе-

роду, как принадлежат ему также и *часы*, один из самых удивительных автоматов. Подобным же образом гениальнейшие и революционнейшие открытия Коперника и Кеплера в астрономии принадлежат эпохе, когда все механические средства наблюдения находились в стадии младенчества. Точно так же создание прядильной машины и парового двигателя основывалось на ремесле и мануфактуре, которые строили эти машины, а также на развившейся в указанный период науке механики и т. д.

Всеобщий же *закон*, который здесь действует, состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] — как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия — создается в рамках предшествующей формы. Машинный труд как революционизирующий элемент непосредственно вызывается к жизни превышением потребности над возможностью удовлетворить ее прежними средствами производства. А само это превышение спроса [над предложением] возникло в результате открытий, сделанных еще на базе ремесла, а также как следствие основанной в период господства мануфактуры колониальной системы и этой системой до известной степени созданного мирового рынка. Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях.

Январь 1863 г. *т. 47, с. 460—461*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 13 ФЕВРАЛЯ 1863 г.[105]

Перспективы революции

Что ты скажешь по поводу польской истории? [106] Ясно одно — в Европе снова широко открылась эра революций. И общее положение дел хорошее. Но наивные иллюзии и тот почти детский энтузиазм, с которым мы приветствовали перед февралем 1848 г. революционную эру, исчезли безвозвратно [107]. Старые товарищи, как Веерт и др., умерли, иные отошли или потеряны, а нового пополнения все еще не видно. Кроме того, теперь мы уже знаем, какую роль в революциях играет глупость и как негодяи умеют ее эксплуатировать. [...] Будем надеяться, что на сей раз лава потечет с востока на запад, а не наоборот, так что мы избавимся от «чести» французской инициативы.

т. 30, с. 266

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.) [76]

Рабочее и свободное время

[...] *Время* фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно — пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической *жизни* рабочего.

Март 1863 г. *т. 47, с. 517*

[...] Машина выступает как исходящее из капиталистического способа производства *революционизирующее* начало в способе производства вообще. [...]

Противоречия капитализма

Противоположность между капиталом и наемным трудом развивается здесь до полного противоречия [...]

Вместе с системой машин — и основанной на ней механической фабрикой — господство прошлого труда над живым становится не только социальной истиной, выраженной в отношении между капиталистом и рабочим, но и, так сказать, *технологической* истиной.

Март 1863 г. *т. 47, с. 548, 552*

Предпосылки

Массовое производство — кооперация в крупных масштабах с применением машин — впервые в крупных масштабах подчиняет непосредственному процессу производства *силы природы*: ветер, воду, пар, электричество, превращает их в *агентов общественного труда*. [...]

Наука и производство

Применение *природных агентов* — в известной степени включение их в состав капитала — совпадает с развитием *науки* как самостоятельного фактора процесса производства. Если процесс производства становится *применением науки*, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства. Каждое открытие становится основой для нового изобретения или для новых усовершенствованных методов производства. Только капиталистический способ производства впервые ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства, в то время как, наоборот, развитие производства предоставляет средства для теоретического покорения природы. Наука получает призвание быть средством производства богатства, средством обогащения.

Только при этом способе производства впервые возникают такие практические проблемы, которые могут быть разрешены лишь научным путем. Только

теперь опыт и наблюдения — и настоятельные потребности самого процесса производства — впервые достигли такого масштаба, который допускает и делает необходимым применение науки. Имеет место *эксплуатация науки*, теоретического прогресса человечества. Капитал не создает науки, но он эксплуатирует ее, присваивает ее для нужд процесса производства. Тем самым одновременно происходит *отделение науки* как *науки, примененной* к производству, от *непосредственного труда*, в то время как на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от него самостоятельной силы и поэтому в целом никогда не выходил за пределы традиционно пополняемого и лишь очень медленно и понемногу расширяемого собрания рецептов. (Эмпирическое овладение тайнами каждого ремесла.) Рука и голова не были отделены друг от друга. [...]

Наука выступает как *чуждая*, *враждебная* по отношению к труду и *господствующая* над ним *сила*, а ее применение — с одной стороны, концентрация, с другой стороны, развитие в науку (для анализа процесса производства) традиционных сведений, наблюдений, профессиональных секретов, полученных экспериментальным путем,— это ее применение в качестве применения естественных наук к материальному процессу производства точно так же покоится на отделении духовных потенций этого процесса от знаний, сведений и умения отдельного рабочего, как концентрация и развитие [материальных] условий производства и их превращение в капитал покоятся на лишении рабочего этих условий, на отделении его от них. Более того, работа на фабрике оставляет рабочему лишь знание некоторых приемов; поэтому вместе с распространением фабричного труда и были отменены законы об ученичестве, а борьба государства и т. д. за то, чтобы фабричные дети, по крайней мере, учились писать и читать, показывает, как упомянутое применение науки к процессу производства совпадает с подавлением всякого умственного развития в ходе этого процесса. Правда, при этом образуется небольшая группа рабочих более высокой квалификации, однако их число не идет ни в какое сравнение с массой «лишенных знаний» [«entkenntnißten»] рабочих.

С другой стороны, ясны также следующие два обстоятельства:

Развитие самих естественных наук {а они образуют основу всякого знания}, так же как и всякого знания, имеющего отношение к процессу производства, само происходит опять-таки на основе капита-

листического производства, которое в значительной степени впервые создает для естественных наук материальные средства исследования, наблюдения, экспериментирования. Люди науки — поскольку естественные науки используются капиталом в качестве средства обогащения и таким путем сами становятся средством обогащения для тех, кто развивает науку,— конкурируют друг с другом в поисках *практических применений* этих наук. С другой стороны, *изобретение* становится особой профессией. Поэтому вместе с распространением капиталистического производства *научный фактор* впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается к жизни в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия.

Март 1863 г. *т. 47, с. 553—556*

Наука и производство

Только капиталистическое производство впервые превращает материальный процесс производства в применение *науки к производству* — в науку, внедренную в практику,— но только путем подчинения рабочего капиталу и путем *подавления* его собственного умственного и профессионального развития.

Март 1863 г. *т. 47, с. 559*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 9 АПРЕЛЯ 1863 г.[108]

Скоро ли избавятся английские рабочие от явного их развращения буржуазией, покажет будущее. В остальном же, что касается главного в твоей книге [109], то все это до мельчайших подробностей подтвердилось дальнейшим развитием после 1844 года. Я как раз снова сравнил твою книгу с моими заметками о позднейшем времени. Только мелкие немецкие мещанишки, меряющие всемирную историю на свой аршин и судящие о ней по последним «интересным газетным сообщениям», могут вообразить, что в подобных огромных процессах 20 лет означают нечто большее, чем один день, хотя впоследствии могут снова наступить дни, в которых сосредоточивается по 20 лет [110].

Ускорение исторического развития во время революции

Перспективы революции

Когда я вновь перечитывал твою книгу, то с сожалением заметил, что мы стареемся. Как свежо, страстно, с каким смелым предвидением, без ученых и научных сомнений написана эта вещь! И сама иллюзия, что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат, придает всему так много теплоты и жизнерадостности, по сравнению

с которыми наша более поздняя манера писать «в мрачных тонах» порождает чувство чертовской досады.

т. 30, с. 280

К. Маркс

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(РУКОПИСЬ 1861—1863 гг.) [76]

Предпосылки

{*Положительный результат* здесь * тот, что уменьшается рабочее время, которое требуется, чтобы производить увеличившееся количество жизненных средств, что этот результат достигается общественной формой труда и что владение отдельного лица условиями производства выступает не только как нечто ненужное, но и как несовместимое с этим производством в крупном масштабе. Правда, при капиталистическом способе производства получается так, что капиталист, т. е. *нерабочий*, является собственником этой массы общественных средств производства. В действительности он ни в коем случае не представляет по отношению к рабочим их соединение, их общественное единство. Как только эта антагонистическая форма отпадает, получается, следовательно, что они владеют этими средствами производства *сообща*, не как *частные индивиды*. Капиталистическая собственность есть лишь антагонистическое выражение этой их общественной собственности, т. е. подвергнувшейся отрицанию собственности отдельного лица на условия производства (следовательно, и на продукт, так как продукт постоянно превращается в условия производства). Вместе с тем обнаруживается, что это превращение требует определенной ступени развития материальных производительных сил. Например, для мелкого крестьянина тот клочок земли, который он обрабатывает, есть *его* клочок. Собственность на этот клочок как на его орудие производства есть необходимый стимул и условие его труда. То же самое в ремесле. В крупном земледелии, как и в крупной промышленности, этот труд и собственность на условия производства *не приходится предварительно разделять*, они уже *фактически разделены*; это разделение собственности и труда, которое оплакивает Сисмонди [111], есть необходимая переходная ступень к превращению собственности на условия производства в *общественную* собственность. Как *одиночка* отдельный рабочий мог бы опять быть восстановлен

Общественная собственность на средства производства

* — при совместном труде в крупном масштабе. *Ред.*

в собственности на условия производства, но только путем разобщения производительной силы и развития труда в крупном масштабе. *Чужая собственность* — собственность капиталистов — на этот труд может быть уничтожена лишь путем преобразования собственности рабочего не как собственности одиночки в его самостоятельной обособленности, а, следовательно, как собственности *ассоциированного, общественного индивида*. Вместе с тем, естественно, прекращается фетишизм, согласно которому продукт является собственником производителя, и все развившиеся внутри капиталистического производства общественные формы труда освобождаются от той противоположности, которая извращает их всех и представляет в антагонистическом виде; например, сокращение рабочего времени представляется не так, что все работают по 6 часов, а так, что 15-часовой труд шестерых достаточен, чтобы содержать 15 человек.} *

Противоречия капитализма

Производство ради производства, т. е. производительная сила человеческого труда, развитая вне всяких предопределяющих и предопределенных пределов потребностей. Далее будет подробнее показано, что даже внутри капиталистического производства, хотя оно и стремится к этому в порядке тенденции, производство ради производства противоречит его собственным пределам. Ибо хотя капиталистическое производство и является самым производительным из всех прежних способов производства, тем не менее в результате своего *антагонистического характера* оно содержит в себе пределы производства, за которые оно постоянно стремится выйти,— отсюда кризисы, перепроизводство и т. д. С другой стороны, *производство ради производства* выступает поэтому как его прямая противоположность. Производство

Человек

не как развитие человеческой производительности, а как воспроизведение *вещного богатства* в противоположность производительному развитию человеческой личности.

Май 1863 г. *т. 48, с. 19—21*

Предпосылки

Признание [рабочим] продукта труда своим собственным продуктом и оценка отделения [труда] от условий его осуществления как несправедливости — как *отношения принуждения* — свидетельствуют об огромной сознательности, являющейся *в свою очередь продуктом* капиталистического способа производства, и точно так же служат похоронным зво-

* Заключенный в фигурные скобки абзац отчеркнут Марксом на полях, а его содержание охарактеризовано записью: «Антагонистическая форма общественного труда». *Ред.*

ном, предвещающим гибель этого способа производства, как с появлением у раба сознания того, что он *не может быть собственностью другого лица*, рабство влачит уже только искусственное существование и не может дольше служить основой производства *.

Май 1863 г. *т. 48, с. 98*

Методология научного предвидения будущего

[...] Наш метод показывает те пункты, где должно быть привнесено историческое рассмотрение, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений всегда приводят к таким *первым уравнениям*, которые указывают на прошлое, существовавшее до этой системы. Если, с одной стороны, *добуржуазные фазы* выступают *лишь историческими*, т. е. *устраненными предпосылками*, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как такие условия производства, которые полагают себя в качестве *исторической предпосылки* будущего общества **.

Предпосылки

Май 1863 г. *т. 48, с. 158*

К. Маркс

КАПИТАЛ. КНИГА ПЕРВАЯ. ГЛАВА ШЕСТАЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА [112]

Необходимость труда

Труд есть вечное естественное условие человеческого существования. Процесс труда есть не что иное, как самый труд, рассматриваемый в момент его творческой деятельности. Всеобщие моменты процесса труда поэтому независимы от какого-либо определенного общественного развития. Средства труда и материал труда, часть которых составляют уже продукты прежнего труда, играют свою роль в любом процессе труда во все времена и при всех обстоятельствах.

Лето 1863 — лето 1864 г. *т. 49, с. 54—55*

* Ср. наст. т., с. 36—37. Перевод данного фрагмента уточнен. *Ред.*

** Ср. наст. т., с. 36. Перевод данного фрагмента уточнен. *Ред.*

Господство капиталиста над рабочим есть [...] господство вещи над человеком, мертвого труда над живым, продукта над производителем, так как ведь на деле товары, которые становятся средством господства над рабочими (но только как средство господства самого *капитала*), суть лишь результаты процесса производства, его продукты. Это совершенно *то же самое* отношение в материальном производстве, в действительном процессе общественной жизни — ибо как раз этим является процесс производства,— какое в идеологической области представляется в *религии*, превращение субъекта в объект и наоборот.

Предпосылки

Рассматриваемое *исторически*, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания богатства как такового, т. е. создания неограниченных

Производительные силы

[rücksichtslosen] производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму совершенно так же, как человек должен первоначально в религиозной форме противопоставлять себе свои духовные силы как независимые силы. Это — *процесс отчуждения* его собственного труда.

Уничтожение отчуждения труда

Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, постольку, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем свое абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения.

Лето 1864 г. *т. 49, с. 46—47*

Предпосылки
Развитие общественных производительных сил

Общественные производительные силы труда, или производительные силы непосредственно *общественного, обобществленного* (совместного) труда, благодаря кооперации, разделению труда внутри мастерской, применению *машин* и вообще превращению процесса производства в сознательное *применение* естествознания, механики, химии и т. д. для определенных целей, *технологии* и т. д., равно как соответствующее всему этому *производство в крупном масштабе* и т. д. (только этот обобществленный труд способен применить к *непосредственному* процессу производства *всеобщие* продукты человеческого развития, как математику и т. д., между тем как, с другой стороны, развитие этих наук предполагает определенный уровень материального процесса производства), это развитие производительной силы *обобществленного труда* в противоположность более или менее изолированному труду одиночек и т. д. и вместе

Наука и производство

с тем *применение науки*, этого *всеобщего* продукта

общественного развития, к *непосредственному процессу производства*,— все это представляется *производительной силой капитала*, а не производительной силой труда, или производительной силой труда лишь постольку, поскольку он тождествен капиталу, и во всяком случае не является ни производительной силой отдельного рабочего, ни производительной силой комбинированных в процессе производства рабочих. Мистификация, заложенная в капиталистическом отношении вообще, теперь развивается гораздо дальше, чем это было и могло быть при только формальном подчинении труда капиталу. С другой стороны, лишь здесь с особой яркостью выступает (специфически выступает) также и историческое значение капиталистического производства, и именно благодаря преобразованию самого непосредственного процесса производства и развитию общественных производительных сил труда.

Лето 1864 г. *т. 49, с. 79—80*

Все эти изменившиеся отношения делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря уже о том, что они делают его самого способным к совершенно другой исторической акции. **Предпосылки**

Лето 1864 г. *т. 49, с. 87—88*

Для того чтобы капиталистическое отношение вообще возникло, необходима в качестве предпосылки определенная историческая ступень и форма общественного производства. В рамках прежнего способа производства должны развиться средства сообщения, средства производства и потребности, которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в капиталистическое отношение. Но они должны быть развиты лишь настолько, чтобы имело место формальное подчинение труда капиталу. На базисе же этого изменившегося отношения развивается специфически измененный способ производства, который, с одной стороны, создает новые материальные производительные силы, с другой стороны, сам развивается лишь на их основе и тем самым на деле создает себе новые реальные условия. Вместе с тем наступает полная экономическая революция, которая, с одной стороны, впервые создает реальные условия для господства капитала над трудом, завершает, придает ему соответствующую форму, а с другой стороны, в развитых ею противостоящих рабочему производительных силах труда, в условиях производства и **Предпосылки**

Новый способ производства

Новая общественная формация

отношениях общения * создает реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства, создает, таким образом, материальный базис по-новому устроенного общественного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации.

Это понимание существенно отличается от воззрений находящихся в плену капиталистических представлений буржуазных экономистов, которые, правда, видят, как осуществляется производство *в рамках* капиталистического отношения, но не видят, как создается само это *отношение* и как вместе с тем в нем создаются материальные условия его разложения и тем самым упраздняется его *историческое правомочие* как *необходимой формы* экономического развития, производства общественного богатства.

Лето 1864 г. *т. 49, с. 118—119*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ТРЕТИЙ [113]

Общественное производство

Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета.

Осень 1864 г. *т. 25, ч. 1, с. 205*

Дисциплина труда

Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство — такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих ** и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной заработной плате.

Осень 1864 г. *т. 25, ч. 1, с. 95*

---

* Перевод уточнен. *Ред.*

** В рукописи Маркса конец данного предложения формулировался следующим образом: «что на более высоком уровне развития [выступает] как самоуправление, целесообразный образ действий и т. д.». *Ред.*

Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и расходов в связи с конкуренцией, относится крайне бережливо к труду, уже осуществленному, овеществленному в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда, расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле, только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества * в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества.

Человек

Осень 1864 г. — *т. 25, ч. 1, с. 100—101*

Контроль над производством

Всякая мысль о коллективном, решительном и дальновидном контроле над производством сырья,— контроле, который вообще совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается благим пожеланием или ограничивается имеющими характер исключения коллективными действиями в момент большой непосредственной опасности и беспомощности,— уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга [16).]

Осень 1864 г. — *т. 25, ч. 1, с. 133*

Мораль истории, которую можно также извлечь, рассматривая земледелие с иной точки зрения, со-

---

* В рукописи Маркса конец данного предложения формулировался следующим образом: «в те исторические эпохи, которые предшествуют социалистическому устройству человечества». *Ред.*

16) После того как были написаны эти строки (1865 г.), конкуренция на мировом рынке значительно усилилась вследствие быстрого развития промышленности во всех развитых странах, в особенности в Америке и Германии. Тот факт, что быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение,— факт этот в настоящее время все более и более проникает в сознание даже самих капиталистов. Это особенно проявляется в двух симптомах. Во-первых, в новой всеобщей мании запретительных пошлин, которая от старой протекционистской системы отличается в особенности тем, что больше всего стремится защитить как раз те продукты, которые способны к вывозу. Во-вторых, в картелях (трестах) фабрикантов целых крупных сфер производства, имеющих целью регулировать производство, а следовательно, цены и прибыль. Само собой разумеется, что эти эксперименты осуществимы лишь при сравнительно благоприятной экономической погоде. Первая же буря должна разрушить их и доказать, что хотя производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществить его на деле. Пока что картели эти имеют своей целью позаботиться лишь о том, чтобы мелкие капиталисты пожирались крупными еще быстрее, чем до сих пор.— *Ф. Э.*[114]

Тресты

Регулирование производства

Рациональное земледелие

стоит в том, что капиталистическая система противоречит рациональному земледелию, или что рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя эта последняя и способствует его техническому развитию) и требует либо руки мелкого, живущего своим трудом крестьянина, либо контроля ассоциированных производителей.

Обобществление земледелия

Осень 1864 г. *т. 25, ч. I, с. 135*

К. Маркс

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [115]

Рабочие!

Что нищета рабочих масс с 1848 по 1864 г. не уменьшилась,— это факт бесспорный, а, между тем, по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе равных в истории. [...]

Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой стоящие над ними классы поднимались вверх по общественной лестнице. Во всех странах Европы теперь стало очевидной истиной для каждого непредубежденного ума и отрицается только людьми, заинтересованными в том, чтобы убаюкивать других ложными надеждами, что ни усовершенствование машин *, ни применение науки к производству, ни улучшение средств сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это вместе взятое не устранит нищеты трудящихся масс; что на современной порочной основе всякое дальнейшее развитие производительной силы труда неизбежно углубляет общественные контрасты и обостряет общественные антагонизмы. [...]

Противоречия капитализма

И все же истекший со времени революции 1848 г. период имел и положительные черты. Отметим здесь лишь два крупных факта.

Законодательное ограничение рабочего времени

После тридцатилетней борьбы, которую английский рабочий класс вел с изумительным упорством, он использовал временный раскол между землевладельческой и денежной аристократией, чтобы добиться билля о десятичасовом рабочем дне [116]. Чрезвычайно благотворные последствия этого билля для фабричных рабочих в физическом, нравственном и умственном отношении, отмечаемые каждые полгода

* В немецком тексте добавлено: «ни химические открытия». *Ред.*

в отчетах фабричных инспекторов, стали теперь общепризнанными. Большинство европейских правительств должны были принять, с более или менее значительными изменениями, английский фабричный закон, и сам английский парламент вынужден ежегодно расширять сферу действия этого закона. Но в этом мероприятии для рабочих, помимо его практического значения, было еще нечто другое, что содействовало его удивительному успеху. Устами своих известнейших ученых, вроде д-ра Юра, профессора Сениора и других мудрецов того же сорта, буржуазия предсказывала и без конца твердила, что всякое законодательное ограничение рабочего времени должно прозвучать похоронным звоном для британской промышленности, которая, подобно вампиру, может существовать лишь питаясь кровью, да притом еще детской кровью. В старину убийство детей принадлежало к таинствам религии Молоха, но практиковалось оно лишь в некоторых высокоторжественных случаях, не чаще, вероятно, одного раза в год; притом Молох не обнаруживал исключительной склонности к детям бедняков. Эта борьба вокруг законодательного ограничения рабочего времени велась с тем большим ожесточением, что, независимо от испуга жаждущих прибыли, здесь дело шло о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса. Поэтому билль о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса.

Общественное производство и общественное сознание

Но предстояла еще более значительная победа политической экономии труда над политической экономией собственности *. Мы говорим о кооперативном движении, в частности о кооперативных фабриках, основанных без всякой поддержки усилиями немногих смелых «рук». Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах и ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что для успешного производства орудия труда вовсе не

Кооперативное движение

Общественная собственность на средства производства

* В немецком тексте вместо слов «политической экономии собственности» напечатано: «политической экономии капитала». *Ред.*

должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим и для его ограбления и что, подобно рабскому и крепостному труду, наемный труд — лишь преходящая и низшая * форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с готовностью и воодушевлением. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; опыты, произведенные рабочими на континенте, представляют собой по существу практический вывод из теорий, не изобретенных, но провозглашенных во всеуслышание в 1848 году.

Ассоциированный труд

В то же время опыт периода 1848—1864 гг. неоспоримо доказал **, что как бы кооперативный труд ни был превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, пока он не выходит за узкий круг случайных усилий отдельных рабочих. Именно поэтому, вероятно, благонамеренные аристократы, буржуазные болтуны-филантропы и даже изворотливые экономисты — все как один вдруг стали расточать вызывающие отвращение похвалы той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно старались погубить в зародыше, которую они осмеивали как утопию мечтателей или клеймили как кощунство социалистов. Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в общенациональном масштабе и, следовательно, на общенациональные средства. Но магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути. Вспомните, с какой насмешкой лорд Пальмерстон во время последней парламентской сессии обрушился на защитников билля о правах ирландских арендаторов: палата общин,— воскликнул он,— есть палата землевладельцев [118].

Кооперативный труд в национальном масштабе

Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса. Рабочие, по-видимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты

Диктатура пролетариата

* В немецком тексте добавлено: «общественная». *Ред.*

** В немецком тексте добавлено: «положение, которое виднейшие вожди рабочего класса уже в 1851—1852 гг. отстаивали применительно к кооперативному движению в Англии» [117]. *Ред.*

шаги в целях политической реорганизации рабочей партии.

Необходимость пролетарской партии
Международный характер коммунистического преобразования общества
Пролетарский интернационализм

Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание. Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий. Эта мысль побудила рабочих разных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в Сент-Мартинсхолле, основать Международное Товарищество.

Еще одно убеждение воодушевляло участников этого собрания.

Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества рабочих *, то как же они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана [119]. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа [120] и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Международные отношения

Борьба за такую иностранную политику состав-

* В немецком тексте добавлено: «разных стран» *Ред.*

ляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Между 21 и 27 октября 1864 г. *т. 16, с. 3, 7—11*

К. Маркс

ВРЕМЕННЫЙ УСТАВ ТОВАРИЩЕСТВА [121]

Освобождение рабочего класса Уничтожение классов Равные права и обязанности

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

Политическая борьба и экономическое освобождение рабочего класса Пролетарский интернационализм

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

Международный характер коммунистического преобразования общества

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений;

принимая во внимание указанные соображения, нижеподписавшиеся члены комитета, уполномоченные на это постановлением публичного собрания, состоявшегося 28 сентября 1864 г. в Сент-Мартинсхолле в Лондоне, предприняли необходимые шаги для основания Международного Товарищества Рабочих. [...]

Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и сотрудничества

между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

Между 21 и 27 октября 1864 г. *т. 16, с. 12—13*

К. Маркс

ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ [122]

Рабочие Европы твердо верят, что, подобно тому как американская война за независимость положила начало эре господства буржуазии, так американская война против рабства положит начало эре господства рабочего класса.

Диктатура пролетариата

Между 22 и 29 ноября 1864 г. *т. 16, с. 18*

К. Маркс

О ПРУДОНЕ [123]

Критику его двухтомного пухлого произведения Вы найдете в моем ответном сочинении [124]. Я показал там, между прочим, как мало проник Прудон в тайну научной диалектики и до какой степени, с другой стороны, он разделяет иллюзии спекулятивной философии, когда, вместо того чтобы видеть в *экономических категориях теоретические выражения исторических, соответствующих определенной ступени развития материального производства, производственных отношений,* он нелепо превращает их в искони существующие, *вечные идеи*, и как таким окольным путем он снова приходит к точке зрения буржуазной экономии [...].

Далее я еще показываю, сколь недостаточным, порой просто ученическим, является его знакомство с «политической экономией», критику которой он предпринял, и как вместе с утопистами он гоняется за так называемой *«наукой»*, с помощью которой можно было бы a priori * изобрести формулу для «решения социального вопроса», вместо того, чтобы источником науки делать критическое познание исторического движения, движения, которое само создает *материальные условия освобождения.* Особенно же там показано, насколько неясными, неверными и половинчатыми остаются понятия Прудона об ос-

Утопизм

Научный коммунизм
Методология
Материальные предпосылки

---

* — заранее, до опыта, исходя лишь из отвлеченных соображений. *Ред.*

нове всего — *меновой стоимости*; вот почему он видит в утопическом истолковании теории стоимости *Рикардо* основу иовой науки. Свое суждеиие о его общей точке зрения я резюмирую в следующих словах:

Утопизм
Всемирно-историческая роль пролетариата

«Каждое экономическое отиошеиие имеет свою хорошую и свою дурную сторону — это едииствеиный пункт, в котором г-и Прудои ие измеияет самому себе. Хорошая стороиа выставляется, по его миению, экономистами; дурная — изобличается социалистами. У экоиомистов он заимствует убеждеиие в необходимости вечных экоиомических отношений; у социалистов — ту иллюзию, в силу которой оии видят в нищете только иищету (вместо того, чобы видеть в ией революционную, разрушительиую сторону, которая ииспровергиет старое общество *). Ои соглашается и с теми и с другими, пытаясь сослаться при этом на авторитет науки. Наука же сводится в его представлеиии к тощим размерам иекоторой научиой формулы; он находится в вечной погоие за формулами. Вот почему г-и Прудои воображает, что он дал критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом деле он стоит ииже их обоих. Ниже экономистов — потому, что он как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экоиомические детали; ниже социалистов — потому, что у иего ие хватает ии мужества, ии проницательиости для того, чтобы подияться — хотя бы только умозрительио — выше буржуазиого кругозора...

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж иауки, но оказывается лишь *мелким буржуа*, постояиио колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экоиомией и коммунизмом» [125] [...].

24 января 1865 г. *т. 16. с. 27—28*

Ф. Энгельс

ВОЕННЫЙ ВОПРОС В ПРУССИИ И НЕМЕЦКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ [126]

Предпосылки

Промышлениая революция

Современный рабочий, пролетарий,— продукт великой промышлеииой революции, которая имеино за последние сто лет во всех цивилизоваиных странах совершила полиый переворот во всем способе производства, сиачала в промышлениости, а затем и в земледелии; в результате этой революции в произ-

* Фраза, заключенная в скобки, добавлена Марксом в данной статье. *Ред.*

Поляризация буржуазного общества

водстве принимают участие только два класса: класс капиталистов, владеющих орудиями труда, сырьем и жизненными средствами, и класс рабочих, которые не имеют ни орудий труда, ни сырья, ни жизненных средств, а должны сперва своим трудом покупать эти последние у капиталистов. Современный пролетарий, следовательно, имеет дело непосредственно только с *одним* общественным классом, который враждебно противостоит ему, эксплуатирует его,— с классом капиталистов, буржуа. В странах, где эта промышленная революция осуществлена полностью, как, например, в Англии, рабочий действительно имеет дело только с капиталистами, потому что и в деревне крупный арендатор имения является не чем иным, как капиталистом; аристократ, который только проедает земельную ренту со своих владений, не имеет с рабочим абсолютно никаких общественных точек соприкосновения. [...]

Кроме буржуазии и пролетариата, современная крупная промышленность производит еще нечто вроде промежуточного класса, стоящего между ними,— мелкую буржуазию. Эта последняя состоит частью из остатков прежнего, полусредневекового бюргерства, частью из рабочих, несколько поднявшихся над общим уровнем. Мелкая буржуазия в меньшей мере участвует в производстве, чем в распределении товаров; главное ее занятие — розничная торговля. В то время как старое бюргерство было самым устойчивым, современная мелкая буржуазия является наиболее меняющимся классом общества; банкротство стало в ее среде постоянным явлением. Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим жизненным условиям примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к положению пролетариата. Ее политическая позиция так же полна противоречий, как и ее общественное бытие; в общем же ее наиболее точным выражением является «чистая демократия». Ее политическое призвание состоит в том, чтобы подталкивать вперед буржуазию в ее борьбе против остатков старого общества и в особенности против ее собственной слабости и трусости и помогать в завоевании таких свобод, как свобода печати, союзов и собраний, всеобщего избирательного права, местного самоуправления, без которых, несмотря на их буржуазную природу, трусливая буржуазия все же может обойтись, но без которых рабочие никогда не смогут завоевать себе освобождения.

Предпосылки

В ходе борьбы между остатками старого, допотопного общества и буржуазией всюду, рано или поздно, наступает такой момент, когда обе борющиеся стороны обращаются к пролетариату и ищут его

поддержки. Это совпадает обыкновенно с тем моментом, когда рабочий класс сам начинает приходить в движение. Феодальные и бюрократические представители гибнущего общества призывают рабочих к нападению совместно с ними на кровопийц-капиталистов, единственных врагов рабочего, а буржуа указывают рабочим на то, что они вместе представляют новую общественную эпоху и поэтому по отношению к гибнущей *старой* общественной форме их интересы, во всяком случае, совпадают. В то же время и рабочий класс постепенно приходит к сознанию, что он является особым классом, с особыми интересами и с особым самостоятельным будущим; и вместе с тем возникает вопрос, который настойчиво выдвигался последовательно в Англии, во Франции и в Германии: какую позицию должна занять рабочая партия по отношению к борющимся?

Это прежде всего будет зависеть от того, к каким целям в интересах класса стремится рабочая партия, то есть та часть рабочего класса, которая пришла к сознанию общих интересов класса.

Обобществление производства

Диктатура пролетариата

Насколько известно, передовые рабочие в Германии выдвигают требование: освобождение рабочих от капиталистов путем передачи капитала, принадлежащего государству, ассоциированным рабочим для ведения производства за общий счет и без капиталистов, а в качестве средства для осуществления этой цели — завоевание политической власти путем всеобщего, прямого избирательного права [127].

Одно уже ясно: ни феодально-бюрократическая партия, которую принято называть просто *реакцией*, ни либерально-радикальная буржуазная партия не склонны будут добровольно уступить этим требованиям. Но ведь пролетариат становится силой с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию, а с силой приходится считаться. Обе враждующие партии знают это и поэтому в известный момент будут склонны сделать рабочим мнимые или действительные уступки. На чьей же стороне рабочие могут добиться наибольших уступок?

Для реакционной партии уже само существование буржуа и пролетариев является бельмом на глазу. Ее сила зависит от того, будет ли снова приостановлено или, по крайней мере, замедлено современное общественное развитие. Иначе все имущие классы постепенно превратятся в капиталистов, все угнетенные классы — в пролетариев, а вместе с тем исчезнет сама собой реакционная партия. Реакция, если она последовательна, стремится, конечно, упразднить пролетариат, но не путем движения вперед к его ассоциированию, а путем возврата вспять, превращения современных пролетариев снова в це-

ховых подмастерьев и в крепостных или полукрепостных зависимых крестьян [bäuerliche Hintersassen]. Устраивает ли наших пролетариев такое превращение? Хотят ли они снова вернуться под отеческую опеку цехового мастера и «милостивого господина», если бы нечто подобное было возможно? Разумеется, нет! Ведь именно отделение рабочего класса от всякой прежней мнимой собственности и мнимых привилегий, установление неприкрытого антагонизма между капиталом и трудом сделало вообще возможным существование единого многочисленного рабочего класса с общими интересами, существование рабочего движения, рабочей партии. К тому же подобный поворот истории вспять совершенно невозможен. Паровые машины, механические прядильные и ткацкие станки, паровые плуги и молотилки, железные дороги и электрический телеграф, современные паровые прессы делают невозможным такое нелепое движение вспять; наоборот, постепенно и неумолимо они уничтожают все остатки феодальных и цеховых отношений и растворяют все перешедшие от прежнего времени мелкие общественные противоречия в едином всемирно-историческом антагонизме между капиталом и трудом.

Противоречия капитализма

Поляризация буржуазиого общества

У буржуазии, напротив, нет никакой другой исторической задачи, как только всесторонне увеличить и поднять до высшего уровня упомянутые ранее гигантские производительные силы и средства обмена современного общества; при помощи своих кредитных обществ прибрать к рукам и те средства производства, которые унаследованы от прежних времен, а именно земельную собственность; развить при помощи современных орудий труда все отрасли производства; уничтожить все остатки феодального производства и феодальных отношений и таким образом свести все общество к простому антагонизму между классом капиталистов и классом неимущих рабочих. В той же мере, в какой происходит это упрощение общественных классовых противоречий, растет сила буржуазии, но в еще большей мере возрастает также сила пролетариата, его классовое сознание и способность к победе; только в результате этого увеличения мощи буржуазии пролетариат мало-помалу становится большинством, преобладающим большинством в государстве, как это уже имеет место в Англии, но чего вовсе нет еще в Германии, где в деревне крестьяне всех категорий, а в городах мелкие мастера, мелкие торговцы и т. п. еще преобладают над пролетариатом.

Экономические предпосылки

Поляризация буржуазиого общества

Следовательно, каждая победа реакции задерживает общественное развитие и неизбежно отдаляет момент победы рабочих. Напротив, каждая победа

буржуазии над реакцией в известной мере является вместе с тем и победой рабочих, способствует окончательному свержению господства капиталистов, приближает время победы рабочих над буржуазией. [...]

Но если рабочей партии нечего ожидать от реакции, кроме мелких уступок, которые ей и так достанутся, без необходимости ради них заниматься попрошайничеством,— то чего же может она ожидать от буржуазной оппозиции?

Мы видели, что буржуазия и пролетариат — оба дети новой эпохи, что оба они в своей общественной деятельности стремятся к тому, чтобы устранить остатки хлама, унаследованного от прежних времен. Правда, они должны вести между собой очень серьезную борьбу, но эта борьба может быть доведена до конца только тогда, когда они будут стоять друг против друга, один на один. Только благодаря тому, что старый хлам полетит за борт, «корабль будет готов к бою», но с той лишь разницей, что на этот раз бой развернется не между двумя судами, а на борту одного корабля, между офицерами и матросами.

Политические предпосылки

Буржуазия не может завоевать своего политического господства, не может выразить это политическое господство в конституции и в законах без того, чтобы не дать в то же время оружия в руки пролетариата. Против старых сословий, различающихся по признаку происхождения, она должна начертать на своем знамени права человека; против цеховщины — свободу торговли и промыслов; против бюрократической опеки — свободу и самоуправление. Чтобы быть последовательной, она должна, стало быть, требовать всеобщего и прямого избирательного права, свободы печати, союзов, собраний и отмены всех исключительных законов против отдельных классов населения. Но это и все, чего пролетариат должен требовать от буржуазии. Он не может требовать, чтобы буржуазия перестала быть буржуазией, но он несомненно может требовать, чтобы она последовательно проводила свои собственные принципы. А вместе с этим пролетариат получает в руки и то оружие, которое ему необходимо для его окончательной победы. С помощью свободы печати, права собраний и союзов он завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами,— все прочее.

Следовательно, в интересах рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов *до тех пор, пока она верна самой себе.* Каждое завоевание, которое буржуазия вырывает у реакции, идет при этих условиях, в конечном счете, на пользу рабочему классу. Это инстинктивно

поняли и немецкие рабочие. Во всех немецких государствах они совершенно правильно голосовали повсюду за наиболее радикальных кандидатов, имевших шансы быть избранными.

Но что, если буржуазия изменит самой себе, если она предаст свои собственные классовые интересы и вытекающие из них принципы?

Тогда у рабочих остаются два пути!

Либо толкать вперед буржуазию вопреки ее воле, насколько возможно принуждать ее расширить избирательное право, обеспечить свободу печати, союзов и собраний и таким образом создать пролетариату условия, при которых он получит свободу движения и организации. Так поступали английские рабочие со времени парламентской реформы 1832 г., французские рабочие со времени июльской революции 1830 г., и именно посредством и с помощью этого движения, ближайшие цели которого были чисто буржуазного характера, они способствовали своему собственному развитию и организации больше, чем каким-либо иным путем. А такой случай неизбежно наступит, ибо буржуазия, при недостатке у нее политического мужества, повсюду время от времени изменяет себе.

Либо же рабочие совершенно отворачиваются от буржуазного движения и предоставляют буржуазию ее участи. Этот случай имел место в Англии, Франции и Германии после поражения европейского рабочего движения в 1848—1850 годах. Он возможен только после колоссального и в данный момент безрезультатного напряжения сил, после которого класс нуждается в передышке. При здоровом состоянии рабочего класса такого рода случай невозможен; ведь он был бы равносилен полному политическому самоотречению, а на это не способен на долгий срок такой мужественный по своей природе класс, класс, которому нечего терять и который должен приобрести все.

Конец января — 11 февраля 1865 г. — *т. 16, с. 67—70, 76—77*

К. Маркс

РЕЧЬ НА ПРАЗДНОВАНИИ ГОДОВЩИНЫ ЛОНДОНСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ [128]

Диктатура пролетариата

Государственная помощь может исходить только от государства, в котором верховное господство осуществляет пролетариат [129].

Первая половина февраля 1865 г. — *т. 44, с. 512*

К. Маркс

ПИСЬМО И. Б. ШВЕЙЦЕРУ, 13 ФЕВРАЛЯ 1865 г.[130]

[...] Королевско-прусская правительственная помощь кооперативным обществам — а всякий, кто знаком с прусскими условиями, знает наперед о ее неизбежно карликовых размерах — как экономическая мера равна нулю, в то же время эта помощь означает расширение системы опеки, подкуп части рабочего класса, оскопление движения [129]. Подобно тому как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до нынешнего жалкого состояния именно благодаря тому, что всерьез поверила, будто вместе с «новой эрой» ей по милости принца-регента свалится с неба правительственная власть [131], так и рабочая партия опозорит себя еще больше, если вообразит, что при эре Бисмарка или какой-либо другой прусской эре ей прямо в рот, по милости короля, будут падать золотые яблоки. Нет никакого сомнения, что разочарование в злосчастном заблуждении Лассаля относительно «социалистического» вмешательства прусского правительства непременно наступит. Логика вещей сделает свое. Но *честь* рабочей партии требует, чтобы она отказалась от таких иллюзий еще до того, как их призрачность будет обнаружена на опыте. Рабочий класс либо революционен, либо он ничто.

т. 31, с. 64

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 23 ФЕВРАЛЯ 1865 г.[132]

[...] Здесь, в Лондоне, еще *до* начала его * агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно *социалистическое* вмешательство *«государства П р у с с и и»* — это бессмыслица [129].

т. 31, с. 380

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Ф. А. ЛАНГЕ, 29 МАРТА 1865 г.[133]

Проблема перенаселения

Мы исходим из того, что те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество — паровая машина, современные машины, массовая

* — Ф. Лассаля. *Ред.*

колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля — и которые теперь благодаря перманентным торговым кризисам уже работают над его разрушением и, в конечном счете, над его уничтожением,— что эти средства производства и обмена будут также достаточны для того, чтобы в течение короткого времени коренным образом изменить это соотношение и настолько поднять производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что в городской промышленности освободится достаточное количество людей для того, чтобы направить в помощь земледелию совсем иные силы, чем это было до сих пор; что, наконец, и наука сможет быть применена в земледелии в массовом масштабе и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплуатация областей Юго-Восточной Европы и Западной Америки, неисчерпаемо плодородных, удобренных для нас самой природой, может быть осуществлена в несравненно более грандиозном масштабе, чем это делалось до сих пор. Если после того, как все эти области будут перепаханы, наступит недостаток в продуктах, то будет еще достаточно времени, чтобы произнести: caveant consules [134].

т. 31, с. 394

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ТРЕТИЙ [113]

Противоречия капитализма

Противодействующие друг другу факторы действуют одновременно один против другого.

[...] Конфликт противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие.

Противоречие, выраженное в самой общей форме, состоит в том, что капиталистическому способу производства присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил независимо от стоимости и заключающейся в последней прибавочной стоимости, а также независимо от общественных отношений, при которых происходит капиталистическое производство; тогда как, с другой стороны, его целью является сохранение существующей капитальной стоимости и ее увеличение в возможно большей степени (т. е. постоянно ускоряющееся возрастание этой стоимости). Специфическая особенность капиталистического способа производства состоит в ис-

пользовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости. Методы, которыми он этого достигает, сопряжены с уменьшением нормы прибыли, обесценением наличного капитала и развитием производительных сил труда за счет уже произведенных производительных сил. [...]

Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти имманентные пределы, но оно преодолевает их только при помощи средств, которые снова ставят перед ним эти пределы, притом в гораздо большем масштабе.

Настоящий предел капиталистического производства — это *сам капитал*, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для *капитала*, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни *общества* производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала, основывающееся на экспроприации и обеднении массы производителей, эти пределы впадают постоянно в противоречие с теми методами производства, которые капитал вынужден применять для достижения своей цели и которые служат безграничному расширению производства, производству как самоцели, безусловному развитию общественных производительных сил труда. Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями

Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в то же время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. I, с. 273, 274*

Противоречия капитализма

Так как целью капитала является не удовлетворение потребностей, а производство прибыли, и так как эта цель достигается лишь такими методами, при которых масса продуктов определяется размерами производства, а не наоборот, то постоянно должно возникать несоответствие между ограниченными размерами потребления на капиталистическом базисе и производством, которое постоянно стремится выйти за эти имманентные пределы. [...] Ког-

да говорят, что происходит не общее перепроизводство, а только нарушение пропорции между различными отраслями производства, то это означает лишь то, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, постигнутый * их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю. Далее, тем самым требуют, чтобы в странах, в которых не развит капиталистический способ производства, потребление и производство стояли на такой ступени, какая свойственна странам капиталистического способа производства. Если говорят, что перепроизводство только относительно, то это совершенно правильно; но весь капиталистический способ производства есть только относительный способ производства, границы которого вообще не абсолютны, однако для него, на его базисе, абсолютны. Иначе как же можно было бы объяснить отсутствие спроса на такие товары, в которых нуждается масса народа, и как можно было бы объяснить то явление, что приходится искать этот спрос за границей, на отдаленных рынках для того, чтобы иметь возможность платить рабочим у себя дома среднее количество необходимых жизненных средств? Потому что только в этих специфических, капиталистических взаимоотношениях избыточный продукт получает такую форму, что его владелец может представить его для потребления лишь в том случае, если он превратится для него опять в капитал. Наконец, если говорят, что капиталисты должны только обменивать между собой свои товары и потреблять их, то при этом забывают общий характер капиталистического производства, забывают, что речь идет об увеличении стоимости капитала, а не об его потреблении. Одним словом, все возражения против очевидных явлений перепроизводства (которым дела нет до этих возражений) сводятся к тому, что границы *капиталистического* производства не являются границами *производства вообще*, а поэтому не являются границами и для этого специфического, капиталистического способа производства. Но противоречие этого капиталистического способа производства заключается именно в его тенденции к абсолютному развитию производительных *сил*, которое постоянно вступает в конфликт с теми специфическими *усло-*

Производство и общественное сознание

Противоречия капитализма

* Перевод уточнен. *Ред.*

виями производства, в которых движется и только может двигаться капитал.

Дело не в том, что жизненных средств производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично, по-человечески.

Дело не в том, что средств производства производится больше, чем нужно для того, чтобы занять трудоспособную часть населения. Наоборот. Во-первых, производится слишком большая часть населения, которая фактически не работает, которая в силу условий своей жизни эксплуатирует труд других или занимается работами, которые могут считаться таковыми только при жалком способе производства. Во-вторых, средств производства производится недостаточно для того, чтобы все трудоспособное население могло быть использовано наиболее производительным образом, следовательно, чтобы его абсолютное рабочее время сокращалось благодаря массе и эффективности постоянного капитала, применяемого в течение рабочего времени.

Но периодически средств труда и жизненных средств производится слишком много для того, чтобы они при данной норме прибыли могли функционировать как средства эксплуатации рабочих. Товаров производится слишком много для того, чтобы заключающуюся в них стоимость и содержащуюся в ней прибавочную стоимость можно было реализовать и превратить в новый капитал при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е. чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов.

Дело не в том, что богатств производится слишком много. Но периодически производится слишком много богатств в их капиталистических, противоречивых формах.

Противоречия капитализма

Предел капиталистического способа производства обнаруживается:

1) В том, что порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительной силы труда и потому постоянно должен преодолеваться посредством кризисов.

2) В том, что расширение или сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного

труда к овеществленному труду вообще, или, выражаясь языком капиталиста, определяется прибылью и отношением этой прибыли к применяемому капиталу, следовательно известной высотой нормы прибыли. Поэтому пределы капиталистического производства выступают уже при такой степени расширения, которая при других предпосылках оказалась бы, наоборот, далеко недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли. [...]

Норма прибыли — это движущая сила капиталистического производства; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли. Тот факт, что даже одна возможность этого тревожит Рикардо, свидетельствует как раз о глубоком понимании им условий капиталистического производства. Наиболее значительно у Рикардо именно то, в чем его упрекали: что при исследовании капиталистического производства он, не занимаясь «людьми», обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы человеческих жертв и капитальных *стоимостей* оно ни стоило. Развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства. Рикардо беспокоит то, что норме прибыли, которая является стимулом капиталистического производства, а вместе с тем и условием и двигателем накопления, угрожает опасность вследствие развития самого производства. А количественное отношение здесь — все. В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что он только смутно сознает. В этом обнаруживается чисто экономическим образом, т. е. с буржуазной точки зрения, в пределах капиталистического понимания, с точки зрения самого капиталистического производства, ограниченность последнего, его относительность, то, что оно — не абсолютный, а лишь исторический способ производства, соответствующий известной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

Материальные предпосылки

Исторический характер капиталистического способа производства

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. 1, с. 281—285*

[...] Абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, только и отвечает потребности капиталистического способа производства. Для этого способа производства рабочие становятся уже лишними, как только исчезает необходимость заставлять их работать в

Противоречия капитализма

течение 12—15 часов ежедневно. Если бы развитие производительных сил уменьшило абсолютное число рабочих, т. е. в действительности дало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы не у дел. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, в известный момент оно вступает в коллизию с этим развитием. Частично такая коллизия проявляется в периодических кризисах, которые происходят оттого, что то одна, то другая часть рабочего населения делается излишней в своей старой профессии. Предел капиталистического производства — избыточное время рабочих. Абсолютное излишнее время, выигрываемое обществом, не интересует капиталистическое производство. Развитие производительной силы важно для него лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего класса, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом капиталистическое производство вращается в противоречиях.

Обобществление условий производства Предпосылки

Мы видели, что рост накопления капитала включает в себя возрастающую концентрацию его. Таким образом возрастает власть капитала, обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства от действительных производителей. Капитал все более оказывается общественной силой, функционером которой является капиталист и которая не находится уже решительно ни в каком соответствии с тем, что может создать труд отдельного индивидуума. Он оказывается отчужденной, обособленной общественной силой, которая противостоит обществу как вещь и как сила капиталиста через посредство этой вещи. Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает преобразование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обусловливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. 1, с. 289—290*

Тремя главными фактами капиталистического производства являются следующие:

1) Концентрация средств производства в немногих руках, вследствие чего они перестают быть собственностью непосредственных работников, а, напротив, превращаются в общественные силы производства. Хотя сначала таковыми они становятся, будучи еще частной собственностью капиталистов. Последние — опекуны буржуазного общества, но они прикармливают все плоды этой опеки.

2) Организация самого труда как общественного труда: путем кооперации, разделения труда и соединения труда с естествознанием.

Как с той, так и с другой стороны, капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах.

3) Создание мирового рынка.

По сравнению с численностью населения огромная производительная сила, развивающаяся в рамках капиталистического способа производства, и возрастание, хотя и не в той же пропорции, капитальных стоимостей (не только их материального субстрата), растущих значительно быстрее, чем население, находятся в противоречии со становящейся все более узкой, по сравнению с ростом богатства, основой, на которой действует эта огромная производительная сила, и с условиями возрастания стоимости этого все нарастающего капитала. Отсюда кризисы.

Предпосылки

Общественный характер средств производства

Общественный характер труда

Мировой рынок

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. I, с. 292*

Труд по надзору и управлению необходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет вид общественно-комбинированного процесса, а не является разъединенным трудом самостоятельных производителей [...]. Но природа его — двоякого рода.

Труд по управлению

С одной стороны, во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческое дело, этот труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и соб-

ственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства [...]. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. I, с. 422*

Труд по управлению

Труд по управлению и надзору, поскольку этот труд не есть особая функция, обусловливаемая природой всякого комбинированного общественного труда, а вытекает из противоположности между собственником средств производства и собственником только рабочей силы,— причем безразлично, покупается ли последняя вместе с самим работником, как при системе рабства, или сам рабочий продает свою рабочую силу, и процесс производства является поэтому одновременно и процессом потребления его труда капиталом,— эта функция, возникающая из порабощения непосредственного производителя, часто выставляется как достаточное основание для оправдания самого этого отношения, и эксплуатация, присвоение чужого неоплаченного труда, столь же часто изображается как заработная плата, причитающаяся собственнику капитала. [...]

Труд по управлению

Труд по надзору и управлению, поскольку он возникает из антагонистического характера общества, в частности из господства капитала над трудом, и потому является общим для всех способов производства, основанных, как и капиталистический способ, на классовой противоположности, этот труд при капиталистической системе непосредственно и неразрывно связан с производительными функциями, которые налагаются всяким комбинированным общественным трудом на отдельных индивидуумов в качестве особого труда. [...]

Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по надзору, совершенно отделенный от собственности на капитал, всегда предлагается в избытке. Поэтому сделалось необязательным, чтобы этот труд по надзору выполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра; в его функцию как дирижера не входит также обязанность

иметь дело с «оплатой» прочих музыкантов. Кооперативные фабрики дают доказательство того, что капиталист в качестве функционера производства стал столь же излишен, как сам он, представляя высшую ступень развития, считает излишним помещика. Поскольку труд капиталиста обусловливается процессом производства не только потому, что этот процесс капиталистический и, следовательно, поскольку этот труд сам собой не исчезает вместе с капиталом, поскольку он не ограничивается такой функцией, как эксплуатация чужого труда; поскольку, следовательно, он обусловливается формой труда как общественного труда, комбинацией и кооперацией многих для достижения общего результата, постольку труд этот совершенно так же независим от капитала, как независима от него сама эта форма, раз только она сбросила с себя капиталистическую скорлупу. Утверждение, что этот труд необходим как капиталистический труд, как функция капиталиста, означает лишь, что вульгарный экономист не может представить себе форм, развившихся в недрах капиталистического способа производства, отделенными и освобожденными от их антагонистического капиталистического характера. [...]

Кооперативные фабрики

Общественный характер труда

Плата за управление, которой вознаграждаются управляющие как торговыми, так и промышленными предприятиями, выступает совершенно обособленно от предпринимательского дохода и в кооперативных фабриках рабочих и в капиталистических акционерных предприятиях. Отделение платы за управление от предпринимательского дохода, которое в других случаях является случайным, приобретает здесь постоянный характер. В кооперативной фабрике труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала. Акционерные предприятия, развивающиеся вместе с кредитом, вообще обнаруживают тенденцию все более отделять этот труд по управлению как особую функцию от владения капиталом, собственным ли, или заемным, совершенно так же, как с развитием буржуазного общества функции суда и управления отделяются от земельной собственности, атрибутами которой они были в феодальное время. Но когда, с одной стороны, простому собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоит функционирующий капиталист, а с развитием кредита этот денежный капитал сам принимает общественный характер, концентрируется в банках и ссужается ими, а не его непосредственными собственниками; когда, с другой стороны, лицо, являющееся только управляющим, не владеющее

Кооперативные фабрики и акционерные предприятия

капиталом ни под каким титулом, ни заимообразно, ни как-либо иначе, исполняет все реальные функции, выпадающие на долю функционирующего капиталиста как такового,— тогда остается лишь служащий, а капиталист как лицо излишнее исчезает из процесса производства.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. I, с. 424—427*

Общие замечания, до сих пор высказанные нами по поводу кредита, сводились к следующему:

I. Образование кредита необходимо для того, чтобы опосредствовать выравнивание нормы прибыли или процесс этого выравнивания, на чем покоится все капиталистическое производство.

II. Сокращение издержек обращения. [...]

Предпосылки Акционерные общества

III. Образование акционерных обществ. Благодаря этому:

1) Колоссальное расширение масштабов производства и возникновение предприятий, которые были невозможны для отдельного капитала. Вместе с тем такие предприятия, которые раньше были правительственными, становятся общественными.

Общественный характер производства

2) Капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это — упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства.

3) Превращение действительно функционирующего капиталиста в простого управляющего, распоряжающегося чужими капиталами, и собственников капитала — в чистых собственников, чистых денежных капиталистов. [...] В акционерных обществах функция отделена от собственности на капитал, следовательно, и труд совершенно отделен от собственности на средства производства и на прибавочный труд. Это — результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собствен-

ностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции. [...] *

Предпосылки

Противоречия капитализма

Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое prima facie ** представляется простым переходным пунктом к новой форме производства. Как такое противоречие оно выступает и в своем проявлении. В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности.

IV. Если оставить в стороне акционерное дело,— которое является упразднением капиталистической частной промышленности на основе самой капиталистической системы и которое по мере того, как расширяется и захватывает новые отрасли производства, уничтожает частную промышленность,— кредит предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом [...] Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление ее является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом. Но эта экспроприация в пределах самой капиталистической системы выражается в антагонистической форме, в форме присвоения общественной собственности немногими; а кредит все больше придает этим немногим характер чистых рыцарей наживы. Так как собственность существует здесь в форме акций, то ее движение и передача становятся просто результатом биржевой игры, где мелкие рыбы поглощаются акулами, а овцы — биржевыми волками. В акционер-

Общественный характер производства
Необходимость общественной собственности на общественные средства производства

* Перед следующим абзацем Энгельс сделал в издании 1894 г. добавление (см. наст. т., с. 670). *Ред.*

** — прежде всего. *Ред.*

Противоречия капитализма

ном деле уже существует противоположность старой формы, в которой общественные средства производства выступают как индивидуальная собственность; но само превращение в форму акций еще стеснено капиталистическими рамками; поэтому вместо того чтобы преодолеть противоречие между характером богатства как богатства общественного и как богатства частного, оно лишь развивает это противоречие в новом виде.

Кооперативные фабрики

Кооперативные фабрики самих рабочих являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме, хотя они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы. Но в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства. Без фабричной системы, возникающей из капиталистического способа производства, как и без кредитной системы, возникающей из того же самого способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитная система, образующая главную основу постепенного превращения капиталистических частных предприятий в капиталистические акционерные общества, составляет точно так же и средство к постепенному большему или меньшему расширению кооперативных предприятий в национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному, только в одних противоположность устранена отрицательно, а в других — положительно.

Предпосылки

До сих пор мы рассматривали развитие кредита и скрыто заключающееся в нем уничтожение капиталистической собственности главным образом в отношении промышленного капитала. В следующих главах мы рассмотрим кредит в отношении капитала, приносящего проценты, как такового, его влияние на последний, форму, которую он здесь принимает; при этом нам придется еще сделать несколько замечаний специфически экономического характера.

Пока только следующее:

Если кредит оказывается главным рычагом пере-

производства и чрезмерной спекуляции в торговле, то лишь потому, что процесс воспроизводства, эластичный по своей природе, форсируется здесь до крайних пределов, и именно потому форсируется, что значительная часть общественного капитала применяется не-собственниками его, пускающимися в силу этого в предпринимательскую деятельность совсем по-иному, чем собственник, который, поскольку он функционирует сам, боязливо взвешивает ограниченные возможности своего частного капитала. Это только свидетельствует о том, что основанное на противоречивом характере капиталистического производства возрастание стоимости капитала допускает действительное, свободное развитие лишь до известного предела и, следовательно, в действительности создает для производства имманентные оковы и пределы, постоянно прерываемые кредитом [...]. Поэтому кредит ускоряет развитие материальных производительных сил и создание мирового рынка, доведение которых как материальных основ новой формы производства до известной высокой степени развития и составляет историческую задачу капиталистического способа производства. Вместе с тем кредит ускоряет насильственные взрывы этого противоречия, кризисы, и тем самым усиливает элементы разложения старого способа производства.

Материальные предпосылки

Присущий кредитной системе двойственный характер: с одной стороны, развивать движущую силу капиталистического производства, обогащение на эксплуатации чужого труда, в систему чистейшего и колоссальнейшего азарта и мошенничества и все более сокращать число тех немногих, которые эксплуатируют общественное богатство; а с другой — составлять переходную форму к новому способу производства; эта двойственность и придает главным провозвестникам кредита от Ло до Исаака Перейры свойственный им приятный характер помеси мошенника и пророка.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. I, с. 478—485*

Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 26*

Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри страны

Международная торговля

было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 62*

Общественное производство и контроль общества

Таким образом, в воздействии отлива золота тот факт, что производство как общественное производство не подчинено в действительности общественному контролю, резко обнаруживается в том, что общественная форма богатства как *вещь* существует вне его.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 121*

Предпосылки

[...] Кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм. [...]

Банки

В банковской системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. [...] Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковское дело изымает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства. [...]

Кредит
Переходный период
Способ производства

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,— однако лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла,— это поняли, впрочем, даже сен-симонисты.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 156—157*

К. Маркс

КАПИТАЛ. КНИГА ВТОРАЯ. ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА [135]

При капиталистическом процессе производства *непосредственной целью производства* является увеличение стоимости капитала, производство прибавочной стоимости и накопление капитала; здесь производство ведется в крупном и все расширяющемся масштабе; масштаб производства не обусловливается данным кругом существующих потребностей, а диктуется достигнутым масштабом развития производительных сил.

Производство и потребности

Первая половина 1865 г. — *т. 49, с. 289*

К. Маркс

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ [136]

Если оставить в стороне различие природных особенностей и приобретенных производственных навыков различных людей, то производительная сила труда должна зависеть главным образом:

1) от *естественных* условий труда, как-то: плодородия почвы, богатства рудников и т. д.;

2) от прогрессирующего совершенствования *общественных сил труда,* которое обусловливается производством в крупном масштабе, концентрацией капитала, комбинированием труда, разделением труда, машинами, усовершенствованием методов производства, использованием химических и других естественных факторов, сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта и всякими другими изобретениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и благодаря которым развивается общественный, или кооперативный, характер труда.

Предпосылки
Общественные производительные силы

Общественный характер труда

Июнь 1865 г. — *т. 16, с. 128*

Это *отделение* трудящегося от средств труда, будучи однажды осуществлено, в дальнейшем сохраняется и воспроизводится в постоянно расширяющемся масштабе вплоть до тех пор, пока новая и коренная революция в способе производства не уничтожит его и не восстановит первоначально существовавшего единства в новой исторической форме.

Революция в способе производства
Соединение трудящихся и средств труда

Июнь 1865 г. — *т. 16, с. 132*

Этих немногих замечаний будет достаточно, чтобы показать, что самое развитие современной промышленности должно все более склонять чашу весов в пользу капиталиста и в ущерб рабочему и что, следовательно, общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, то есть в большей или меньшей степени низводит *стоимость труда* до ее *минимального предела.* Но если *положение вещей* при современной системе имеет такую тенденцию, то значит ли это, что рабочий класс должен отказаться от борьбы с грабительскими посягательствами капитала и прекратить свои попытки использовать представляющиеся возможности для временного улучшения своего положения? Если бы рабочие так поступили, они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения. Надеюсь, я показал, что борьба рабочих за уровень заработной платы неразрывно связана со всей системой наемного труда, что стремления рабочих повысить заработную плату в 99 случаях из 100 являются лишь усилиями сохранить уже существующую оплату стоимости труда и что необходимость бороться с капиталистами за цену труда коренится в положении рабочих, которое вынуждает их продавать самих себя как товар. Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение.

Вместе с тем, даже если совершенно оставить в стороне то общее закрепощение рабочих, которое связано с системой наемного труда, рабочий класс не должен преувеличивать конечные результаты этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не против причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает движение вниз, но не меняет направления этого движения; что он применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь. Поэтому рабочие не должны ограничиваться исключительно этими неизбежными партизанскими схватками, которые непрестанно порождаются никогда не прекращающимся наступлением капитала или изменениями рынка. Они должны понять, что

Предпосылки
Материальные условия и общественные формы

современная система при всей той нищете, которую она с собой несет, вместе с тем создает *материальные условия* и *общественные формы*, необходимые для экономического переустройства общества. Вместо *консервативного* девиза: *«Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день!»*, рабочие должны написать на своем знамени *революционный* лозунг: *«Уничтожение системы наемного труда!»* [...]

Тред-юнионы успешно действуют в качестве центров сопротивления наступлению капитала. Частично они терпят неудачу вследствие неправильного использования своей силы. В общем же они терпят неудачу, поскольку ограничиваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того чтобы одновременно стремиться изменить ее, вместо того чтобы использовать свои организованные силы в качестве рычага для окончательного освобождения рабочего класса, то есть окончательного уничтожения системы наемного труда.

Июнь 1865 г. *т. 16, с. 154—155*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ТРЕТИЙ [113]

Предпосылки

Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях частной собственности [27];

Противоречия капитализма

[27] Совершенно консервативные агрохимики, как, например, Джонстон, признают, что частная собственность повсюду создает для действительно рационального земледелия непреодолимые препятствия [137]. То же признают и авторы, являющиеся защитниками ex professo монополии частной собственности на землю, как, например, г-н Шарль Конт в двухтомной работе, имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. «Никакой народ,— говорит он,— не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить широкое развитие его богатств, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение каждым отдельным участком его территории и добилась того, чтобы каждый участок служил для процветания всех остальных. Но существование такой воли... оказалось бы несовместимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленной всякому владельцу возможностью почти абсолютно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом» [138].— Джонстон, Конт и др., встречаясь с противоречием собственности и рационального применения агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю данной страны как одно целое. Но и зависимость культуры отдельных земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду, противоречат агрикультуре, которая должна обеспечить совокупность постоянных жизненных условий сменяющихся человеческих поколений. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях ведется до некоторой степени в соответствии с общественными интересами, когда лес не составляет частной собственности, а находится в ведении государства.

6 Заказ 2724

что он, с одной стороны, совершенно отделяет земельную собственность от отношений господства и рабства, а с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от земельной собственности и от земельного собственника, для которого земля означает не что иное, как определенный денежный налог, взимаемый им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность находится в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, короче, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретики, как мы увидим ниже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, с другой стороны, сведение к абсурду земельной собственности — таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Как и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту прежде всего ценой полного обнищания непосредственных производителей.

Рациональное земледелие

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 166—167*

Сознание Планомерное производство

Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная * ассоциация, то эти 10 квартеров будут представлять собой количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах [139]. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2^1/_2$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждение, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к

Земельная рента и стоимость продуктов

* Слова «сознательная и планомерная» добавлены Энгельсом в издании 1894 г. *Ред.*

государству,— цены земледельческих продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 213*

Новая общественно-экономическая формация
Уничтожение частной собственности на землю

С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как boni patres familias *, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 337*

Противоречия капитализма и рациональное земледелие

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого участия отнюдь не принимает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие между частной собственностью на землю и рациональным земледелием, нормальным общественным пользованием землей. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других,— есть основа капиталистического способа производства.

Уничтожение частной собственности на землю
Сознание

Здесь, при мелком земледелии, цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а земельному собственнику. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуж-

* — добрые отцы семейств. *Ред.*

даемого условия существования и воспроизводства постоянно сменяющих друг друга человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неоднаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в том и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в конечном счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и эта помеха, которую всякая частная собственность на землю ставит земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там только в различных формах, и в спорах об этих специфических формах зла забывается его основная причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает сельское население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в больших городах промышленное население; тем самым создаются условия, которые вызывают непоправимую брешь в процессе общественного и диктуемого естественными законами жизни обмена веществ, вследствие чего сила почвы расточительно растрачивается, а эта расточительная растрата при посредстве торговли распространяется далеко за пределы собственной страны (Либих [140]).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую

силу в той последней области, в которой находит убежище ее природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 377—379*

Необходимость прибавочного труда

Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества.

Распределение совокупного общественного продукта

Определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением.

Предпосылки

Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой форме общества

Более высокая форма общества

дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 6 часам и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 12 часам, а норма прибавочного труда = только $33^1/_3$%. Таким образом, от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также и в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его

Свобода

Необходимость материального производства
Человек, общество и природа

Сознание

Свободное развитие человека

Сокращение рабочего дня

воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 385—387*

Распределение совокупного общественного продукта

При нормальном состоянии воспроизводства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно, на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный для производства предметов потребления, вещественных элементов дохода. [...] Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна будет существовать и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно потребляемая непосредственными производителями, не будет ограничена ее нынешним минимальным уровнем. За исключением прибавочного труда на тех,

которые в силу своего возраста еще не могут или уже не могут принимать участие в производстве, отпадает какой бы то ни было труд на содержание тех, кто не работает.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 416—417*

Шторх выражает и мнение многих других, когда говорит:

«Продаваемые продукты, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии с двух различных точек зрения: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («Considérations sur la nature du revenu national». Paris, 1824, p. 19) [141].

Во-первых, это ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм [Gesamtkörper], работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Стоимость

Рабочее время
Распределение труда
Учет

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 421*

Распределение совокупного общественного продукта

Труд

Если свести заработную плату к ее общей основе, то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего как действительно общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1, необходи-

мый труд, и в № 2 *, прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, то есть если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то остаются уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 448*

Распределение совокупного общественного продукта

[...] В любом общественном производстве (например, в естественно сложившихся индийских общинах или в более искусственно развившемся коммунизме перуанцев) всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и членов их семьи и,— оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление,— другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям.

Ум, более развитой, более критический, признает [56а], правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем бо́льшим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Исторический характер капиталистического способа производства

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определенностью, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие,— условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы,

---

* Перевод уточнен. *Ред.*

56а) *J. Stuart Mill.* «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844 [142].

исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения,— отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни,— имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер. [...]

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной политической экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой,— его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы. Наступление такого кризиса проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения,— а следовательно, и определенной исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой [57].

Труд

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как основа социальной революции

Осень 1864 — конец 1865 г. *т. 25, ч. II, с. 449—450, 456*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 20 ИЮНЯ 1866 г. [144]

Представители «молодой Франции» [145] *(нерабочие)* выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — «устарелые предрас-

[57] См. работу о Competition and Cooperation (1832?) [143].

судки». Прудонистское штирнерианство. Разложить все на мелкие «группы» или «коммуны», которые затем образуют «союз», но не государство. И в то время как происходит эта «индивидуализация» человечества и развивается соответствующий «мютюэлизм» [146], история во всех остальных странах должна приостановиться, и весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции [147]. Тогда они проделают на наших глазах этот опыт, и весь остальной мир, побежденный силой их примера, сделает то же. Это как раз то, чего ожидал Фурье от своего образцового фаланстера [148]. Вообще же все, кто усложняет «социальный» вопрос «суевериями» старого мира,— «реакционеры».

т. 31, с. 193

К. Маркс

ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ [149]

Предпосылки

Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является *ограничение рабочего дня*.

Оно необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, который составляет основной костяк каждого народа, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности.

Труд

Мы предлагаем *в законодательном порядке ограничить* рабочий день *8 часами*.

Конец августа 1866 г. *т. 16, с. 196*

Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок* с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками. Однако в настоящее время в нашу задачу входит забота только о детях и подростках из рабочего класса.

Конец августа 1866 г. *т. 16, с. 197*

Воспитание

[...] Наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Они знают, что в первую очередь надо оградить работающих детей и подростков от разрушительного действия современной системы. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов*, проводимых в жизнь государственной властью. Проведением в жизнь таких законов рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него, он осуществляет путем общего законодательного акта то, чего напрасно добивался бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий.

Исходя из этого, мы заявляем, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Соединение труда и воспитания

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии.

Конец августа 1866 г. *т. 16, с. 198*

5. КООПЕРАТИВНЫЙ ТРУД

Международное Товарищество Рабочих ставит себе целью объединить, направив в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было докт-

ринерские системы. Поэтому конгрессу не следует провозглашать какую-либо *особую систему* кооперации, а следует ограничиться изложением некоторых общих принципов.

Кооперативное движение

(a) Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей*.

(b) Однако ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя*, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям.

(c) Рекомендуем рабочим браться предпочтительнее за *кооперативное производство*, нежели за *кооперативную торговлю*. Последняя затрагивает только поверхность современного экономического строя, первая подрывает его основы.

(d) Рекомендуем всем кооперативным обществам превращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды своих принципов как делом, так и словом, а именно, содействуя учреждению новых производственно-кооперативных обществ, наряду с распространением своего учения.

(e) Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (sociétés par actions), рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент.

Конец августа 1866 г. *т. 16, с. 199—200*

Профсоюзы

Профессиональные союзы первоначально возникли из *стихийных* попыток рабочих устранить или по меньшей мере ослабить эту конкуренцию, чтобы завоевать такие условия договора, которые хотя бы

избавили их от положения простых рабов. Непосредственная задача профессиональных союзов ограничивалась поэтому повседневными нуждами, попытками остановить непрерывное наступление капитала, одним словом,— вопросами заработной платы и рабочего времени. Такая деятельность профессиональных союзов не только законна, но и необходима. Без нее нельзя обойтись, пока существует современный способ производства. Более того, эта деятельность должна получить всеобщее распространение путем создания и объединения профессиональных союзов во всех странах. С другой стороны,— сами того не сознавая, профессиональные союзы становились *организационными центрами* для рабочего класса, подобно тому как средневековые муниципалитеты и коммуны были организационными центрами для буржуазии. Если профессиональные союзы необходимы для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они в еще большей степени важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала.*

(b) Их настоящее.

Слишком часто занятые исключительно местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы еще не вполне осознали, какую силу они представляют для борьбы против самой системы наемного рабства. Поэтому они держались слишком в стороне от общего социального и политического движения. За последнее время все же в них, по-видимому, пробудилось * сознание их великой исторической миссии; об этом свидетельствует, например, их участие в нынешнем политическом движении в Англии [150], более широкое понимание ими своей функции в Соединенных Штатах [151] и принятая на состоявшейся недавно большой конференции делегатов тред-юнионов в Шеффилде следующая резолюция:

«Настоящая конференция, должным образом оценивая деятельность Международного Товарищества по объединению рабочих всех стран в единый братский союз, самым настоятельным образом рекомендует различным обществам, представленным здесь, войти в это Товарищество, полагая, что оно существенно содействует прогрессу и процветанию всего рабочего люда» [152].

(c) Их будущее.

Независимо от своих первоначальных целей, они должны теперь научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса,

* В немецком тексте добавлено: «по крайней мере в Англии». *Ред.*

ставя своей великой задачей его *полное освобождение*. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, идущее в этом направлении. Считая себя и выступая на деле представителями всего рабочего класса и борцами за его интересы, они обязаны привлекать в свои ряды и неорганизованных рабочих. Они должны особенно заботиться об интересах рабочих хуже всего оплачиваемых отраслей производства, например, сельскохозяйственных рабочих, которые в силу неблагоприятных условий совершенно беспомощны *. Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов.

Конец августа 1866 г. *т. 16, с. 200—201*

10. АРМИИ **

(a) Гибельное влияние больших постоянных армий на *производство* достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться на эту тему.

(b) Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

(c) Мы допускаем в качестве временно необходимой меры существование небольших постоянных армий, служащих школами для обучения командного состава милиции; каждый гражданин мужского пола должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях.

Конец августа 1866 г. *т. 16, с. 203*

К. Маркс

РЕЧЬ НА ПОЛЬСКОМ МИТИНГЕ В ЛОНДОНЕ 22 ЯНВАРЯ 1867 ГОДА [153]

Петр I однажды воскликнул, что для завоевания мира московитам не хватает только души ***. Живи-

* Во французском тексте вместо слов «совершенно беспомощны» напечатано: «неспособны к организованному сопротивлению». *Ред.*

** Во французском тексте: «Постоянные армии в их отношении к производству». *Ред.*

*** В тексте речи Маркса, опубликованном в «Socialisme», эта фраза изложена следующим образом: «План русской политики остается неизменным; средства ее осуществления значительно умножились с 1848 г., но до сих пор одно лишь остается для нее недостижимым,— и Петр I коснулся этого слабого пункта, когда воскликнул, что для завоевания мира московитам не хватает только души». *Ред.*

тельный дух, который нужен России, войдет в ее тело лишь после поглощения поляков. Что же вы тогда бросите на другую чашу весов? На этот вопрос отвечают с разных точек зрения. Одни говорят, что Россия, благодаря освобождению крестьян [154], вступила в семью цивилизованных народов. Немецкая мощь, недавно собранная в руках пруссаков, как утверждают другие, способна противодействовать всем ударам азиатов. Некоторые же, более радикальные, возлагают свои надежды на внутренние социальные преобразования в Западной Европе *. [...]

Что же касается социальной революции, то что она означает, как не борьбу классов? Возможно, что борьба между рабочими и капиталистами будет менее жестокой и менее кровопролитной, чем в свое время борьба между феодальными сеньорами и капиталистами в Англии и во Франции. Хотелось бы на это надеяться. Но во всяком случае, хотя подобный социальный кризис может усилить энергию западных народов, он вызовет в то же время, как и всякий внутренний конфликт, нападение извне. Он снова наделит Россию той ролью, какую она уже играла во время антиякобинской войны [155] и со времени возникновения Священного союза [156],— роль предназначенного свыше спасителя порядка. Она завербует в свои ряды все привилегированные классы Европы. Уже во время февральской революции не один только граф Монталамбер припадал ухом к земле, чтобы услышать, не приближается ли топот казацких коней [157]. Не один только прусские оруженосцы в германских представительных собраниях провозглашали царя «отцом и покровителем». На всех европейских биржах при каждой победе русских поднимался курс бумаг, а при каждом поражении — понижался.

Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое московитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя

---

* В «Socialisme» конец данного абзаца изложен следующим образом: «Европеец с континента, может быть, ответит мне, что Россия, благодаря освобождению крепостных, вступила в семью цивилизованных народов, что немецкая мощь, недавно собранная в руках пруссаков, способна противодействовать всем ударам азиатов, и, наконец, что социальная революция в Западной Европе покончит с опасностью «международных конфликтов». Англичанин, который читает только «Times», может возразить мне, что, если бы, в худшем случае, Россия захватила Константинополь, тогда Англия завладела бы Египтом и таким образом обеспечила бы путь к своему обширному индийскому рынку» *Ред.*

таким образом от Азии двадцатью миллионами героев, чтобы выиграть время для завершения своего социального преобразования.

т. 16, с. 207, 208

К. Маркс

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЙНОМ ПРАЗДНЕСТВЕ ЛОНДОНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ 28 ФЕВРАЛЯ 1867 ГОДА [158]

Уничтожение буржуазной частной собственности

Рабочему классу незачем уничтожать личную собственность, ибо она давно уничтожена и изо дня в день уничтожается, однако, что действительно следует уничтожить, так это собственность буржуазную, которая основывается ведь только на обмане.

т. 16, с. 550

К. Маркс

РЕЧЬ ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ К КОНГРЕССУ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ [159]

Условие всеобщего мира

Конгресс Международного Товарищества Рабочих сам по себе является конгрессом мира, поскольку объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными. [...]

Те люди, которые отказываются принять участие в деле преобразования отношений между трудом и капиталом, оставляют без внимания действительное условие всеобщего мира.

13 августа 1867 г. *т. 16, с. 556, 557*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ПЕРВЫЙ [160]

[...] Всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям.

Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Необходимость труда

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом — товарные тела, представляют собой соединение двух элементов — вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ [...]. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать [161].

Труд и богатство

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 51—52*

Для исследования общего, т. е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов [...]. Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, а также изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем, уже с самого начала выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие силы с само-

го начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи *.

Союз свободных людей
Общественная собственность на средства производства

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого.

Распределение совокупного общественного продукта

Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними.

Способ распределения
Развитие производства и производителей

Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей [162]. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем.

Распределение по труду

Планомерное распределение рабочего времени

При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями.

Рабочее время как мера потребления

С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта.

Производственные отношения

Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 88—89*

Отмирание религии

Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой.

Производство

Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и бу-

Общественные отношения

* Данный абзац добавлен Марксом во втором издании. *Ред.*

дет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития.

Сознание
Предпосылки

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 90*

Формы *, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства,— эти формы * представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд.

Человек и производство

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 91*

Исчезновение товарного производства и денег
Критика теории «рабочих денег»

Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, например, бумажный денежный знак не представляет *x* рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны принимать форму товаров, так как форма товара предполагает разделение их на товары и денежный товар; или — к вопросу, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как своя собственная противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм «рабочих денег» на основе товарного производства («К критике политической экономии», стр. 61 и сл.) **. Здесь отмечу только, что, например, «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 104*

* В последующих изданиях вместо «формы» напечатано: «формулы». *Ред*

** См. наст. т., с. 69—72. *Ред.*

Необходимость труда

Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 195*

Необходимый труд

Мы уже видели, что рабочий в продолжение одной части процесса труда производит только стоимость своей рабочей силы, т. е. стоимость необходимых ему жизненных средств. Так как он производит при отношениях, покоящихся на общественном разделении труда, то он производит свои жизненные средства не непосредственно, а в форме какого-либо особенного товара, например пряжи, производит стоимость, равную стоимости его жизненных средств или тем деньгам, на которые он покупает эти средства. Та часть его рабочего дня, которую он употребляет для этого, будет больше или меньше в зависимости от стоимости его средних ежедневных жизненных средств, т. е. от того среднего рабочего времени, которое ежедневно требуется для их производства. Если в стоимости ежедневных жизненных средств рабочего воплощено в среднем 6 овеществленных рабочих часов, то рабочему приходится работать в среднем по 6 часов в день для того, чтобы произвести эту стоимость. Если бы он работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы, при прочих равных условиях, попрежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы произвести стоимость своей рабочей силы и таким образом приобрести жизненные средства, необходимые для его собственного сохранения, или постоянного воспроизводства. Но так как в ту часть рабочего дня, в продолжение которой он производит дневную стоимость рабочей силы, скажем 3 шилл., он производит только эквивалент той стоимости, которая уже уплачена ему капиталистом [...], т. е. просто возмещает вновь созданной стоимостью авансированную переменную капитальную стоимость, то это производство стоимости является просто воспроизводством. Итак, ту часть рабочего дня, в продолжение которой совершается это воспроизводство, я называю необходимым рабочим временем, а труд, затрачиваемый в течение этого времени,— необходимым трудом [...]. Необходимым для

рабочих потому, что он независим от общественной формы их труда. Необходимым для капитала и капиталистического мира потому, что постоянное существование рабочего является их базисом.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 227—228*

Труд по управлению

Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает специфические характерные особенности.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 342*

Производство Сознание

Мануфактурное разделение труда предполагает безусловную власть капиталиста над людьми, которые образуют простые звенья принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов,— подобно тому как в мире животных bellum omnium contra omnes [163] есть в большей или меньшей степени условие существования всех видов. Поэтому буржуазное сознание, которым мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение капиталу частичного рабочего прославляется как организация труда, повышающая его производительную силу,— это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 368—369*

Машины

[...] Даже если машина и стоит столько же, сколько замещаемая ею рабочая сила, овеществленный в самой машине труд всегда гораздо меньше замещаемого ею живого труда [...].

Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы. Так как разделение рабочего дня на необходимый труд и прибавочный труд в разных странах различно, так же как оно различно и в одной и той же стране, но в разные периоды или в один и тот же период, но в разных отраслях производства; так как, далее, действительная заработная плата рабочего то падает ниже, то поднимается выше стоимости его рабочей силы, то эта разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы может претерпевать большие колебания, хотя бы разница между количеством труда, необходимым для производства машины, и общим количеством замещаемого ею труда и оставалась без изменения [116a]. Но только первая разница и определяет для самого капиталиста издержки производства товара и оказывает на него влияние при посредстве принудительных законов конкуренции.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 404*

Машины

[...] Капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и характер общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит,— отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами,— избыточное рабочее население [...], вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то примечательное явление в истории современной промышленности, что машина опрокидывает все моральные и естественные пределы рабочего

Машины [116a] Поэтому в коммунистическом обществе машины имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе. *[Примечание к 2 изданию.]*

дия. Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в вернейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, находящееся в распоряжении капитала для увеличения его стоимости.

«Если бы»,— мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности,— «если бы каждое орудие по приказанию или по предугадыванию могло исполнять предназначенную ему работу подобно тому, как творения Дедала двигались сами собой или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким же образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов» [155)].

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 418—419*

Д-р Юр, Пиндар автоматической фабрики, описывает ее, с одной стороны, как

«кооперацию различных категорий рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с искусством и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в действие центральной силой (первичным двигателем)»,

с другой стороны — как

«огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение» [165].

Эти два определения отнюдь не тождественны. В одном комбинированный совокупный рабочий, или общественный рабочий организм, является активно действующим субъектом, а механический автомат — объектом; во втором сам автомат является субъектом, а рабочие присоединены как сознательные органы к его лишенным сознания органам и вместе с последними подчинены центральной двигательной силе. Первое определение сохраняет свое значение по отношению ко всем возможным применениям машин в крупном масштабе; второе характеризует их капиталистическое применение и, следовательно, современную фабричную систему. Машины

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 430*

Как ни жалки в общем статьи фабричного акта [166] относительно воспитания, они объявили начальное

[155)] *F. Biese.* «Die Philosophie des Aristoteles». Zweiter Band. Berlin, 1842, S. 408 [164].

обучение обязательным условием труда [...]. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики [...] с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. [...]

Воспитание и производительный труд

Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей.

Всестороннее развитие человека

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 494—495*

Предпосылки

Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен [...]. Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства [...] и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия [...], то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей

Закон перемены труда

многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности. Одним из моментов этого процесса переворота, стихийно развившимся на основе крупной промышленности, являются политехнические и сельскохозяйственные школы, другим — «écoles d'enseignement professionnel» [«профессиональные школы»], в которых дети рабочих получают некоторое знакомство с технологией и с практическим применением различных орудий производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и для технологического обучения, как теоретического, так и практического. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующие ей экономические отношения рабочих находятся в прямом противоречии с такими ферментами переворота и с их целью — уничтожением старого разделения труда [167]. Однако развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой. «Ne sutor ultra crepidam!» [168] Эта nec plus ultra [вершина] ремесленной мудрости превратилась в ужасную глупость с того момента, когда часовщик Уатт изобрел паровую машину, цирюльник Аркрайт — прядильную машину, рабочий-ювелир Фултон — пароход [...].

Всестороннее развитие человека

Диктатура пролетариата

Уничтожение старого разделения труда

[...] Крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. [...]

Семья

Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую

экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, одна в связи с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник

Человек

гуманного развития [...].

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 497—501*

Предпосылки

Противоречия капитализма

Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно * приводит к созреванию противоречий и антагонизмов его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества [322].

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 512*

Земледелие и промышленность

В сфере земледелия крупная промышленность действует с наибольшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое

Наука и производство

применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который соединял друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм. Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накопляет тем самым,

Кооперативное движение

Предпосылки

* — фабричное законодательство. *Ред.*

322) Роберт Оуэн, отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок, который, однако, как отмечено выше, вовсе не разделял иллюзий своих последователей насчет значения этих изолированных элементов преобразования, не только фактически исходил в своих опытах из фабричной системы, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции. [...]

с одной стороны, историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих [324]. Но, разрушая чисто стихийно сложившиеся условия этого обмена веществ, капиталистическое производство в то же время вынуждает восстанавливать его систематически в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека.

Всестороннее развитие человека

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 513—514*

Умственный и физический труд

Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупно-

Кооперативный характер труда

Совокупный рабочий

[324] «Вы разделяете народ на два враждебных лагеря: грубую деревенщину и изнеженных карликов. Небесный боже! Нация, разделяющаяся по различию земледельческих и торговых интересов, считает себя здоровой и даже называет себя просвещенной и цивилизованной не вопреки этому чудовищному и неестественному разделению, а как раз в силу его» (*David Urquhart*, цит. соч., стр. 119) [169]. Это место обнаруживает одновременно силу и слабость такой критики, которая умеет обсуждать и осуждать современность, но не умеет понять ее.

го рабочего, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к совокупному рабочему, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит более к каждому из его членов, взятому в отдельности.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с 516—517*

Сокращение рабочего дня
Необходимый и прибавочный труд

Потребности
Распределение совокупного общественного продукта

Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления.

Производительность труда

Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств производства, но и устранение всякого бесполезного труда. Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних.

Рабочее и свободное время

Свободная деятельность

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой стороны абсолютной границей для сокращения рабочего дня является всеобщность труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время.

Необходимость труда

Всеобщность труда

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 539*

Так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет, конечно, ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 542*

Воспроизводство

Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства.

Условия производства суть в то же время условия воспроизводства. Ни одно общество не может непрерывно производить, т. е. воспроизводить, не превращая непрерывно известной части своего продукта снова в средства производства, или элементы нового производства.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 578*

Фонд жизненных средств

[...] Переменный капитал есть лишь особая историческая форма проявления фонда жизненных средств, или рабочего фонда, который необходим работнику для поддержания и воспроизводства его жизни и который при всех системах общественного производства он сам постоянно должен производить и воспроизводить.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 580*

Предпосылки

Лишь постольку, поскольку капиталист есть персонифицированный капитал, он имеет историческое значение и то историческое право на существование, которое, как говорит остроумный Лихновский, «не имеет никакой даты» [170]. И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Но постольку и движущим мотивом его деятельности являются не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик увеличения стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реаль-

Основной принцип: всестороннее свободное развитие каждого человека

ным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 605*

Сознание

Планомерное производство

Так как мы предполагали рамки капиталистического производства, следовательно, предполагали чисто стихийно выросшую форму общественного процесса производства, то мы совершенно отвлекались от всякой более рациональной комбинации, осуществляемой на основе наличных средств производства непосредственно и планомерно.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 623*

[...] Закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе. Иначе оно и быть не может при таком способе производства, где рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук [...].

Производство и потребности развития человека

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 634—635*

Общественные производительные силы

В четвертом отделе было показано, что развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в крупном масштабе, что только при этой предпосылке могут быть организованы разделение и комбинация труда, сэкономлены, благодаря массовой концентрации, средства производства, вызваны к жизни такие средства труда, например система машин и т. д., которые уже по своей вещественной природе применимы только совместно, могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое применение* науки. На основе товарного производства, при котором средства производства являются собст-

Наука и производство

* Перевод уточнен. *Ред.*

венностью частных лиц, при котором работник поэтому или изолированно и самостоятельно производит товары, или продает свою рабочую силу как товар, потому что у него нет средств для самостоятельного производства, указанная предпосылка реализуется лишь посредством увеличения индивидуальных капиталов, или в той мере, как общественные средства производства и жизненные средства превращаются в частную собственность капиталистов. На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиться лишь в капиталистической форме.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 637—638*

Законы народонаселения

[...] Всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 646*

Сокращение рабочего времени

[...] Если бы завтра труд повсюду был ограничен до рациональных размеров и для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 651*

Предпосылки
Противоречия капитализма
Поляризация буржуазного общества

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии *. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это* —

* В оригинале говорится: «обратно пропорциональна мукам его труда»; исправление сделано в соответствии с текстом авторизованного французского издания. *Ред.*

Всеобщий закон капиталистического иакоплеиия

абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления. Подобно всем другим закоиам, в своем осуществлеиии ои модифицируется миогочислеииыми обстоятельствами, аиализ которых сюда ие отиосится. [...]

Закои, согласио которому все возрастающая масса средств производства может, вследствие прогресса производительиости общественного труда, приводиться в движеиие все с меиьшей и меиьшей затратой человеческой силы,— этот закои иа базисе капитализма, где ие рабочий примеияет средства труда, а средства труда применяют рабочего, выражается в том, что чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих иа средства их заиятости, тем иеиадежиее, следовательио, иеобходимое условие их существоваиия: продажа собствеииой силы для умиожеиия чужого богатства, или для самовозрастаиия капитала. Таким образом, увеличеиие средств производства и производительиости труда, более быстрое, чем увеличеиие производительиого иаселеиия, получает капиталистическое выражеиие, иаоборот, в том, что рабочее иаселеиие постояиио увеличивается быстрее, чем потребиость в возрастаиии капитала.

В четвертом отделе при анализе производства отиосительиой прибавочиой стоимости мы видели, что при капиталистической системе все методы повышеиия общественной производительиой силы труда осуществляются за счет индивидуальиого рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчииеиия и эксплуатации производителя, оии уродуют рабочего, делая из иего иеполиого человека [eiпеп Teilmeпscheп], прииижают его до роли придатка машииы, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовиые силы процесса труда в той мере, в какой иаука входит в процесс труда как самостоятельиая сила; делают отвратительными условия, при которых рабочий работает, подчиияют его во время процесса труда самому мелочиому, отвратительиому деспотизму, все время его жизни превращают в рабочее время, бросают его жеиу и детей под Джаггернаутову колесиицу [171] капитала. Но все методы производства прибавочиой стоимости являются в то же время методами иакоплеиия, и всякое расширеиие иакоплеиия, иаоборот, стаиовится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере иакопления капитала положеиие рабочего должно ухудшаться, какова бы ии была, высока или иизка, его оплата. Наконец, закои, поддерживающий отиосительиое переиаселеиие, или промышлениую резервиую армию, в равновесии с размерами и

энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мукн труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 659—660*

Насилие

Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция.

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 761*

Частная и общественная собственность

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

Предпосылки Общественные производительные силы

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества.

Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пеккёра, стремлению «декретировать всеобщую посредственность»[172]. Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда,— эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше лишь эпохальные методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы [...].

Общественный характер труда и средств производства

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Общественные производительные силы

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое

применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Экспроприация экспроприаторов

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации свободных работников и их общей собственности на землю и произведенные самим трудом средства производства *.

Общественная собственность на средства производства

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в обществен-

* В последующих изданиях это предложение сформулировано следующим образом: «Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства». *Ред.*

ную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов [252)].

Январь 1866 — август 1867 г. *т. 23, с. 770—773*

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: De te fabula narratur! [Не твоя ли история это!] [174]

Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего. [...]

[252)] «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848, стр. 11, 9) [17].

Нечего предаваться иллюзиям. Подобно тому как американская война XVIII столетия за независимость [175] прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла Гражданская война в Америке XIX столетия [176]. В Англии процесс переворота стал уже вполне осязательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет здесь более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, помимо каких-либо мотивов более высокого порядка, насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются законодательному регулированию. Потому-то, между прочим, я уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития,— а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества,— не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов. [...]

Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс [...]

25 июля 1867 г. *т. 23, с. 6, 9—10*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ [177]

Учет

Бухгалтерский учет как средство контроля и мысленного обобщения этого процесса становится тем необходимее, чем более процесс производства совершается в общественном масштабе и утрачивает чисто индивидуальный характер; следовательно, ведение бухгалтерского учета более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при общественном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению бухгалтерского учета сокращаются вместе с концентрацией производства и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство.

Общественное производство

Лето 1867 г. *т. 24, с. 153*

Теперь необходимо еще исследовать, насколько эти непроизводительные издержки обязаны своим происхождением своеобразному характеру товарного производства вообще и товарного производства в его всеобщей абсолютной форме, т. е. капиталистического товарного производства; насколько, с другой стороны, они присущи всякому общественному производству, а здесь, при капиталистическом производстве, только принимают особый вид, особую форму проявления.

Общественное производство

Лето 1867 г. *т. 24, с. 158—159*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 1 СЕНТЯБРЯ 1867 г.[178]

Резюме об экспроприации экспроприаторов просто блестяще, оно произведет должный эффект *.

т. 31, с. 284

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 11 СЕНТЯБРЯ 1867 г.[179]

Перспективы революции

И когда наступит следующая революция, которая, возможно, ближе, чем это кажется, то *мы* (то есть ты и я) будем иметь эту могучую машину ** *в наших руках*.

т. 31, с. 291

Ф. Энгельс

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «RHEINISCHE ZEITUNG» [180]

[...] Здесь мы имеем перед собой произведение, автор которого с бесспорно редкой эрудицией рассматривает всю совокупность отношений между капиталом и трудом в его связи со всей экономической наукой, ставит себе конечной целью «раскрыть *экономический закон движения* современного общества» и при этом на основе безусловно добросовестных исследований, сделанных с несомненным знанием предмета, приходит к заключению, что весь «капиталистический способ производства» должен быть уничтожен.

12 октября 1867 г. *т. 16, с. 214—215*

* См. наст. т., с. 193—196. *Ред.*

** — Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал). *Ред.*

Первый том заканчивается исследованием о накоплении капитала. По этому пункту уже довольно много писали, однако, мы должны признать, что и здесь дано много нового, а старое освещено с новых сторон. Самое замечательное здесь — это убедительное доказательство, что наряду с концентрацией и накоплением капитала и в ногу с ними происходит накопление избыточного рабочего населения и что оба эти процесса в конце концов делают, с одной стороны, необходимым, а с другой стороны, возможным социальный переворот.

12 октября 1867 г. *т. 16, с. 217—218*

Ф. Энгельс

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «DÜSSELDORFER ZEITUNG»[181]

Эта книга очень разочарует некоторых читателей. Уже в течение ряда лет в определенных кругах говорилось о предстоящем ее появлении. В ней-де, наконец-то, должно быть раскрыто подлинное социалистическое тайное учение и панацея, и иной читатель, увидев, наконец, сообщение о ее выходе в свет, может вообразить, что из нее он теперь узнает, как же, собственно, будет выглядеть коммунистическое тысячелетнее царство. Кто рассчитывал на это удовольствие, тот основательно заблуждался. Впрочем он узнает из нее о том, как не должно быть, причем это разъясняется весьма отчетливо и резко на 784 страницах, и у кого есть глаза, чтобы видеть, тот увидит, что здесь требование социальной революции выставлено достаточно ясно. Здесь речь идет не о рабочих ассоциациях с государственным капиталом, как у покойного Лассаля[129], здесь идет речь об *уничтожении капитала* вообще.

Маркс остается все тем же революционером, каким он был всегда, и он менее чем кто-либо стал бы скрывать в научном сочинении эти свои взгляды. Но о том, что будет после социального переворота, он говорит лишь в *самых* общих чертах[182]. Мы узнаем, что крупная промышленность «приводит к созреванию противоречий и антагонизмов капиталистической формы процесса производства, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества», и далее, что уничтожение капиталистической формы производства «восстанавливает индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации свободных рабочих и об-

Методология научного предвидения будущего

щего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» *.

Между 3 и 8 ноября 1867 г. *т. 16, с. 221—222*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 7 ДЕКАБРЯ 1867 г.[183]

Что же касается *тенденции* автора, то здесь опять-таки нужно различать следующее. Когда он доказывает, что современное общество, рассматриваемое экономически, чревато новой, более высокой формой, то он лишь выявляет в социальной области тот самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории. Либеральное учение о «прогрессе» (в этом весь Майер) включает в себя эту идею, и заслуга автора состоит в том, что он показывает скрытый прогресс даже там, где современные экономические отношения сопровождаются ужасающими непосредственными последствиями. Благодаря этому своему критическому пониманию автор вместе с тем,— может быть, вопреки своему желанию,— раз навсегда покончил со всяким патентованным социализмом [Sozialismus von Fach], то есть со всяким утопизмом.

т. 31, с. 342

Ф. Энгельс

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ ГАЗЕТЫ «BEOBACHTER»[184]

Что же касается тенденции автора, то и в ней мы можем различить двоякое направление. Поскольку он старается доказать, что современное общество, рассматриваемое экономически, чревато другой, более высокой формой общества, постольку он в области общественных отношений стремится установить в качестве закона лишь тот же самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории. Такое постепенное изменение и на самом деле происходило до сих пор в общественных отношениях, начиная с глубокой древности, на протяжении средних веков вплоть до наших дней, и, насколько нам известно, еще никогда и никем в науке серьезно не утверждалось, что Адам Смит и Рикардо сказали последнее слово относительно дальнейшего развития современного общества. Наоборот, либеральное учение о прогрессе включает в себя также прогресс в социаль-

* См. наст. т., с. 186, 195. *Ред.*

ной области, и лишь склонные к претенциозным парадоксам так называемые социалисты представляют дело таким образом, будто они одни взяли на откуп общественный прогресс. Следует признать заслугой Маркса по сравнению с обыкновенными социалистами то, что он показывает наличие прогресса и там, где крайне одностороннее развитие современных условий сопровождается ужасными непосредственными последствиями. Это имеет место везде при изображении вытекающих из фабричной системы в целом контрастов богатства и бедности и т. д. Именно этим критическим пониманием предмета автор дал,— наверное против своей воли,— самые сильные аргументы против всякого патентованного социализма [Sozialismus von Fach].

Совсем иначе обстоит дело с тенденцией, с субъективными выводами автора, с тем, каким образом он представляет себе и изображает конечный результат современного процесса общественного развития. Они не имеют ничего общего с тем, что мы называем положительной частью книги. Если бы позволило место, то можно было бы, пожалуй, показать, что эти его *субъективные* причуды опровергаются его же собственным *объективным* изложением.

Если весь социализм Лассаля состоял в том, чтобы ругать капиталистов и льстить прусским заскорузлым юнкерам, то здесь мы находим прямо противоположное. Г-н Маркс ясно показывает историческую необходимость капиталистического способа производства, как он называет нынешнюю социальную фазу, и равным образом ненужность только потребляющего землевладельческого юнкерства. Если Лассаль был преисполнен иллюзий насчет призвания Бисмарка ввести социалистическое тысячелетнее царство, то г-н Маркс достаточно ясно дезавуирует своего неудачного ученика. Он не только определенно заявляет, что не имеет ничего общего со всем «королевско-прусским правительственным социализмом», но говорит также на стр. 762 и сл., что господствующая теперь во Франции и Пруссии система приведет в скором времени к господству над Европой русского кнута, если ей своевременно не будет положен конец [185].

12—13 декабря 1867 г. *т. 16, с. 232—233*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 8 ЯНВАРЯ 1868 г.[186]

Производство

Рабочее время

[...] *Никакая форма* общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регули-

Сознание ровало производство. Но пока это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем — что возможно лишь при общественной собственности,— а благодаря движению товарных цен, до тех пор остается в силе то, что ты совершенно правильно сказал еще в «Deutsch-Französische Jahrbücher»[187].

т. 32, с. 9

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 16 ЯНВАРЯ 1868 г.[188]

Армия Клюзере (который и в Лондоне разыгрывал из себя гения) с его планом милиции еще больший маньяк, чем немцы[189]. Американская война[176], где милиция была у обеих сторон, доказывает только, что милиционная система требует совершенно неслыханных жертв деньгами и людьми именно потому, что организация существует только на бумаге[190]. Каково пришлось бы янки, если бы вместо южной милиции им противостояла постоянная армия в несколько сот тысяч человек? Прежде чем Север успел сорганизоваться, они оказались бы уже в Нью-Йорке и Бостоне и с помощью демократов продиктовали бы мир, а потом Запад мог бы играть в сецессию. Мне нравится, когда этот молодчик говорит, что самое главное это хорошие офицеры и доверие людей к офицерам,— то и другое при милиционной системе совершенно недостижимо! Что обычно импонирует в милиционной системе, так это возможность сразу охватить большую массу людей и сравнительная легкость их обучения, особенно перед лицом врага. Но в последнем обстоятельстве нет ничего нового; старому Наполеону тоже удавалось вести на врага рекрутов-трехмесячников, сформированных в полки, но это возможно только при наличии хороших кадров, а для этого, в свою очередь, требуется нечто иное, чем швейцарско-американская милиционная система. У янки и к концу войны кадры были еще в очень неудовлетворительном состоянии. Только со времени введения оружия, заряжающегося с казенной части, с чистой милицией по-настоящему покончено. Это значит, что любая рациональная военная организация не может представлять собой нечто среднее между прусской и швейцарской системой,— но что именно? Это зависит в каждом отдельном случае от обстоятельств. Только коммунистически устроенное и *воспитанное* общество может очень близко подойти к милиционной системе, но и то полностью не достигнет ее.

т. 32, с. 17—18

Ф. Энгельс

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА ДЛЯ «DEMOKRATISCHES WOCHENBLATT» [191]

С какой остротой Маркс подчеркивает отрицательные стороны капиталистического производства, с такой же ясностью он доказывает, что эта общественная форма была необходима для того, чтобы развить производительные силы общества до такой высокой ступени, которая сделает возможным равное, достойное человека развитие *всех* членов общества. Все прежние общественные формы были для этого слишком бедны. Только капиталистическое производство создает необходимые для этого богатства и производительные силы. Но одновременно оно создает в лице массы угнетенных рабочих тот общественный класс, который все более становится перед необходимостью взять эти богатства и производительные силы в свои руки, с тем чтобы использовать их не в интересах класса-монополиста; как они используются в настоящее время, а в интересах всего общества.

Предпосылки

Развитие всех членов общества

Между 2 и 13 марта 1868 г. *т. 16, с. 248*

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 17 МАРТА 1868 г.[192]

Письмо Мейера меня очень обрадовало. Однако он отчасти не понял мое исследование *. Иначе он увидел бы, что *крупную промышленность* я рассматриваю не только как источник антагонизма, но так же как творца материальных и духовных условий, необходимых для разрешения этих антагонизмов — разрешения, которое не может, конечно, произойти *спокойно-любезным путем*.

Материальные и духовные предпосылки

Необходимость революции

т. 32, с. 450

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 25 МАРТА 1868 г.[193]

Очень интересна работа Фрааса (1847): *«Климат и растительный мир во времени, их история»* [194], особенно как доказательство того, что в *историческую* эпоху климат и флора меняются. Он — дарвинист до

* — «Капитал», т. I. *Ред.*

Дарвина и допускает возникновение *видов* даже в историческую эпоху. Но в то же время он агроном. Он утверждает, что с развитием культуры — и соответственно степени ее развития — исчезает столь желанная для крестьян «влажность» (отсюда переселение растений с юга на север) и, наконец, образуются степи. Первоначальное влияние культуры благотворно, но в конечном счете она действует опустошающе, вызывая обезлесение и т. д. Этот человек столь же серьезный ученый-филолог (он писал книги *по-гречески*), как и химик, агроном и т. д. Вывод таков, что культура,— если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно* (до этого он как буржуа, разумеется, не додумывается),— оставляет после себя пустыню: Персия, Месопотамия и т. д., Греция. Следовательно, и у него бессознательная социалистическая тенденция! [195]

Сельское хозяйство
Сознание

т. 32, с. 45

Ф. Энгельс

КОНСПЕКТ ПЕРВОГО ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА [196]

Концентрирующее влияние фабричных законов, всеобщее распространение фабричного производства и тем самым классической формы капиталистического производства, обострение присущих ему противоречий, созревание элементов ниспровержения старого и элементов образования нового общества [...] *.

Апрель 1868 г. *т. 16, с. 298*

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 6 АПРЕЛЯ 1868 г. [197]

Уничтожение частной собственности на землю

[...] Я давно был убежден, что социальная революция *серьезно* должна начаться с самых основ, то есть с земельной собственности **.

т. 32, с. 452

* См. наст. т., с. 186. *Ред.*

** Непереводимая игра слов: «Grund» — «основа», «земля»; «Grund-und Bodeneigentum» — «земельная собственность». *Ред.*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 30 АПРЕЛЯ 1868 г.[198]

Конкуренция между массами капитала, вложенными в различные сферы производства и имеющими различное строение, стремится к достижению *капиталистического коммунизма*, то есть того, чтобы на долю *массы капитала, вложенной в данную сферу производства*, приходилась соответствующая часть совокупной прибавочной стоимости, пропорционально доле, какую эта масса составляет от совокупного общественного капитала.

т. 32, с. 62

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 6—7 МАЯ 1868 г.[199]

Дорогой Мавр!

Как бы там ни было, поздравляю с полувековым юбилеем, от которого, впрочем, и меня отделяет лишь небольшой промежуток времени. Какими же юными энтузиастами были мы, однако, 25 лет тому назад, когда мы воображали, что к этому времени мы уже давно будем гильотинированы.

Перспективы революции

т. 32, с. 67—68

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 11 ИЮЛЯ 1868 г.[200]

Потребности

Распределение труда

Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства,— измениться может лишь форма *ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от исторически различных состояний общества, может лишь *форма*, в которой эти законы прокладывают себе путь. А форма, в которой прокладывает себе путь это пропорциональное распределение труда, при том состоянии общества, когда связь общественного труда существует в виде *част-*

ного обмена индивидуальных продуктов труда,— эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов. [...]

Общественное производство

Сознание

Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем a priori * не существует никакого сознательного общественного регулирования производства.

т. 32, с. 460—461

К. Маркс

РЕЧЬ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИН ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ [201]

Машины

Труд

Другим следствием применения машин явилось то, что оно погнало женщин и детей на фабрику. Женщина стала таким образом активным участником нашего общественного производства. Прежде женский и детский труд применялся в семейном кругу. Я не считаю плохим, если женщины и дети участвуют в нашем общественном производстве. Я думаю, что каждый ребенок старше девяти лет должен был бы часть своего времени быть занятым производительным трудом; но то, как детей заставляют работать при существующих условиях,— ужасно. [...]

Предпосылки

В заключение можно сказать, что в настоящее время применение машин ведет, с одной стороны, к ассоциированному организованному труду, а с другой стороны — к разрушению всех существовавших до сих пор общественных и семейных отношений.

28 июля 1868 г. *т. 16, с. 583, 584*

К. Маркс

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МАШИН ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ [202]

Предпосылки

Машины

Общественное производство

С одной стороны, машины оказались самым мощным орудием деспотизма и вымогательства в руках класса капиталистов, с другой стороны, развитие машинного производства создает материальные условия, необходимые для замены системы наемного труда подлинно общественной системой производства.

11 августа 1868 г. *т. 16, с. 328*

* — заведомо. *Ред.*

К. Маркс

РЕЧЬ О СОКРАЩЕНИИ РАБОЧЕГО ДНЯ [203]

Предпосылки

Ограничение рабочего дня повлекло за собой более широкое применение машин, и мелкое производство стало все менее и менее возможным, что, впрочем, является необходимым для перехода к общественному производству. Санитарная сторона вопроса ясна [204]. Но сокращение рабочего дня необходимо также для того, чтобы предоставить рабочему классу больше времени для умственного развития. Законодательное ограничение рабочего дня — это первый шаг к умственному и физическому подъему и к конечному освобождению рабочего класса.

11 августа 1868 г. *т. 16, с. 585*

К. Маркс

ПРЕЗИДЕНТУ И ПРАВЛЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА [205]

Я с удовольствием вижу, что программа вашего съезда включает вопросы, которые действительно должны быть исходными пунктами всякого серьезного рабочего движения: агитация за полную политическую свободу, нормирование рабочего дня и планомерное международное сотрудничество рабочего класса в деле осуществления той великой всемирно-исторической задачи, которую он должен разрешить для всего общества. Желаю успеха в работе!

18 августа 1868 г. *т. 16, с. 329*

К. Маркс

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДОВОЙ ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [206]

[...] Даже при самых благоприятных политических условиях любой серьезный успех рабочего класса зависит от зрелости организации, которая воспитывает и концентрирует его силы.

Международный характер коммунистического преобразования общества

И даже организации рабочего класса в национальном масштабе грозит поражение из-за недостаточной его организованности в других странах, ибо все страны конкурируют на мировом рынке и поэтому оказывают взаимное воздействие друг на друга.

Пролетарский интернационализм

Только интернациональный союз рабочего класса может обеспечить его окончательную победу. Именно эта потребность и обусловила возникновение Международного Товарищества Рабочих. Оно не искусственное порождение какой-нибудь секты или теории. Оно — плод самопроизвольного роста пролетарского движения, которое, в свою очередь, порождается естественными и непреодолимыми тенденциями современного общества. Международное Товарищество Рабочих, глубоко убежденное в великом значении своей миссии, не позволит ни запугать себя, ни отклонить с правильного пути. Отныне его судьба неразрывно связана с историческим развитием класса, в руках которого возрождение человечества.

1 сентября 1868 г. *т. 16, с. 336*

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 12 ДЕКАБРЯ 1868 г.[207]

Женщины

Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента. Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе).

т. 32, с. 486

К. Маркс

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОГРАММУ И УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ[208]

[ПРОГРАММА И УСТАВ ОТКРЫТОГО АЛЬЯНСА]	[ЗАМЕЧАНИЯ К. МАРКСА]
Социалистическое меньшинство Лиги мира и свободы, отделившись от этой Лиги в результате голосования большинства Бернского конгресса, официально высказавшегося против основного принципа всех рабочих ассоциаций, а именно *экономического и социального урав-*	

нения классов и индивидов, тем самым присоединилось к принципам, провозглашенным на *рабочих конгрессах*, состоявшихся в Женеве, Лозанне и Брюсселе. [...]

равенство классов! *

Уничтожение классов

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

1) *Альянс* объявляет себя атеистическим; он стремится к отмене культов, замене веры наукой и божественной справедливости — справедливостью человеческой.

Как будто можно декретировать отмену веры!

Отмирание религии

2) Он прежде всего добивается политического, экономического и социального уравнения классов и индивидов ***обоего пола***, начиная с ***отмены права наследования***, для того чтобы в будущем пользование благами соответствовало производительному труду каждого и чтобы, в соответствии с решением, принятым последним рабочим конгрессом в Брюсселе, земля, орудия труда, как и вообще всякий капитал, становясь коллективной собственностью общества в целом, могли использоваться лишь тем, кто трудится, то есть сельскохозяйственными и промышленными ассоциациями.

Двудомный человек! Совсем как ***русская община!***

Старая сен-симонистская панацея! 209

Право наследования

3) Он добивается для всех детей обоего пола, начиная с их рождения, равных условий развития, то есть содержания, воспитания и обучения на всех

* Ср. наст. т., с. 217. Слова, выделенные в данном фрагменте полужирным курсивом, подчеркнуты Марксом. *Ред.*

Социальное равенство

ступенях науки, производства и искусств, исходя из убеждеиия, что это равенство, вначале только экономическое и социальное, в дальнейшем все больше будет вести к всеобщему великому естественному равенству личностей и к исчезновеиию всех видов искусственного неравенства — исторического продукта общественной организации, столь же фальшивой, сколь и несправедливой.

Фраза!

4) Враг всякого деспотизма, не признающий иных политических форм, кроме республиканских, и абсолютно отвергающий всякий союз с реакцией, он отвергает также всякое политическое действие, не имеющее ***прямой и непосредственной*** целью торжество дела рабочих против капитала.

15 декабря 1868 г. *т. 44, с. 389, 390*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ. РУКОПИСЬ II [210]

Предпосылки

Планомерное производство

[...] Исторической задачей периода капитализма является беспощадное по отношению к людям и вещам обеспечение вызревания материальных факторов и общественной комбинации процесса производства вплоть до того пункта, когда процесс производства может быть поставлен под планомерный общественный контроль со стороны человека и подчинен его господству.

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 50, с. 45*

Издержки обращения

Общественная собственность на средства производства
Распределение совокупного общественного продукта

[...] *Известная часть* общественных издержек, которые на основе капиталистического производства принимают *форму издержек обращения*, должна существовать в *иной* форме при *любом другом общественном способе производства.* Так, в индийской общине мы находим бухгалтера по учету производства, пусть лишь земледельческого. Так общество, где *все* средства производства являются общественной собственностью, должно будет делить свой продукт на средства производства и предметы потребления,—

процесс, который капиталистическое производство частично осуществляет посредством купли и продажи, то есть процесса обращения [...]. Но капиталистическое производство не только привносит специфические, свойственные лишь ему, но и колоссально увеличивает общие для него и других общественных способов производства издержки, хотя они и проявляются в разнообразных формах.

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 50, с. 61—62*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ [177]

При капиталистическом производстве, с одной стороны, много средств расточается, с другой стороны, при постепенном расширении предприятия наблюдается много случаев нецелесообразного расширения в стороны (отчасти во вред рабочей силе); причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, а все зависит от бесконечно разнообразных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Все это ведет к огромному расточению производительных сил.

Планомерное производство

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 24, с. 193—194*

[...] В эпоху развитого капитализма [...] наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерные общества) [...]

Акционерные общества

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 24, с. 263*

[...] Капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный.

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 24, с. 275*

Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, а следовательно, отпадает и вся та маскировка сделок, которая благодаря ему возникает. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без всякого ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно длительное время, год или более, не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств и вообще в течение этого времени не дают какого-либо полезного эф-

Планомерное производство
Распределение производительных сил

фекта, но, конечно, отнимают от всего годового производства н труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум всегда заявляет о себе только post festum *, в таких случаях могут н должны постоянно происходнть крупные нарушения.

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 24, с. 354*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ. РУКОПИСЬ II [210]

В той мере, в какой период оборота определяется величиной рабочего периода, он зависит, при прочих неизменных условиях, от матернальной природы процесса производства, следовательно, не от специфнческого общественного характера процесса пронзводства. [...]

Общественное производство Распределение производительных снл

На основе общественного производства необходимо определять пропорцию, в какой могут производиться такие операции, которые на продолжительное время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за это время никакого продукта (полезного эффекта); необходимо определять пропорцию, в которой могут выполняться эти операцнн без участия такнх отраслей производства, которые на протяжении года неоднократно или постоянно не только отвлекают рабочую силу н средства производства, но и создают жизненные средства и средства производства. Как н прежде, рабочие, занятые в отраслях с относнтельно короткнми рабочими пернодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукт, не давая взамен нового продукта; между тем отрасли пронзводства с продолжительными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на продолжительное время, прежде чем сами начнут создавать таковые **.

Отсутствие денег Распределение по труду

Это различие вытекает из материального характера специфического процесса труда, а не из его общественной формы. Денежный капнтал здесь отпадает. Общество распределяет рабочую снлу н средства производства между различными отраслями производства. Производители получают бумажные удостоверения ***, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Этн удостоверения не деньги. Онн не обращаются.

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 50, с. 100—101*

* — задним числом. *Ред.*
** Перевод данного абзаца уточнен. *Ред.*
*** См. наст. т., с. 383. *Ред.*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ [177]

В той мере, в какой период оборота определяется продолжительностью рабочего периода, он определяется, при прочих неизменных условиях, материальной природой процесса производства, следовательно, он определяется не специфическим общественным характером этого процесса производства. [...]

Общественное производство. Распределение производительных сил

На основе общественного производства необходимо определять масштаб, в котором могут производиться такие операции, которые на долгое время отвлекают рабочую силу и средства производства, не доставляя за все это время никакого продукта в качестве полезного эффекта; необходимо определять, в каком масштабе могут производиться эти операции, не причиняя ущерба таким отраслям производства, которые постоянно или несколько раз в течение года не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют жизненные средства и средства производства. При общественном производстве, так же как и при капиталистическом, рабочие, занятые в отраслях производства с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; между тем отрасли производства с длинными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на более продолжительное время, прежде чем сами начнут давать таковые. Следовательно, это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения.

Отсутствие денег. Распределение по труду

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 24, с. 401—402*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ. РУКОПИСЬ II [210]

Общественное производство

Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то точно так же ясно, что эти продукты категории II в целях *воспроизводства* не менее

Распределение средств производства

постоянно распределялись бы вновь как средства производства между отраслями производства этой категории: одна часть непосредственно оставалась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие отрасли, и таким образом между различными отраслями производства категории II установилось бы va-et-vient *.

(Дальнейшее по этому вопросу следует изложить позднее.)

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 50, с. 142*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ [177]

Общественное производство
Распределение средств производства

Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что эти продукты подразделения I в целях воспроизводства не менее постоянно распределялись бы вновь как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно оставалась бы в той отрасли производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие отрасли, и таким образом между различными отраслями производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях.

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 24, с. 481*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ. РУКОПИСЬ II [210]

Воспроизводство

Таким образом (если предположить простое воспроизводство): 1) пропорциональность частей стоимости 200 $(M+V)$ (I) и C^{400} (I), C^{400} (I) и $(V+M)^{400}$ (II), наконец, 800^{c} (II) и $(V+M)^{400}$ (II) — не произвольна, а необходима.

2) Эта пропорциональность предполагает (или она в этом выражается) пропорциональное распределение общественного рабочего дня по категориям I и II; например, если общественный рабочий день представлен в стоимости, равной 600 ф. ст., и C^{400} (I) равны 400 ф. ст., то $^2/_3$ общественного рабочего дня должны быть затрачены во II, а $^1/_3$ — в I. Распределение общественного рабочего дня предполагает —

* — движение в противоположных направлениях. *Ред.*

включает — распределение объективных условий осуществления этого труда.

3) Эта схема:

$$\textit{предметы потребления} = 600\text{ ф.ст.}: C^{400} + V^{100} + M^{100}$$

$$\text{средства производства} = 1200\text{ ф.ст.}: C^{800} + \overbrace{V^{200} + M^{200}},$$

таким образом, является также схемой того, как представлялось бы дело при планомерном, пропорциональном общественном производстве (предполагается простое воспроизводство).

Планомерное общественное производство

Конец 1868 — середина 1870 г. *т. 50, с. 181—182*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 5 МАРТА 1869 г. [211]

Я думаю, нужно ответить следующим образом.

Согласно § 1 Устава допускается всякое рабочее общество, «преследующее одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и *полное освобождение рабочего класса*».

Так как степень развития различных отрядов рабочих одной и той же страны, а также рабочего класса разных стран неизбежно очень различна, то и действительное движение неизбежным образом получает свое выражение в чрезвычайно различных теоретических формах.

Общность действий, которую Международное Товарищество Рабочих вызывает к жизни, обмен идеями при посредстве различных органов секций во всех странах, наконец, непосредственное обсуждение на общих конгрессах постепенно приведут к созданию для всего рабочего движения также и общей теоретической программы.

Поэтому, что касается программы «Альянса», то Генеральному Совету не к чему подвергать ее критическому рассмотрению. Не наша задача — исследовать, является ли она адекватным научным выражением рабочего движения. Ему надо лишь выяснить, не противоречит ли ее *общая тенденция* общей тенденции Международного Товарищества Рабочих — полному освобождению рабочего класса!

Этот упрек может относиться лишь к одной фразе программы, § 2: «Альянс прежде всего добивается политического, экономического и социального уравнения *классов*». Если буквально понимать «урав-

нение классов», то это есть не что иное, как другими словами выраженная мысль о «гармонии между капиталом и трудом», которую проповедовали буржуазные социалисты. Не «уравнение классов», что логически невозможно, а исторически необходимое «уничтожение классов» составляет конечную цель, к которой стремится Международное Товарищество Рабочих. Но из контекста, в котором находится эта фраза в программе, вытекает, однако, что она представляет собой лишь простую описку. Генеральный Совет не сомневается поэтому ни минуты, что эта фраза, которая может повести к опасным недоразумениям, будет из программы устранена [212].

Уничтожение классов

При этом условии, согласно принципам Международного Товарищества Рабочих, каждой секции предоставляется самой нести ответственность за свою собственную программу. Нет, следовательно, никаких препятствий к превращению секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

т. 32, с. 218

К. Маркс

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЦЕНТРАЛЬНОМУ БЮРО АЛЬЯНСА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ [213]

Согласно статье I нашего Устава в Международное Товарищество Рабочих принимаются

«все рабочие общества, стремящиеся к одной и той же цели, а именно к защите, развитию и *полному освобождению рабочего класса*».

Поскольку различные отряды рабочего класса в каждой стране и рабочий класс разных стран поставлены в весьма различные условия и в настоящее время достигли различных ступеней развития, то неизбежным образом и их теоретические взгляды, являющиеся отражением действительного движения, также отличаются друг от друга.

Однако общность действий, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на общих конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы.

Таким образом, в функции Генерального Совета не входит критическое рассмотрение программы Альянса. Не наша задача — исследовать, является ли эта

программа адекватным выражением пролетарского движения или нет. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Товарищества, то есть *полному освобождению рабочего класса*.

В вашей программе есть одна фраза, которая не удовлетворяет этому требованию. Статья 2 гласит:

«Он» (Альянс) «прежде всего добивается политического, экономического и социального *уравнения классов*».

Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к «*гармонии капитала и труда*», столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не *уравнение классов* — бессмыслица, на деле неосуществимая — а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного Товарищества Рабочих [212].

Уничтожение классов

9 марта 1869 г. *т. 16, с. 363—364*

К. Маркс

РЕЧЬ О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ [214]

Для рабочего класса, которому нечего наследовать, вопрос не представляет интереса.

Альянс социалистической демократии намерен начать социальную революцию с отмены права наследования. Спрашивается, будет ли эта политика правильной?

Предложение не ново. Сен-Симон выдвигал его в 1830 году [215].

В качестве экономической меры это не принесло бы пользы. Это вызвало бы такое раздражение, что обязательно встретило бы почти непреодолимое сопротивление, которое неизбежно привело бы к реакции. Если такое требование будет провозглашено в момент революции, едва ли общий уровень сознания сможет обеспечить ему поддержку. С другой стороны, если бы рабочий класс обладал достаточной властью, чтобы отменить право наследования, он был бы достаточно силен, чтобы провести экспроприацию, которая явилась бы мероприятием гораздо более простым и эффективным.

Отмена права наследования земли в Англии затронула бы наследственные функции, связанные с землей, с палатой лордов и т. д. и т. д. 15 000 лордов и 15 000 леди должны будут умереть, прежде чем скажется результат. Напротив, если парламент, состоящий из рабочих, постановит, чтобы арендную плату

вносили в казначейство, а не лендлорду, правительство сразу же получит денежные средства без всяких социальных потрясений, в то время как с отменой права наследования все придет в смятение и ничего не будет достигнуто.

Обобществление средств производства

Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы никакие орудия производства не оставались частной собственностью. Частная собственность на орудия производства является фикцией, поскольку собственники не могут пользоваться ими сами; но она предоставляет собственникам ту власть над средствами производства, при помощи которой они заставляют других людей работать на себя. В полуварварском состоянии такой порядок, может быть, был необходим, но теперь уже нет. Все средства производства должны быть обобществлены с тем, чтобы обеспечить каждому и право, и возможность применять свою рабочую силу. Если бы у нас было такое положение вещей, право наследования было бы не нужно. А до тех пор, семейное право наследования не может быть отменено. Когда люди делают сбережения для своих детей, их главной целью является обеспечить им средства существования. Если бы дети были обеспечены после смерти родителей, родители не заботились бы о том, чтобы оставить им средства для жизни; но пока этого нет, отмена права наследования только привела бы к трудностям, взбудоражила бы, отпугнула людей и не принесла бы никакой пользы. Вместо того, чтобы положить начало социальной революции, она могла бы только положить ей конец. Началом должно быть создание условий для обобществления средств производства.

Право наследования по завещанию неизвестно буржуазии; оно дает возможность государству в любой момент вмешиваться в частные дела. У нас уже есть налоги на наследство, остается только увеличить их и сделать прогрессивными так же, как подоходный налог, оставив без обложения мелкие суммы, например 50 фунтов стерлингов. Только в этом смысле этот вопрос касается рабочего класса.

Все, что связано с существующим порядком, должно быть изменено, но если уничтожить только завещания, то их будут обходить путем прижизненной дарственной, следовательно, лучше терпеть их на определенных условиях, чем сделать еще хуже. Сначала нужно получить возможность изменить существующий порядок, тогда и право наследования исчезнет само собой.

20 июля 1869 г. *т. 16, с. 593—594*

К. Маркс

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА О ПРАВЕ НАСЛЕДОВАНИЯ [216]

Право наследования

Частная собственность Присвоение чужого труда

1. Право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником то право, которым покойный обладал *при жизни*, а именно право при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда*. Например, земля дает собственнику при жизни право присваивать в виде ренты, без всякой компенсации, плоды чужого труда. Капитал дает ему право делать то же самое в виде прибыли и процента. Собственность на государственные ценные бумаги дает ему возможность жить, не трудясь, плодами чужого труда и т. д.

Наследование не *создает* этого права перекладывать плоды труда одного человека в карман другого — оно касается лишь смены лиц, обладающих этим правом. Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются не *причиной*, а *следствием, юридическим выводом* из *существующей экономической организации общества*, которая основана на частной собственности на средства производства, то есть на землю, сырье, машины и пр. Точно так же право передавать рабов по наследству не есть причина рабства, а, наоборот, рабство есть причина перехода рабов по наследству.

Общественная собственность на средства производства Отмирание права наследования

2. Нам надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой. Предположим, что средства производства из частной собственности превращены в общественную; тогда право наследования (поскольку оно имеет какое-либо социальное значение) отомрет само собой, ибо человек оставляет после своей смерти лишь то, чем он владел при жизни. Поэтому наша великая цель должна заключаться в уничтожении тех институтов, которые дают некоторым людям *при жизни* экономическую власть присваивать плоды труда многих. Там, где общество находится на достаточном уровне развития, а рабочий класс обладает достаточной силой, чтобы упразднить такого рода институты, он должен сделать это *прямым путем*. Например, аннулируя государственный долг, можно, разумеется, вместе с тем избавиться от перехода государственных ценных бумаг по наследству. С другой стороны, если рабочий класс не обладает достаточной властью, чтобы аннулировать государственный долг, было бы глупо пытаться отменить право наследования в отношении государственных ценных бумаг.

Исчезновение права наследования будет естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства; но *отмена права наследования* никогда не может стать *отправной точкой* такого социального преобразования.

3. Одна из крупных ошибок, допущенных лет 40 тому назад учениками Сен-Симона, заключалась в том, что они рассматривали *право наследования* не как *юридическое следствие*, а как экономическую причину нынешней организации общества [209]. Это нисколько не помешало им увековечить в своей социальной системе частную собственность на землю и на другие средства производства. Они считали, что возможны выборные и пожизненные собственники, подобно тому как существовали выборные короли.

Признать отмену *права наследования отправной точкой* социальной революции означало бы только отвлечь рабочий класс от той позиции, с которой действительно следует повести атаку на современное общество. Это было бы так же нелепо, как отменять договорное право между покупателем и продавцом, сохраняя нынешний порядок обмена товарами.

Это было бы ошибочно теоретически и реакционно на практике.

Общественная собственность на средства производства

4. Рассматривая законы наследования, мы неизбежно предполагаем, что *частная собственность* на средства производства продолжает существовать. Если бы частная собственность уже не существовала при жизни людей, она не могла бы передаваться ими и от них после их смерти. Поэтому все мероприятия, касающиеся права наследования, могут *относиться* только к *переходному* состоянию *общества*, когда, с одной стороны, нынешняя экономическая основа общества еще не преобразована, а с другой стороны, рабочие массы накопили достаточно сил, чтобы *заставить принять переходные мероприятия*, рассчитанные на то, чтобы осуществить в конечном счете радикальное переустройство общества.

Переходный период

Переходные мероприятия

Рассматриваемое с этой точки зрения изменение законов о наследовании составляет лишь одно из *многочисленных других переходных мероприятий*, которые все ведут к той же цели.

Такими переходными мероприятиями в отношении наследования могут быть только:

Налоги на наследство

a) более широкое применение уже существующих во многих государствах налогов на наследство и обращение получаемых этим путем средств на цели социального освобождения;

Ограничение права наследования

b) ограничение права наследования по завещанию, которое в отличие от *права наследования без*

завещания, или *семейного права наследования* является произвольным и суеверным преувеличением даже самого принципа частной собственности.

2—3 августа 1869 г. *т. 16, с. 383—385*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 30 ОКТЯБРЯ 1869 г. [217]

Уничтожение частной собственности на землю

[...] Разве в Германии, наряду с мелкой крестьянской собственностью, нет крупной земельной собственности, которая является базисом отживающего феодального хозяйства, разве не надо будет в случае революции покончить с ней хотя бы уже только для того, чтобы уничтожить теперешнее государственное хозяйство, и можно ли это сделать устарелым способом 1789 года? [218]

т. 32, с. 305

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 1 НОЯБРЯ 1869 г. [219]

Уничтожение частной собственности на землю

Резолюция о земельной собственности [220] сотворила подлинные чудеса. [...] Впрочем, помимо главного вопроса о крупной земельной собственности, люди забывают также, что существуют разного рода крестьяне [221]: 1) крестьянин-арендатор, которому безразлично, принадлежит ли земля государству или крупному землевладельцу; 2) собственник: во-первых, крупный крестьянин, против реакционного естества которого следует восстановить поденщика и батрака; во-вторых, средние крестьяне, которые тоже будут реакционными и численность которых не очень велика, и, в-третьих, обремененный долгами мелкий крестьянин, которого можно привлечь благодаря ипотеке [222]. К тому же можно сказать, что пролетариат пока что не заинтересован в том, чтобы поднимать вопрос о *мелкой* земельной собственности.

т. 32, с. 306

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 4 ДЕКАБРЯ 1869 г. [223]

По окончании последнего заседания [224], на котором он * держался очень хорошо, он отвел меня в сторону и сообщил следующее: Один известный член па-

* — Р. Аплгарт. *Ред.*

латы общин * написал ему, что один известный член палаты лордов (лорд Личфилд!) поручил ему узнать у Аплгарта, голосовал ли он в Базеле за полную отмену частной собственности? [220] Ответ будет иметь решающее значение для отношения к Аплгарту его парламентских покровителей. Он (Аплгарт) хочет ответить этим субъектам решительно, а я должен написать ему вкратце *«основания»*, и притом к завтрашнему дню. Я был очень занят, к тому же все еще болело под мышкой, и после заседания во вторник вечером из-за отвратительного тумана усилился насморк. Поэтому в среду я написал Аплгарту, что мне помешали, но что я готов, когда он получит ответ, помочь ему [225]. С английским упрямством он на это не согласился и написал прилагаемое письмо [226]. Таким образом, волей-неволей я был вынужден написать ему вчера о земельной собственности и необходимости ее отмены восемь убористых страниц, которые ему придется долго разжевывать [227]. Человек этот важен тем, что он считается официальным представителем английских тред-юнионов и той и другой палатой парламента.

Уничтожение частной собственности на землю

т. 32, с. 332

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 9 ДЕКАБРЯ 1869 г. [228]

Союз пролетариата и крестьянства

А для этих господ ** всякое рабочее движение — чистейшая ересь, и ирландский крестьянин даже знать не должен, что социалистические рабочие являются его единственными союзниками в Европе.

т. 32, с. 333

К. Маркс

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ — ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ [229]

Международный характер коммунистического преобразования общества
Предпосылки

Хотя революционная *инициатива* будет исходить, вероятно, от Франции, только Англия может послужить *рычагом* для серьезной *экономической* революции. Это — единственная страна, где уже нет крестьян и где земельная собственность сосредоточена в немногих руках. Это — единственная страна, в которой *капиталистическая форма*, то есть объединение

* Очевидно, А. Дж. Манделла. *Ред.*

** — буржуазных идеологов ирландского национального движения. *Ред.*

труда в широком масштабе под властью капиталистических предпринимателей, охватила почти все производство. Это — единственная страна, *в которой огромное большинство населения состоит из наемных рабочих* (wages labourers). Это — единственная страна, в которой классовая борьба и организация рабочего класса в *тред-юнионах достигли* известной степени зрелости и всеобщности. Благодаря своему господству на мировом рынке Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться во всем мире. Если Англия является классической страной лендлордизма и капитализма, то, с другой стороны, в ней созрели более, чем где бы то ни было, *материальные условия* для их *уничтожения*. Генеральный Совет поставлен теперь в *счастливое* положение благодаря тому, что *этот великий рычаг пролетарской революции непосредственно находится в его руках*. Каким безумием, можно даже сказать, каким преступлением было бы отдать этот рычаг в руки одних англичан!

Англичане обладают всеми необходимыми *материальными* предпосылками для социальной революции. Чего им недостает, так это *духа обобщения и революционной страсти*. Только Генеральный Совет в состоянии восполнить этот пробел и ускорить таким образом подлинно революционное движение в этой стране, а следовательно, и *повсюду*.

Около 1 января 1870 г. *т. 16, с. 404—405*

Наконец, в Англии в настоящее время повторяется то, что в чудовищных размерах можно было видеть в Древнем Риме. Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи. **Национальные отношения**

Итак, позиция Международного Товарищества в ирландском вопросе совершенно ясна. Его главная задача — ускорить социальную революцию в Англии. Для этой цели необходимо нанести решающий удар в Ирландии *.

Резолюция Генерального Совета об ирландской амнистии служит лишь введением к другим резолюциям, в которых будет сказано, что, не говоря уже о международной справедливости, *предварительным* условием *освобождения* английского *рабочего класса* является превращение существующей *принудительной унии* (то есть порабощения Ирландии) *в равный и свободный союз*, если это возможно, или *полное отделение*, если это необходимо. **Предпосылки**

---

* В рукописи после слов «в Ирландии» зачеркнуто: «и всячески способствовать экономической и национальной борьбе ирландцев». *Ред.*

Кроме того, примитивная доктрина, выдвигаемая газетами «Égalité» и «Progrès» [230], о связи или, вернее, об отсутствии связи между социальным и политическим движениями, насколько нам известно, никогда не была признана ни на одном из конгрессов Интернационала. Она противоречит нашему Уставу. В Уставе сказано:

«That the *económical emancipation* of the working classes is therefore the great end to which *every political movement ought* to be subordinate *as a means*» *.

Во французском переводе, сделанном парижским комитетом в 1864 г., эти слова *«as a means» («как средство»)* были выброшены [231]. В ответ на запрос Генерального Совета парижский комитет сослался в оправдание на трудности своего политического положения.

Имеются и другие искажения подлинного текста Устава. Первое положение вводной части Устава гласит: «The struggle for the emancipation of the working classes means... a struggle... for equal rights and duties, and the *abolition of all class rule*» **.

В парижском переводе говорится о «равных правах и обязанностях», то есть в нем воспроизводится общая фраза, которую можно встретить почти *во всех демократических манифестах* за последние сто лет и которая имеет разный смысл в устах представителей различных классов, но в этом переводе вычеркнуто конкретное требование *«the abolition of all class rule»* («уничтожение классов»).

Около 1 января 1870 г. *т. 16, с. 407—408*

Ф. Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ» [232]

Нога в ногу с подъемом промышленности с 1848 г. развивалась социальная и политическая деятельность пролетариата. [...]

Промышленный пролетариат и его союзники

Но и пролетариат не дорос еще до такого состояния, которое не допускало бы сравнения с 1525 годом. Класс, вынужденный существовать исключительно и в течение всей жизни на заработную плату, все еще далеко не составляет большинства немецкого наро-

* — «*Экономическое освобождение* рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой *всякое политическое движение должно* быть подчинено *как средство*» (см. наст. т., с. 136). *Ред.*

** — «Борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу... за равные права и обязанности и за *уничтожение всякого классового господства*» (см. там же). *Ред*

да. Следовательно, и он не может обойтись без союзников. А последних можно искать лишь среди мелкой буржуазии, городского люмпен-пролетариата, мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

О *мелких буржуа* мы уже говорили. Они крайне ненадежны, и только лишь когда одержана победа, они поднимают неимоверный крик в пивных. Тем не менее среди них имеются и очень хорошие элементы, которые сами присоединяются к рабочим.

Люмпен-пролетариат, представляющий собой отбросы из деморализованных элементов всех классов и сосредоточивающийся главным образом в больших городах, является наихудшим из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив. Если французские рабочие во время каждой революции писали на домах: «Mort aux voleurs!» — «Смерть ворам!» — и многих из них расстреливали, то это происходило не в силу их благоговения перед собственностью, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды. Всякий рабочий вождь, пользующийся этими босяками как своей гвардией или опирающийся на них, уже одним этим доказывает, что он предатель движения.

Мелкие крестьяне — крупные принадлежат к буржуазии — бывают разного рода:

Либо это — *феодальные крестьяне,* обязанные еще отбывать барщинные повинности милостивым господам. После того как буржуазия упустила возможность освободить их от крепостной зависимости,— что было ее долгом,— не трудно будет убедить их в том, что они могут ждать освобождения только лишь от рабочего класса.

Либо это — *арендаторы.* В этом случае существуют большей частью те же самые отношения, что и в Ирландии. Арендная плата настолько возросла, что при среднем урожае крестьянин едва в состоянии прокормить себя и свою семью, а при плохом урожае он почти умирает с голоду, не может вносить арендной платы и в силу этого попадает в полную зависимость от милости землевладельца. Для таких людей буржуазия делает что-нибудь только тогда, когда ее вынуждают к этому. От кого же им ожидать спасения, как не от рабочих?

Остаются крестьяне, которые ведут хозяйство на *небольших участках собственной земли.* Они в большинстве случаев так обременены ипотеками, что находятся в такой же зависимости от ростовщиков, как арендаторы от землевладельцев. И у них остается лишь очень скудный и к тому же, в зависимости от хорошего или плохого урожая, крайне неустойчивый заработок. Они менее всего могут возлагать какие-

нибудь надежды на буржуазию, так как именно буржуа, капиталисты-ростовщики высасывают из них все соки. Однако они большей частью очень цепляются за свою собственность, хотя в действительности она принадлежит не им, а ростовщику. Все же их надо убедить в том, что они только тогда смогут освободиться от ростовщика, когда зависимое от народа правительство превратит все ипотечные долги в долг государству и таким путем понизит процент. А этого может добиться только рабочий класс.

Всюду, где господствует средняя и крупная земельная собственность, наиболее многочисленный класс в деревне составляют *сельскохозяйственные рабочие*. Так обстоит дело во всей Северной и Восточной Германии, и *здесь* находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников*. Так же как капиталист противостоит промышленному рабочему, так землевладелец или крупный арендатор противостоит сельскохозяйственному рабочему. Те самые меры, которые помогают одному, должны помочь и другому.

Общественная собственность на средства производства

Промышленные рабочие могут себя освободить только при том условии, если превратят капитал буржуазии, то есть необходимые для производства сырье, машины и орудия, а также жизненные средства, в общественную собственность, то есть в свою, коллективно используемую ими, собственность. Точно так же и сельские рабочие могут избавиться от своей ужасающей нищеты только при том условии, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частного владения крупных крестьян и — еще более крупных — феодалов и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельских рабочих. И здесь мы подходим к знаменитому решению Базельского международного рабочего конгресса:

Общественная собственность на землю

в интересах общества необходимо обратить земельную собственность в коллективную, национальную собственность [220]. Это решение имело главным образом в виду те страны, где существует крупная земельная собственность и связанное с ней крупное хозяйство на больших участках земли, причем в этих больших имениях существуют один господин и множество наемных рабочих. Но такое положение вещей в общем все еще преобладает в Германии, и поэтому решение Базельского конгресса наряду с Англией было *в высшей степени своевременным именно для Германии*. Сельскохозяйственный пролетариат, сельские рабочие, это — тот класс, который дает наибольшее число рекрутов в армии государей. Это — тот класс, который в настоящее время в силу всеобщего избирательного права посы-

лает в парламент большое число феодалов и юнкеров; но в то же время это — тот класс, который ближе всего стоит к городским промышленным рабочим, разделяет с ними одни и те же условия существования и находится даже в более нищенском положении, чем они. Этот класс бессилен, так как он раздроблен и распылен; правительство и дворянство, однако, настолько хорошо знают его скрытую силу, что намеренно стараются привести в упадок школы, чтобы оставить его невежественным. Пробудить этот класс и втянуть его в движение — вот ближайшая и настоятельнейшая задача немецкого рабочего движения. С того дня, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, с того дня в Германии станет невозможным никакое реакционное — будь то феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство.

Около 11 февраля 1870 г. *т. 16, с. 417—420*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 12 ФЕВРАЛЯ 1870 г. [233]

Перспективы революции в России

Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не может дольше продолжаться, что отмена крепостного права в сущности лишь ускорила процесс разложения и что предстоит грозная социальная революция.

т. 32, с. 364

К. Маркс

ПИСЬМО ЛАУРЕ И ПОЛЮ ЛАФАРГ, 5 МАРТА 1870 г. [234]

Перспективы революции в России

Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» — выдающийся труд. Я очень рад, что в состоянии теперь довольно бегло читать ее с помощью словаря. Здесь впервые полностью обрисовано экономическое положение России. Это добросовестный труд. [...] После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии. Это — добрые вести. Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия.

т. 32, с. 549

К. Маркс

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ — ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ [235]

В своем заседании 22 марта Главный Совет * объявил, единодушным вотумом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете.

Вы говорите в вашей программе:

«...что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов — как русского, так и польского».

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии, и вследствие того, на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России». Это настоящее открытие для Европы. [...]

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

24 марта 1870 г. *т. 16, с. 427, 428*

К. Маркс

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ [236]

[...] Его ** программа, предложенная Бернскому конгрессу [237], содержит такие нелепости, как *«равенство классов»*, *«отмена права наследования как на-*

* — Генеральный Совет. *Ред.*

** — М. А. Бакунина. *Ред.*

чало социальной революции» и тому подобную бессмысленную болтовню, целый букет вздорных выдумок, претендующих на то, чтобы запугать, одним словом,— пошлая импровизация, рассчитанная исключительно на мимолетный эффект.

Около 28 марта 1870 г. *т. 16, с. 430*

Генеральный Совет ответил, что в его функции не входит судить о программах различных секций с точки зрения теории. Он обязан лишь заботиться о том, чтобы в них не было *ничего прямо противоречащего Уставу Интернационала и его духу.* Поэтому он должен настоять на том, чтобы из программы *Альянса* была вычеркнута нелепая фраза об «égalité des classes» *, и вместо нее вписаны слова «abolition des classes» ** (что и было сделано).

Уничтожение классов

Около 28 марта 1870 г. *т. 16, с. 431*

К. Маркс

ПИСЬМО З. МЕЙЕРУ и А. ФОГТУ, 9 АПРЕЛЯ 1870 г. [238]

Ирландия является цитаделью *английской земельной аристократии.* Эксплуатация этой страны служит не только главным источником ее материальных богатств. Она составляет ее величайшую *моральную* силу. Английская земельная аристократия фактически воплощает *господство Англии над Ирландией.* Ирландия является поэтому важнейшим средством, с помощью которого английская аристократия сохраняет *свое господство* в самой *Англии.* С другой стороны, если английская армия и полиция покинут завтра Ирландию, в Ирландии тотчас же начнется аграрная революция. Но падение английской аристократии в Ирландии обусловливает и имеет своим необходимым следствием ее падение в Англии. Тем самым были бы созданы предварительные условия пролетарской революции в Англии. [...]

Предпосылки

Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой важной страной для рабочей революции и к тому же *единственной* страной, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости. Поэтому важнейшая цель Международного Товарищества Рабочих — ускорить социальную революцию в Англии. А единственное

* — «равенстве классов». *Ред.*
** — «уничтожение классов». *Ред.*

средство к тому — сделать Ирландию независимой. Поэтому Интернационал должен поставить себе задачей — всюду выдвигать на первый план конфликт между Англией и Ирландией и всюду открыто принимать сторону Ирландии. Специальная задача Центрального Совета в Лондоне — пробудить в английском рабочем классе сознание того, что *национальное освобождение Ирландии является для него* не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но *первым условием его собственного социального освобождения.*

т. 32, с. 556—559

К. Маркс

ПИСЬМО П. ЛАФАРГУ, 19 АПРЕЛЯ 1870 г. [239]

[...] *«Теорией»* * была программа Бакунина. Она включала фактически три пункта:

Право наследования

1) Первое требование социальной революции — *отмена права наследования*, старый сен-симонистский хлам [209], ответственным издателем которого сделался шарлатан и *невежда* Бакунин. Совершенно очевидно, что если бы представилась возможность в один день совершить социальную революцию в результате всенародного волеизъявления [par décret plébiscitaire], то сразу же были бы отменены земельная собственность и капитал, и тем самым отпала бы и всякая необходимость заниматься *правом наследования.* С другой стороны, если такая возможность не представляется (и, разумеется, было бы нелепо таковую предполагать), провозглашение *отмены права наследования* было бы не серьезным актом, а глупой угрозой, которая сплотила бы все крестьянство и всю мелкую буржуазию вокруг реакции. Представьте себе, например, что янки не смогли отменить рабство силой оружия. Каким идиотским поступком явилось бы провозглашение *отмены права наследования на рабов!* Вся эта теория основывается на устарелой идеалистической точке зрения, будто существующая юриспруденция является базисом нашего экономического строя, вместо того чтобы видеть в нашем экономическом строе базис и источник нашей юриспруденции! Что касается Бакунина, то ему только хотелось состряпать программу своего собственного производства. Вот и все. Это была чисто случайная программа.

Уничтожение классов

2) *«Уравнение* различных *классов»*. Допускать, с одной стороны, сохранение существующих *классов*,

---

* — Альянса социалистической демократии. *Ред.*

а с другой стороны, *равенство* представителей этих классов — эта вопиющая нелепость сразу показывает бесстыдное невежество и верхоглядство этого молодчика, который видит свою «особую миссию» в том, чтобы просвещать нас в «теории».

3) Рабочий класс не должен заниматься *политикой*. Его задача состоит лишь в том, чтобы организоваться в тред-юнионы. В один прекрасный день, с помощью *Интернационала*, они займут место всех существующих государств. Вы видите, в какую карикатуру он превратил мое учение! Поскольку преобразование существующих государств в ассоциации * является нашей конечной целью, то мы-де должны позволить правительствам, этим гигантским тред-юнионам господствующих классов, делать все, что им заблагорассудится, так как если мы будем иметь с ними дело — это будет означать, что мы их признаем. Вот как! Точно так же социалисты старой школы говорили: вам не следует заниматься вопросами заработной платы, так как вы хотите уничтожить наемный труд, а бороться с капиталистом за повышение уровня заработной платы значит признавать систему наемного труда! Этот осел даже не понял, что всякое классовое движение *как таковое* неизбежно является и всегда было *политическим* движением. [...]

Мы настояли на том, чтобы «уравнение классов» было заменено «уничтожением классов», что они и сделали [212].

т. 32, с. 563—564

К. Маркс

О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ЧЛЕНОВ ФРАНЦУЗСКИХ СЕКЦИЙ [240]

По смыслу нашего Устава особая задача всех наших секций в Англии, на европейском континенте и в Соединенных Штатах бесспорно заключается не только в том, чтобы служить организационными центрами рабочего класса, но также и в том, чтобы поддерживать в различных странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — *экономического освобождения рабочего класса.* Но в то же время Устав обязывает все секции нашего Товарищества действовать открыто. Если бы даже в нашем Уставе не было об этом специального указания, то сама природа Товарищества, отождествляющего себя с рабочим классом,

* Перевод уточнен. *Ред.*

несовместима с какой-либо формой тайного общества. Если конспирирует рабочий класс, составляющий огромное большинство каждой нации и создающий все ее богатства, и именем которого постоянно старается прикрыть свое правление даже узурпаторская власть,— то он конспирирует открыто, как солнце против мрака,— в полном сознании, что помимо него не может существовать никакой законной власти.

3 мая 1870 г. *т. 16, с. 445*

К. Маркс

ПОВЕСТКА ДНЯ КОНГРЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛА В МАЙНЦЕ [241]

1. О необходимости отмены национального долга. Обсуждение вопроса о праве на соответствующую компенсацию.

2. Соотношение между политической деятельностью и социальным движением рабочего класса.

3. Практические мероприятия по превращению земельной собственности в собственность общественную *(см. примечание)*.

4. О превращении эмиссионных банков в национальные банки.

5. Условия кооперативного производства в национальном масштабе.

6. О необходимости для рабочего класса вести *всеобщую статистику труда* согласно резолюциям Женевского конгресса 1866 года [242].

7. Вторичное обсуждение конгрессом вопроса о средствах устранения войны.

14 июля 1870 г. *т. 16, с. 456*

К. Маркс

ПЕРВОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ [243]

Пролетарский интернационализм

В «Учредительном Манифесте **Международного Товарищества Рабочих**» от ноября 1864 г. мы говорили: «Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества рабочих, то как же они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает

богатство народа?». И мы характеризовали внешнюю политику, которую требует Интернационал, в следующих словах: «...добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» *.

Международные отношения

Между 19 и 23 июля 1870 г. *т. 17, с. 1*

[...] Союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны. [...] В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*

Исчезновение войн

Международные отношения
Мир
Труд

Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих.

Между 19 и 23 июля 1870 г. *т. 17, с. 5*

К. Маркс

ПИСЬМО Э. ОСВАЛЬДУ, 26 ИЮЛЯ 1870 г. [244]

At all events **, я убежден, что действительной силой, способной противостоять возрождению национальной розни и всей теперешней дипломатии, является *только рабочий класс.*

Национальные отношения

т. 33, с. 109

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 15 АВГУСТА 1870 г. [245]

К тому же Баденге [246] не смог бы вести эту войну без шовинизма массы французского населения: буржуа, мелких буржуа, крестьян и созданного Бонапартом в больших городах империалистически настроенного, османовского строительного пролетариата, вышедшего из крестьянства [247]. До тех пор, пока этому шовинизму не будет нанесен смертельный удар, мир между Германией и Францией невозможен. Можно было ожидать, что это сделает пролетарская революция; но после того как началась война, немцам не остается ничего другого, как сделать это самим, и притом немедленно.

Национальные отношения

т. 33, с. 33

---

* См. наст. т., с. 135. *Ред.*
** — Во всяком случае. *Ред.*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 20 АВГУСТА 1870 г. [248]

Перспективы революции

Если бы на прошлой неделе в Париже образовалось революционное правительство, то что-нибудь еще можно было бы сделать. *Теперь* оно явилось бы слишком поздно и могло бы себя поставить лишь в смешное положение как пародия на конвент [249]. Я убежден, что с революционным правительством, выступившим своевременно, Бисмарк заключил бы мир без отторжения территории.

т. 33, с. 38

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 12 СЕНТЯБРЯ 1870 г. [250]

Перспективы революции

Если бы в Париже можно было что-либо сделать, то следовало бы помешать выступлению рабочих до заключения мира. Бисмарк вскоре должен будет заключить мир либо в результате взятия Парижа, либо потому, что положение в Европе принудит его к окончанию войны. Каков бы ни был мир, его надо заключить прежде, чем рабочие смогут что-либо сделать. Если они победят сейчас, служа делу национальной обороны, то им придется принять наследство Бонапарта и нынешней паршивой республики; они будут без всякой пользы разгромлены немецкими армиями и снова отброшены на 20 лет назад. Сами они ничего не потеряют от выжидания. Возможные изменения границ являются, впрочем, только временными и будут снова ликвидированы. Сражаться с Пруссией ради буржуазии было бы безумием. Каково бы ни было правительство, которое заключит мир, оно уже в силу одного этого окажется недолговечным, а возвратившаяся из плена армия будет не так уж опасна во внутренних конфликтах. После заключения мира все шансы будут благоприятнее для рабочих, чем когда-либо. Но не дадут ли они себя увлечь под давлением чужеземного нападения и не провозгласят ли социальную республику накануне штурма Парижа? Было бы ужасно, если бы немецким армиям в виде последнего акта войны пришлось вести баррикадную борьбу против парижских рабочих. Это отбросило бы нас на 50 лет назад и породило бы такую путаницу, что все на свете очутились бы в фальшивом положении, и к тому же — национальная ненависть и господство фразы, которые *тогда* расцветут среди французских рабочих!

т. 33, с. 52—53

К. Маркс

ПИСЬМО Э. С. БИЗЛИ, 19 ОКТЯБРЯ 1870 г. [251]

Перспективы революции

Что касается Лиона [252], то я получил письма, которые не подлежат опубликованию. Сначала все шло прекрасно. Под давлением секции Интернационала республика была провозглашена раньше, чем в Париже. Тотчас же было установлено революционное правительство — *Коммуна*, состоявшая частью из рабочих, принадлежавших к Интернационалу, частью из буржуазных радикальных республиканцев. Octrois * были немедленно уничтожены — и вполне правильно. Бонапартистским и клерикальным интригам внушили страх. Были приняты энергичные меры к вооружению всего народа. Буржуазия, если по существу и не сочувствовала новому порядку вещей, то, по крайней мере, стала ему спокойно подчиняться. Лионское выступление немедленно нашло отклик в Марселе и Тулузе, где имеются сильные секции Интернационала.

Но ослы — Бакунин и Клюзере — приехали в Лион и испортили все дело. Так как оба они принадлежат к Интернационалу, то у них, к несчастью, оказалось достаточно влияния, чтобы сбить с толку наших друзей. Ратуша была захвачена — на короткое время,— и изданы были самые нелепые декреты *об уничтожении государства* и тому подобной чепухе. [...]

Должен Вам, однако, сказать, что по всем сведениям, которые я получаю из Франции, буржуазия в целом предпочитает прусское завоевание победе республики с социалистическими тенденциями.

т. 33, с. 135—136

Ф. Энгельс

ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [253]

[...] Идеи социальной революции все больше становятся общим достоянием рабочего класса вашей страны. [...]

Необходимость пролетарской партии

Опыт показал повсюду, что лучшим средством освободить рабочих от этого господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий, так как должна выражать условия освобождения рабо-

* — пошлины на ввозимые в город предметы широкого потребления. *Ред.*

чего класса. Детали этой политики могут меняться в зависимости от особых условий каждой страны; но так как основные отношения между трудом и капиталом всюду одни и те же и политическое господство имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цель пролетарской политики будут везде одни и те же, по крайней мере во всех странах Запада.

13 февраля 1871 г. *т. 17, с. 290, 291*

К. Маркс

РЕЧЬ О ПОЗИЦИИ АНГЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА ВО ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ [254]

Перспективы революции

Признание Республики было самым первым и необходимым условием дальнейших успехов. [...] С момента провозглашения Республики все во Франции стали восторженными республиканцами. [...] Имущие классы были заинтересованы скорее в победе Пруссии, чем Республики. Они очень хорошо знают,

Предпосылки

что рано или поздно Республика должна стать социалистической, и поэтому интригуют против нее. [...]

Республика является только политической формой для развития мощи рабочего класса.

14 февраля 1871 г. *т. 44, с. 527, 529*

Ф. Энгельс

РЕЧЬ О РЕСПУБЛИКАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В АНГЛИИ [255]

Никакое республиканское движение не может развиваться в Англии, не перерастая в движение рабочего класса, и, раз такое движение возникает, то нужно также знать, как оно будет развиваться дальше.

Предпосылки

Прежде чем наши идеи могут осуществиться на практике, должна быть установлена республика. Мы должны наблюдать за республиканским движением, и членам Интернационала следует принимать в нем участие, стремясь дать ему нужное направление.

28 марта 1871 г. *т. 17, с. 623*

1871–1883

Обобщение опыта Парижской Коммуны. Углубление и систематизация теории

ДВА ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЯ МАРКСА

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КАПИТАЛИЗМА

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ГОСУДАРСТВО НОВОГО ТИПА

ФАЗЫ РАЗВИТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

ОТМИРАНИЕ ГОСУДАРСТВА

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ»

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ»

«К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ»

«О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ»

«ОБ АВТОРИТЕТЕ»

«КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ»

«АНТИ-ДЮРИНГ»

«РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ»

Период 1871—1883 гг.— от Парижской Коммуиы до смерти Маркса — иачииается первой пролетарской революцией. Марксистская теория развивается в это время прежде всего иа основе обобщеиия опыта Коммуиы, иачиная с работы Маркса «Граждаиская войиа во Фраиции», а в середиие 70-х гг. в связи с развитием рабочего движеиия в Германии и идейиой борьбой против лассальяиства и дюриигиаиства Маркс и Энгельс создают два важиейших произведеиия иаучиого коммуиизма — «Критику Готской программы» и «Аити-Дюриигь».

Исторический опыт первого пролетарского государства Маркс аиализирует в «Граждаиской войие во Фраиции» (1871). Этот иедолгий опыт дал огромиый практический материал для обобщеиия и для дальиейшего развития теории иового общества, главиым образом теории революции и государства. Обращая виимаиие иа методологию Маркса, В. И. Леиии в своей кииге «Государство и революция» писал: «У Маркса иет и капельки утопизма в том смысле, чтобы ои сочииял, сфаитазировал «иовое» общество. Нет, ои изучает, как естествеииоисторический процесс, *рождение* иового общества *из* старого, переходиые формы от второго к первому. Ои берет фактический опыт массового пролетарского движеиия и старается извлечь из иего практические уроки» (Поли. собр. соч., т. 33, с. 48).

Маркс показал, что Парижская Коммуиа была диктатурой пролетариата. «Ее иастоящей тайиой было вот что: оиа была, по сути дела, правительством рабочего класса...» (см. иаст. т., с. 275, ср. с. 261, 264, 266).

Опыт Коммуиы показал длительность и сложиость революциоииого преобразоваиия общества, его двуедииый характер — измеиеиие условий жизии, обществеииых отиошеиий и измеиеиие самих людей: рабочий класс «зиает, что для того чтобы добиться своего освобождеиия и вместе с тем достигиуть той высшей формы, к которой иеудержимо стремится совремеииое общество в силу собствеииого своего экоиомического развития, ему придется выдержать продолжительиую борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершеиио измеият и обстоятельства и людей» (см. иаст. т., с. 277). Подробиее Маркс пишет об этом в чериовом вариаите, где говорит, что «замеиа экоиомических условий рабства труда условиями свободиого и ассоциироваииого труда может быть только прогрессивиым делом времеии», результатом «длительиого процесса развития иовых условий», и где ои, между прочим, впервые говорит о иеобходимости «гармоиичиой иациоиальиой и иитериациоиальиой коордииации обществеииых форм производства» (см. иаст. т., с. 255—256).

Опыт Коммуиы подтвердил иеобходимость слома старой государствеииой машииы. Вместе с тем Маркс существеиио коикретизирует теперь эту коицепцию, диалектически подходит к процессу слома: одии элеметы этой машииы иадо сломать, другие в преобразоваииом виде использовать. Ои различает теперь, иаряду с классовыми, эксплуататорскими, также и «правомериые фуикции» государства — «фуикции, иеобходи-

мость которых вызывается главными и общими потребностями страны», которые поэтому надо сохранить и развить. «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества». В связи с этим Маркс подчеркивает необходимость централизации общества: «единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации...», оно «должно было стать действительностью...» (см. наст. т., с. 267, 273).

Наконец, опыт Коммуны показал, чем следует заменить старую государственную машину. Маркс подробно анализирует попытку создания первого пролетарского государства — государства нового типа, его специфические черты: Коммуну как политическую форму освобождения рабочего класса, уничтожение отчуждения государства от общества, развитие подлинного самоуправления, единство законодательных и исполнительных функций, выборность, сменяемость и ограниченная оплата должностных лиц, гласность, самокритика и т. д. Отмечает он и специфические особенности классовой борьбы в переходный период: «Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс добивается уничтожения всех классов, и следовательно всякого классового господства... но Коммуна создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» (см. наст. т., с. 255).

После поражения Парижской Коммуны Маркс говорил о бессмертии ее принципов: «Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения» (см. наст. т., с. 284).

Опыт Парижской Коммуны практически доказал необходимость пролетарской партии и диктатуры пролетариата для революционного преобразования общества и вместе с тем еще раз поставил вопрос о мирных и насильственных средствах революции. В Интернационале обострилась борьба с анархистами по вопросу о государстве. В процессе осмысления уроков Коммуны и в ходе борьбы с анархистами марксистская теория государства получила мощный импульс для дальнейшего развития. После «Гражданской войны во Франции» она разрабатывалась Марксом и Энгельсом в документах Интернационала, особенно в важнейшей резолюции Лондонской конференции 1871 г. «О политическом действии рабочего класса», в материалах и работах, связанных с Гаагским конгрессом 1872 г., Марксом в его «Конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия»», «Критике Готской программы», Энгельсом в статье «Об авторитете», «Анти-Дюринге» и в других произведениях основоположников научного коммунизма. Они доказывали необходимость политической борьбы рабочего класса в условиях буржуазного общества, необходимость пролетарского государства в переходный период и, что является существенно новым моментом, необходимость экономической централизации, сохранения и развития неполитических функций управления в будущем, коммунистическом обществе. При этом они опирались и на исследования Маркса в «Капитале», и на исторический опыт Парижской Коммуны.

Важнейшим теоретическим документом данного периода является работа Маркса «Критика Готской программы». В ней, опираясь на три десятилетия предшествующего развития теории, Маркс дал классическую фор-

мулировку концепции основных стадий становления и развития коммунистической общественной формации: переходного периода и двух фаз коммунистического общества. Имея в виду методологические основы этой концепции, В. И. Ленин в книге «Государство и революция» писал: «Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма» (Поли. собр. соч., т. 33, с. 84).

В «Критике Готской программы» Маркс дает определение необходимости диктатуры пролетариата: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата»* (см. наст. т., с. 388).

За этой краткой итоговой формулировкой три десятилетия исследований, размышлений, обобщения исторического опыта предшествующих революций, всего освободительного революционного движения, классовой борьбы пролетариата, опыта Парижской Коммуны, десятилетия идейной борьбы с реформистами и анархистами. Это определенный итог всего предшествующего развития теории классовой борьбы, революции и государства, теории научного коммунизма. За ним и первое абстрактное высказывание идеи диктатуры пролетариата в «Немецкой идеологии» в конце 1845 г., и разработка программы деятельности диктатуры пролетариата при создании «Манифеста Коммунистической партии» в 1847 г., и становление самого термина «диктатура пролетариата» в работе Маркса «Классовая борьба во Франции» в 1850 г., и определение исторической роли диктатуры пролетариата в известном письме Маркса Вейдемейеру 5 марта 1852 г. в связи с характеристикой специфических особенностей марксистской теории классов и классовой борьбы (см. наст. изд., т. 1, с. 156, 215, 238—239, 278—279, 315, 322, 323, 325, 384). За этим итогом и анализ опыта Парижской Коммуны в работе Маркса «Гражданская война во Франции» (см. наст. т., с. 248—284), и предельно ясная постановка вопроса в выступлении Энгельса на Лондонской конференции Интернационала 21 сентября 1871 г. в связи с обсуждением вопроса о политическом действии рабочего класса: «Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата». Для этого необходима революция. «Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции...» Рабочий класс должен проводить свою собственную политику, а для этого он должен организовать свою собственную, особую, независимую от буржуазии политическую партию (см. наст. т., с. 293). Борьба Маркса и Энгельса увенчалась принятием иа Лондонской конференции исторической резолюции «О политическом действии рабочего класса», где, в частности, говорилось: «...эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уиичтожение классов...» (см. наст. т., с. 295).

В «Критике Готской программы» Маркс резюмирует теоретические результаты всего этого предшествующего развития. Он подчеркивает

необходимость переходного периода и обращает внимание на соотношение его двух аспектов — экономического и политического. В экономическом плане это период уничтожения частной собственности на средства производства, период становления нового способа производства. В политическом плане это период революционной диктатуры пролетариата, основные задачи которой были определены еще при создании «Манифеста Коммунистической партии» и конкретизированы с учетом опыта Парижской Коммуны. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, идея диктатуры пролетариата — главное в политическом учении марксизма.

Важнейшим теоретическим достижением Маркса в «Критике Готской программы» является разработка учения о двух фазах развития коммунистического общества, коммунистической общественной формации. Различение двух фаз развития будущего общества намечается еще в «Экономическо-философских рукописях» Маркса летом 1844 г. (см. наст. изд., т. 1, с. 72). Теоретические основы этой концепции Маркс и Энгельс закладывают в «Немецкой идеологии» (1845—1846), где они на основе открытия диалектики взаимодействия и развития производительных сил и производственных отношений впервые как целостную концепцию разрабатывают материалистическое понимание истории, т. е. исторический материализм. Сам термин «фазы» применительно к процессу становления и развития будущего общества появляется у Маркса в 1850 г. (см. наст. изд., т. 1, с. 416—417). В «Капитале», особенно в рукописи III тома и в I томе (1865—1867), Маркс закладывает экономические основы учения о фазах развития коммунистической формации (см. наст. т., с. 167—168, 178). И наконец, в своей «Критике Готской программы» (конец апреля — начало мая 1875 г.) он завершает весь этот долгий процесс теоретического развития.

Маркс выявляет как общие основы, общекоммунистические начала, общие черты, так и качественные различия обеих фаз будущего общества. Общим для обеих фаз является общественная собственность на средства производства. Фактически как первую фазу Маркс описывает такую стадию развития, когда существует единая форма собственности всего общества на средства производства и соответственно отсутствуют классовые различия. Вместе с тем фазы бесклассового общества различаются по уровню развития производительных сил и соответственно по способу распределения. Из этих основных различий вытекают и некоторые другие: отношение к труду, степень преодоления старого разделения труда, мера удовлетворения потребностей, характер развития самого человека и т. д.

На первой фазе уровень развития производительных сил позволяет осуществить принцип распределения по труду. Отсюда проистекает определенное неравенство в потреблении, продолжает действовать своего рода остаточное «буржуазное право». Маркс подробно рассматривает распределение совокупного общественного продукта, показывает теоретическую несостоятельность лассальянского требования «полного продукта труда», как и того, казалось бы самоочевидного, представления, что труд является единственным источником богатства. При этом он имеет в виду, с одной стороны, что в создании богатства помимо индивидуального труда принимают участие как природные факторы, так и, в особенности, общественные производительные силы — совместный труд, наука и ее материализация в системе современных средств производства. С другой стороны, совокупный продукт общества должен удовлетворять не только

индивидуальные потребности производителей, но и целую систему других общественных потребностей. Все это и обусловливает специфический способ распределения на первой фазе коммунистического общества. С развитием производительных сил и самих производителей создаются предпосылки для перехода общества на более высокую ступень исторического развития.

В «Критике Готской программы» Маркс дает известное определение этой высшей ступени — полного коммунизма: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» (см. наст. т., с. 385).

Своего рода энциклопедией марксизма явилось одно из главных произведений Энгельса — «Анти-Дюринг», книга, созданная в 1876—1878 гг. Опираясь на все предшествующее развитие марксистской теории, Энгельс дает здесь целостное изложение трех составных частей марксизма — его философии, политической экономии, научного коммунизма. Три главы книги, наиболее важные для теории научного коммунизма, Энгельс переработал в популярную брошюру «Развитие социализма от утопии к науке». Маркс назвал ее введением в научный социализм (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 245). После «Манифеста Коммунистической партии» она стала самым распространенным произведением марксизма.

«Анти-Дюринг» — полемическое произведение. Логическая структура книги, последовательность рассмотрения различных проблем обусловлена логикой идейной борьбы с Дюрингом, структурой его основных произведений, которые Энгельс подвергает критике. Наибольшее значение имеет, разумеется, позитивное изложение марксистской теории по всем затрагиваемым вопросам. В своей совокупности это позитивное изложение дает целостное представление о марксистской теории коммунистической общественной формации, как и о других составных частях марксизма. Теории научного коммунизма посвящен третий отдел «Анти-Дюринга», в особенности его первая глава (очерк истории, точнее говоря, характеристика предшественников научного коммунизма) и вторая глава (очерк теории научного коммунизма). Но многие очень важные высказывания о будущем обществе содержатся и в других частях книги.

Во Введении и в первой главе третьего отдела Энгельс прослеживает процесс формирования исторических и теоретических предпосылок научного коммунизма, развитие социалистических и коммунистических идей от утопии к науке. При этом он впервые говорит о значении двух великих открытий Маркса для превращения социализма из утопии в науку, для теоретического обоснования научного коммунизма. «Этими двумя великими открытиями,— резюмирует Энгельс,— материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой...» (см. наст. т., с. 412).

Ту же мысль Эигельс развивает иесколько поздиее в статье «Карл Маркс», а затем в речи иа могиле Маркса (см. иаст. т., с. 427—430, 556—557). Оиа дает ключ к поиимаиию общей логической структуры марксизма и периодизации истории марксизма.

В «Аити-Дюрииге» Эигельс обращает особое виимаиие иа экоиомические предпосылки коммуиистического преобразоваиия общества. С предельиой ясиостью ои показывает, что имеиио превращеиие иидивидуальиых средств производства в общественные, т. е. орудий труда обособлеииого производителя в такие средства производства, которые могут быть использоваиы только сообща большими массами производителей, имеиио это превращеиие и обусловливает развитие противоречия между производительиыми силами и производствеииыми отношеииями буржуазиого общества. Эигельс определяет осиовиое противоречие капитализма как *противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением* (см. иаст. т., с. 463—464), т. е. между общественным характером производства (общественный характер средств производства и самого процесса труда) и частиой формой присвоеиия (частиая собствеииость иа средства и продукты производства). По сути дела, источииком противоречия является частиая собствеииость иа общественные средства производства. Отсюда вытекает иеобходимость уиичтожеиия частиой собствеииости иа осиовиые, общественные средства производства, иеобходимость их обобществлеиия. Отсюда вытекает и четкое различеиие двух форм собствеииости в коммуиистическом обществе: общественной собствеииости иа средства производства и иидивидуальиой собствеииости иа предметы потреблеиия (см. иаст. т., с. 421, 473). Так коикретизируется главиое требоваиие коммуиистов — уиичтожеиие частиой собствеииости.

Осиовиое противоречие капитализма проявляется в ряде форм: как аитагоиизм между пролетариатом и буржуазией, как противоположиость между оргаиизацией производства иа отдельиых предприятиях и аиархией производства во всем обществе, как экоиомические кризисы (см. иаст. т., с. 465, 467, 470).

В связи с аиализом предпосылок уиичтожеиия частиой собствеииости Эигельс обращает виимаиие иа развитие таких форм обобществлеиия производства еще при капитализме, как акциоиериые общества, поздиее картели и тресты, или переход иекоторых крупиых средств производства в государствеииую собствеииость. Но при этом ои подчеркивает, что ии переход средств производства в руки акциоиериых обществ, ии превращеиие их в государствеииую собствеииость ие уиичтожают капиталистических отиошеиий, рабочие остаются иаемиыми рабочими. Государствеииая собствеииость иа средства производства ие разрешает коифликта, ио оиа содержит в себе формальиое средство, возможиость его разрешения. Общественный характер совремеииых средств производства требует их подлииного обобществлеиия, перехода их в собствеииость всего общества. А это может осуществить только пролетарская революция (см. иаст. т., с. 470—473).

В «Аити-Дюрииге» Эигельс развивает коицепцию уиичтожеиия классов, всех классовых различий. В коммуиистическом обществе все стаиут рабочими. Будут преобразоваиы ие только отиошеиия собствеииости, ио и отиошеиия разделеиия труда. Старое разделеиие труда, пожизиеииая приковаииость к той или иной профессии, даже если такой «профессией», как у капиталистов-раитье, является просто иичегоиеделаиие, будет уиич-

тожено. Человек будет иметь свободу выбора и перемены деятельности. Будет уничтожена противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Станет возможным равномерное размещение производительных сил по всей стране. Анализ путей возникновения классов позволяет более глубоко понять и пути преодоления классовых противоположностей и различий. Энгельс особо подчеркивает исторический характер требований равенства и справедливости, беспощадно высмеивает грубоуравнительные представления. «...Действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости» (см. наст. т., с. 416).

Новые тенденции в развитии марксистской теории государства после Парижской Коммуны проявились и в содержании «Анти-Дюринга». Если в 1872 г. Маркс и Энгельс характеризовали отмирание государства как превращение политических функций в простые административные функции, то теперь Энгельс характеризует эти административные функции как управление вещами и руководство производственными процессами; появляется и сам термин «отмирание государства» (см. наст. т., с. 309, 348—349, 454, 474).

Существенно углубляется в «Анти-Дюринге» и понимание роли сознания в будущем обществе. Энгельс предвидит не только возрастание, но и качественное изменение роли общественного сознания, переход от преимущественно стихийного к сознательному, направляемому общественным разумом развитию общества. Определяя свободу как познание необходимости, как понимание объективных законов действительности и как — на основе такого понимания — господство человека, общества над условиями своего существования и развития, Энгельс характеризует коммунистическое преобразование общества как *скачок человечества из царства необходимости в царство свободы* (см. наст. т., с. 403, 416—417, 477).

Раскрывая классовую природу морали, Энгельс различает в будущем период господства пролетарской морали и ту более высокую ступень развития, когда станет возможной подлинно человеческая мораль бесклассового, коммунистического общества (см. наст. т., с. 413—414). Раскрывая сущность и причины возникновения религии, Энгельс четко формулирует и условия ее отмирания. Как для освобождения необходимо не только познание, но и преобразование действительности, так и для преодоления религии необходимо преобразование условий жизни людей, общественных отношений (см. наст. т., с. 501—502). Вместе с прогрессом во всех областях человеческой деятельности Энгельс предвидит и гигантский, невиданный еще в истории прогресс науки: «...будущие исторические периоды... обещают небывалый научный, технический и общественный прогресс...» (см. наст. т., с. 419). Аналогичную мысль незадолго до этого он развивал и в «Диалектике природы»: от сознательной организации общественного производства «начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор» (см. наст. т., с. 393).

В материалах «Диалектики природы» Энгельс затрагивает и экологическую проблематику, ставшую особенно актуальной в настоящее время. Анализируя проблему взаимодействия человека и природы, он связывает возможность практического решения ее с коммунистическим преобразова-

нием общества, с коренным изменением роли общественного сознания, с переходом от стихийного к сознательному развитию человечества (см. наст. т., с. 394—398). В «Анти-Дюринге», анализируя проблему свободы и необходимости и связывая ее с проблемой коммунистического преобразования общества, он говорит о «жизни в гармонии с познанными законами природы» (см. наст. т., с. 418).

В рассматриваемый период Маркс и Энгельс не только развивают содержание своей теории, но уделяют внимание и методологии научного предвидения будущего. В «Анти-Дюринге», подвергая критике утопизм предшественников научного коммунизма, Энгельс отмечает важную закономерность — обратное соотношение между детализацией и достоверностью их представлений о будущем: «...чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии» (см. наст. т., с. 453—454). Научно обоснованные представления о будущем могут быть только результатом анализа реально существующей действительности. Имея именно это в виду, Маркс говорил: «Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения» (см. наст. т., с. 523).

Применение диалектико-материалистической методологии позволило Марксу и Энгельсу и в этот период решить или наметить правильное решение целого ряда проблем предстоящего революционного преобразования общества: возможность мирного пути преобразования (см. наст. т., с. 327—329, 505), возможность некапиталистического пути развития отсталых стран и колоний (с. 540—541, 546), возможность выкупа частной собственности (с. 336—337), необходимость национализации земли (с. 312—315), возможность перенаселения (с. 522—523).

Период после Парижской Коммуны — один из самых богатых новыми идеями. В этот период происходит дальнейшее развитие, углубление и систематизация марксистской теории коммунистической общественной формации.

К. Маркс

ПИСЬМО В. ЛИБКНЕХТУ, 6 АПРЕЛЯ 1871 г. [256]

По-видимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*.

т. 33, с. 168

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 12 АПРЕЛЯ 1871 г. [257]

Слом старой государственной машины

Если ты заглянешь в последнюю главу моего «Восемнадцатого брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее [258], и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер уже не начал гражданскую войну своей попыткой обезоружить Париж! [259] Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне [260]. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и под-

Парижская Коммуна

лыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского июньского восстания [261]. Пусть сравнят с этими готовыми штурмовать небо парижанами холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства.

т. 33, с. 172—173

К. Маркс

ПИСЬМО Л. КУГЕЛЬМАНУ, 17 АПРЕЛЯ 1871 г. [262]

Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа. Парижане знали это очень хорошо. Это знали и буржуазные версальские канальи. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо бóльшим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков».

Парижская Коммуна

Борьба рабочего класса с классом капиталистов и его государством вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван.

т. 33, с. 175

К. Маркс

ПЕРВЫЙ НАБРОСОК «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ» [263]

Парижская Коммуна

[...] Париж, верный своему историческому прошлому, стремится возродить французский народ, делая его борцом за обновление старого общества, пре-

вращая социальное возрождение человечества в национальное дело Франции! Это — освобождение производящего класса от эксплуататорских классов, от их челяди и их государственных паразитов, которые подтверждают правильность французской поговорки: «les valets du diable sont pire que le diable» *. Париж поднял знамя человечества!

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 521*

Если бы в начале ноября 1870 г. в Париже победу одержала Коммуна [...] то [...] совершенно изменился бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоеваний и контрреволюции. [...]

Одно во всяком случае ясно: революция 4 сентября [264] была не только восстановлением республики, провозглашенной потому, что место узурпатора опустело после его капитуляции при Седане [265], она не только отвоевала эту республику у иноземных завоевателей длительным сопротивлением Парижа, хотя он и сражался под командой ее же врагов,— эта революция проложила себе путь к сердцу рабочего класса. Республика перестала быть названием чего-то отошедшего в прошлое. Она несла в своем чреве новый мир. Ее истинная тенденция, скрытая от глаз всего мира обманами, ложью и вульгарными извращениями банды погрязших в интригах адвокатов и краснобаев, снова и снова выступала наружу в повторяющихся вспышках движения парижского рабочего класса (и рабочих юга Франции), лозунг которых всегда был один и тот же: *Коммуна!*

Коммуна, эта положительная форма революции против империи и условий ее существования [...] была, наконец, победоносно установлена 26 марта [266]. Но она не возникла внезапно в этот день. Она была неизменной целью рабочей революции.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 541, 542*

Эти 20 делегатов, выбранные большинством батальонов национальной гвардии, составили *Центральный комитет* [266], который 18 марта начал величайшую революцию нашего века и до сих пор стоит на своем посту в нынешней славной борьбе Парижа.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 543*

* — «слуги дьявола хуже, чем сам дьявол». *Ред.*

Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими, церковными и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии как оружие нарождавшегося современного общества в его борьбе за освобождение от феодализма. [...]

Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеальный двойник, достиг своего полного развития при господстве первого Бонапарта. [...] Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар [258]. [...] Но своего окончательного развития это государство-паразит достигло лишь во времена Второй империи. Правительственная власть с ее постоянной армией, все регулирующей бюрократией, отупляющим духовенством и раболепной судейской иерархией стала настолько независимой от самого общества, что достаточно было смехотворно посредственного авантюриста в сопровождении голодной банды головорезов, чтобы овладеть ею [267]. [...]

Слом старой государственной машины

4 сентября [264] было только восстановлением республики вопреки нелепому авантюристу, который умертвил ее. Истинной противоположностью *самой империи*, то есть государственной власти, централизованной исполнительной власти, которая во Второй империи лишь нашла свою исчерпывающую формулу,— была *Коммуна.* Эта государственная власть в действительности есть творение буржуазии, сначала как средство для уничтожения феодализма, а затем — как средство подавления освободительных стремлений производителей, рабочего класса. Все реакции и все революции служили только для передачи этой организованной власти — этой организованной силы для порабощения труда — из одних рук в другие, от одной фракции господствующих классов к другой. Государственная власть служила для господствующих классов средством порабощения и обогащения. В каждой новой перемене она черпала новые силы. Государственная власть служила орудием для подавления всякого народного восстания, а также и сопротивления рабочего класса, после того как он сражался и его использовали для того, чтобы обеспечить передачу государственной власти от одной части его угнетателей к другой. Поэтому Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти — легитимистской, конституционной, республиканской или императорской. Она была революцией против самого *государства*, этого сверхъестественного выкидыша об-

щества; народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью. Коммуна не была революцией с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой, это была революция с целью разбить саму эту страшную машину классового господства. Это была не одна из мелочных стычек между парламентской формой классового господства и классового господства в форме исполнительной власти, а восстание против обеих этих форм, восполняющих друг друга, причем парламентская форма была только обманчивым придатком исполнительной власти. Вторая империя была последней формой этой узурпации, совершенной государством. Коммуна была решительным отрицанием этой государственной власти и потому началом социальной революции XIX века. И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет *весь мир*. Рабочий класс Европы и Соединенных Штатов Америки сразу же приветствовал Коммуну как волшебное слово освобождения. Слава прусского завоевателя и его допотопные подвиги стали выглядеть только призраками далекого прошлого.

Слом старой государственной машины

Только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в борющейся Парижской Коммуне это новое устремление. Даже последнее выражение этой государственной власти — Вторая империя,— хотя она и была унизительна для гордости господствующих классов и развеяла все их парламентские притязания на самоуправление,— была только последней возможной формой их классового господства. [...] Крестьяне были пассивной экономической базой Второй империи, этого последнего торжества *государства*, оторванного от общества и независимого от него. Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества,— задачей уничтожения всех классов и классового господства — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой. Вторая империя — это последнее увенчание и в то же время самое откровенное проституирование государства, занявшего место средневековой церкви,— возникла, опираясь на пассивную поддержку крестьянства, в активной борьбе, которую вели против пролетариев господствующие классы. Вторая империя возникла против пролетариев. И ими же она была сломлена, не как особая форма правительственной (централизованной) власти, а как ее наиболее мощ-

Уничтожение классов
Слом старой государственной машины

ное выражение, принявшее вид ее кажущейся независимости от общества, и именно поэтому ставшей ее наиболее проституированной реальностью, покрытой позором сверху донизу, получившей свое концентрированное выражение в полнейшей коррупции внутри страны и в полнейшем бессилии вовне.

Но после крушения этой формы классового господства исполнительная власть, правительственная государственная машина, сделалась главным и единственным объектом, против которого направились удары революции.

Парламентаризм во Франции пришел к концу. [...] Империя, умертвившая парламентаризм, была его собственным созданием. Во время империи [...] парламентаризм [...] был просто фарсом, просто придатком деспотизма в его самой грубой форме. Парламентаризм тогда умер во Франции, и уж конечно не рабочей революции воскрешать его из мертвых.

Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабощающих общество, становятся его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их угнетения создают свою собственную силу; это политическая форма их социального освобождения, заменившая место искусственной силы общества (присвоенной себе их угнетателями) (их собственной силы, противопоставленной им и организованной против них же), используемой для их же угнетения их врагами. Эта форма была проста, как все великое. В противоположность прежним революциям, когда время, нужное для всякого исторического развития, в прошлом всегда бывало упущено, и в первые же дни народного торжества, как только народ сдавал свое победоносное оружие, это оружие направлялось против него же самого,— Коммуна

Армия

прежде всего заменила армию национальной гвардией. [...]

(Народу надо было только организовать эту милицию в национальном масштабе, чтобы покончить с постоянными армиями; это — первое экономическое conditio sine qua non * для всех социальных улучшений, сразу же устраняющее этот источник налогов и государственного долга и эту постоянную опасность правительственной узурпации классового господства — в форме обыкновенного классового господства или же в форме господства какого-нибудь авантюриста, выдающего себя за спасителя всех классов.) Вместе с тем это вернейшая гарантия против иноземного нападения, делающая фактически невоз-

* — необходимое условие. *Ред.*

можным дорогостоящий военный аппарат во всех других государствах; это — освобождение крестьянина от налога кровью и от обильнейшего источника всех государственных налогов и государственных долгов. Уже здесь обнаруживается, чем Коммуна должна *привлечь крестьянина*, благодаря чему она явится первым словом его освобождения. Одновременно уничтожена «независимая полиция», и ее головорезы заменены слугами Коммуны.

Уничтожение полиции

Выборность

Всеобщее избирательное право, которым до сих пор злоупотребляли либо как средством парламентского санкционирования священной государственной власти, либо как игрушкой в руках господствующих классов, когда оно использовалось народом только для того, чтобы раз в несколько лет санкционировать парламентское классовое господство (выбирать орудия этого господства),— всеобщее избирательное право приспособлено теперь согласно своему подлинному назначению для избрания коммунами своих собственных должностных лиц в области управления и законодательного почина. Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые могут быть доверены только обученной касте, состоящей из государственных паразитов, щедро оплачиваемых сикофантов и любителей синекур, касте, впитывающей в себя образованные элементы масс — на высоких постах и направляющей их против самих же масс — на низших ступенях иерархической лестницы. В результате того, что полностью уничтожена вся государственная иерархия и надменные господа народа заменены его сменяемыми в любую минуту слугами, показная ответственность заменена действительной, поскольку их деятельность проходит под постоянным общественным контролем.

Сменяемость

Оплата должностных лиц

Они оплачиваются как квалифицированные рабочие, получая 12 ф. ст. в месяц; высший размер вознаграждения не превышает 240 ф. ст. в год, что, по словам крупного авторитета в науке, профессора Гексли, чуть превышает одну пятую часть жалованья, которым удовлетворился бы секретарь лондонского школьного совета. Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием этот огромный город, занимали все посты, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой;

Гласность

при этом они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Мильтон писал свой «Потерянный рай», то есть за

Самокритика

очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках, исправляя их. Они сразу же сделали общественные функции, военные, административные, политические, которые были скрытыми атрибутами обученной касты,— *действительно функциями рабочих*; (поддерживали порядок в бурях гражданской войны и революции), (предпринняли меры для общего возрождения). Каковы бы ни были достоинства отдельных мероприятий Коммуны, ее величайшим мероприятием было создание самой Коммуны, которая возникла в такое время, когда иноземный враг стоял у одних ворот, а классовый враг у других, которая доказывает своим существованием свою жизнеспособность и подтверждает свои теории своими делами. Ее появление было победой над победителями Франции. Пленный Париж одним отважным шагом вернул себе свое руководство Европой, основанное не на грубой силе, а на том, что он встал во главе социального движения и воплотил в себе чаяния рабочего класса всех стран.

Если бы все крупные города организовались в коммуны по образцу Парижа, никакое правительство не смогло бы подавить это движение внезапным натиском реакции. Даже эта подготовительная мера обеспечивала время для внутреннего развития, создавала гарантию движения. Вся Франция была бы организована в самостоятельно действующие и самоуправляющиеся коммуны, постоянная армия была бы заменена народной милицией, армия государственных паразитов ликвидирована, церковная иерархия вытеснена школьными учителями, государственные суды превращены в органы Коммуны, выборы в национальное представительство превращены из орудия шулерских проделок всемогущего правительства в сознательное выражение воли организованных коммун, государственные функции сведены к нескольким функциям по обеспечению общих национальных интересов.

Такова *Коммуна — политическая форма социального раскрепощения,* освобождения труда от узурпаторской власти (рабовладельческой власти) монополистов средств труда, созданных самими трудящимися или даруемых природой. Как государственная машина и парламентаризм не составляют действительной жизни господствующих классов, а являются лишь организованными общими органами их господства, политическими гарантиями, формами и выражениями старого порядка вещей, так и Коммуна — не социальное движение рабочего класса и, следовательно, не движение общего возрождения челове-

чества, а органнзованное средство действня. Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочнй класс добнвается уннчтожения всех классов, н следовательно всякого классового господства (нбо она не представляет чьнх-лнбо частных ннтересов; она представляет освобожденне «труда», то есть основного н естественного условня нндивндуальной н общественной жнзнн, труда, который меньшннство может переложнть на большннство лншь посредством узурпацнн, обмана н нскусственных уловок), но Коммуна создает рацнональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходнть через свон различные фазы нанболее рацнональным н гуманным путем. Коммуна могла бы повлечь за собой насильственную реакцню н вызвать столь же насильственные революцнн. Коммуна кладет начало *освобождению труда*,— которое является ее велнкой целью,— с одной стороны, тем, что уннчтожает непронзводнтельную н вредоносную работу государственных паразнтов, устраняет прнчнны, по которым прнноснтся в жертву огромная доля нацнонального продукта для того, чтобы насыщать чудовнще-государство, а, с другой стороны, тем, что она выполняет за заработную плату рабочего подлинную работу управлення, местного н общенацнонального. Она начннает, такнм образом, с громадной экономнн, с экономнческой реформы так же, как с полнтнческого преобразовання.

Еслн бы коммунальная органнзацня прочно установнлась в нацнональном масштабе, то катастрофамн, которые ей возможно пришлось бы пережнть, были бы спораднческне мятежн рабовладельцев, которые, прерывая на какой-то момент дело мнрного прогресса, только ускорнлн бы двнженне, вложнв меч в рукн Соцнальной Революцнн.

Рабочнй класс знает, что он должен пройтн через различные стадни классовой борьбы. Он знает, что замена экономнческнх условнй рабства труда условнямн свободного н ассоцнированного труда может быть только прогрессивным делом временн (это экономнческое преобразованне), что этн условня требуют не только нзменення распределення, но н новой организацнн пронзводства нлн, вернее, нзбавлення (освобождення) общественных форм пронзводства прн существующем органнзованном труде (порожденном современной промышленностью) от пут рабства, от нх нынешнего классового характера, н гармоннчной нацнональной н ннтернацнональной коорднняцнн общественных форм пронзводства. Рабочнй класс знает, что эта работа возрождення будет снова н снова замедляться н задержнваться сопротнвленнем традицнонных ннтересов н классо-

Классовая борьба
Уничтожение классов

Управление
Оплата должностных лиц

Контрреволюция

Длительность коммунистического преобразования общества
Труд
Производство
Распределение

Общественный характер производства

Национальная и интернациональная координация производства

Экономические законы

Длительность коммунистического преобразования общества

Политическая организация

вых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов общественной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие экономических законов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги по этому пути могут быть сделаны сразу же благодаря политической организации в форме Коммуны и что настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 543—550, 553—554*

Оплата должностных лиц

Коммуна отменит рекрутский набор, партия порядка навяжет крестьянину налог кровью. Партия порядка посадит на шею крестьянина сборщика податей для покрытия расходов на паразитическую и дорогостоящую государственную машину, Коммуна даст ему дешевое правительство. Партия порядка будет по-прежнему предоставлять городскому ростовщику обирать и разорять его. Коммуна освободит его от кошмара закладных, тяготеющего над его клочком земли. Коммуна заменит паразитический судебный аппарат — нотариуса, судебного пристава и т. д.,— пожирающий главную часть его дохода, коммунальными служащими, которые будут работать за плату рабочего, а не обогащаться за счет крестьянского труда. Она разорвет всю эту судебную паутину, которая опутывает французского крестьянина и в которой ютятся адвокаты и мэры буржуазных пауков, высасывающих его кровь! Партия порядка по-прежнему подчинит его власти жандарма, Коммуна возвратит его к самостоятельной общественной и политической жизни! Коммуна просветит его, утвердив руководство школьного учителя, партия порядка навяжет ему отупляющее руководство священника! Но французский крестьянин — прежде всего расчетлив! Он найдет весьма разумным, если оплата духовенства не будет больше взыскиваться с него сборщиком податей, а будет зависеть от «добровольного проявления» его набожности!

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 555*

Империя опиралась на искусственно поддерживаемые иллюзии и традиционные предрассудки крестьянина, Коммуна опиралась бы на его жизненные интересы и действительные потребности.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 556*

Помещики знают, что три месяца господства Республики Коммуны во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне! Освобождения крестьян они боятся даже больше, чем освобождения городского пролетариата! Крестьяне вскоре провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом. Правда, во Франции, как и в большинстве континентальных стран, существует глубокое противоречие между городскими и сельскими производителями, между промышленным пролетариатом и крестьянством. Стремлением пролетариата, материальной основой его движения является труд, организованный в крупном масштабе, хотя в настоящее время организация труда является деспотической, и централизация средств производства, хотя они в настоящее время централизованы в руках монополиста не только как средства производства, но и как средства эксплуатации и порабощения производителя. Задача пролетариата состоит в том, чтобы преобразовать нынешний капиталистический характер этого организованного труда и этих централизованных средств труда, превратить их из орудий классового господства и классовой эксплуатации в формы свободного ассоциированного труда и в общественные средства производства. С другой стороны, труд крестьянства разъединен, и его средства производства раздроблены, распылены. На этих экономических различиях покоится в качестве надстройки целый мир различных социальных и политических взглядов. Но эта крестьянская собственность давно уже переросла свою нормальную фазу, то есть фазу, когда она была реальностью, была способом производства и формой собственности, которые отвечали экономическим потребностям общества и ставили самих сельских производителей в нормальные условия жизни. Крестьянская собственность вступила в период своего упадка. С одной стороны, из нее вырос обширный prolétariat foncier (сельский пролетариат), интересы которого совпадают с интересами городских наемных рабочих. Самый способ производства изжил себя вследствие современного развития агрономии. Наконец, сама крестьянская собственность стала номинальной, оставляя крестьянину иллюзию собственности и экспроприируя у него плоды его собственного труда. Конкуренция крупных сельских хозяев, налог кровью, государственный налог, ростовщичество городских кредиторов по закладным и всяческое обирание крестьянина с помощью судебной системы, опутывающей его со всех сторон, низвели крестьянина до положения индийского райята [268], в то же время повсе-

Союз пролетариата и крестьянства

Пролетариат Общественный характер труда

Обобществление средств производства

Освобождение труда Обобществление средств производства Крестьянство

дневным фактом стала его экспроприация — экспроприация даже его номинальной собственности — и низведение его до степени сельского пролетария. Следовательно, крестьянина отделяет от пролетария уже не его действительный интерес, а вводящий его в заблуждение предрассудок. Коммуна, как мы показали, является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные блага, вместе с тем она представляет собой единственную форму правления, которая может обеспечить преобразование его нынешних экономических условий, спасти его, с одной стороны, от экспроприации крупным землевладельцем, и избавить его, с другой стороны, от каторжного труда и нищеты, на которые он обречен под предлогом мнимой собственности; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии,— вызванной к жизни общественными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила,— с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив сразу выгоды от Республики Коммуны, он скоро проникся бы доверием к ней.

Преобразование сельского хозяйства

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 556—557*

Наука

[...] Лишь рабочий класс может [...] превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из пособников классовых предрассудков, из честолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных тружеников мысли! Наука может выполнять свою истинную роль только в Республике Труда.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 559*

РЕСПУБЛИКА ВОЗМОЖНА ЛИШЬ КАК ОТКРЫТО ПРИЗНАННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

Нынешняя гражданская война рассеяла последние иллюзии насчет «республики» [...] Все живые элементы Франции признают, что во Франции и в Европе республика возможна лишь как «социальная республика», то есть как республика, отнимающая у класса капиталистов и крупных землевладельцев его государственную машину, чтобы заменить ее Коммуной, которая открыто объявляет «со-

циональное освобождение» великой целью республики и таким образом обеспечивает это социальное преобразование коммунальной организацией.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 559*

В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью выносят главные удары в этой борьбе — нет ничего нового. Это — поразительная черта всех французских революций! Это — лишь повторение прошлого! То, что революция произведена *от имени* и открыто в *интересах* народных масс, то есть производящих масс,— эта черта настоящей революции присуща также и всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, установив *Коммуну*, он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством «верхних десяти тысяч» и заявляют о своем твердом намерении разрушить экономическую основу того классового деспотизма, который в своих собственных интересах распоряжался организованной государственной силой общества!

Слом старой государственной машины

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 561*

Величайшим мероприятием Коммуны является ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях! Красное знамя, поднятое Парижской Коммуной [269], в действительности увенчивает только правительство рабочих Парижа! Они ясно, сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества! Но подлинный «социальный» характер их Республики заключается лишь в том, что Парижской Коммуной управляют рабочие! Что же касается их мероприятий, то они, естественно, должны ограничиваться главным образом военной обороной Парижа и его снабжением!

Некоторые друзья-покровители рабочего класса, с трудом скрывая свое отвращение даже к тем немногим мероприятиям Коммуны, которые они считают «социалистическими», хотя в этих мероприятиях помимо их тенденции нет ничего социалистического, в то же время выражают свое удовлетво-

ренне и пытаются привлечь к Парижской Коммуне симпатии «благородных господ» великим открытием, что рабочие, в конце концов, люди разумные и что, когда бы они ни оказались у власти, они всегда решительно отворачиваются от социалистических начинаний. В самом деле, они не пытаются создать в Париже ни *фаланстер* [148], ни *Икарию* [270]. Мудрецы своего поколения! Эти благожелательные покровители, глубоко невежественные в том, что касается действительных стремлений и действительного движения рабочего класса, забывают об одном. Все социалисты — основатели сект принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить на мировой арене в качестве двигателя истории, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но еще не существовали условия для его собственного движения. Утописты, основатели сект, ясно описав в своей критике современного общества цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми ее экономическими условиями классового господства,— не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной и сознательной силы движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинами и планами нового общества, в пропаганде которых они усматривали истинное средство спасения. С того момента как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли — не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти утописты, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления,— но на смену фантастическим утопиям пришло действительное понимание исторических условий движения и все больше начали собираться силы боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами, являются и конечными целями, провозглашенными Парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не окутаны больше туманом утопических басен. И потому эти друзья-покровители пролетариата, превратно толкуя громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции, являются лишь жертвами своего собственного невежества. Не парижский пролетариат виноват в том, что для них утопические творения пророков рабочего движения все еще являются «социальной революци-

Утописты
Предпосылки

ей», иначе говоря, что социальная революция для них все еще «утопична».

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 561—563*

«Journal Officiel» Центрального комитета[271], *20 марта:*

«Парижские пролетарии, видя *défaillances** и измену правящих (господствующих) классов, поняли (compris), что для них пробил час, когда они должны *спасти положение, взяв в свои руки управление (заведование) общественными делами* (государственными делами)».

Они клеймят «политическую неспособность и моральную дряхлость буржуазии» как источник «бедствий Франции».

«Неужели рабочие, которые производят все и не пользуются ничем, которые страдают от нищеты среди накопленных ими же продуктов, плодов их труда и их пота... *неужели никогда не будет им дана возможность работать для своего освобождения?*.. Пролетариат, перед лицом постоянного посягательства на его права, полнейшего отрицания всех его законных стремлений, гибели страны и всех его надежд, понял, что на него возложен этот повелительный долг, что ему принадлежит неоспоримое право — стать господином собственной судьбы и обеспечить свое торжество, взяв в свои руки государственную власть (en s'emparant du pouvoir)»[272].

Диктатура пролетариата

Здесь прямо утверждается, что правительство рабочего класса необходимо в первую очередь для спасения Франции от гибели и разложения, угрожающих ей по вине господствующих классов, что отстранение этих классов от власти (тех классов, которые утратили способность управлять Францией) есть *необходимое условие национального спасения*.

Но не менее ясно высказано и то, что правительство рабочего класса сможет спасти Францию и совершить национальное дело только в том случае, если оно будет работать *для освобождения рабочего класса*, ибо условия этого освобождения являются вместе с тем и условиями возрождения Франции.

Рабочее правительство провозглашено как война труда против монополистических собственников средств труда, против капитала.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 563*

Предпосылки
Пролетарский интернационализм

[...] Шовинизм является средством помешать интернациональному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения. [...]

* — *несостоятельность. Ред.*

Международный характер коммунистического преобразования общества

Громко провозгласив свои интернациональные тенденции,— ибо дело, за которое борется производитель, везде одно и то же, и его враг повсюду один и тот же, какова бы ни была его национальность (в каком бы национальном облачении он ни выступал),— Париж провозгласил в качестве принципа допущение иностранцев в состав Коммуны, он даже выбрал иностранного рабочего * (члена Интернационала) в ее Исполнительную комиссию, он декретировал разрушение символа французского шовинизма — Вандомской колонны! [273]

И в то время как буржуазные шовинисты расчленили Францию и действуют под диктатом иноземного завоевателя, парижские рабочие побили иноземного врага тем, что нанесли удар своим собственным классовым властителям, и уничтожили границы, завоевав место передового отряда рабочих всех стран!

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 564*

Централизация общества

Париж [...] желает заменить ту централизацию, которая сослужила службу в борьбе против феодализма, но затем превратилась в единство чисто искусственного целого, опирающегося на жандармов, на красное и черное воинство, подавляющего жизнь действительного общества, тяготеющего над ним, как кошмар, придающего Парижу «кажущееся всемогущество» благодаря тому, что оно включает в себя Париж и не включает провинцию,— заменить эту единую Францию, существующую вне французского общества, политическим объединением самого французского общества при помощи коммунальной организации. [...]

Париж [...] стремится разрушить эту искусственную унитарную систему, поскольку она является антагонистом действительного, живого единства Франции и простым орудием классового господства.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 567*

Уничтожение частной собственности

Люди, решительно ничего не понимающие в существующей экономической системе, еще менее способны, конечно, понять что-нибудь в отрицании этой системы рабочими. Они не могут, конечно, понять, что социальное преобразование, к которому стремится рабочий класс, есть необходимое, историческое, неизбежное порождение самой же нынешней системы. Они говорят в предостерегающем тоне об угрозе уничтожения «собственности», потому что в их глазах их нынешняя классовая форма собственности — преходящая историческая форма — и *есть*

* — Л. Франкеля. *Ред*

сама собственность, и уничтожение этой формы было бы поэтому уничтожением собственности. Как теперь они защищают «вечность» капиталистического господства и системы наемного труда, так они защищали бы, если бы жили во времена феодализма или рабства, феодальную систему или систему рабства, как основанную на природе вещей, как возникающую из самой природы; они произносили бы неистовые тирады против связанных с этими общественными системами «злоупотреблений», но в то же время на все предсказания об уничтожении этих систем они отвечали бы с высоты своего невежества догмой об их «вечности», о том, что они исправляются «моральным сдерживанием» («ограничениями»). [...]

Жалкие люди! Они даже не знают, что всякой *общественной форме* собственности соответствует своя мораль и что та форма общественной собственности, которая превращает собственность в атрибут труда, отнюдь не создавая индивидуальных «моральных ограничений», освободит «мораль» индивидуума от ее классовой ограниченности.

Мораль

Общественная собственность

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 567—568*

Как дыхание народной революции преобразило Париж! [...] После исхода «высших слоев населения» на сцене снова появился Париж рабочих, героический, самоотверженный, полный энтузиазма в сознании своей геркулесовой задачи! В морге ни одного трупа, полная безопасность на улицах. В Париже никогда не было большего спокойствия. Вместо кокоток — героические женщины Парижа! Мужественный, суровый, борющийся, трудящийся, мыслящий Париж! Великодушный Париж! Перед лицом каннибализма своих врагов он только принимает меры, чтобы арестованные им лица не могли нанести вреда! Чего Париж не хочет более терпеть, так это существования кокоток и хлыщей. Он исполнен решимости либо выгнать вон, либо переделать эту бесполезную, скептическую и эгоистичную породу людей, которая завладела гигантским городом, чтобы пользоваться им как своей собственностью.

Апрель — май 1871 г. *т. 17, с. 568*

К. Маркс

ВТОРОЙ НАБРОСОК «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ» [263]

Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела (воцарилась над) Парижем. [...]

Революция 4 сентября восстановила республи-

ку [264]. Упорное сопротивление Парижа во время осады, послужившее базой для оборонительной войны в провинции, вырвало у иноземных завоевателей признание республики, но ее смысл и цель были раскрыты только революцией 18 марта, и само это раскрытие было революцией. Революция должна была устранить социальные и политические условия классового господства, на которых покоится система старого мира, которые породили Вторую империю и сами в свою очередь под ее опекой дошли до полного разложения. Европа содрогнулась как от электрического удара. Она, казалось, на минуту усомнилась в реальности совершившихся на ее глазах последних поразительных государственных и военных событий: не видения ли это из области давно минувшего. [...]

Исполненная возвышенного энтузиазма исторической инициативы революция парижских рабочих считала делом чести удержать пролетариат от преступлений, которыми изобилуют революции и еще больше контрреволюции его естественного начальства («высших классов»). [...]

Укоренившиеся привычки, приобретенные французскими солдатами в школе врагов рабочего класса, не могут, разумеется, бесследно исчезнуть в ту самую минуту, когда они переходят на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

Май 1871 г. *т. 17, с. 588—591*

Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?

Диктатура пролетариата

В своем наиболее простом понимании — это та форма, в которой рабочий класс берет в свои руки политическую власть в Париже и других промышленных центрах, являющихся его социальным оплотом.

Центральный комитет в своем манифесте от 20 марта заявил:

> «Парижские пролетарии, видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки политическую власть» (государственную власть).

Слом старой государственной машины

Но пролетариат не может, как это делали господствующие классы и их различные соперничающие группы в поочередные моменты своего торжества, просто овладеть существующим государственным аппаратом и пустить в ход эту готовую силу для

своих собственных целей. Первое условие для удержания политической власти — переделать традиционный рабочий механизм государства и уничтожить его как орудие классового господства. Эта громадная правительственная машина, опутывающая, как удав, действительный общественный организм своими всеохватывающими петлями — постоянной армией, иерархической бюрократией, послушной полицией, духовенством и раболепным судейским сословием — была впервые создана во времена абсолютной монархии как оружие нарождавшегося буржуазного общества в его борьбе за освобождение от феодализма. [...]

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей. Политическое орудие его порабощения не может служить политическим орудием его освобождения.

Современное буржуазное государство воплощается в двух важных органах — парламенте и правительстве. [...] Узурпаторская диктатура правительственного аппарата, которая на первый взгляд создает видимость диктатуры над самим обществом, возвышающейся равно над всеми классами и унижающей в равной мере все классы, в действительности стала, по крайней мере на европейском континенте, единственно возможной государственной формой, при которой присваивающий класс может сохранять свое господство над производящим классом. [...]

Гигантский правительственный паразит, опутывающий, как удав, общественный организм своими всеохватывающими петлями — бюрократией, полицией, постоянной армией, духовенством и судейским сословием — существует со времени абсолютной монархии. [...] По мере того, как экономический прогресс современного общества умножал ряды рабочего класса, увеличивал его нищету и бедствия, организовывал его сопротивление и развивал в нем стремление к освобождению,— словом, по мере того, как современная классовая борьба, борьба между трудом и капиталом, принимала отчетливую форму,— в облике и характере государственной власти также происходила разительная перемена. Государственная власть всегда была властью, охраняющей порядок, то есть существующий общественный строй, и, следовательно, подчинение и эксплуатацию производящего класса присваивающим классом. Но до тех пор пока этот строй принимался как непреложная и неоспоримая необходимость, государственная власть могла принимать вид беспристрастия. Она поддерживала существующее подчинение масс как

незыблемый порядок вещей, как социальный факт, который массы переносят, не вступая в борьбу, а их «естественное начальство» осуществляет без особых забот. Со вступлением самого общества в новую фазу, фазу классовой борьбы, характер его организованной общественной силы, государственной власти, также должен был неизбежно измениться (подвергнуться резким переменам),— все больше развивался характер государственной власти как орудия классового деспотизма, политической машины, существующей для того, чтобы увековечить с помощью насилия социальное порабощение производителей богатства теми, кто его присваивает, как орудия экономического господства капитала над трудом. После каждой новой народной революции, приводившей к тому, что управление государственной машиной переходило от одной группировки господствующих классов к другой, угнетательский характер государственной власти развивался все полнее и использовался все беспощаднее, потому что обещания, данные революцией и, как казалось, обеспеченные ею, могли быть нарушены только с помощью применения силы. К тому же перемены, наступавшие в результате следовавших одна за другой революций, только давали политическую санкцию социальному факту возрастания власти капитала и поэтому передавали саму государственную власть все более непосредственно в руки прямых врагов рабочего класса. [...]

Это была государственная власть в ее последней и наиболее проституированной форме, в ее высшей и гнуснейшей действительности, которую рабочий класс Парижа должен был одолеть и от которой только он мог избавить общество. Что же касается парламентаризма, то он был умерщвлен своим же собственным триумфом и империей. Рабочему классу оставалось только — не воскрешать его.

Рабочие должны были разбить не более или менее незавершенную форму правительственной власти старого общества, а саму эту власть в ее последней и исчерпывающей форме — *империю*. Прямой противоположностью *империи* была *Коммуна*.

Слом старой государственной машины

Самоуправление

Диктатура пролетариата

В своем наиболее простом понимании Коммуна означала прежде всего предварительное разрушение старой правительственной машины в ее центральных пунктах, в Париже и в других больших городах Франции, и замену ее подлинным самоуправлением, которое в Париже и в больших городах, являющихся социальным оплотом рабочего класса, было правительством рабочего класса. Вследствие осады Париж избавился от армии, которая была заменена национальной гвардией, состоящей в основ-

ной массе из рабочих Парижа. Восстание 18 марта стало возможным только благодаря такому положению вещей. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и заменить постоянную армию, которая защищает правительство и направлена против народа, национальной гвардией больших городов, то есть народом, вооруженным, чтобы не допустить правительственной узурпации. Коммуна должна была состоять из выбранных всеобщим голосованием по различным округам городских гласных (так как Париж был инициатором Коммуны и служил ее образцом, то мы должны сослаться на него), ответственных и в любое время сменяемых. Большинство их состояло бы, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полицейские, бывшие до сих пор орудием центрального правительства, стали бы слугами Коммуны и, подобно должностным лицам всех остальных областей управления, должны были назначаться Коммуной и всегда могли быть смещены ею; все должностные лица, подобно самим членам Коммуны, должны были выполнять свою работу за заработную плату рабочего. Судьи тоже впредь должны были избираться, быть сменяемыми и ответственными. Инициатива во всех вопросах общественной жизни должна была остаться за Коммуной. Словом, все общественные функции, даже те немногие, которые принадлежали бы центральному правительству, выполнялись бы коммунальными чиновниками и, стало быть, под контролем Коммуны. Одно из нелепейших утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции правительственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается главными и общими потребностями страны [274],— сделались бы невозможными. Эти функции существовали бы, но выполняющие их лица не могли бы, как при старой правительственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были выполняться *коммунальными чиновниками* и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные должности перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим ставленникам. Устранение постоянного войска и правительственной полиции сломило бы материальную силу угнетения. Отделение церкви от государства и экспроприация всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом, и изгнание религиозного преподавания из

Выборность

Сменяемость

Единство законодательной и исполнительной власти

Оплата должностных лиц

Необходимые функции управления

Армия
Уничтожение полиции
Религия

всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в уединение частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех учебных заведений от правительственной опеки и порабощения,— все это должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков. Муниципальные налоги устанавливались и взимались бы Коммуной, налоги для общегосударственных целей взимались бы коммунальными должностными лицами и расходовались бы самой Коммуной на общие нужды (их расходование на общие нужды контролировалось бы самой Коммуной).

Наука

Налоги

Правительственная сила подавления и власти над обществом была бы таким образом сломлена благодаря уничтожению ее чисто угнетательских органов, а функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества.

Правомерные функции управления

Май 1871 г. *т. 17, с. 596—599, 601—602*

Борющемуся, трудящемуся, мыслящему Парижу, наэлектризованному энтузиазмом исторической инициативы и исполненному героизма происходящего, новому обществу, рождающемуся в муках, противостоит в Версале старое общество, мир традиционного лицемерия и нагромождения лжи.

Май 1871 г. *т. 17, с. 602—603*

Парижская Коммуна может пасть, но Социальная Революция, которой она положила начало, восторжествует. Место ее рождения — повсюду.

Май 1871 г. *т. 17, с. 605*

Утром 18 марта Париж был разбужен громовыми криками: «Vive la Commune!» * Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?

«Парижские пролетарии»,— писал Центральный комитет в своем манифесте о 18 марта,— «видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки политическую власть».

* — «Да здравствует Коммуна!» *Ред.*

Слом старой государственной машины

Но рабочий класс не может, как это делали соперничающие фракции присваивающего класса во времена своего торжества, просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием,— органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда,— существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе за освобождение от феодализма. [...] По мере того как прогресс промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, правительственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, политической силы, организованной для того, чтобы с помощью насилия обеспечивать социальное порабощение, характер простой машины классового господства. Вслед за каждой народной революцией, означающей новый шаг вперед в ходе (развитии) борьбы классов (классовой борьбы), угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более беспощадно, все более обнаженно. [...] Февральская революция [275] поднимает знамя «социальной республики» и таким образом с самого начала доказывает, что уже разоблачен истинный смысл государственной власти, что отвергнуто ее притязание на роль вооруженной силы, якобы охраняющей общественное благоденствие, на то, что она будто бы является воплощением общих интересов общества, стоит выше враждующих частных интересов, которым отводятся их соответственные сферы,— эта революция доказывает, что тайна государственной власти как орудия классового деспотизма раскрыта, что рабочие добиваются республики уже не как политической разновидности старой системы классового господства, а как революционного средства для уничтожения самого классового господства.

Предпосылки

Уничтожение классов

Май 1871 г. *т. 17, с. 612—614*

К. Маркс

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ [276]

И вот Тьер начал гражданскую войну: он отправил Винуа во главе многочисленного отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойни-

чий ночиой поход на Моимартр, чтобы, иапав врасплох, захватить артиллерию иациоиальиой гвардии. Всем известио, что эта попытка ие удалась благодаря сопротивлеиию иациоиальиой гвардии и братаиию между войсками и иародом. Орель де Паладии напечатал уже было зараиее извещеиие о победе, а у Тьера были иаготове объявлеиия, возвещавшие о прииятых им мерах к совершеиию coup d'état *. Эти объявлеиия пришлось замеиить маиифестом, сообщавшнм о благородиой решимости Тьера даровать иациональиой гвардии ее же оружие, с которым, заявлял ои, иациоиальиая гвардия иесомиеиио сплотится вокруг правительства для борьбы против буитовщиков. Из 300 000 националькых гвардейцев только 300 человек отозвались иа призыв маленького Тьера сплотиться вокруг иего для защиты его от самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельио владела Парижем. Ее времеииым правительством был Центральиый комитет. Европа, казалось, иа мииуту усомиилась в реальиости совершившихся иа ее глазах последиих поразительных государствеиных и воеииых событий: ие сои ли это из области давио мииувшего.

С 18 марта и до вторжеиия версальских войск в Париж революция пролетариата оставалась иастолько свободиой от актов иасилия, подобиых тем, которыми изобилуют революции и особеиио коитрреволюции «высших классов», что враги ее ие смогли иайти иикакого предлога для своего возмущеиия, кроме казии геиералов Лекоита и Клемаиа Тома и стычки иа Ваидомской площади.

Один из боиапартовских офицеров, участвовавших в иочиой экспедицин против Моимартра, геиерал Лекоит, четыре раза отдавал 81-му лииейиому полку приказ стрелять по безоружиой толпе иа площади Пигаль; когда же солдаты отказались выполнить его приказ, ои обругал их площадиой бранью. Вместо того чтобы направить оружие против жеищин н детей, его солдаты расстреляли его самого. Укореинвшиеся привычки, приобретеииые солдатами в школе врагов рабочего класса, ие могут, разумеется, бесследио исчезиуть в ту самую мииуту, когда оин переходят иа стороиу рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемаиа Тома.

Май 1871 г. *т. 17, с. 333—334*

Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужеи громовыми крикамн: «Vive la Commune!» ** Что же такое Коммуиа, этот сфиикс, задавший такую тяжелую загадку буржуазиым умам?

---

* — государственного переворота. *Ред.*
** — «Да здравствует Коммуна!» *Ред.*

«Парижские пролетарии»,— писал Центральный комитет в своем манифесте о 18 марта,— «видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки правительственную власть».

Слом старой государственной машины

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием,— органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда,— существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. [...] По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства *. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто.

[...] Империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. [...]

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и была определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и социальным оплотом французского рабочего класса, вос-

* В немецком издании 1871 г. конец этой фразы несколько изменен: «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства». *Ред.*

стал с оружием в руках против попытки Тьера и его «помещичьей палаты» восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избавился от армии и заменил ее национальной гвардией, главную массу которой составляли рабочие. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и

Армия

потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Выборность

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и

Сменяемость

в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса.

Единство законодательной и исполнительной власти

Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления.

Оплата должностных лиц

Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства,

Религия

Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным

Наука

всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся неза-

висимость, служившую только маской для их низкого подхалимства перед всеми сменявшими друг друга правительствами, которым они поочередно приносили присягу на верность и затем изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Управление

Самоуправление

Парижская Коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы. Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться mandat impératif (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены,— такое утверждение было сознательным подлогом,— а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным, чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества [277]. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для

Сменяемость
Правомерные функции управления

Централизация общества

Слом старой государственной машины

Выборность

того чтобы подыскнвать для своего предпрнятия рабочнх, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь известно, что предприятия, точно так же как и отдельные лица, обычно умеют в деловой деятельности поставить подходящего человека на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправить свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвеститурой [278].

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отжнвших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была рассматриваема как воскрешение средневековой коммуны, предшествовавшей возникновению этой государственной власти и затем составившей основу ее.— Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств, о чем мечтали Монтескьё и жирондисты [279], то единство, которое — у крупных наций,— хотя и создано было первоначально политическим насилием, стало теперь могущественным фактором общественного производства.— Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации. Особые исторические условия могли воспрепятствовать тому классическому развитию буржуазной формы правления, которое имело место во Франции, и привести, как например в Англии, к тому, что главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями, корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в графствах. Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции.— Буржуазия провинциальных городов Франции видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи-Наполеоне было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных горо-

Союз пролетариата и крестьянства

дов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов.— Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, уделяющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему давнишнему, больше всего подходящему к его умственным способностям занятию — сотрудничеству в «Kladderadatsch» [280] (в берлинском «Punch» [281]), только такому человеку могло прийти в голову, что Парижская Коммуна стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г.,— низводящему органы городского управления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма.

Самоуправление

Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов: постоянную * армию и чиновничество. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным бременем и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; они были только сопутствующими ей явлениями.

Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса **, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Диктатура пролетариата

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать одновременно с увековечением их соци-

---

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слово «постоянную» опущено. *Ред.*

** В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слова «правительством рабочего класса» даны курсивом. *Ред.*

ального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство.

Уничтожение классов

С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса.

Странная вещь: несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении труда, стоит только рабочим где-нибудь решительно взять это дело в свои руки, и тотчас против них пускается в ход вся апологетическая фразеология защитников современного общества с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистов). Как будто капиталистическое общество пребывает еще в девственной чистоте и непорочности! Как будто не развиты еще его противоположности, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его проституированная действительность! Коммуна, восклицают они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые

Уничтожение классовой собственности
Экспроприация экспроприаторов

государи, Коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела сделать индивидуальную собственность реальностью, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда.

Труд

— Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако те представители господствующих классов,— и их не мало,— которые достаточно умны, чтобы понять, что настоящая система не может долго существовать, стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства.

Производство

А если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если объединенные кооперативные товарищества

План

организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве,— не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять par décret du peuple * готовые

* — по декрету народа. *Ред.*

и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей [282]. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. Вполне сознавая свое историческое призвание и полный героической решимости следовать ему, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают невежественные пошлости и преподносят свои сектантские фантазии.

Длительность коммунистического преобразования общества

Изменение обстоятельств и людей

Предпосылки

Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» * — на привилегию управления — и при неслыханно тяжелых условиях выполнили эту работу скромно, добросовестно и успешно, причем высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, составляющего, по словам известного авторитета в науке **, минимум для секретаря лондонского школьного совета,— старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа Республики Труда, развевающегося над городской ратушей [269].

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богачей-капиталистов. Коммуна спасла их, мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе,— вопрос о расчетах между должниками и кредиторами [283]. [...]

Крестьянство

Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!». [...] Коммуна [...] заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы

* В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова: «имущих классов». *Ред.*

** В немецких изданиях далее следует: «(профессора Гексли)». *Ред.*

крестьянина от налога крови, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судейских вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. А французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным, если бы плата попам не выколачивалась из него сборщиками податей, а зависела бы только от добровольного проявления набожности прихожан. Вот какие существенные блага непосредственно обещало господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян — таковы вопросы об ипотечном долге, который как кошмар тяготел над крестьянской парцеллой, о prolétariat foncier (сельском пролетариате), возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия. [...]

«Помещичья палата» отлично понимала — и этого-то она больше всего боялась,— что если Париж коммунаров будет свободно сообщаться с провинцией, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет всеобщее крестьянское восстание. Потому-то она так трусливо спешила окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Интернационализм

Если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв устремились прохвосты всех стран, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеску, валашский плут, а левой — Марковский, русский шпион. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Бур-

жуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего * своим министром труда. И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, в действительности предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши **, поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну [273].

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: отмена ночных работ булочников; запрещение под страхом наказания понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами — обычный прием предпринимателей, которые, соединяя в своем лице функции законодателя, судьи и исполнителя приговора, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех закрытых мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Самоуправление народа

Финансовые меры Коммуны, замечательные своей расчетливостью и умеренностью, могли быть только мерами, совместимыми с положением осажденного города. Под покровительством Османа *** крупные банкирские компании и строительные подрядчики так обкрадывали Париж, что Коммуна имела несравнимо бо́льшие права конфисковать их имущество, чем Луи Бонапарт — имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, бо́льшая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были, конечно, сильно возмущены Ком-

* — Л. Франкеля. *Ред.*

** — Я. Домбровского и В. Врублевского. *Ред.*

*** Барон Осман (Haussmann) был во время Второй империи префектом Сенского департамента, т. е. города Парижа. Провел ряд работ по проложению новых улиц и проч. в целях облегчения борьбы с рабочими восстаниями. *[Примечание к русскому изданию 1905 г., вышедшему под редакцией В. И. Ленина.] Ред.*

муной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно подавило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов; оно создало шпионскую сеть в Версале и во всей Франции, и притом в гораздо более широких размерах, чем при Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в «chambre introuvable» 1816 года [284]. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались действовать подкупами и заговорами внутри Парижа. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как в самые мирные времена, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны по своему характеру было таким же, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты партии порядка в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, если, в то время как они объявляли единственным средством спасения для Франции возвращение в лоно церкви, неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпюса и церкви св. Лаврентия [285]. Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сыпавшего кресты Почетного легиона на генералов Бонапарта в знак признания их искусства проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папиросы в Вильгельмсхёэ [286], если Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении ими своих обязанностей? Разве это не было пощечиной подделывателю документов Жюлю Фавру, который, все еще оставаясь министром иностранных дел Франции, продавал ее Бисмарку и диктовал приказы образцовому бельгийскому правительству, если Коммуна изгнала из своей среды и арестовала одного из своих членов *, который пробрался в нее под вымышленным именем после шести дней ареста

Самокритика

в Лионе за обычное банкротство? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все

Гласность

старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о

* — Бланше. *Ред.*

своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Во всякой революции, наряду с ее истинными представителями, выдвигаются люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще сохраняющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своего мужества или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие стереотипные декламации против существующих правительств и приобретающие поэтому репутацию революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта и им случалось иногда играть видную роль. Насколько было в их силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, так же как раньше люди такого сорта мешали полному развитию всех прежних революций. Они — неизбежное зло: со временем от них отделываются, но этого-то времени Коммуна не имела.

Коммуна изумительно преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских лендлордов, ирландских абсентеистов [287], американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. [...]

Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и, главное, собственности. Вместо них на передний план снова выступили истинные парижанки, такие же героические, благородные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!

Май 1871 г. *т. 17, с. 339—353*

Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда его рабы и угнетенные восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих

его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 года [288]. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы вступили в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские бесчинства солдатни отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепна эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя! [...]

Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, воем травли и клеветы, который отдается эхом во всех концах света. Спокойный Париж рабочих, Париж Коммуны, превращается внезапно этими алчущими крови сторожевыми псами «порядка» в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Народ Парижа с воодушевлением жертвует собой за Коммуну: ни одна из известных истории битв не знала такого самопожертвования.

Май 1871 г. *т. 17, с. 360, 361*

Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню также здания и памятники. [...]

На войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. [...] Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такие меры считают совершенно недопустимыми!

Май 1871 г. *т. 17, с. 362*

Заговор господствующего класса для подавления революции при помощи гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя, заговор, который мы проследили с 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона в ворота Сен-Клу, этот заговор закончился кровавой бойней в Париже. Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них первый шаг ко всеобщему разрушению больших городов, о котором он мечтал, когда был еще только простым помещиком — депутатом прусской chambre introuvable 1849 года [289]. Он самодовольно любуется трупами парижских пролетариев. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь

в самом деле обезглавлена, и притом самим же французским правительством. Поверхностный, как все преуспевающие государственные мужи, он видит лишь внешнюю сторону этого чудовищного исторического события. Разве видели до сих пор в истории победителя, который решился бы увенчать свою победу ролью не только жандарма, но и наемного убийцы в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала, как подлый убийца, потому что не подвергалась при этом никакой опасности, как наемный убийца, потому что она заранее обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов — этой кровавой цены убийства. Вот тут-то и проявился истинный характер войны, которая была ниспослана провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоконравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира вместо того, чтобы заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, бывшее простым орудием в руках с.-петербургского кабинета, дало им только повод обсуждать вопрос,— не выдать ли версальскому палачу и те его немногие жертвы, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружавшую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени армия победившая и армия побежденная соединяются для совместной кровавой расправы с пролетариатом. Такое неслыханное событие не доказывает, как думал Бисмарк, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательное поражение,— нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства *едины* суть!

После троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Желез-

ная рука наемной солдатни может быть и придавит на время оба эти класса, но борьба их неизбежно снова возгорится и будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. А французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства продемонстрировали перед лицом Парижа международный характер классового господства, а сами вопят на весь мир, что главной причиной всех бедствий является Международное Товарищество Рабочих, то есть международная организация труда против всемирного заговора капитала. [...]

Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий самых передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы и при каких бы условиях ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала,— везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, на которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, то есть искоренить основу своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса.

Май 1871 г. *т. 17, с. 364—366*

К. Маркс

РЕЧЬ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ [290]

Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения.

23 мая 1871 г. *т. 17, с. 629*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАФЬЕРО, 1—3 ИЮЛЯ 1871 г.[291]

Государство

У Бакунина своя собственная теория, состоящая из некоей смеси коммунизма и прудонизма; желание объединить эти две теории в одну говорит о его полном незнании политической экономии. Среди прочего он заимствовал у Прудона фразы об анархии, как о конечном состоянии общества, и вместе с тем он против всякого политического действия со стороны рабочего класса, поскольку такое действие якобы представляло бы собой признание существующего политического положения, а также и потому, что все политические действия являются, по его мнению, «авторитарными». Каким образом он надеется уничтожить существующее политическое угнетение и тиранию капитала и как он намеревается без «авторитарных действий» осуществить свои излюбленные идеи об отмене права наследования, он не объясняет.— Во время восстания в Лионе в сентябре 1870 г., подавленного вооруженной силой, Бакунин декретировал в ратуше отмену государства, не приняв никаких мер против всех буржуа из национальной гвардии, которые преспокойно отправились в ратушу, выгнали вон Бакунина и менее чем за час восстановили государство [252]. Как бы то ни было, Бакунин создал на основе своих теорий секту, в которую входит небольшая часть французских и швейцарских рабочих, многие из наших в Испании и кое-кто в Италии, в том числе Капоруссо и его друзья, так что Капоруссо оправдывает свое имя — у него начальник русский *.

Наше Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и совместных действий для рабочих обществ, существующих в различных странах и преследующих одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса (первый параграф Устава Товарищества) **. Поскольку специальные теории Бакунина и его друзей не противоречат этому параграфу, не было возражений против принятия их в качестве членов и против разрешения им делать все возможное для пропаганды своих идей всеми приемлемыми способами. В нашем Товариществе имеются люди всякого рода — коммунисты, прудонисты, тред-юнионисты, кооператоры, бакунисты и т. д., и даже в нашем Генеральном Совете имеются люди довольно различных взглядов.

* Игра слов: по-итальянски «capo» — начальник, «russo» — русский. *Ред.*

** См. наст. т., с. 136—137, 296—297, 324. *Ред.*

Если бы Товарищество стало сектой, оно бы погибло. Наша сила заключается в той широте, с которой мы толкуем первый параграф Устава, а именно, что все люди, принятые в Товарищество, стремятся к полному освобождению рабочего класса. К сожалению, бакунисты с той ограниченностью ума, которая присуща всем сектантам, не удовлетворились этим. Генеральный Совет, по их утверждению, состоит из реакционеров, программа Товарищества — слишком неопределенна. Атеизм и материализм (который сам же Бакунин заимствовал у нас, немцев) должны, по их мнению, стать обязательными, отмена права наследования и государства и т. д. должны стать частью нашей программы.— Но ведь Маркс и я почти столь же старые и убежденные атеисты и материалисты, как и Бакунин, таковыми же являются почти все наши члены; о том, что упомянутое право наследования — бессмыслица, мы знаем так же хорошо, как и Бакунин, хотя в отличие от него и не считали важным и уместным изображать отмену права наследования как освобождение от всех зол; что касается «отмены государства», то это старая немецкая философская фраза, которой мы много пользовались еще тогда, когда были просто юнцами. Но вносить все это в нашу программу значило бы оттолкнуть от себя огромное количество наших членов и расколоть европейский пролетариат, вместо того чтобы объединить его.

т. 33, с. 201—203

Сельское хозяйство

Наша политика в отношении земледельческого населения в общем и целом такова: там, где существуют крупные земельные владения, там арендатор является капиталистом по отношению к работнику, и там мы должны действовать в интересах работника; там же, где участки небольшие, там арендатор, хотя и является номинально мелким капиталистом или мелким собственником (как во Франции и в части Германии), но, в действительности, он обычно доведен до той же степени нищеты, что и пролетарий, и в этом случае мы должны действовать в его пользу.

т. 33, с. 205

К. Маркс

БЕСЕДА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «THE WORLD» [292]

Д-р Маркс. [...] Восстание в Париже было совершено рабочими Парижа. Наиболее способные рабочие неизбежно должны были стать его вождями и

организаторами; но наиболее способные рабочие как раз являются членами Международного Товарищества. Однако Товарищество, как таковое, никак нельзя делать ответственным за их действия.

Я. Мир смотрит на это иначе. Люди толкуют о тайных инструкциях из Лондона и даже о денежной поддержке. Можно ли утверждать, что открытый характер деятельности Товарищества, на который Вы сослались, исключает возможность всяких тайных сношений?

Д-р Маркс. Возникала ли когда-нибудь организация, которая вела бы свою работу без использования наряду с гласными также и негласных средств связи? Но говорить о тайных инструкциях из Лондона, как о декретах в вопросах веры и морали, исходящих из какого-то центра папского владычества и интриг, значит совершенно не понимать сущности Интернационала. Для этого потребовалась бы централизованная форма управления Интернационалом, в действительности же форма его организации предоставляет как раз наибольшую свободу местной самодеятельности и независимости. В самом деле, Интернационал вовсе не является собственно правительством рабочего класса; он представляет собой скорее объединение, чем командующую силу.

Я. Объединение с какой целью?

Диктатура пролетариата

Д-р Маркс. С целью экономического освобождения рабочего класса посредством завоевания политической власти; с целью использования этой политической власти для осуществления социальных задач. Наши цели должны быть настолько широкими, чтобы включать в себя все формы деятельности рабочего класса. Придать им специальный характер значило бы приспособить их к потребностям только одной какой-нибудь группы рабочих, к нуждам рабочих одной какой-нибудь нации. Но как можно призвать всех людей к объединению в интересах немногих? Если бы наше Товарищество вступило на этот путь, оно потеряло бы право называться Интернационалом. Товарищество не предписывает определенную форму политических движений; оно только требует, чтобы эти движения были направлены к одной цели. Оно представляет собой сеть объединенных обществ, раскинутую по всему миру труда. В каждой части света наша задача представляется с какой-либо особой стороны, и рабочие там подходят к ее выполнению своим собственным путем. Организации рабочих не могут быть совершенно одинаковыми во всех деталях в Ньюкасле и Барселоне, в Лондоне и Берлине. В Англии, например, перед рабочим классом открыт путь для проявления своей политической

мощн. Восстанне было бы безумнем там, где мнрная агнтацня может прнвестн к цели более быстрым н верным путем. Во Францни сотнн репресснвных закоиов н смертельный антагоннзм между классамн делают, по-видимому, нензбежным насндьственную развязку социальной войны. Но выбрать, какнм способом добнться развязкн, должен сам рабочнй класс этой страны. Интернацнонал не берется днктовать что-либо в этом вопросе, н едва лн даже советовать. Но к каждому движенню он проявляет свое сочувстине н оказывает свою помощь в рамках, установленных его собственным Уставом. [...]

Д-р Маркс. [...] Резюмнруем вкратце суть дела. Рабочнй класс остается неимущим средн возрастающего богатства, ннщнм средн возрастающей роскошн. Материальные лншения уродуют рабочих как в моральном, так н в фнзнческом отношении. Рабочие не могут рассчитывать на постороннюю помощь. Поэтому перед нимн возннкла повелительная необходнмость взять свое дело в собственные рукн. Рабочне должны изменнть существующне отношения между ними, с одной стороны, н капнталистамн и земельными собственннкамн — с другой, а это значит, что они должны преобразовать общество. [...]

Д-р Маркс. [...] Французский чнновник снова трудится в поте лица. Ему прнказано найтн объясненне величайшего гражданского двнжения, которое когда-лнбо вндел мнр. Сотнн знаменнй временн должны былн бы подсказать правнльное объяснение — рост сознательности средн рабочнх, роскошн н паразитнзма средн тех, кто стоит у власти, развертывающийся сейчас нсторнческнй процесс окончательного перехода властн от одного класса к народу — явиое соответствне временн, места н обстановкн для велнкого освободнтельиого двнжеиия. Но для того чтобы увндеть это, чнновнику надо бы быть фнлософом, а он всего лншь mouchard *. Поэтому, следуя закону своего бытня, он хватается за объясненне mouchard'a — «заговор». [...]

Народная власть

Я. Некоторые полагают, что в вашей организации есть элементы позитнвизма.

Д-р Маркс. Нн в коей мере. Средн нас есть познтнвисты, есть и познтнвнсты, не прннадлежащне к нашей органнзацни и с успехом делающне свое дело. Но это отнюдь ие заслуга нх философнн, которая не имеет ннчего общего с ндеей народной властн, как мы ее поннмаем; эта фнлософня стремнтся лншь замеиить старую нерархню иовой.

Народная власть

* — полицейский агент. *Ред.*

Я. Мне кажется в таком случае, что вождям современного интернационального движения пришлось выработать свою собственную философию, как они создали свое собственное Товарищество.

Д-р Маркс. Совершенно верно. Трудно ожидать, например, что мы могли бы добиться успеха в нашей войне против капитала, если бы стали строить нашу тактику, основываясь, скажем, на политической экономии Милля. Он проследил определенный тип отношений между трудом и капиталом. Мы надеемся показать, что возможно установить иные отношения. [...]

Я. По-видимому, в Англии ожидаемая развязка, какова бы она ни была, могла бы быть достигнута без обращения к насильственным средствам революции. Английский метод агитировать на митингах и в печати до тех пор, пока меньшинство не обратится в большинство, позволяет надеяться на это.

Контрреволюционное насилие

Д-р Маркс. Я в этом пункте не так оптимистичен, как Вы. Английская буржуазия всегда проявляла готовность принять решение большинства, пока она пользовалась монополией права голоса. Но поверьте, что в тот момент, когда она окажется в меньшинстве по вопросам, которые считает жизненно важными, мы будем иметь здесь новую войну рабовладельцев.

3 июля 1871 г. *т. 44, с. 544—547, 549, 550*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАФЬЕРО, 16 ИЮЛЯ 1871 г.[291]

Благодарим Вас также за Ваше решение излагать нам факты такими, каковы они в действительности. Наше Товарищество достаточно сильно, чтобы знать подлинную правду, даже если она кажется неблагоприятной, и ничто так не могло бы ослабить его, как дутые отчеты, не имеющие под собой никакой реальной почвы. Поступайте так, от меня же Вы никогда не получите такой информации, которая хоть в малейшей степени могла бы заставить Вас видеть вещи не такими, каковы они есть.

т. 33, с. 212

Ф. Энгельс

РЕЧЬ ОБ ОТНОШЕНИИ МАДЗИНИ К ИНТЕРНАЦИОНАЛУ [293]

Что же касается упомянутых обвинений против Интернационала, то они либо лживы, либо нелепы. Первое обвинение, будто Интернационал выдвигает

в качестве обязательного требования атеизм, является ложью, уже опровергнутой в письме секретаря Генерального Совета в ответ на циркуляр Жюля Фавра[294]. Второе обвинение — об отрицании Интернационалом отечества — нелепо. Интернационал добивается единства, а не распада. Он борется против лозунга о национальностях, потому что этот лозунг направлен на разделение народов и используется тиранами, чтобы насаждать предрассудки и вражду[295]; соперничество, существующее между латинской и тевтонской расами, привело к последней губительной войне[296], и ее в равной мере использовали как Наполеон, так и Бисмарк. Третье обвинение лишь обнаруживает невежество Мадзини в самых элементарных вопросах политической экономии. Интернационал стремится не упразднить, а, напротив, установить эту личную собственность, которая обеспечивает каждому плоды его труда. В настоящее время плоды труда масс попадают в карманы немногих, и эту систему капиталистического производства Мадзини предлагает оставить без изменений, Интернационал же стремится ее уничтожить. Интернационал добивается того, чтобы каждый получал продукт своего труда. Поступившие из Италии письма говорят о том, что итальянские рабочие идут вместе с Интернационалом, что поверхностная софистика Мадзини не может ввести их в заблуждение.

Интернационализм

Собственность

25 июля 1871 г. *т. 17, с. 639*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАФЬЕРО, 28 ИЮЛЯ 1871 г.[291]

[...] Что [...] касается их * теоретических воззрений, то Генеральный Совет писал *Альянсу* 9 марта 1869 года **, ссылаясь на статью 1 Устава:

«Поскольку развитие различных отрядов рабочего класса в разных странах поставлено в весьма различные условия, то неизбежным образом и их теоретические взгляды, являющиеся отражением действительного движения, также отличаются друг от друга. Однако общность действия, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен идеями, облегчаемый органами печати различных национальных секций, и непосредственные дискуссии на конгрессах должны постепенно привести к созданию общей теоретической программы. Таким образом, в функции Генерального Совета не входит

* — бакунистов. *Ред.*

** См. наст. т., с. 216—217. *Ред.*

критическое рассмотрение программы Альянса. Не наша задача — исследовать, является ли эта программа адекватным выражением пролетарского движения или нет. Нам важно лишь знать, не содержит ли она чего-либо противоречащего общей тенденции нашего Товарищества, то есть полному освобождению рабочего класса».

Я привел Вам также подробные выдержки, чтобы показать, как необоснованно какое-либо обвинение Генерального Совета в том, что он выходит за границы, указанные в статье 1 Устава. При исполнении своих официальных обязанностей, касающихся приема секций или ликвидации раздоров, он, конечно, не может этого делать; но, в том что касается обсуждения теоретических вопросов, Совет ничего так горячо не желает, как выйти за указанные границы. Путем таких дискуссий Совет надеется выработать общую теоретическую программу, которая была бы приемлема для европейского пролетариата. На всех наших конгрессах, обсуждавших теоретические вопросы, дискуссии занимали большую часть времени, но следует отметить, что в этих теоретических дискуссиях *Бакунин* и его друзья принимали самое минимальное участие. Также и в своих официальных документах Генеральный Совет пошел значительно дальше статьи 1. Прочтите все циркулярные письма, посланные Вам, и особенно № 3 из них — воззвание «Гражданская война во Франции» *, где мы высказываемся в пользу коммунизма, что, без сомнения, многим *прудонистам* в Товариществе страшно не понравится. Мы смогли это сделать потому, что к этому нас побудили капиталисты, клеветавшие на Парижскую Коммуну.

Не существует ни одного документа, выпущенного Генеральным Советом, который не выходил бы за пределы статьи 1. Но Совет может выйти за пределы официальной программы Товарищества только *постольку, поскольку обстоятельства* оправдывают это; это не дает права ни одной секции сказать: вы нарушили наш Устав; вы официально провозглашаете также вещи, которых нет в Уставе Товарищества. Вы говорите, что наши неаполитанские друзья не довольны чистой абстракцией, они хотят чего-то конкретного, они не удовлетворятся ничем другим, кроме равенства и социального порядка вместо беспорядка. Хорошо, мы готовы сделать больше. В Генеральном Совете нет ни одного человека, который не стоял бы за полное уничтожение *общественных классов*, и нет ни одного документа Генерального Совета, который полностью не соответствовал бы

Уничтожение классов

* См. наст. т., с. 269—284. *Ред.*

Обобществление средств производства

Равенство

Диктатура пролетариата

этому. Мы должны освободиться от земельных собственников и капиталистов, поставив на их место объединенный класс сельскохозяйственных и промышленных рабочих, овладевших всеми средствами производства: землей, орудиями, машинами, сырьем и всем тем, что необходимо для поддержания жизни в течение времени, требующегося для производства, и содействовать развитию этого класса. В результате неравенство должно будет исчезнуть. А чтобы довести это до конца, необходимо политическое господство пролетариата.

т. 33, с. 222—223

Ф. Энгельс

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА (ПЛАН РЕЧИ) [297]

Воздержание от политики невозможно. [...] Вопрос лишь в том, *как* и в какой мере вмешиваться в политику. Это — в зависимости от обстоятельств, а не по предписанию. [...]

Воздержание невозможно. Рабочая партия, как политическая партия, *существует* и хочет политически действовать; проповедовать ей воздержание — значит разрушать Интернационал. Простой учет обстановки, политический гнет в социальных целях *вынуждают* рабочих заниматься политикой, проповедники воздержания толкают их в объятия буржуазных политиков. После Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие рабочих, воздержание невозможно.

Уничтожение классов

Диктатура пролетариата

Революция

Мы хотим уничтожения классов. Единственное средство — политическая власть в руках пролетариата; и мы не должны заниматься политикой? Все сторонники воздержания от политики именуют себя революционерами. Революция — высший акт политики, и тот, кто к ней стремится, должен признавать и средства, которые подготовляют революцию, воспитывают рабочих для революции, и позаботиться о том, чтобы рабочие на другой день после революции не были снова одурачены Фаврами и Пиа. Дело только в том, *какую* проводить политику — *исключительно пролетарскую, а не идти в хвосте у буржуазии.*

Около 21 сентября 1871 г. *т. 17, с. 417—418*

Ф. Энгельс

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА (АВТОРСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ) [298]

Абсолютное воздержание от политики невозможно; все газеты сторонников воздержания тоже занимаются политикой. Дело только в том, как и какую политику проводить. Для нас, к тому же, воздержание невозможно. Рабочая партия, как политическая партия, уже существует в большинстве стран. Не нам ее разрушать, проповедуя воздержание от политики. Практика современной жизни, политический гнет, которому подвергают рабочих существующие правительства,— как в политических, так и в социальных целях,— заставляют рабочих волей-неволей заниматься политикой. Проповедовать им воздержание от политики означало бы толкать их в объятия буржуазной политики. Воздержание от политики совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата.

Уничтожение классов
Диктатура пролетариата

Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу. Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика.

Революция

Политические свободы, право собраний и союзов, свобода печати — вот наше оружие; разве мы можем сложить руки и воздерживаться от политики, если это оружие хотят у нас отнять? Говорят, что всякое политическое действие равносильно признанию существующего порядка. Но раз этот порядок дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка.

21 сентября 1871 г. *т. 17, с. 421—422*

К. Маркс

О СЕМИЛЕТИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА [299]

События последних нескольких недель неопровержимо доказали, что рабочий класс должен бороться за свое освобождение. [...]

Новым в Интернационале является то, что он был основан самими рабочими и для рабочих. [...]

Диктатура пролетариата

Последним и величайшим из всех когда-либо происходивших движений была Коммуна. Коммуна представляла собой — и об этом не может быть двух мнений — завоевание политической власти рабочим классом. Многое в отношении Коммуны было понято неправильно. Коммуна не могла создать новой формы классового господства. Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю и заставив, таким образом, каждого физически пригодного индивидуума работать, чтобы обеспечить себе существование, мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы.

Обобществление средств производства

Необходимость диктатуры пролетариата

25 сентября 1871 г. *т. 17, с. 437, 438*

К. Маркс, Ф. Энгельс

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ ДЕЛЕГАТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В ЛОНДОНЕ С 17 ПО 23 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА [300]

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА [301]

Принимая во внимание,

что во введении к Уставу сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено *как средство*» *;

что Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих (1864 г.) гласит: «Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защи-

* См. наст. т., с. 136, 296, 323. *Ред.*

ты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса» *;

Диктатура пролетариата

что на Лозаннском конгрессе (1867 г.) была принята следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением» [302];

что в заявлении Генерального Совета по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала накануне плебисцита (1870 г.) сказано: «По смыслу нашего Устава особая задача всех наших секций в Англии, на европейском континенте и в Америке бесспорно заключается не только в том, чтобы служить организационными центрами борьбы рабочего класса, но также и в том, чтобы поддерживать в соответствующих странах всякое политическое движение, способствующее достижению нашей конечной цели — экономического освобождения рабочего класса» **;

что искаженные переводы первоначального Устава дали повод к ложным толкованиям, которые нанесли вред развитию и деятельности Международного Товарищества Рабочих;

перед лицом необузданной реакции, жестоко подавляющей всякую попытку к освобождению со стороны рабочих и стремящейся путем грубого насилия сохранить классовые различия и порождаемое ими *** политическое господство имущих классов;

Партия

что против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов;

Уничтожение классов

что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти крупных землевладельцев и капиталистов ****,—

* См. наст. т., с. 134. *Ред.*

** См. наст. т., с. 231. *Ред.*

*** В немецком издании вместо слов «порождаемое ими» напечатано: «основанное на них». *Ред.*

**** В немецком и французском изданиях вместо слов «крупных землевладельцев и капиталистов» напечатано: «его эксплуататоров». *Ред.*

конференция напоминает членам *Интернационала*, что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой.

Между 7 и 16 октября 1871 г. *т. 17, с. 426—427*

К. Маркс

ОБЩИЙ УСТАВ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ РЕГЛАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ [303]

Принимая во внимание:

Освобождение рабочего класса
Уничтожение классов
Равные права и обязанности

что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

Политическая борьба и экономическое освобождение рабочего класса

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

Пролетарский интернационализм

Международный характер коммунистического преобразования общества

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений;

принимая во внимание указанные соображения было основано Международное Товарищество Рабочих. [...]

Настоящее Товарищество основано для того, что-

бы служить центром сношений и сотрудничества * между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

Конец сентября — 24 октября 1871 г. *т. 17, с. 445—446*

Ф. Энгельс

О ГРЮНДЕРСКОМ АЖИОТАЖЕ В АНГЛИИ [304]

Экономические кризисы

[...] Эти люди [305] ничему не научились; впрочем, если бы они и научились чему-нибудь, имманентный закон капиталистического производства все равно заставит их непрестанно повторять все тот же давно известный цикл экономического подъема, перепроизводства и кризиса, повторять каждый раз во все большем масштабе, пока восстание пролетариата не освободит, наконец, общество от неизбежности этого бессмысленного круговращения.

4 ноября 1871 г. *т. 17, с. 464*

Ф. Энгельс

РАБОЧИЙ СЪЕЗД В РИМЕ.— РЕЧИ БЕБЕЛЯ В РЕЙХСТАГЕ [306]

Ait philosophus **: слово учителя, принимаемое как евангелие, лишь приносит вред партии, вынужденной прибегать к подобным средствам, чтобы избавиться от пропаганды, с которой она не может справиться иным путем.

14 ноября 1871 г. *т. 44, с. 423*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. БОЛЬТЕ, 23 НОЯБРЯ 1871 г.[307]

В конце 1868 г. в *Интернационал* вступил русский Бакунин с целью создать внутри него, *под своим собственным руководством, второй интернационал* под названием *«Альянс социалистической демократии»*. Он, человек без всяких теоретических знаний, претендовал на то, чтобы в этой особой корпорации пред-

---

* В немецком издании перед словом «сотрудничество» вставлено: «планомерного». *Ред.*

** — Философ сказал. *Ред.*

ставлять *научную* пропаганду Интернационала и сделать ее специальностью этого второго *интернационала внутри Интернационала*.

Его программой была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов* (!), *отмена права наследования* как *исходная точка* социального движения (сенсимонистский хлам) [209], *атеизм*, предписываемый членам Интернационала как *догма*, и т. д., а в качестве главной догмы *(попрудонистски) — воздержание от участия в политическом движении* *.

Эти детские сказки встретили сочувственный прием (и до известной степени это продолжается и теперь) в Италии и Испании, где реальные предпосылки рабочего движения еще мало развиты, а также среди некоторых тщеславных, честолюбивых, пустых доктринеров в Романской Швейцарии и Бельгии.

Для г-на Бакунина его доктрина (чепуха, составленная из кусочков, заимствованных у Прудона, Сен-Симона и т. д.) была и остается делом второстепенным, лишь средством для своего собственного возвеличения. Но если в теоретическом отношении он нуль, то как интриган чувствует себя в своей стихии.

т. 33, с. 279—280

Nota bene: О политическом движении:

Диктатура пролетариата

Политическое движение рабочего класса, разумеется, имеет своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого, конечно, необходима предварительная организация рабочего класса, достигшая известной степени развития и вырастающая из самой экономической борьбы.

С другой же стороны, всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как *класс* господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение. Так, например, стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-либо отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть *политическое* движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает *политическое* движение, то есть движение *класса*, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную ор-

* См. наст. т., с. 208—210. *Ред.*

ганизацию, то они, со своей стороны, в такой же степени являются и средством развития этой организации.

Там, где рабочий класс не достиг еще достаточного успеха в своей организации, чтобы предпринять решительный поход против коллективной власти, то есть политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае подготовлять к этому путем постоянной агитации против этой власти и заняв враждебную позицию по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс останется игрушкой в их руках, как это доказала сентябрьская революция во Франции [308] и как это до известной степени доказывает игра, которую по сей день удается вести в Англии г-ну Гладстону и К°.

т. 33, с. 282—283

Ф. Энгельс

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «PROLETARIO ITALIANO» [309]

Позиция Генерального Совета в отношении политического действия пролетариата достаточно определенна.

Она определяется:

1) Общим Уставом, четвертый абзац *мотивировочной части* которого гласит: «что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, *которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство»* *.

2) Текстом Учредительного Манифеста Товарищества (1864 г.), этим официальным и обязательным комментарием к Уставу, в котором говорится:

«Магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут и впредь воздвигать всевозможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса» **.

Диктатура пролетариата

3) Резолюцией Лозаннского конгресса (1867 г.), в которой по этому поводу сказано: «Социальное

* См. наст. т., с. 296. *Ред.*
** См. наст. т., с. 134. *Ред.*

освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»[302].

4) IX резолюцией Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.), которая, в согласии со всем предшествующим, напоминает членам Интернационала, что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой *.

Этой предписанной таким образом линии поведения Совет всегда следовал и будет следовать в будущем.

29 ноября 1871 г. *т. 17, с. 473—474*

Ф. Энгельс

О ПОЗИЦИИ ДАТСКИХ ЧЛЕНОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА В АГРАРНОМ ВОПРОСЕ[310]

Обобществление сельского хозяйства

Интернационал ставит своей целью освобождение мелких крестьян н сельскохозяйственных рабочих от подчинения людям, которые обогащаются за счет их труда, и старается сплотить их в независимую партию, отличную от так называемой партии «Друзья крестьян»[311] и находящуюся в тесном союзе с городскими рабочими. Эта новая партия сельскохозяйственных рабочих кладет в основу своей деятельности решение Базельского конгресса о *национализации земли*[220].

«В качестве все более и более очевидиой истииы выступает тот факт,— говорит иаш копеигагенский оргаи газета «Socialisten»,— что земля является общей собствеииостью народа, что народ должеи совместио обрабатывать ее, пользоваться всеми ее благами, передавая свои излишки (ареиду) государству для общих целей».

Но так как земля в Дании находится главным образом в руках большого числа крестьян-собственников, владеющих от 50 до 100 акрами хорошей земли, немедленная экспроприация столь значительной категории была бы невозможна. Поэтому предлагается план, который даст много преимуществ владельцам, а также работникам, а именно: создание сельскохозяйственных кооперативных обществ, состоящих из владельцев и сельскохозяйственных рабочих, для совместного возделывания земли, теперь обрабатываемой ими индивидуально. Мелкие и средние хозяйства должны быть, таким образом, заменены хозяйствами, имеющими 500 и более акров земли, это позволило бы им применять сельскохозяйственные орудия, использовать силу пара и другие со-

* См. наст. т., с. 296. *Ред.*

временные усовершенствования, которые не могут дать выгоды, когда сельское хозяйство ведется в мелких масштабах. Необходимый капитал должен быть получен у государства под залог земли, принадлежащей каждой ассоциации. Эти предложения в силу необходимости элементарны по своему характеру, но они пока подходят для сельскохозяйственного населения с его нынешним интеллектуальным развитием; со временем настойчивая пропаганда *национализации земли как конечной цели движения* будет эффективно содействовать ломке того политического подчинения, в котором крупные земельные собственники с помощью пасторов, сельских учителей и правительственных чиновников до сих пор удерживают сельскохозяйственных рабочих.

5 декабря 1871 г. *т. 44, с. 427—428*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО П. ЛАФАРГУ, 30 ДЕКАБРЯ 1871 г.[312]

Теперь наши испанские друзья поймут, как злоупотребляют эти господа словом *«авторитарный»*. Как только что-нибудь не нравится бакунистам, они заявляют: это *авторитарно*, и думают, что тем самым вынесли приговор на веки вечные. Если бы они были рабочими, а не буржуа, журналистами и т. п., или если б они хоть немного изучили экономические вопросы и условия современной промышленности, то знали бы, что никакое совместное действие невозможно без навязывания некоторому числу людей чужой воли, то есть без авторитета. Будет ли это воля большинства голосующих, или руководящего комитета, или одного человека — это всегда будет воля, навязанная инакомыслящим; но без этой единой и руководящей воли невозможен никакой совместный труд. Попробуйте-ка заставить работать какую-нибудь крупную фабрику Барселоны без руководства, то есть без авторитета! Или управлять железной дорогой без уверенности, что каждый инженер, кочегар и т. д. будет на своем месте именно в тот момент, когда он должен там быть! Хотел бы я знать, доверил бы бравый Бакунин свое жирное тело железнодорожному вагону, если бы железная дорога управлялась в соответствии с принципами, согласно которым никто не обязан быть на своем месте, если ему не нравится подчиняться авторитету правил, которые в любом обществе куда более авторитарны, чем Регламент, принятый Базельским конгрессом![313] Все эти широковещательные ультрарадикальные и ультрареволюционные фразы прикрывают лишь пол-

нейшее убожество мысли н полнейшее незиание условий, в которых протекает повседневиая жизнь общества. Попробуйте-ка уиичтожить на корабле «всякий авторитет, даже признаваемый» матросами!

т. 33, с. 309

Ф. Энгельс

СЪЕЗД В СОНВИЛЬЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ [314]

Едва ли нужно говорить о том, каково в иастоящее время положение Междуиародного Товарищества Рабочих. С одной стороны, граидиозиые парижские события * прндали ему такую мощь и такое распространенне, каких оно никогда еще не имело; с другой — мы видим, что против него объединились почти все европейские правительства [...]

И вот как раз в этот момент, когда все силы старого общества объединнлись, чтобы иаснльствеиным путем дезорганнзовать Интернационал, когда единство н сплочеиность необходимы больше, чем в любое другое время, как раз в этот момент иебольшая и, по ее собственному призианию, с каждым дием все умеиьшающаяся группа членов Интернационала в каком-то уголке Швейцарии сочла иужным выступнть с гласным циркуляром, чтобы посеять раздор среди членов Товарищества. Эта группа, имеиующая себя *Юрской федерацией*, состоит в основном из тех же людей, которые под руководством Бакуннна вот уже больше двух лет непрестанно подрывают едииство во французской Швейцарии и своей усердно ведущейся частной перепиской с кое-какими родствеиными им велнкими личиостями в разных странах противодействуют единодушной деятельиости Интернационала. Пока эти нитриги ограиничивались Швейцарией или велись втихомолку, мы ие хотели давать им более широкой огласки, ио упомянутый циркуляр вынуждает иас выступить.

Ссылаясь на то, что Геиеральный Совет созвал в этом году ие конгресс, а конференцию, Юрская федерация на своем съезде в Сонвилье 12 ноября приняла циркуляр ко всем секциям Интернациоиала, который был отпечатан во множестве экземпляров и распространен затем по всем странам мира и в котором секциям предлагалось настаивать на немедленном созыве конгресса. [...]

Впрочем, нападки на конференцию и ее резолюции были только предлогом. Да и в данном циркуляре говорится об этом только мимоходом. Наобо-

---

* — Парижская Коммуна. *Ред.*

рот, авторы циркуляра видят источник зла гораздо глубже. Они утверждают, что, согласно Уставу и первоначальным резолюциям конгрессов, Интернационал является якобы не чем иным, как «свободной федерацией автономных» (самостоятельных) «секций», ставящей себе целью освобождение рабочих самими рабочими,

> «без всякого, хотя бы и созданного по свободному соглашению, руководящего авторитарного органа».

Поэтому и Генеральный Совет якобы представляет собой не что иное, как «простое статистическое и корреспондентское бюро». Но эта первоначальная основа была якобы вскоре искажена — сперва предоставлением Генеральному Совету права самому пополнять свой состав новыми членами, а затем еще в большей степени резолюциями Базельского конгресса, согласно которым Генеральный Совет получил право временно исключать отдельные секции впредь до созыва следующего конгресса и предварительно, до решения конгресса, разрешать спорные вопросы [315]. Этим самым Генеральному Совету якобы была предоставлена опасная власть, а свободное объединение самостоятельных секций было превращено в иерархическую и авторитарную организацию «подчиненных дисциплине секций», так что

> «секции целиком оказались в руках Генерального Совета, который может по своему произволу отказать им в приеме или временно приостановить их деятельность».

Нашим немецким читателям, достаточно хорошо понимающим, какую цену имеет организация, способная постоять за себя, все это покажется весьма странным. И это вполне понятно, так как теории г-на Бакунина, раскрывшиеся тут во всей своей красе, не проникли пока в Германию. Выходит, что рабочая организация, начертавшая на своем знамени прежде всего лозунг борьбы за освобождение рабочего класса, должна возглавляться не исполнительным комитетом, а простым статистическим и корреспондентским бюро! Но борьба за освобождение рабочего класса для Бакунина и его приспешников — пустой предлог; их подлинная цель совсем иная.

> «Будущее общество должно представлять собой не что иное, как сделанную всеобщей форму организации, которую придаст себе Интернационал. Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и

должен выбросить всякий закравшийся в него принцип, который ведет к авторитарности и к диктатуре».

Нас, немцев, ославили за наш мистицизм, но до такого мистицизма нам далеко. Интернационал — прообраз грядущего общества, в котором не будет больше ни версальских расстрелов, ни военных судов, ни постоянных армий, ни перлюстрации переписки, ни брауншвейгского уголовного суда![316] Как раз теперь, когда мы должны защищаться всеми силами, пролетариату предлагают организоваться не в соответствии с потребностями борьбы, ежедневно и ежечасно ему навязываемой, а в соответствии с неопределенными представлениями некоторых фантазеров об обществе будущего! Представим себе, какой была бы наша собственная немецкая организация согласно этому образцу. Вместо того чтобы бороться против правительств и буржуазии, мы стали бы ломать себе голову над тем, является ли каждый параграф нашего Устава, каждое постановление съезда точным отображением будущего общества. Вместо нашего исполнительного комитета у нас было бы простое статистическое и корреспондентское бюро. Пусть уж оно справляется, как знает, с самостоятельными секциями,— настолько самостоятельными, что они не должны признавать никакого руководящего авторитарного органа, хотя бы даже созданного по их собственному свободному соглашению; ведь этим они нарушили бы свою первейшую обязанность — быть точным прообразом будущего общества! О сплочении сил, о совместных действиях не может быть и речи. Если в каждой отдельной секции меньшинство подчиняется большинству, то оно совершает преступление против принципов свободы и признает принцип, который ведет к авторитарности и к диктатуре! Если Штибер со всеми своими сподручными, если весь черный кабинет[317], если все прусское офицерство вступят по приказу свыше в социал-демократическую организацию, чтобы погубить ее, то комитет, или, вернее, статистическо-корреспондентское бюро, ни в коем случае не смеет воспрепятствовать этому; ведь это значило бы ввести иерархическую и авторитарную организацию! А главное — никаких подчиненных дисциплине секций! И никакой партийной дисциплины, никакой централизации сил в одном пункте, никаких орудий борьбы! Что же стало бы тогда с прообразом будущего общества? Короче говоря, к чему пришли бы мы с подобной новой организацией? К трусливой, угоднической организации первых христиан, этих рабов, которые с благодарностью принимали каждый пинок и добились, правда, своим пресмыкательством через

триста лет торжества своей религии,— а уж такому методу революции пролетариат во всяком случае не станет подражать! Подобно тому как первые христиане взяли за образец для своей организации свой воображаемый рай, точно так же и мы, видите ли, должны сделать своим образцом будущий общественный рай г-на Бакунина, а вместо того, чтобы бороться,— творить молитвы и надеяться. И эти люди, проповедующие нам подобный вздор, выдают себя за единственных подлинных революционеров! [...]

Но каким же образом появились на свет эти скверные базельские резолюции? Очень просто. Они были предложены бельгийскими делегатами, *и никто не высказывался за них так горячо, как Бакунин и его друзья*, в частности Швицгебель и Гильом, подписавшие нынешний циркуляр! Правда, тогда дело обстояло иначе. Тогда эти господа надеялись получить большинство и захватить в свои руки Генеральный Совет. Тогда любое расширение прав Генерального Совета казалось им недостаточным.

Около 3 января 1872 г. *т. 17, с. 480—484*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. ТЕРЦАГИ, 6 ЯНВАРЯ 1872 г.[318]

Мне кажется, они * слишком злоупотребляют термином *«авторитет»*. Я не знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, когда бомбами и ружейными пулями поражают своих врагов, то это авторитарный акт. Если бы в Парижской Коммуне было немного больше авторитета и централизации, она одержала бы победу над буржуа. После победы мы можем организоваться как хотим, но для борьбы, мне кажется, необходимо собрать все наши силы в один кулак и направить их в центральный пункт атаки. А когда мне говорят, что это невозможно сделать без авторитета и централизации и что это две вещи, заслуживающие категорического осуждения, то мне кажется, что те, кто так говорит, либо не знают, что за вещь революция, либо они являются революционерами только на словах.

т. 33, с. 316

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. ТЕРЦАГИ, 14 ЯНВАРЯ 1872 г.[319]

Мне кажется, что они * слишком злоупотребляют фразами об *«авторитете»* и централизации. Я не

* — бакунисты. *Ред.*

знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, как это происходит во всякой революции, то осуществляется авторитарный акт. Именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне. После победы делайте с авторитетом и т. д., что хотите, но для борьбы необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в центральном пункте атаки. А когда мне говорят об авторитете и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при любых обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорит, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами только на словах.

т. 33, с. 317

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Т. КУНО, 24 ЯНВАРЯ 1872 г.[320]

У Бакунина своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом, причем самым существенным является прежде всего то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал и, следовательно, не возникшую в результате общественного развития классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, а *государство*. В то время как основная масса социал-демократических рабочих вместе с нами считает, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для защиты своих общественных привилегий, Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего упразднить государство, и тогда капитал сам собой полетит к черту. Мы же говорим обратное: упраздните капитал — присвоение немногими всех средств производства,— и тогда государство падет само собой. Разница существенная: упразднение государства без осуществления прежде социального переворота — бессмыслица; упразднение же капитала — это *и есть* социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть главное зло, то не следует делать ничего, что могло бы сохранить государство, то есть все равно какое государство — республику, монархию или любое другое. Отсюда — *полное воздержание от всякой политики*. Совершать

Уничтожение частной собственности на средства производства

Социальная революция Преобразование способа производства

политический акт, в особенности же принимать участие в выборах,— это измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организовываться, и когда, наконец, на твоей стороне окажутся *все* рабочие, следовательно, большинство, тогда ликвидируются, наконец, все органы власти, отменяется государство и на его место ставится организация Интернационала. Этот великий акт, которым начинается тысячелетнее царство, называется *социальной ликвидацией*.

Все это звучит крайне радикально и так просто, что это можно выучить наизусть в пять минут,— вот почему бакунистская теория быстро встретила сочувствие и в Италии и Испании среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров. Но рабочие массы никогда не дадут убедить себя в том, что общественные дела их страны не являются в то же время их собственными делами; они по природе своей *политически активны*, и всякого, кто убеждает их отказаться от политики, они в конце концов покидают. Проповедовать рабочим воздержание от политики при любых обстоятельствах — значит толкать их в объятия попов или буржуазных республиканцев.

Так как, по Бакунину, Интернационал создан не для политической борьбы, а для того чтобы при социальной ликвидации немедленно занять место старой государственной организации, то он должен быть возможно более похожим на бакунистский идеал будущего общества. В этом обществе, прежде всего, не существует никакого *авторитета*, так как авторитет — государство — абсолютное зло. (Каким образом люди будут пускать в ход фабрики, пользоваться железными дорогами, управлять кораблем без единой, решающей в последней инстанции воли, без единого руководства,— этого нам, конечно, не говорят.) Прекращает также существовать и авторитет большинства по отношению к меньшинству. Каждая личность, каждая община автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них не поступился чем-нибудь из своей автономии,— об этом Бакунин снова умалчивает.

Итак, Интернационал тоже должен быть построен по такому образцу. Автономна каждая секция и внутри нее — каждая личность. К черту *базельские решения* [313], которые дают Генеральному Совету пагубный и его самого деморализующий авторитет! Даже если этот авторитет предоставлен *добровольно*, он должен быть уничтожен — именно *потому*, что это авторитет!

Таковы вкратце основные пункты всего этого надувательства. Но кто же инициаторы базельских решений? *Сам г-н Бакунин* и его компания!

т. 33, с. 327—329

К. Маркс, Ф. Энгельс

МНИМЫЕ РАСКОЛЫ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ [321]

Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс.

Утопизм

Отдельные мыслители, подвергая критике социальные противоречия, предлагают фантастические решения этих противоречий, а массе рабочих остается только принимать, пропагандировать и осуществлять их. Секты, созданные этими зачинателями, по самой своей природе являются абстенционистскими: чуждыми всякой реальной деятельности, политике, стачкам, союзам,— одним словом, всякому коллективному движению. Пролетариат в массе своей всегда остается безразличным или даже враждебным их пропаганде. Рабочие Парижа и Лиона не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарийцев [322], так же как английские чартисты и тред-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастет их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет являлись помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали простым орудием в руках полиции. В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади.

В противоположность фантазирующим и соперничающим сектантским организациям, Интернационал является подлинной и боевой организацией пролетариата всех стран, объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство.

Между серединой января и 5 марта 1872 г.

т. 18, с. 30—31

«Будущее общество»,— гласит циркуляр шестнадцати [323],— «должно быть не чем иным, как универсальным применением той организации, которую Интернационал установит для самого себя. Мы должны поэтому позаботиться о том, чтобы по возможности приблизить эту организацию к нашему идеалу».

«Возможно ли, чтобы из авторитарной организации вышло общество, основанное на равенстве и свободе? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации».

Иными словами, подобно тому как средневековые монастыри являли собой картину небесной жизни, так Интернационал должен быть прообразом нового Иерусалима [324], «зародыш» которого Альянс * носит в своем чреве. Разумеется, парижские коммунары не потерпели бы поражения, если бы, понимая, что Коммуна является «зародышем будущего человеческого общества», они отбросили бы всякую дисциплину и всякое оружие — вещи, которые должны исчезнуть, только тогда, когда не будет больше войн!

Между серединой января и 5 марта 1872 г. — *т. 18, с. 39*

Отмирание государства
Уничтожение классов

Функции управления

Анархия — вот боевой конь их ** учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос навыворот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией.

Между серединой января и 5 марта 1872 г. — *т. 18, с. 45*

---

* — Альянс социалистической демократии. *Ред.*

** — членов Альянса социалистической демократии. *Ред.*

К. Маркс

РЕЗОЛЮЦИИ О РАСКОЛЕ В ФЕДЕРАЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ПРИНЯТЫЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 5 И 12 МАРТА 1872 ГОДА [325]

Генеральный Совет обращает внимание Американской федерации на статью 3 резолюции II Лондонской конференции относительно «сектантских» секций или «сепаратистских организаций, претендующих на выполнение особых задач», отличных от общей цели Товарищества [326], а именно: освобождения трудящихся от «экономического подчинения монополисту средств труда», «лежащего в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости» (см. введение к Общему Уставу) *.

Около 5 марта 1872 г. *т. 18, с. 49*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Л. ПИО, 7 МАРТА 1872 г.[327]

Вы, вероятно, слышали в Женеве и Лейпциге о попытке некоторых руководимых Бакуниным раскольников предать суду Генеральный Совет на чрезвычайном конгрессе **. Сущность дела в позиции Интернационала по вопросу о политике. Эти господа требуют *полного воздержания от всякого политического действия*, в частности *от всяких выборов*, между тем как Интернационал с самого начала написал на своем знамени лозунг завоевания рабочим классом политической власти как средства социального освобождения ***, а Генеральный Совет защищал это.

Диктатура пролетариата

т. 33, с. 350

Ф. Энгельс

ПИСЬМО П. ЛАФАРГУ, 11 МАРТА 1872 г.[328]

Прекрасно могу себе представить, что наши тамошние друзья в действительности значительно более практичны, чем это следует из их газет, и хорошо

* См. наст. т., с. 296. *Ред.*
** См. наст. т., с. 302—305. *Ред.*
*** См. наст. т., с. 296. *Ред.*

понимаю причину этого. Например, я вполне уверен, что, когда они требуют, чтобы на другой день после решающих событий земля и орудия труда были немедленно переданы тем, кто должен владеть ими,— они отлично знают, что это невыполнимо, но вынуждены выставить это требование для того, чтобы быть последовательными. Мы должны полностью учитывать их положение. Бакунистский хлам не может быть вычищен за один день; достаточно уже того, что этот процесс начался наконец всерьез.

т. 33, с. 357—358

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Л. ПИО, СЕРЕДИНА МАРТА 1872 г.[329]

Обобществление сельского хозяйства

Между прочим, статья из «Socialisten» об организации сельскохозяйственного производства товариществами, напечатанная мной в отчете о заседаниях Генерального Совета, обошла испанскую, итальянскую и американскую печать, а теперь я вижу, что она перепечатана в «Pensamento Social»[330]. Она произвела большую сенсацию и не останется безрезультатной. Вообще в чрезвычайно важном вопросе о вовлечении мелкого крестьянства и хусменов * в пролетарское движение датчане благодаря своим местным условиям и своему высокому политическому развитию стоят теперь впереди всех остальных наций.

т. 33, с. 360—361

К. Маркс

РЕЗОЛЮЦИИ МИТИНГА В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ[331]

Митинг, созванный по случаю годовщины 18 марта 1871 г., принял следующие резолюции:

I

Бесклассовое общество

Он рассматривает героическое движение 18 марта как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества.

Между 13 и 18 марта 1872 г. *т. 18, с. 51*

* — мелких арендаторов. *Ред.*

К. Маркс

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ [332]

Уничтожение частной собственности на землю
Обобществление сельского хозяйства

Земельная собственность, первоначальный источник всякого богатства, стала великой проблемой, от решения которой зависит будущее рабочего класса *.

Не ставя себе задачей обсудить здесь все доводы, приводимые защитниками частной собственности на землю — юристами, философами и экономистами, я лишь отмечу здесь, во-первых, что они приложили немало усилий, чтобы прикрыть первоначальный факт завоевания *«естественным правом»*. Если завоевание создало естественное право для меньшинства, то большинству остается только собрать достаточные силы и приобрести таким образом естественное право на завоевание того, что было у него отнято.

В ходе истории завоеватели сочли удобным придать своему первоначальному праву, вытекавшему из грубой силы, некоторую общественную устойчивость ** посредством законов, продиктованных ими самими.

Затем появляется философ и доказывает, что эти законы подразумевают и выражают всеобщее согласие человечества ***. Если в самом деле частная собственность на землю основана на таком всеобщем согласии, то она, очевидно, должна перестать существовать в тот момент, когда большинство общества не пожелает более сохранять ее.

Предпосылки

Однако, оставляя в стороне так называемые «права» собственности, я утверждаю, что экономическое развитие общества, рост и концентрация населения — те условия, которые заставляют фермера-капиталиста применять в сельском хозяйстве коллективный и организованный труд и прибегать к помощи машин и подобных изобретений — будут все более и более делать национализацию земли *«общественной необходимостью»*, против которой бессильны всякие рассуждения о правах собственности. Настоятельные потребности общества должны быть и будут удовлетворены, изменения, продиктованные общественной необходимостью, сами проложат себе путь и рано или поздно приспособят законодательство к своим интересам.

Мы нуждаемся в ежедневно увеличивающемся производстве, и его потребности не могут быть удов-

---

* В черновой рукописи перед этой фразой помечено: «К пункту 1». *Ред.*

** В черновой рукописи вместо слова «устойчивость» написано: «санкцию». *Ред.*

*** В черновой рукописи вместо слова «человечества» написано: «общества». *Ред.*

летворены при таком положении, когда кучка людей может регулировать это производство соответственно своим прихотям и частным интересам или невежественно истощать почву. Все современные методы, такие как орошение, дренаж, паровой плуг, химические продукты и т. п., должны широко применяться в сельском хозяйстве. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе.

Если обработка земли в крупном масштабе (даже современным капиталистическим методом, низводящим самого производителя до уровня простого вьючного животного) оказывается настолько более выгодной с экономической точки зрения *, чем ведение хозяйства на мелких и раздробленных участках, то разве ведение хозяйства в национальном масштабе не дало бы еще больший толчок развитию производства?

Непрерывно растущие потребности населения, с одной стороны, и постоянный рост цен на сельскохозяйственные продукты — с другой, неопровержимо доказывают, что национализация земли стала общественной необходимостью.

Уменьшение сельскохозяйственной продукции в результате произвола отдельных лиц станет, разумеется, невозможным, когда возделывание земли будет вестись под контролем нации ** и для ее блага.

Все граждане, которых я здесь слышал во время обсуждения этого вопроса, защищали национализацию земли, но они придерживались весьма различных точек зрения ***.

Неоднократно ссылались на Францию; но со своей *крестьянской собственностью* она гораздо дальше от национализации земли, чем Англия со своим лендлордизмом ****. Во Франции, правда, земля доступна каждому, кто в состоянии ее купить, но именно эта доступность привела к раздроблению земли на мелкие участки, которые обрабатываются людьми, располагающими небольшими средствами и рассчитывающими преимущественно на свой личный труд и труд своих семейств. Эта форма земельной собствен-

* В черновой рукописи слова «с экономической точки зрения» отсутствуют. *Ред.*

** В черновой рукописи далее следует: «за ее счет и в ее интересах». *Ред.*

*** В черновой рукописи эта фраза отсутствует; она, по-видимому, принадлежит Дюпону. *Ред.*

**** В черновой рукописи перед этой фразой помечено: «К пункту 5». *Ред.*

ности и обусловленная ею обработка земли мелкими участками, исключая всякое применение современных усовершенствований в сельском хозяйстве, в то же время превращает самого земледельца в решительного противника всякого социального прогресса и, в особенности, национализации земли. Он прикован к земле, к которой должен приложить все свои жизненные силы для получения сравнительно ничтожного дохода, он вынужден отдавать бо́льшую часть своего продукта государству — в виде налогов, судебной клике — в виде судебных издержек и ростовщику — в виде процентов; он абсолютно ничего не знает о социальном движении вне своего ограниченного поля деятельности и все же он с фанатической привязанностью цепляется за свой клочок земли и за свое чисто номинальное право собственности на него. Таким путем французский крестьянин был вовлечен в роковой антагонизм с промышленным рабочим классом.

Поскольку крестьянская собственность является самым большим препятствием для национализации земли, Франция, в ее современном состоянии, безусловно, не является той страной, где мы должны искать решение этой великой проблемы.

Национализация земли и передача ее мелкими участками отдельным лицам или товариществам рабочих, когда власть находится в руках буржуазии, только породила бы беспощадную конкуренцию между ними, и в результате привела бы к увеличивающемуся росту ренты, а это в свою очередь принесло бы новые выгоды землевладельцам, живущим за счет производителей.

На конгрессе Интернационала в Брюсселе в 1868 г. один из наших товарищей сказал:

«Мелкая частная собственность на землю осуждена наукой, а крупная земельная собственность — справедливостью. Остается, таким образом, только одно из двух: земля должна стать либо собственностью сельских товариществ, либо собственностью всей нации. Будущее решит этот вопрос»[333].

Общественная собственность на землю

Я же говорю наоборот *: социальное движение приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей.

Национализация земли произведет полную пере-

* В черновой рукописи вместо последующих слов написано: «будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью». *Ред.*

ну в отношениях между трудом и капиталом, и в конечном счете, совершенно уничтожит капиталистический способ производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с той экономической основой, на которой они покоятся *. Жизнь за счет чужого труда канет в прошлое. Не будет больше правительства или государства, отделенных от самого общества! Сельское хозяйство, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее целесообразным образом. *Национальная централизация средств производства* станет национальной ** основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану. Такова та гуманная *** цель, к которой ведет великое экономическое движение XIX столетия.

Уничтожение классовых различий

Отмирание государства

Обобществление средств производства

Свобода и равенство

Труд

Планомерность

Человек

Март — апрель 1872 г. *т. 18, с. 54—57*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Дж. БОВИО, 16 АПРЕЛЯ 1872 г. [334]

По-моему в рабочем движении *подлинно* национальные идеи, то есть идеи, отвечающие экономическим факторам, как в промышленности так и в сельском хозяйстве, факторам, господствующим в соответствующей стране, в то же время всегда являются и подлинно *интернациональными* идеями. Освобождение итальянского крестьянина произойдет не в той же форме, в какой будет осуществлено освобождение английского фабричного рабочего; но чем больше тот и другой проникнутся пониманием собственных, соответствующих их условиям форм, тем меньше у них будет разногласий по самому существу этого освобождения.

Национальное и интернациональное

т. 33, с. 374

---

* В черновой рукописи вместо слов «на которой они покоятся» написано: «из которой они произошли, и общество превратится в объединение свободных производителей». *Ред.*

** В черновой рукописи вместо слова «национальной» написано: «естественной». *Ред.*

*** В черновой рукописи слово «гуманная» зачеркнуто. *Ред.*

Ф. Энгельс

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ИРЛАНДСКИМИ СЕКЦИЯМИ И БРИТАНСКИМ ФЕДЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ [335]

Интернационализм

Если члены Интернационала, принадлежащие к господствующей нации, призывают нацию, завоеванную и продолжающую оставаться в подчинении, забыть о своей собственной национальности и положении, «отбросить национальные разногласия» и т. д., то это не интернационализм, а не что иное, как проповедь подчинения гнету, попытка оправдать и увековечить господство завоевателя под прикрытием интернационализма. [...]

В случае подобном ирландскому подлинный интернационализм должен, безусловно, основываться на самостоятельной национальной организации.

14 мая 1872 г. *т. 18, с. 75*

Ф. Энгельс

К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ [336]

Так называемая жилищная нужда, которой в настоящее время уделяется в печати такое большое внимание, заключается не в том, что рабочий класс вообще живет в скверных, перенаселенных, нездоровых жилищах. *Эта* жилищная нужда не является чем-то специфическим для современности; она не является даже одним из страданий, характерных именно для современного пролетариата в отличие от всех прежних угнетенных классов; напротив, она затрагивала почти в равной мере все угнетенные классы всех времен. Чтобы положить конец *этой* жилищной нужде, есть только *одно* средство: устранить вообще эксплуатацию и угнетение трудящихся классов господствующими классами. [...]

Уничтожение эксплуатации

Жилищная нужда рабочих и части мелкой буржуазии наших современных больших городов представляет собой одно из бесчисленных *более мелких*, второстепенных зол, вытекающих из современного капиталистического способа производства. Она вовсе не является прямым следствием эксплуатации капиталистом рабочего *как* рабочего. Эта эксплуатация — вот коренное зло, которое социальная революция стремится уничтожить, уничтожая капиталистический способ производства.

Между 7 и 22 мая 1872 г. *т. 18, с. 207, 208*

Для создания современного революционного класса, пролетариата, было абсолютно необходимо, чтобы была перерезана пуповина, еще привязывавшая рабочего прежних времен к земле. Ручной ткач, у которого, наряду с его ткацким станком, был свой домик, огородик и клочок поля, при всей нищете и при всем политическом гнете был тихим, довольным человеком, «исполненным благочестия и почтительности», снимал шапку перед богачами, попами и чиновниками и был весь насквозь пропитан рабским духом. Именно современная крупная промышленность, превратившая прикованного к земле рабочего в лишенного всякой собственности, избавленного от всех унаследованных цепей *, *поставленного вне закона* ** пролетария,— именно эта экономическая революция создала условия, при которых только и может быть ниспровергнута эксплуатация трудящегося класса в ее последней форме, в форме капиталистического производства. [...]

Предпосылки

27 лет назад (в книге «Положение рабочего класса в Англии») я в основных чертах описал как раз этот процесс изгнания рабочих из их домашних очагов, как он происходил в XVIII веке в Англии [337]. Мерзости, совершавшиеся при этом землевладельцами и фабрикантами, вредное материальное и моральное действие, которое неизбежно оказывало это изгнание прежде всего на подвергавшихся ему рабочих, получили там также должное отражение. Но могло ли мне прийти в голову усмотреть в этом совершенно необходимом при данных обстоятельствах историческом процессе развития шаг назад — «ниже дикарей»? Никоим образом. Английский пролетарий 1872 г. стоит бесконечно выше сельского ткача 1772 г. с его «домашним очагом». И разве троглодит со своей пещерой, австралиец со своей глиняной хижиной, индеец со своим собственным очагом совершит когда-либо июньское восстание [261] или осуществит Парижскую Коммуну?

В том, что материальное положение рабочих со времени введения капиталистического производства в крупном масштабе в целом ухудшилось, сомневается только буржуа. Но разве должны мы из-за этого с тоской оглядываться назад на (также очень скудные) горшки с мясом египтян [338], на мелкую сельскую промышленность, воспитывавшую только холопские души, или на «дикарей»? Напротив. Только созданный современной крупной промышленностью,

Предпосылки

* В газете «Volksstaat» вместо слов «от всех унаследованных цепей» напечатано: «от всей унаследованной культуры». *Ред.*

** Игра слов: «vogelfrei» — «поставленный вне закона», а также «свободный как птица». *Ред.*

освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковывали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству. Сельские ткачи прежних времен с домашним очагом никогда не были бы в состоянии сделать это, они никогда не пришли бы к подобной мысли, а еще менее могли бы желать ее осуществления. [...]

Промышленная революция

И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такого высокого уровня, что создала возможность — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всеми членами общества и для богатого резервного фонда, но и предоставить каждому достаточно досуга для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре — науке, искусстве, формах общения и т. д.,— и не только для восприятия, но и для превращения всего этого из монополии господствующего класса в общее достояние всего общества и для дальнейшего развития этого достояния.

Культура, наука, искусство, общение

В этом-то и заключается решающий пункт. Коль скоро производительная сила человеческого труда развилась до такого высокого уровня,— исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним доводом в защиту классового различия было всегда следующее: нужен класс, избавленный от необходимости повседневно изнурять себя добыванием хлеба насущного, чтобы он мог заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей себе до сих пор немалое историческое оправдание, раз навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все бо́льшим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общения. Бо́льших невежд, чем наши современные буржуа, никогда не бывало.'

Между 7 и 22 мая 1872 г. *т. 18, с. 213—216*

Впрочем, само собой разумеется, что и при общественном производстве, обусловленном современной крупной промышленностью, каждому может быть обеспечен «полный доход его труда», поскольку эта фраза вообще имеет смысл. А смысл эта фраза имеет лишь в том случае, если понимать ее в более широ-

ком смысле таким образом, что не каждый отдельный рабочий становится собственником этого «полного дохода своего труда», а что все общество, состоящее из одних рабочих, является собственником совокупного продукта своего труда, продукта, который оно частью распределяет для потребления среди своих сочленов, частью употребляет на возмещение и увеличение своих средств производства, а частью накопляет в качестве резервного фонда производства и потребления *.

Распределение совокупного общественного продукта

Между 7 и 22 мая 1872 г. *т. 18, с. 216—217*

Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, то есть не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно,— именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной «*нужде* в жилищах» при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятие квартир современным государством.

Уничтожение противоположности между городом и деревней

Диктатура пролетариата

Между 7 и 22 мая 1872 г. *т. 18, с. 221*

Государственные долги! Рабочий класс знает, что не он их сделал, и что, захватив власть, он предоставит расплачиваться за них тем, кто их сделал.

Государственные долги
Диктатура пролетариата

Между 7 и 22 мая 1872 г. *т. 18, с. 226*

---

* Вся последняя фраза, начиная со слов: «А смысл...» — добавлена Энгельсом в издании 1887 г. (ср. наст. т., с. 381—383). *Ред.*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАФЬЕРО, 14 ИЮНЯ 1872 г. [339]

Критика культа личности

[...] Вы дали себя втянуть в *тайное бакунистское общество Альянс* *, которое, проповедуя непосвященным лицам под маской автономии, анархии и антиавторитаризма дезорганизацию Интернационала, по отношению к посвященным практикует абсолютный авторитаризм, чтобы таким образом захватить в свои руки руководство Товариществом; это общество, рассматривающее рабочие массы как стадо баранов, которые слепо следуют за несколькими посвященными руководителями, стремится играть в Интернационале роль иезуитов в католической церкви.

т. 33, с. 411—412

К. Маркс, Ф. Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1872 ГОДА [340]

Союз коммунистов [57], международная рабочая организация, которая при тогдашних условиях, разумеется, могла быть только тайной, на конгрессе, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, поручила нижеподписавшимся выработать предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Так возник нижеследующий «Манифест», рукопись которого была отправлена для напечатания в Лондон за несколько недель до февральской революции [275]. [...]

Переходные мероприятия

Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и в настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому революционным мероприятиям, предложенным в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место во многих отношениях звучало бы иначе. Ввиду огромного развития крупной промышленности за последние двадцать пять лет и сопут-

* — Альянс социалистической демократии. *Ред.*

ствующего ему развития партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих», немецкое издание, стр. 19, где эта мысль развита полнее *). Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как она доведена только до 1847 года; так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если они в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же для практического осуществления устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

Диктатура пролетариата

Слом старой государственной машины

Однако «Манифест» является историческим документом, изменять который мы уже не считаем себя вправе. Быть может, следующее издание удастся снабдить введением, охватывающим промежуток от 1847 г. до наших дней; настоящее издание было предпринято настолько неожиданно для нас, что у нас не было времени для этой работы.

24 июня 1872 г. *т. 18, с. 89—90*

К. Маркс

ФРАГМЕНТЫ ИЗ АВТОРИЗОВАННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА» [341]

Представим себе, наконец, объединение свободных людей, работающих общими средствами производства и расходующих по заранее согласованному плану свои многочисленные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Здесь повторится все, что мы говорили только что о труде Робинзона, но в общественном, а не в индивидуальном виде. Все продукты Робинзона были

Объединение свободных людей
Общественная собственность на средства производства
Планомерность

* См. наст. т., с. 271. *Ред.*

Распределение совокупного общественного продукта

Способ распределения

Распределение по труду

Производственные отношения

исключительно его личным продуктом и, следовательно, предметами потребления для него самого. Совокупный продукт объединенных трудящихся является общественным продуктом. Одна его часть снова служит средством производства и остается общественной, но другая часть потребляется и, следовательно, должна распределяться между всеми. Способ распределения будет изменяться соответственно производственному организму общества и степени исторического развития трудящихся. Представим себе, чтобы сравнить это положение вещей с товарным производством, что доля каждого трудящегося определяется его рабочим временем. При этом рабочее время играло бы двоякую роль. С одной стороны, его распределение в обществе регулирует в точности отношение различных функций к различным потребностям; с другой — им измеряется индивидуальная доля каждого производителя в общем труде и вместе с тем доля, которая причитается каждому из всей части общего продукта, предназначенной для потребления. Общественные отношения людей в процессе их работ и их отношения к тем полезным предметам, которые производятся в этом процессе, остаются здесь простыми и ясными как в производстве, так и в распределении *.

Весна — лето 1872 г. *т. 49, с. 180—181*

Отмирание религии

Общественные отношения

Свободная ассоциация

Предпосылки

Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда условия труда и практической жизни будут являть человеку картину ясных и разумных отношений с себе подобными и с природой. Общественная жизнь, основу которой составляют материальное производство и связанные с ним отношения, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда она станет продуктом свободной ассоциации людей, действующих сознательно и являющихся хозяевами их собственного общественного движения. Но для этого необходима в обществе совокупность определенных условий материального существования, которые сами могут быть лишь продуктом долгого и мучительного развития **.

Весна — лето 1872 г. *т. 49, с. 181—182*

Человек и производство

Формы, которые с первого же взгляда демонстрируют свою принадлежность к такому общественному периоду, когда производство и его отношения управляют человеком вместо того, чтобы человек управлял

* См. наст. т., с. 178. *Ред.*
** См. наст. т., с. 178—179. *Ред.*

нми, представляются буржуазному сознанию представителей политической экономии столь же естественной необходимостью, как и сам производительный труд *.

Весна — лето 1872 г. *т. 49, с. 182—183*

К. Маркс

ПРОЕКТ ОБЩЕГО УСТАВА И ОРГАНИЗАЦИОННОГО РЕГЛАМЕНТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, УТВЕРЖДЕННЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ ЛЕТОМ 1872 ГОДА [342]

Принимая во внимание:

что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса;

Освобождение рабочего класса

что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

Уничтожение классов

Равные права и обязанности

что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, то есть источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

Политическая борьба и экономическое освобождение рабочего класса

что все усилия, направленные к этой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и отсутствия братского союза рабочего класса разных стран;

Пролетарский интернационализм

что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество [343], и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

Международный характер коммунистического преобразования общества

что нынешний новый подъем движения рабочего класса в наиболее развитых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем серьезным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения все еще разрозненных движений;

* См. наст. т., с. 179. *Ред.*

принимая во внимание указанные соображения, было основано *Международное Товарищество Рабочих*. [...]

Товарищество основано для того, чтобы **организовать общие действия рабочих** * разных стран [344], преследующих одинаковую цель, а именно: взаимную защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса.

Лето 1872 г. т. 44, с. 437—438

Необходимость партии

В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись *в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.* Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — *уничтожение классов.*

Уничтожение классов

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата.

Диктатура пролетариата

Лето 1872 г. т. 44, с. 441—442

Ф. Энгельс

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ 9 ИЮЛЯ 1872 ГОДА [345]

Современное общество — это такое общество, в котором правит капитал, а рабочие используются лишь в качестве орудий. Нелепо воображать, что рабов Кубы или Бразилии, или население Китая и Индии можно было бы сразу превратить в организованных рабочих. Прежде чем они будут освобож-

* Здесь и в следующем фрагменте жирным шрифтом выделены изменения, утвержденные Генеральным Советом летом 1872 г. *Ред.*

деиы, оии должиы предварительно стать свободиыми рабочими. Выбросить слова «совремеииое общество» зиачило бы лишить эту формулировку самой сутн.

Генеральный Совет Первого Интернационала 1871—1872. Протоколы. М., 1965, с. 189

К. Маркс

ПИСЬМО Г. ЮНГУ, КОНЕЦ ИЮЛЯ 1872 г.[346]

Дорогой Юиг!

Вот французский и аиглийский текст статьи 8 *:

«Dans sa Lutte contre le pouvoir collectif des classes possédantes, le prolétariat ne peut agir comme classe qu'en se constituant *lui-même en parti politique distinct, opposé àtous les anciens partis formés par les classes possédantes*. Cette constitution du prolétariat en parti politique est indispensable pour assurer le triomphe de la révolution sociale et son but suprême, *l'abolition des classes*. **Необходимость партии** **Уиичтожение классов**

La coalition des forces ouvrières déjà obtenue par ses luttes èconomiques doit aussi servir de levier aux mains de cette classe dans sa lutte contre le pouvoir politique de ses exploiteurs.

Les seigneurs de la terre et du capital se serviront toujours de leurs privilèges politiques pour défendre et perpétuer leurs monopoles économiques et asservir le travail.

La conquête du pouvoir politique devient donc le grand devoir du prolétariat». **Диктатура пролетариата**

«Against the collective power of the propertied classes the working class cannot act, as a class, except by *constituting itself into a political party, distinct from, and opposed to all old parties formed by the propertied classes*. **Необходимость партии**

This constitution of the working class into a political party is indispensable in order to insure the triumph of the social Revolution and its ultimate end — the abolition of classes. **Уиичтожение классов**

The combination of forces which the working class has already effected by its economical struggles ought at the same time to serve as a lever for its struggles against the political power of landlords and capitalists.

The lords of land and the lords of capital will always use their political privileges for the defence and perpetuation of their economical monopolies and for enslaving labour. To conquer political power has therefore become the great duty of the working classes». **Диктатура пролетариата**

т. 33, с. 424—425

---

* См. иаст. т., с. 295, 324. *Ред.*

К. Маркс

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ПЯТОМУ ЕЖЕГОДНОМУ КОНГРЕССУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ, СОСТОЯВШЕМУСЯ В ГААГЕ 2—7 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА [347]

Вы, делегаты рабочего класса, собрались для того, чтобы укрепить боевую организацию общества, цель которого — освободить труд и уничтожить национальную рознь.

Конец августа 1872 г. *т. 18, с. 131*

К. Маркс, Ф. Энгельс

РЕЗОЛЮЦИИ ОБЩЕГО КОНГРЕССА, СОСТОЯВШЕГОСЯ В ГААГЕ 2—7 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА [348]

В ходе обсуждения вопроса о мандате секции № 12 [349] было принято голосами 47 делегатов, против — никого, при 9 воздержавшихся следующее предложение:

Уничтожение классов

«Международное Товарищество Рабочих, основывающееся на принципе уничтожения классов, не может принимать никаких буржуазных секций».

4 сентября 1872 г. *т. 18, с. 147*

После статьи 7 в Устав должна быть включена следующая статья, резюмирующая содержание резолюции IX Лондонской конференции (сентябрь 1871 года) [350].

Необходимость партии

Статья 7а. В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Уничтожение классов

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монопо-

лий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата.

Диктатура пролетариата

7 сентября 1872 г. *т. 18, с. 143*

К. Маркс

О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ

(АВТОРИЗОВАННАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ) [351]

Гаагский конгресс успешно выполнил три важных дела:

Он провозгласил необходимость для рабочего класса вести в области политической такую же борьбу со старым, разрушающимся обществом, как и в области социальной; и мы можем поздравить себя с тем, что эта резолюция Лондонской конференции [350] теперь включена в наш Устав *.

Некая группа, сформировавшаяся в нашей среде, провозгласила воздержание рабочих от политической деятельности. Мы сочли своим долгом заявить, насколько опасными и пагубными являются эти принципы для нашего дела. Рабочий должен со временем захватить в свои руки политическую власть, чтобы установить новую организацию труда; он должен будет ниспровергнуть старую политику, поддерживающую устаревшие институты, если не хочет, подобно первым христианам, пренебрегавшим и отвергавшим политику, лишиться навсегда своего царства на земле.

Диктатура пролетариата. Организация труда

Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами.

Цель и средства

Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда **.

Мирные и насильственные средства революции

Гаагский конгресс установил новые и еще более широкие полномочия для Генерального Совета [352]. [...]

---

* См. предыдущий фрагмент. *Ред.*

** В газете «Volksstaat» вместо этой фразы напечатано: «Однако не во всех странах дело обстоит именно так». *Ред.*

И, наконец, Гаагский конгресс перенес местопребывание Генерального Совета в Нью-Йорк [353]. [...]

Пролетарский интернационализм

Граждане, вспомним об основном принципе Интернационала: о солидарности. Мы добьемся великой цели, к которой стремимся, если мы прочно укрепим среди всех рабочих во всех странах этот животворный принцип. Революция должна быть солидарной, и этому учит нас великий опыт Парижской Коммуны, которая пала потому, что * во всех главных центрах, в Берлине, Мадриде и других, одновременно не вспыхнуло великое революционное движение, соответствующее высокому уровню борьбы парижского пролетариата.

Что касается меня, то я буду продолжать свое дело и неустанно работать над созданием этой, столь плодотворной для будущего, солидарности всех рабочих. Нет, я не ухожу из Интернационала **, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире.

Диктатура пролетариата

8 сентября 1872 г. *т. 18, с. 153—155*

К. Маркс

О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ (ЗАПИСЬ РЕЧИ) [354]

Гражданин Маркс переходит к рассмотрению результатов закончившего свою работу конгресса. Он называет их важными. Сильная централизация власти в руках Генерального Совета является настоятельной необходимостью перед лицом конференции в Берлине, которая, по мнению оратора, предвещает всеобщее наступление на пролетариат, преследования и подавление рабочего класса [355]. До тех пор пока Интернационал не будет выступать как сплоченная организация, он не сможет сделать движение всеобщим, добиться, чтобы оно повсюду возникало одновременно, и его усилия не дадут значительных результатов. Оратор приводит пример Парижской Коммуны. Почему она потерпела неудачу? Потому что она осталась изолированной. Если бы одновременно с восстанием в Париже вспыхнули революции в Берлине, Вене и других столицах, то было бы больше шансов на успех.

Мирные и насильственные средства революции

Оратор оправдывает применение насилия там, где не помогают другие средства. В Северной Америке

* В газете «Volksstaat» далее следует: «не было проявлено солидарности рабочими других стран». *Ред.*

** См. следующий фрагмент. *Ред.*

баррикады не являются необходимыми, потому что там пролетарии, если только захотят, могут добиться победы посредством выборов. То же самое относится к Англии и некоторым другим странам, где рабочий класс пользуется свободой слова. Но в громадном большинстве государств революция должна заменить легальность, потому что иначе — ложным великодушием, неверно направленным чувством справедливости — невозможно будет достигнуть нужной цели. Сильная, энергичная пропаганда должна будет подготовить и поддержать эту революцию. В силу этих причин также крайне необходима очень большая централизация власти в руках Генерального Совета. [...]

Что же касается его самого, то он, правда, отказывается от звания члена Генерального Совета, но — вопреки слухам — не от звания члена Интернационала. Совсем наоборот. Освободившись от бремени административной деятельности, он с новой энергией посвятит себя задаче, которой отдал 25 лет своей жизни и которой он будет заниматься до последнего вздоха: освобождению труда.

8 сентября 1872 г. *т. 44, с. 565—566*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 21 СЕНТЯБРЯ 1872 г. [356]

Статья 7-а Общего Устава принята в субботу утром 28 голосами против 13 (включая воздержавшихся), таким образом большинством свыше $^2/_3$ —

Необходимость партии

«В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Уничтожение классов

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров. Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата».

Диктатура пролетариата

т. 33, с. 440

Ф. Энгельс

О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА [357]

Серьезные разногласия возникли по программному вопросу о политической деятельности рабочего класса. Бакунистская секта в Юрской федерации Швейцарии, в Испании и Италии пропагандировала в качестве тезиса Интернационала абсолютное воздержание от всякой политической деятельности, в особенности от выборов. Это ложное толкование уже было устранено резолюцией IX Лондонской конференции [350] в сентябре 1871 года; однако бакунисты в ответ отвергли и это решение как превышение конференцией своих полномочий. Конгресс вновь внес ясность в этот вопрос, включив в Устав большинством свыше $^{2}/_{3}$ голосов решение Лондонской * конференции в следующем изложении:

Необходимость партии

«В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Уничтожение классов

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Диктатура пролетариата

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата».

До 28 сентября 1872 г. *т. 44, с. 471*

Ф. Энгельс

КОНГРЕСС В ГААГЕ [358]

Известно, что резолюция IX Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.) [350] о политическом действии рабочего класса подверглась ожесточенным нападкам со стороны представителей Юрской федерации, некоторых испанцев и большинства итальянцев как якобы противоречащая принципам Интернационала.

* В газете: «английской». *Ред.*

Тем не менее это решение включено сейчас в Общий Устав Интернационала в качестве статьи 7а, которая сформулирована следующим образом:

Необходимость партии

«*Статья 7а.* В своей борьбе против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Уничтожение классов

Эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Диктатура пролетариата

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата».

1 октября 1872 г. *т. 18, с. 162*

Ф. Энгельс

К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ [336]

В подобном * обществе жилищная нужда вовсе не случайность, она — необходимый институт; она может быть устранена — вместе со всеми своими последствиями для санитарного состояния и т. п.— лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания.

Октябрь 1872 г. *т. 18, с. 231*

Уничтожение противоположности между городом и деревней

Итак, буржуазное решение жилищного вопроса заведомо потерпело крушение, наткнувшись на *противоположность между городом и деревней*. И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе. Капиталистическое общество не только не способно уничтожить эту противоположность, но вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять. Зато уже первые социалисты-утописты современности —

* — буржуазном. *Ред.*

Оуэн и Фурье — правильно понялн это. В их образцовых строениях не существует больше противоположности между городом и деревней. Здесь, стало быть, налнцо как раз обратное тому, что утверждает г-н Закс: не решение жилищного вопроса приводит вместе с тем к разрешенню социального вопроса, а лншь благодаря решению социального вопроса, то есть благодаря уничтожению капиталнстического способа пронзводства, становится вместе с тем возможным разрешение жилищного вопроса. Стремиться решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города,— бессмыслица. Но современные крупные города будут устранены только с уничтожением капиталистического способа производства, а как только начнется это уннчтожение,— вопрос встанет уже не о том, чтобы предоставить каждому рабочему домик в неотъемлемую собственность, а о делах совсем иного рода.

Однако сначала всякая социальная революция должна будет брать вещи такнмн, какими она их найдет, н бороться с наиболее вопнющим злом при помощи имеющихся налицо средств. И мы уже виделн, что помочь устранению жилищной *нужды* можно немедленно путем экспропрнации части роскошных квартир, принадлежащих имущнм классам, и принудительным заселением остальной части.

Октябрь 1872 г. *т. 18, с. 238—239*

[...] Пока существует капиталистическнй способ пронзводства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельностн жнлищный илн какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении всех жизненных средств и средств труда самнм рабочим классом.

Октябрь 1872 г. *т. 18, с. 259*

Ф. Энгельс

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ О ПОЛОЖЕНИИ ТОВАРИЩЕСТВА В ИСПАНИИ, ПОРТУГАЛИИ, ИТАЛИИ [359]

[...] Специфические доктрины Альянса * — немедленная отмена государства, анархня, антиавторитаризм, воздержание от всякого политического действня н т. д.— проповедовалнсь в Испании как *учение* Интернацнонала.

31 октября 1872 г. *т. 18, с. 176*

* — Альянса социалистической демократии. *Ред.*

Ф. Энгельс

К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ [336]

На мое сожаление о том, что рабочие, говорящие на романских языках, в течение двадцати лет не имели никакой другой духовной пищи, кроме произведений Прудона, Мюльбергер отвечает, что у романских рабочих «принципы, формулированные Прудоном, почти повсюду образуют живую душу движения». С этим я не могу согласиться. Во-первых, «живая душа» рабочего движения нигде не заключается в «принципах», а везде — в развитии крупной промышленности и его последствиях: накоплении и концентрации капитала, с одной стороны, и пролетариата — с другой. Во-вторых, неверно, что так называемые прудоновские «принципы» играют у романских рабочих ту решающую роль, которую приписывает им Мюльбергер, что «принципы анархии, Organisation des forces économiques, Liquidation sociale * и т. п. стали там... истинными носителями революционного движения». Не говоря уже об Испании и Италии, где прудонистские панацеи от всех зол приобрели кое-какое влияние лишь в еще ухудшенном Бакуниным варианте,— всякому, кто знаком с международным рабочим движением, хорошо известен тот факт, что во Франции прудонисты образуют малочисленную секту, между тем как рабочие массы знать ничего не хотят о предложенном Прудоном плане общественных реформ, известном под названием Liquidation sociale и Organisation des forces économiques [360]. Это выявилось, между прочим, в Коммуне. Хотя прудонисты были в ней сильно представлены, все же не сделано было ни малейшей попытки на основе проектов Прудона ликвидировать старое общество или организовать экономические силы. Напротив. К величайшей чести Коммуны, «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность. Вот почему эти мероприятия — отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма. Единственным социальным мероприятием, проведенным прудонистами, был *отказ* от конфискации Французского банка [361], и отчасти из-за этого Коммуна погибла. Точно так же и так называемые бланкисты, лишь только они сделали попытку из чисто политических

* — организации экономических сил, социальной ликвидации. *Ред.*

революционеров превратиться в социалистическую рабочую фракцию с определенной программой,— как, например, в выпущенном в Лондоне бланкистами-эмигрантами манифесте «Интернационал и Революция» [362],— то провозгласили не «принципы» прудоновского плана спасения общества, а воззрения, и притом почти буквально, немецкого научного социализма о необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства, как было сказано об этом еще в «Коммунистическом Манифесте» [363] и с тех пор повторялось бесчисленное количество раз.

Диктатура пролетариата
Уничтожение классов
Отмирание государства

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 261—262*

[...] *Всякая* действительно пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата.

Партия

Диктатура пролетариата

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 263*

В этом именно и состоит главное отличие немецкого научного социализма от Прудона. Мы изображаем,— а всякое подлинное изображение, вопреки Мюльбергеру, есть в то же время объяснение предмета,— мы изображаем экономические отношения, как они существуют и как они развиваются, и доказываем строго экономически, что это их развитие есть в то же время развитие элементов социальной революции: развитие, с одной стороны, пролетариата, класса, условия жизни которого неизбежно толкают его к социальной революции, а с другой стороны — производительных сил, которые, перерастая рамки капиталистического общества, должны неизбежно разорвать их и которые в то же время создают возможность устранения раз навсегда классовых различий в интересах самого общественного прогресса. Прудон, наоборот, предъявляет современному обществу требование преобразоваться не в соответствии с законами своего собственного экономического развития, а согласно предписаниям справедливости [...]

Предпосылки

Уничтожение классовых различий

[...] Прудон превращает «Революцию» в своего рода богиню, олицетворяющую и осуществляющую его «справедливость»; при этом он впадает в странное заблуждение, смешивая в одно буржуазную революцию 1789—1794 гг. и грядущую пролетарскую революцию [364].

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 269*

Уничтожение противоположности между городом и деревней

Далее Мюльбергер заявляет:

«Что касается, в частности, противоположности между городом и деревней, то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта естественная, вернее говоря, исторически возникшая... Дело не в том, чтобы *уничтожить* эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы *безвредна*, даже *плодотворна*. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравновешения интересов».

Итак, уничтожение противоположности между городом и деревней — утопия, *потому что* эта противоположность — естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Применим эту логику к другим противоречиям современного общества и посмотрим, куда это нас приведет. Например:

«Что касается в частности противоположности между» капиталистами и наемными рабочими, «то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Дело не в том, чтобы *уничтожить* эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы *безвредна*, даже *плодотворна*. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравновешения интересов».

Тем самым мы опять пришли к Шульце-Деличу [365].

Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либих в своих сочинениях по агрохимии [366], в которых он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывается, что этому препятствует лишь существование городов, в особенности крупных городов. Когда видишь, как здесь, в одном только Лондоне, изо дня в день с затратой огромных средств выбрасывается в море бо́льшая масса навоза, чем производится во всем королевстве Саксонии, и когда видишь, какие колоссальные сооружения необходимы для того, чтобы этот навоз не отравил весь Лондон,— то утопия об уничтожении противоположности между городом и деревней находит замечательное обоснование в практике. Даже сравнительно небольшой Берлин вот уж по крайней мере тридцать лет задыхается в своих собственных нечистотах. С другой стороны, было бы чистей-

Население
Промышленность и сельское хозяйство
Средства сообщения

шей утопией желать, подобно Прудону, произвести переворот в современном буржуазном обществе, сохраняя крестьянина как такового. Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения,— конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства,— в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. Утверждать, что освобождение людей от цепей, выкованных их историческим прошлым, будет полным лишь тогда, когда будет уничтожена противоположность между городом и

Методология научного предвидения будущего
Утопизм

деревней,— вовсе не является утопией; утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, «исходя из существующих отношений», предуказать *форму*, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу. А именно это и делает Мюльбергер, принимая прудоновскую формулу решения жилищного вопроса.

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 275—277*

Общественная собственность на средства производства

Впрочем, необходимо констатировать, что «фактическое овладение» всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем *отдельный рабочий* становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издер-

Земельная рента

жек. Точно так же уничтожение земельной собственности не предполагает уничтожения земельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем.

Диктатура пролетариата
Экспроприация и выкуп
Методология научного предвидения будущего

Вообще вопрос вовсе не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и жизненные средства путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это, или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Пытаться ответить на этот вопрос заранее и относительно всех воз-

можных случаев — значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим.

Утопизм

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 278—279*

Обобществление сельского хозяйства

В Германии еще очень много крупных имений. По прудоновской теории следовало бы все это раздробить на маленькие крестьянские дворы, что́, при нынешнем уровне сельскохозяйственной науки и после опыта Франции и Западной Германии в области парцелльного землевладения, было бы прямо реакционным шагом. Напротив, существующее еще крупное землевладение предоставит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т. п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации. Датские социалисты, опередившие в этом отношении всех других, давно уже осознали это *.

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 281*

Методология научного предвидения будущего
Утопизм

Переходные мероприятия

[...] Мне, в самом деле, и в голову не приходит разрешать так называемый жилищный *вопрос*, точно так же, как я не стал бы заниматься деталями разрешения еще более важного *продовольственного вопроса*. Меня вполне удовлетворяет, если я могу сказать, что производство нашего современного общества достаточно велико, чтобы прокормить всех членов общества, и что имеется достаточно домов, чтобы уже теперь можно было предоставить трудящимся массам вместительное и здоровое пристанище. А мудрствования о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведут прямо в область *утопии*. Самое большее, что мы можем утверждать, исходя из изучения основных условий всех предыдущих способов производства, это то, что с падением капиталистического производства известные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможными. Даже переходные мероприятия должны будут повсюду сообразоваться с существующими в данный момент отношениями; в странах мелкого землевладения они будут существенно иными, чем в странах крупного землевладения, и так далее.

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 281—282*

---

* См. наст. т., с. 300—301, 311. *Ред.*

Мюльбергер требует, чтобы мы стали *практичны*, чтобы мы «действительным практическим отношениям» не «противопоставляли одни лишь мертвые, абстрактные формулы», чтобы мы «от абстрактного социализма подошли к *определенным, конкретным общественным отношениям*». Если бы Мюльбергер так поступил, то он, может быть, приобрел бы больше заслуг перед движением. Ведь первый шаг при подходе к определенным конкретным общественным отношениям состоит в том, что их изучают, что исследуют их действительную экономическую связь. А что мы находим у Мюльбергера? [...]

И человек, который, несмотря на то, что «Капитал» Маркса «и ему хорошо знаком», так безнадежно путано лепечет что-то об отношении между капиталом и трудом, берет на себя смелость указывать немецким рабочим новый и лучший путь и выдает себя за «зодчего», которому «по крайней мере в общем и целом ясна архитектоника будущего общества»!

Никто ближе не «подошел к определенным, конкретным общественным отношениям», чем сделал это Маркс в *«Капитале»*. Двадцать пять лет употребил он на то, чтобы всесторонне исследовать их, и результаты его критики повсюду содержат также и зародыши так называемых решений, поскольку последние вообще возможны в настоящее время. Но любезному Мюльбергеру этого мало. Все это абстрактный социализм, мертвые абстрактные формулы. Вместо того чтобы изучать «определенные конкретные общественные отношения», любезный Мюльбергер довольствуется чтением нескольких томов Прудона, которые ровно ничего не говорят ему об определенных конкретных общественных отношениях, но зато дают ему очень определенные конкретные чудодейственные рецепты от всех общественных зол; и этот готовый план социального спасения, эту прудоновскую *систему* он преподносит немецким рабочим под тем предлогом, что *он* хочет «распрощаться с *системами*», между тем как я, дескать, «избираю противоположный путь»! Чтобы уразуметь это, я должен предположить, что я слеп, а Мюльбергер глух, так что мы никак не можем объясниться друг с другом.

Довольно. Если полемика эта не сослужит никакой другой службы, то она во всяком случае полезна уж тем, что показала, как обстоит дело с практикой этих называющих себя «практическими» социалистов. Эти практические предложения для устранения всех социальных зол, эти социальные панацеи всегда и повсюду изготовлялись основателями сект, выступавших в те времена, когда пролетарское движение было еще в младенческом возрасте. К их числу относится

и Прудон. Развитие пролетариата отбрасывает в сторону эти детские пеленки и воспитывает в самом рабочем классе понимание того, что нет ничего менее практичного, чем эти заранее вымышленные, пригодные к любому случаю «практические решения», и что, напротив, практический социализм заключается в правильном понимании различных сторон капиталистического способа производства. Для рабочего класса, обладающего таким пониманием, *никогда* не представит трудности в каждом данном случае решить, против каких социальных учреждений и каким образом следует направить свои главные удары.

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 282—284*

К. Маркс

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ [367]

«Рабочий класс не должен организовываться в политическую партию; он ни под каким предлогом не должен заниматься политикой, ибо вести борьбу с государством значит признавать государство, а это противоречит вечным принципам! Рабочие не должны устраивать стачек, ибо тратить свои силы на то, чтобы добиваться повышения заработной платы или препятствовать ее понижению, значило бы признавать *систему наемного труда*, а это противоречит вечным принципам освобождения рабочего класса!

«Если в политической борьбе против буржуазного государства рабочим удается добиться только отдельных уступок, значит они идут на компромисс; а это противоречит вечным принципам. Поэтому всякое мирное движение наподобие того, в котором имеют скверную привычку участвовать английские и американские рабочие, должно быть отвергнуто. Рабочие не должны делать усилий, чтобы добиться законодательного ограничения рабочего дня, ибо это означало бы компромисс с предпринимателями, которые вместо 14 или 16 часов могли бы тогда эксплуатировать их только 10 или 12 часов. Они не должны также тратить свои силы на то, чтобы добиваться законодательного запрещения фабричного труда девочек моложе десяти лет, ибо таким путем они не положат конец эксплуатации мальчиков моложе десяти лет: они идут лишь на новый компромисс, нарушающий чистоту вечных принципов!

«Еще менее рабочие должны добиваться того, чтобы государство, *бюджет* которого составляется за счет рабочих, обязано было, как в американской

республике, давать детям рабочих начальное образование, ибо начальное образование не является полным образованием. Пусть лучше рабочие и работницы не умеют ни читать, ни писать, ни считать, чем получать образование от учителя в казенной школе. Пусть лучше невежество и 16 часов ежедневного труда продолжают отуплять рабочий класс, лишь бы не были осквернены вечные принципы!

Диктатура пролетариата

«Если политическая борьба рабочего класса принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство. Рабочие не должны создавать профессиональных союзов, ибо таким путем они увековечивают общественное разделение труда, как оно существует в буржуазном обществе, а ведь именно это разделение труда разъединяет рабочих и является подлинной основой их современного рабства.

Пролетарское государство

«Одним словом, рабочие должны скрестить руки на груди и не тратить своего времени на участие в политическом и экономическом движении. Такого рода деятельность может дать им только непосредственные результаты. Как истинно верующие, они должны восклицать, презирая свои повседневные нужды: «Пусть класс наш будет распят, пусть погибнет наше племя, но вечные принципы пусть останутся незапятнанными!» Как благочестивые христиане, они должны верить словам попов, отказываться от всех земных благ и думать только о том, чтобы заслужить рай.— Подставьте на место рая *социальную ликвидацию* *, которая в один прекрасный день совершится неведомо где, неведомо как, неведомо кем,— и обнаружится тот же обман.

«В ожидании этой пресловутой социальной ликвидации рабочий класс должен вести себя прилично, как стадо сытых овец; оставить в покое правительство, бояться полиции, уважать законы, безропотно поставлять пушечное мясо.

«В повседневной практической жизни рабочие должны быть покорнейшими слугами государства, но в сердце своем они должны энергично протестовать против его существования и доказывать свое глубокое теоретическое презрение к нему посредством покупки и чтения литературных трактатов об

* См. наст. т., с. 333. *Ред.*

уничтожении государства; капиталистическому строю они ни в коем случае не должны оказывать иного сопротивления, кроме декламаций о будущем обществе, в котором этот ненавистный строй перестанет существовать!»

Не подлежит никакому сомнению, что если бы апостолы политического индифферентизма выражались так ясно, то рабочий класс послал бы их ко всем чертям; он воспринял бы это как оскорбление со стороны буржуазных доктринеров и выбитых из колеи дворян, которые настолько глупы или настолько наивны, что запрещают ему использовать всякое реальное средство борьбы, под тем предлогом, что оружие, чтобы сражаться, приходится брать в современном обществе и что неизбежные условия этой борьбы к сожалению не соответствуют идеалистическим фантазиям, которые эти доктора *социальных наук* обожествили под названием *Свободы, Автономии, Анархии.* Но движение рабочего класса в настоящее время настолько могущественно, что эти филантропические сектанты уже не осмеливаются больше повторять относительно экономической борьбы те *великие истины*, которые они неустанно проповедуют относительно борьбы политической. Они слишком трусливы, чтобы применять эти истины к стачкам, коалициям, к профессиональным союзам, к законам о женском и детском труде, об ограничении рабочего дня и т. д. и т. д.

Посмотрим теперь, в какой степени они могут ссылаться на старые традиции, на честность, на добросовестность и вечные принципы.

Первые социалисты (Фурье, Оуэн, Сен-Симон и др.) должны были неизбежно,— поскольку общественные отношения не были еще достаточно развиты, чтобы позволить рабочему классу организоваться в борющийся класс,— ограничиваться мечтами об *образцовом обществе* будущего и осуждать все попытки рабочего класса, такие как стачки, союзы и политические выступления, направленные хотя бы на некоторое улучшение его участи. Но если мы не должны отрекаться от этих патриархов социализма, как современные химики не могут отречься от своих родоначальников — алхимиков, то мы должны во всяком случае стараться не впасть в их ошибки, так как с нашей стороны они были бы непростительны.

Однако и позднее, в 1839 г., когда политическая и экономическая борьба рабочего класса приняла в Англии уже достаточно отчетливый характер, Брей, один из учеников Оуэна и один из тех, кто задолго до Прудона изобрел *мютюэлизм* [146], издал книгу под заглавием «Labour's Wrongs and Labour's Remedy»

(«Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению») [368].

В этой книге, в главе о тщетности *всех частичных улучшений, которых хотят добиться рабочие своей нынешней борьбой*, он подвергает ядовитой критике все политические и экономические выступления английских рабочих; он осуждает политическое движение, стачки, ограничение рабочего времени, регулирование женского и детского фабричного труда, потому что все это, по его мнению, не только не поможет покончить с настоящим положением общества, но, напротив, укрепит его и приведет к еще большему обострению противоречий.

Перейдем теперь к оракулу этих докторов социальных наук, к Прудону. Хотя учитель имел мужество энергично высказаться против всякого экономического движения (против коалиций, стачек и пр.), противоречившего спасительным теориям его *мютюэлизма*, сам он поощрял своими сочинениями и личным участием политическое движение рабочего класса, а его же ученики не решаются открыто высказаться против этого движения.

Декабрь 1872 — январь 1873 г. *т. 18, с. 296—299*

К. Маркс

ОТВЕТ НА НОВЫЙ ЦИРКУЛЯР МНИМОГО БОЛЬШИНСТВА БРИТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО СОВЕТА [369]

Диктатура пролетариата

К чему, с другой стороны, способны сами авторы этого циркуляра по части «подделки», показывают их утверждения, касающиеся резолюции конгресса о политическом действии. Прежде всего фраза: «Завоевание политической власти стало великой обязанностью рабочего класса» дословно перенесена в резолюцию IX Лондонской конференции из Учредительного Манифеста Интернационала (1864) *, хотя они заявляют, что она была сочинена Гаагским конгрессом [350].

Середина января 1873 г. *т. 18, с. 294*

К. Маркс

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ I ТОМА «КАПИТАЛА» [370]

[...] Особенности исторического развития германского общества исключают возможность какой бы то ни было оригинальной разработки буржуазной

* См. наст. т., с. 134, 295. *Ред.*

политической экономии, но не исключают возможность ее критики. Поскольку такая критика вообще представляет известный класс, она может представлять лишь тот класс, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т. е. может представлять лишь пролетариат.

Уничтожение классов

24 января 1873 г. *т. 23, с. 18*

[...] Парижский журнал «Revue Positiviste»[371] упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически, а с другой стороны — отгадайте-ка, в чем? — в том, что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для кухни будущего.

24 января 1873 г. *т. 23, с. 19*

Диалектика

Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург * действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз в то время, когда я работал над первым томом «Капитала», крикливые, претенциозные и весьма посредственные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как «мертвую собаку»[372]. Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржу-

* — творец, созидатель. *Ред.*

азии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.

24 января 1873 г. *т. 23, с. 21—22*

Ф. Энгельс

РЕСПУБЛИКА В ИСПАНИИ [373]

Наконец-то и в Европе республика выступает как то, чем она является по своей сущности, а в Америке и фактически,— *как наиболее законченная форма господства буржуазии*. Я говорю: наконец-то и в Европе, потому что о таких республиках, как Швейцария, Гамбург, Бремен, Любек и бывший вольный город Франкфурт — царство ему небесное! — здесь не может быть и речи. Современная республика, о которой, и только о ней, мы говорим здесь, является политической организацией большого народа, а не местным политическим институтом города, кантона или группы кантонов, исторически унаследованным от средних веков, принявшим более или менее демократические формы и в лучшем случае заменившим господство патрициев не намного лучшим господством крестьян. [...] Отныне рабочий класс не может больше обманываться в отношении того, что представляет собой современная республика: это та форма государства, в которой господство буржуазии получает свое последнее, самое законченное выражение. В современной республике проводится, наконец, в чистом виде политическое равенство, которое во всех монархиях все еще подвергалось некоторым ограничениям. А это политическое равенство, что же оно представляет собой, как не заявление, что классовые противоречия нисколько не касаются государства, что буржуа имеют такое же право быть буржуа, как рабочие имеют право быть пролетариями?

Но эта последняя, самая законченная форма буржуазного господства, республика, вводится самими буржуа только в высшей степени неохотно: она навязывает себя им. Чем вызвано это странное противоречие? Тем, что введение республики означает разрыв со всей политической традицией; тем, что в республике каждому политическому учреждению предъявляется требование доказать правомерность своего существования; тем, стало быть, что отпадают все

традиционные влияния, поддерживающие при монархии существующую власть. Другими словами: если современная республика является самой законченной формой буржуазного господства, то она вместе с тем есть та форма государства, в которой классовая борьба освобождается от своих последних оков и в которой подготавливается арена для этой борьбы. Современная республика является как раз не чем иным, как этой ареной. И это вторая сторона прогресса. С одной стороны, буржуазия чувствует, что ей приходит конец, как только у нее ускользает из-под ног почва монархии и с ней вся консервативная мощь, заключавшаяся в суеверном почитании необразованными народными массами, особенно в деревне, традиционной власти государя, все равно, направлено ли это суеверное почитание на королевскую власть божьей милостью, как в Пруссии, или на легендарного крестьянского императора Наполеона, как во Франции. С другой стороны, пролетариат чувствует, что паникнда по монархии является в то же время сигналом к решающему сражению с буржуазией. В том, что современная республика есть не что иное, как чисто подметенная арена для последней великой классовой битвы в мировой истории, именно в этом заключается ее огромное значение.

Предпосылки

Предпосылки

Но для того, чтобы эта классовая борьба между буржуазией и пролетариатом нашла свое разрешение, оба эти класса должны получить достаточное развитие в соответствующей стране, по крайней мере, в больших городах. В Испании дело обстоит так только в отдельных частях страны. В Каталонии крупная промышленность развита сравнительно высоко, в Андалузии и некоторых других местностях господствует крупное землевладение и крупное земледелие — помещики и наемные рабочие. В большей части страны преобладают мелкие крестьяне в деревне, мелкие ремесленники в городах. Таким образом, условия для пролетарской революции здесь еще сравнительно мало развиты, и именно потому в Испании все еще весьма много дела для буржуазной республики. Здесь она прежде всего призвана чисто подмести арену для предстоящей классовой борьбы. [...]

Предпосылки

Несколько лет спокойной буржуазной республики подготовили бы в Испании почву для пролетарской революции в такой степени, которая поразила бы даже самых передовых испанских рабочих. Вместо того чтобы повторять кровавый фарс прошлой революции [374], вместо того чтобы устраивать отдельные, всегда легко подавляемые восстания, испанские рабочие используют, надо надеяться, республику для того, чтобы тесиее сомкнуть свои ряды и организо-

ваться с учетом приближения революции, в которой они будут господствовать. Буржуазное правительство новой республики ищет только предлога, чтобы подавить революционное движение и расстрелять рабочих, как это сделали в Париже республиканцы Фавр и компания. Пусть же испанские рабочие не дают им этого предлога!

Февраль 1873 г. *т. 45, с. 116—119*

Ф. Энгельс

ОБ АВТОРИТЕТЕ [375]

Некоторые социалисты начали в последнее время настоящий крестовый поход против того, что они называют *принципом авторитета*. Достаточно им заявить, что тот или иной акт *авторитарен*, чтобы осудить его. Этим упрощенным приемом стали злоупотреблять до такой степени, что необходимо рассмотреть вопрос несколько подробнее. Авторитет в том смысле, о котором здесь идет речь, означает навязывание нам чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение. Но поскольку оба эти выражения звучат неприятно и выражаемое ими отношение тягостно для подчиненной стороны, спрашивается, нельзя ли обойтись без этого отношения, не можем ли мы — при существующих в современном обществе условиях — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется беспредметным и, следовательно, должен будет исчезнуть. Рассматривая экономические, промышленные и аграрные отношения, лежащие в основе современного буржуазного общества, мы обнаруживаем, что они имеют тенденцию все больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей. Вместо небольших мастерских разрозненных производителей появилась современная промышленность с ее огромными фабриками и заводами, в которых сотни рабочих управляют сложными машинами, приводимыми в движение паром; дилижансы и повозки на больших дорогах вытеснены железнодорожными поездами, так же как маленькие парусные шхуны и фелюги — пароходами. Даже в земледелии все больше начинают господствовать машина и пар, медленно, но неуклонно заменяющие мелких собственников крупными капиталистами, которые обрабатывают с помощью наемных рабочих большие площади земли. Таким образом, комбинированная деятельность, усложнение процессов, зависящих друг от друга, становятся на место независимой деятельности отдельных лиц. Но комбинированная дея-

тельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?

Предположим, что социальная революция свергла капиталистов, авторитету которых подчиняются в настоящее время производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью тех рабочих, которые их используют. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму? Посмотрим.

Возьмем в качестве примера бумагопрядильню. Хлопок должен подвергнуться по крайней мере шести последовательным операциям, прежде чем он превратится в нить, и эти операции производятся по большей части в разных помещениях. Далее, для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механики для ежедневного ремонта и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое и так далее. Все эти рабочие — мужчины, женщины и дети — вынуждены начинать и кончать работу в часы, определяемые авторитетом пара, которому дела нет до личной автономии. Итак, рабочие прежде всего должны условиться относительно часов труда; а как только эти часы установлены, они уж обязательны для всех без исключения. Затем в каждом помещении ежеминутно возникают частые вопросы, касающиеся процесса производства, распределения материалов и т. д., которые требуется разрешать сейчас же, во избежание немедленного прекращения всего производства. И как бы ни разрешались эти вопросы, решением ли делегата, поставленного во главе каждой отрасли труда, или, если это возможно, большинством голосов, воля отдельных лиц всегда должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно. Механический автомат большой фабрики оказывается гораздо более деспотичным, чем были когда-либо мелкие капиталисты, на которых работают рабочие. По крайней мере, что касается часов труда, то над воротами этих фабрик можно написать: *Оставьте всякую автономию, вы, входящие сюда!* [376] Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими, настоящему деспотизму, независимо от какой-либо социальной организации. Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке.

Возьмем другой пример — железную дорогу. Здесь также сотрудничество бесчисленного множества лиц

безусловно необходимо; это сотрудничество должно осуществляться в точно установленные часы во избежание несчастных случаев. И здесь первым условием дела является господствующая воля, решающая всякий подчиненный вопрос,— представлена ли эта воля одним делегатом или целым комитетом, которому поручено выполнять постановления большинства заинтересованных лиц. И в том и в другом случае налицо резко выраженный авторитет. Мало того: что стало бы с первым же отправляемым поездом, если бы был уничтожен авторитет железнодорожных служащих по отношению к господам пассажирам?

Но как нельзя более очевидна необходимость авторитета — и притом авторитета самого властного — на судне в открытом море. Там в момент опасности жизнь всех зависит от немедленного и беспрекословного подчинения всех воле одного.

Если я выдвигаю эти аргументы против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, *а об известном поручении*». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя. Эти глубокие мыслители просто-напросто смеются над нами.

Итак, мы видели, что, с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, независимо от какой бы то ни было общественной организации, обязательны для нас при тех материальных условиях, в которых происходит производство и обращение продуктов.

С другой стороны, мы видели, что с развитием крупной промышленности и крупного земледелия материальные условия производства и обращения неизбежно усложняются и стремятся ко все большему расширению сферы этого авторитета. Нелепо поэтому изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития. Если бы автономисты хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том,

что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?

Отмирание государства

Функции управления

Революция

Итак: или — или. Или антиавторитаристы сами не знают, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции.

Октябрь 1872 — март 1873 г. *т. 18, с. 302—305*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 20 ИЮНЯ 1873 г. [377]

Конечно, всякое партийное руководство стремится к успехам, и это очень хорошо. Но бывают обстоятельства, когда надо иметь мужество пожертвовать *немедленным* успехом ради более важных вещей. Особенно такая партия, как наша, конечный успех которой абсолютно обеспечен и которая за наше время и на наших глазах так гигантски выросла, вовсе не нуждается всегда и безусловно в немедленном успехе.

т. 33, с. 494—495

Впрочем, еще старик Гегель сказал: партия доказывает свою жизнеспособность тем, что идет на *раскол* и способна выдержать этот раскол [378]. Движение пролетариата неизбежно проходит через раз-

личные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет. Только этим и объясняется, почему «солидарность пролетариата» в действительности повсюду осуществляется в виде различных партийных группировок, которые борются между собой не на жизнь, а на смерть, подобно христианским сектам в Римской империи в период тягчайших преследований.

т. 33, с. 496

К. Маркс

ФРАГМЕНТЫ ИЗ АВТОРИЗОВАННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА» [341]

Человек создает продукт, приспосабливая внешний предмет к своим потребностям, и в этой операции физический труд и труд умственный соединяются нерасторжимыми узами подобно тому, как в природе рука и голова не могут обходиться одна без другой.

Кооперативный характер труда

Совокупный работник

Однако с того момента, когда индивидуальный продукт превращается в продукт общественный, в продукт совокупного работника, различные члены которого участвуют в весьма различной степени в обработке предмета, непосредственно или издали, или даже совсем не соприкасаясь с ним, с этого момента определения *производительного труда, производительного работника* необходимо приобретают более широкое значение. Чтобы быть производительным, вовсе не обязательно непосредственное приложение рук к предмету; достаточно быть органом совокупного работника или выполнять какую-либо из его функций. Первоначальное определение производительного труда, возникшее из самой природы материального производства, остается всегда верным по отношению к совокупному работнику, рассматриваемому как одно лицо, но оно неприменимо больше к каждому из его членов, взятому в отдельности... *

Весна — лето 1873 г. *т. 49, с. 190*

К. Маркс, Ф. Энгельс

АЛЬЯНС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ [379]

Ответ на эти фанфаронады о немедленной отмене государства и установлении анархии уже дан в за-

* См. наст. т., с. 187—188. *Ред.*

крытом циркуляре Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале», март 1872 г., стр. 37. «Анархия — вот боевой конь их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем один лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает и правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос навыворот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией» *.

Уничтожение классов

Отмирание государства

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 339*

Генеральный Совет 9 марта 1869 г. (см. *«Мнимые расколы в Интернационале»*, стр. 8) ответил, что выносить суждение о научной ценности программы Альянса значило бы для него выходить за пределы своих функций и что если вместо «уравнения классов» будет поставлено «уничтожение классов», то не будет препятствий к превращению секций Альянса в секции Интернационала [380].

Уничтожение классов

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 344*

Вспыхнуло революционное движение в Лионе [252]. Бакунин поспешил присоединиться к своему лейтенанту Альберу Ришару и к своим унтер-офицерам Бастелика и Гаспару Блану. 28 сентября, в день его приезда, народ завладел городской ратушей. Бакунин водворился в ней; и вот наступил критический момент, которого ждали столько лет, момент, когда Бакунин получил возможность совершить самый революционный акт, какой когда-либо видел мир,— он декретировал *Отмену Государства*. Но государство в образе двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забыли поставить охрану, очистило зал и заставило Бакунина поспешно ретироваться в Женеву.

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 348—349*

[...] Альянс претендует на то, чтобы «обеспечить преобладание в Интернационале своей особой про-

* См. наст. т., с. 309. *Ред.*

граммы»,— называя ее «грандиозным протестом против авторитета» и заявляя, что освобождение рабочих усилиями самих рабочих должно произойти «без какого бы то ни было авторитарного руководства, даже и такого, которое избрано и санкционировано рабочими». [...] Нам вполне понятно, что Альянсу хотелось бы помешать рабочему классу создать себе общее руководство, поскольку бакунистское провидение уже позаботилось об этом, образовав свой *Альянс* в качестве генерального штаба революции.

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 352, 353*

Альянс не хотел, чтобы Интернационал был боевой организацией; в циркуляре [323] требовалось, чтобы Интернационал был верным прообразом будущего общества:

«Мы должны поэтому добиться того, чтобы по возможности больше приблизить эту организацию к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен отбросить всякое начало, ведущее к авторитарности, к диктатуре».

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 354*

Критика казарменного коммунизма

Третья статья названа *«Главные основы будущего общественного строя»* [381]. Эта статья показывает, что если простых смертных карают, как за преступление, за одну мысль о будущей организации общества, так это потому, что главари все уже устроили заранее.

«Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только *путем сосредоточения всех средств для существования общественного в руках **нашего комитета** и объявлением обязательной для всех физической работы.*

Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает создавать рабочие общества» (artels) «и в то же время издает статистические сводки, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или другому разряду занятий.

В течение известного числа дней, назначенных для переворота, и неизбежно последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору... Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев или содержащие готовую продукцию и материалы, продовольствие и орудия,

предназначаемые для всех членов установившегося рабочего общества; одним словом, тот, кто не примкнул без уважительных причин к артели, остается без средств к существованию. Для него закрыты будут все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду, или к смерти».

Каждая артель выбирает из своей среды оценщика («otzienchtchik»), который регулирует ход работы, ведет книги для записи производства и потребления, а также производительности каждого рабочего, и служит посредником с общей конторой данной местности. Контора, состоящая из избранных членов всех артелей данной местности, производит обмен между этими артелями, заведует всеми общественными учреждениями (спальнями, столовыми, школами, больницами) и руководит всеми общественными работами: «все общие работы находятся в ведении конторы, тогда как все индивидуальные, где необходимы особое искусство и навык, выполняются отдельно артелями». Дальше идет подробная регламентация воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от работы изобретателей и т. д.

«При полнейшей публичности, гласности и деятельности каждого пропадет бесследно, исчезнет всякое честолюбие, как его теперь понимают, и всякая ложь... тогда стремлением каждого будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей».

Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безыменный и никому неизвестный *«наш комитет»*. Несомненно, это чистейший антиавторитаризм. [...]

Теперь, когда черни известно, к какой роли предназначен «наш комитет», легко понять эту ненависть конкурента к государству и ко всякой централизации сил рабочих. В самом деле, до тех пор, пока рабочий класс будет иметь свои представительные органы, гг. Бакунин и Нечаев, орудующие под маской «нашего комитета», не смогут стать владельцами общественного богатства и не смогут пожинать плоды того возвышенного честолюбивого стремления, которое они так жаждут внушить другим: много работать, с тем чтобы мало потреблять!

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 413—415*

Критика авторитарного коммунизма

Тот самый человек, который в 1870 г. проповедует русским слепое, беспрекословное повиновение приказаниям, идущим свыше от анонимного и неведомого комитета, который заявляет, что иезуитская дисциплина есть условие sine qua non победы, что только одна она может одержать верх над чудовищной централизацией — не русского государства, а государства вообще, который провозглашает более авторитарный коммунизм, чем самый примитивный коммунизм,— этот самый человек в 1871 г. затевает внутри Интернационала раскольническое и дезорганизаторское движение под предлогом борьбы против авторитарности и централизма немецких коммунистов, под предлогом создания автономных секций и свободной федерации автономных групп и превращения Интернационала в то, чем он якобы должен быть: в прообраз будущего общества. Если бы будущее общество было создано по образцу русской секции Альянса, то оно далеко превзошло бы Парагвай преподобных отцов иезуитов [382], столь дорогих сердцу Бакунина.

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 424*

Лишенная мелодраматических лохмотьев, эта программа сводится к следующему:

1. Все мерзости, которыми неизбежно сопровождается жизнь деклассированных выходцев из верхних общественных слоев, провозглашаются ультрареволюционными добродетелями.

2. Возводится в принцип необходимость развратить незначительное, тщательно подобранное меньшинство рабочих, к которым подыгрываются, отрывая их от масс путем таинственного посвящения, заставляя их участвовать в интригах и мошеннических проделках тайного руководства и внушая им, что дать волю своим «дурным страстям» — это значит потрясти до основания старое общество.

3. Главные способы пропаганды заключаются в том, чтобы привлекать молодежь фантастическими выдумками — измышлениями о размерах и могуществе тайного общества, пророчествами о неизбежности подготовленной им революции и пр.— и компрометировать в глазах правительств наиболее передовых людей из среды обеспеченных классов, чтобы затем эксплуатировать их в денежном отношении.

4. Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение заменяется *всеразрушительными* актами героев уголовного мира — этого последнего воплощения революции. Одним словом, предлагают выпустить босяка, которого сами рабочие устраняли во время «революций по западному классиче-

скому образцу», и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-провокаторов.

Трудно сказать, что преобладает в теоретической эквилибристике и в практических затеях Альянса — шутовство или подлость. И все же Альянсу удалось вызвать внутри Интернационала глухую борьбу, которая в течение двух лет затрудняла действия нашего Товарищества и завершилась отколом некоторой части секций и федераций. Поэтому решения, принятые Гаагским конгрессом против Альянса [383], были лишь выполнением его долга. Конгресс не мог допустить, чтобы Интернационал, это великое творение пролетариата, попал в сети, расставленные ему отбросами эксплуататорских классов. Что же касается тех, кто хочет лишить Генеральный Совет тех функций, без которых Интернационал превратился бы в бесформенную, рассеянную и, выражаясь языком Альянса, «аморфную» массу, то мы не можем смотреть на них иначе, как на предателей или глупцов.

Апрель — август 1873 г. *т. 18, с. 426—427*

Ф. Энгельс

БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ [384]

Только что опубликованный доклад гаагской комиссии о тайном Альянсе Михаила Бакунина * (смотри статью «Калиостро Бакунин» в № 87 и следующих «Volksstaat» [385]) раскрыл перед рабочим миром тайные происки, мошеннические проделки и пустозвонство, посредством которых пытались поставить пролетарское движение на службу раздутому честолюбию и эгоистическим целям нескольких непризнанных гениев. Вместе с тем в Испании эти спесивые хвастуны дали нам возможность познакомиться также и с их практической революционной деятельностью. Посмотрим же, как осуществляют они свои ультрареволюционные фразы об анархии и автономии, об уничтожении всякого авторитета, в особенности государственного, о немедленном и полном освобождении пролетариата. Теперь мы, наконец, можем это сделать, так как, помимо газетных сообщений о событиях в Испании, располагаем уже докладом Новой мадридской федерации Интернационала, представленным Женевскому конгрессу.

---

* «L'Alliance de la Démocratie Socialiste». London, 1873. Немецкое издание вышло под заглавием «Ein Komplott gegen die Internationale». (Издательство «Vorwärts».) [385] *[Примечание Энгельса к изданию 1894 г.]*

Как известно, в Испании к моменту раскола Интернационала имели перевес члены тайного Альянса; значительное большинство испанских рабочих пошло за ними. И вот, когда в феврале 1873 г. была провозглашена республика [387], испанские альянсисты оказались в очень затруднительном положении. Испания страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия,— таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного *политического* вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не предоставляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов. Правительство назначило выборы в учредительные кортесы; какую позицию должен был занять Интернационал? Главари бакунистов были в величайшей растерянности. Дальнейшая политическая бездеятельность становилась со дня на день все более смешной и невозможной; рабочие хотели «видеть дело». С другой стороны, альянсисты много лет проповедовали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство, этот источник всякого зла, и что именно поэтому участие в каких-либо выборах является преступлением, заслуживающим смертной казни. Как вышли они из этого тупика, поясняет нам вышеупомянутый мадридский доклад [...]

Предпосылки

Каков же результат всего нашего исследования?

1. Бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали своей доктриной об обязательном воздержании от политической деятельности и, в особенности, воздержании от участия в выборах. Затем подверглась той же участи анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они пытались, напротив, создать множество новых, мелких государств. Затем они выбросили за борт тот принцип,

что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо чисто буржуазном. Наконец, они попирали только что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу,— они попирали его, преспокойно заседая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими. [...]

5. Одним словом, бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию.

Сентябрь — октябрь 1873 г. *т. 18, с. 457—458, 473, 474*

К. Маркс

ПИСЬМО Т. ОЛСОПУ, 23 ДЕКАБРЯ 1873 г. [388]

Моя младшая дочь * и я провели три недели в Харрогете [...] В последние дни пребывания нас потревожил и несколько развлек своим появлением пастор англиканской церкви, умудренный жизнью старик, лишенный всякого намека на ханжество, любитель поговорить на тривиальные темы, человек с благопристойными манерами, занятый исключительно своим желудком. Это — типичный образец современного христианина [...] Этот человек дал нам с Элеонорой повод постоянно вспоминать и говорить о Вас, ибо трудно представить себе более разительный контраст: Вы, можно сказать, прообраз того, чем станет человек будущего нового общества, а он, священник,— стереотипное воплощение того, чем умудрились стать люди старого общества. **Человек**

т. 50, с. 449—450

Ф. Энгельс

ПИСЬМО В. БЛОСУ, 21 ФЕВРАЛЯ 1874 г. [389]

Обрушиваться на *насилие* как на нечто неприемлемое само по себе, в то время как все мы знаем, что, в конечном счете, без насилия нельзя ничего добиться! **Насилие**

т. 33, с. 518—519

---

* — Элеонора Маркс. *Ред.*

Ф. Энгельс

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. I [390]

Национальные отношения

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого.

Май — начало июня 1874 г. *т. 18, с. 509*

Ф. Энгельс

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. II [391]

Диктатура пролетариата

Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как переворот, произведенный небольшим революционным меньшинством, само собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами, в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц.

Июнь 1874 г. *т. 18, с. 511—512*

Предпосылки

В чем действительно нельзя сомневаться, это в том, что после изнурительной войны [296], после голода в Париже и особенно после страшного кровопускания в майские дни 1871 г. [392] парижский пролетариат нуждается в продолжительном периоде покоя, чтобы вновь собраться с силами, и что всякая преждевременная попытка восстания может привести лишь к новому, может быть еще более страшному поражению. Наши бланкисты — иного мнения.

Июнь 1874 г. *т. 18, с. 513*

Атеизм

О громадном большинстве * немецких социал-демократических рабочих можно даже сказать, что у них атеизм стал уже пройденным этапом; это чисто отрицательное обозначение к ним уже неприменимо, так как они противостоят вере в бога уже не теоретически, а практически; они *попросту покончили с богом*, они живут и мыслят в действительном мире и являются поэтому материалистами. Примерно так же обстоит дело и во Франции. Если же нет, то что может быть проще, чем позаботиться о массовом распространении среди рабочих превосходной француз-

---

* Слова «громадном большинстве» добавлены Энгельсом в издании 1894 г. *Ред.*

ской материалистической литературы прошлого века, той литературы, которая до сих пор как по форме, так и по содержанию является высшим достижением французского духа и которая, учитывая тогдашний уровень науки, по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко, а по форме все еще остается недосягаемым образцом. Но нашим бланкистам это не по вкусу. Чтобы доказать, что они всех радикальнее,— бог, как в 1793 г., отменяется декретом [393] [...]

Июнь 1874 г. *т. 18, с. 514*

«Мы — коммунисты потому, что хотим достигнуть своей цели, не останавливаясь на промежуточных станциях, не идя на компромиссы, которые только отдаляют день победы и удлиняют период рабства» [394].

Немецкие коммунисты являются коммунистами потому, что они через все промежуточные станции и компромиссы, созданные не ими, а ходом исторического развития, ясно видят и постоянно преследуют * конечную цель: уничтожение классов и создание такого общественного строя, при котором не будет места частной собственности на землю и на все средства производства. Тридцать три бланкиста являются коммунистами потому, что они воображают, что раз *они* хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если,— в чем они твердо уверены,— на этих днях «начнется», и власть очутится в их руках, то послезавтра «коммунизм будет введен». Следовательно, если этого нельзя сделать сейчас же, то и они не коммунисты.

Уничтожение классов, частной собственности

Что за детская наивность — выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!

Июнь 1874 г. *т. 18, с. 515—516*

Во всякой революции неизбежно делается множество глупостей так же, как и во всякое другое время; и когда, наконец, люди успокаиваются настолько, чтобы вновь стать способными к критике, они обязательно приходят к выводу: мы сделали много такого, чего лучше было бы не делать, и не сделали многого, что следовало бы сделать, поэтому дело и шло скверно.

Возможные ошибки

Июнь 1874 г. *т. 18, с. 516*

* Слова «и постоянно преследуют» добавлены Энгельсом в издании 1894 г. *Ред.*

Ф. Энгельс

ДОБАВЛЕНИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ 1870 г. К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ» [395]

Уже в 1870 г. немецким рабочим пришлось выдержать серьезную проверку: бонапартистскую провокацию войны и ее естественный результат — всеобщий национальный энтузиазм в Германии. Немецкие социалистические рабочие ни на минуту не дали ввести себя в заблуждение. Они не были захвачены волной шовинистического национализма. Среди самого неистового опьянения победой они сохраняли хладнокровие и требовали: «справедливого мира с Французской республикой и никаких аннексий», и даже осадное положение не могло заставить их замолчать. У них не нашли отклика ни увлечение военной славой, ни болтовня о «величии Германской империи»; единственной их целью осталось освобождение всего европейского пролетариата. С полным правом можно сказать: до сих пор еще ни в одной стране рабочие не выдержали с таким блеском столь трудного экзамена.

1 июля 1874 г. *т. 18, с. 497*

Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм,— единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесел,— а с другой стороны, это показывают та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм ни-

когда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно,— так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Утопизм

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам).

Три направления классовой борьбы пролетариата

1 июля 1874 г. *т. 18, с. 498—499*

В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали.

Социализм как наука

1 июля 1874 г. *т. 18, с. 499*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 4 АВГУСТА 1874 г. [396]

Общеевропейская обстановка такова, что она все больше и больше ведет к *общеевропейской войне*. Мы должны пройти через это, прежде чем можно будет думать о каких-либо решительных открытых действиях европейского рабочего класса.

Перспективы революции

т. 33, с. 533

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 12—17 СЕНТЯБРЯ 1874 г. [397]

Таким успехом была Коммуна, которая была, несомненно, духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни; таким образом, на Интернационал до известной степени вполне справедливо возлагалась ответственность за Коммуну. [...] Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы.

т. 33, с. 538

К. Маркс

КОНСПЕКТ КНИГИ БАКУНИНА «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ» [398]

Равенство

„Аксиома, всем известная, что не может ни одно «государство» стать в числе первенствующих держав, не имея обширных морских границ, обеспечивающих непосредственное сообщение его с целым светом и позволяющих ему принять участие прямое в мировом движении, как материальном, так и общественном, *«политически-нравственном»*“ (politisch-sittlichen) ... без этого вскоре застой... Китай... *Есть много разных условий для того, чтобы народ,* «замкнутый» (konsolidiert) в «государство», мог принять участие в мировом движении; сюда «принадлежит» (gehört) «природный ум и прирожденная энергия», образованность, способность к производительному труду «и *самая обширная внутренняя свобода, столь невозможная, впрочем, для масс в государстве*». „Но к этим условиям также принадлежит непременно морское плавание, морская торговля, потому что морские сообщения, по своей относительной дешевизне, скорости, а также и свободе, в том смысле, что море никем не присвоено, превосходят все другие... включая и железные дороги. Может быть, *воздухоплавание* окажется еще более удобным во всех отношениях и будет особенно важно, так как окончательно «уравняет» (nivelliert) *условия развития и жизни для всех стран*“.

Это для Бакунина главное — *«нивелировка»*, например, всей Европы до уровня словака — продавца мышеловок... „Но пока что мореплавание остается *главным средством* для“ «преуспеяния народов» (Wohlfart, grosse Fortschritt der Völker). Вот единственное место, где г-н Бакунин говорит об *экономических* условиях и усматривает, что они создают условия и различия между народами, независимые от «государства».

Когда не будет более «государств» (Staaten) и на развалинах всех государств возвысится „совершенно свободно и организуясь снизу вверх вольный братский союз вольных производительных ассоциаций, общин и «областных» федераций, обнимающих безразлично, потому что свободно, людей всех языков и народностей, тогда путь к морю будет равно открыт для всех: для береговых жителей непосредственно, а для живущих в отдалении от моря — посредством железных дорог, освобожденных вполне от всяких «государственных попечений» (Sorge, Fürsorge, Pflege), «взиманий» (l'action de prendre), пошлин, ограничений, придирок, запрещений, позволений и вмешательств. *Но даже и тогда морские береговые жители будут иметь множество естественных преимуществ, не только материальных, но и умственно-нравственных.* Непосредственное прикосновение к мировому рынку и вообще к мировому движению жизни развивает чрезвычайно и без того не нивелированные отношения; при всем том внутренние жители, лишенные этих преимуществ, будут *жить и развиваться ленивее и медленнее прибрежных. Вот почему так важно будет воздухоплавание*... Но до тех пор... *прибрежные жители останутся во всех отношениях передовыми и будут составлять род аристократии в человечестве*".

Например, Бретань!

А разница между равнинной и горной местностью, бассейны рек, климат, почва, уголь, железо, *приобретенные производительные силы*, материальные и духовные, язык, литература, технические способности и пр. и пр.? Фурье тут более героически справляется с нивелировкой (стр. 139—142).

Апрель 1874 — не позднее января 1875 г. — *т. 18, с. 601—602*

Государство

„Мы уже высказывали наше глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам, если не как последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель,— *основание «народного государства»*, которое, по их объяснению, будет не что иное, как пролетариат, *«возведенный на степень господствующего сословия»* [399]. Спрашивается, если пролетариат будет господствующим, то над кем он будет господствовать? «Значит» (das bedeutet, das meint), остается еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому" «государству» (Staat).

Диктатура пролетариата

Насилие

Это значит, покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преоб-

разованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен.

„Например, «крестьянская чернь» (das gemeine Bauernvolk, der Bauernpöbel), как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом“.

Пролетариат и крестьянство

Значит там, где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западноевропейского континента, там, где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии,— там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он думает, что не принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем; но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования * или отмену его собственности; последнее возможно только там, где арендатор-капиталист вытеснил крестьянина, и настоящий земледелец стал таким же пролетарием, наемным рабочим, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет с ним одни и те же интересы *непосредственно*, а не косвенно; тем более нельзя укреплять парцелльную собственность, увеличивая парцеллы путем простой передачи больших имений крестьянам, как в бакунинском революционном походе.

Коллективная собственность на землю

„Или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии“ (стр. 278).

Предпосылки

Ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние яв-

* См. наст. т., с. 217—221. *Ред.*

ляются ее предпосылкой. Она, следовательно, возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе. И для того, чтобы он имел хоть какие-нибудь шансы на победу, он должен быть в состоянии mutatis mutandis * сделать для крестьян непосредственно по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина [400]. Хороша идея, что господство рабочих включает в себя порабощение сельскохозяйственного труда! Но тут-то и проявляется затаеннейшая мысль г-на Бакунина. Он абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют. Так как все существовавшие до сих пор экономические формы, развитые или неразвитые, включали порабощение работника (будь то в форме наемного рабочего, крестьянина и т. д.), то он полагает, что при всех этих формах одинаково возможна *радикальная революция*. Более того! Он хочет, чтобы европейская социальная революция, основывающаяся на экономическом базисе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских земледельческих и пастушеских народов и чтобы она не переступала этого уровня; хотя он и видит, что *мореплавание* создает различие между братьями, но только *мореплавание*, ибо это — различие, известное всем политикам! *Воля*, а не экономические условия, является основой его социальной революции.

Пролетариат и крестьянство

Волюнтаризм

„Если есть «государство» (Staat), то непременно есть «господство» (Herrschaft), следовательно, и «рабство»; господство без рабства, открытого или замаскированного, немыслимо, вот почему мы враги“ «государства» (стр. 278).

„Что значит — пролетариат, «возведенный в господствующее сословие»“?

Диктатура пролетариата

Это значит, что пролетариат, вместо того чтобы в каждом отдельном случае бороться против экономически привилегированных классов, достиг достаточной мощи и организованности, чтобы в борьбе против них применять общие средства принуждения; однако он может применять лишь такие экономические средства, которые упраздняют его собственный характер как наемного рабочего, следовательно как класса; поэтому с полной его победой кончается и его господство, ибо кончается его классовый характер.

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

„Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?“

Неужели, например, в профессиональном союзе весь союз образует свой исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении «снизу вверх» разве все будут «вверху»? Тогда ведь не будет никакого «внизу». Неужели все члены общины будут в равной мере ведать общими интересами «области»? Тогда не будет никакого различия между общиной и «областью».

„Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства?“

Самоуправление

Certainly *, ибо дело начинается с общинного самоуправления.

„Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет“.

Когда человек сам управляет собой, то — по этому принципу — он не управляет собой; ведь он — только он сам и никто другой.

„Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут управляемые и рабы“ (стр. 279).

Отмирание государства

Это только значит: когда исчезнет классовое господство, не будет государства в нынешнем политическом смысле слова...

„Эта дилемма в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они“ (то есть Бакунин) „разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом“.

Выборы

Функции управления

Asine! ** Это — демократический вздор, политическое пустословие! Выборы — политическая форма, даже в мельчайшей русской общине и артели. Характер выборов зависит не от этих названий, а от экономических основ, от экономических связей избирателей между собой, и с того момента, как функции эти перестали быть политическими, 1) не существует больше правительственных функций; 2) распределение общих функций приобретает деловой характер и не влечет за собой никакого господства;

* — Разумеется. *Ред.*
** — Осел! *Ред.*

3) выборы совершенно утратят свой нынешний политический характер.

„Всеобщее право избрания народных представителей и «правителей государства» целым народом,—

такая вещь, как целый народ в нынешнем смысле слова — фантазия,

— вот последнее слово марксистов, так же, как и демократической школы,— ложь, за которой кроется деспотизм *управляющего меньшинства*, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли“.

Коллективная собственность

При коллективной собственности исчезает так называемая народная воля, чтобы уступить место действительной воле кооператива.

Итак, в результате: „управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство будет состоять из работников, говорят марксисты“.

Где говорят?

„Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только они сделаются представителями или правителями народа, *перестанут быть работниками*“.

Не больше, чем теперь фабрикант, который не перестает быть капиталистом потому, что стал членом муниципального совета.

„и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты «государственной»: они будут представлять уже не народ, а себя и свои «притязания» на управление народом. Тот, кто усомнится в этом, совсем не знаком с природой человека“ (стр. 279).

Функции управления

Если бы г-н Бакунин был знаком хотя бы с положением управляющего рабочей кооперативной фабрикой, то все его бредни о господстве полетели бы к черту. Ему пришлось бы себя спросить: какую форму смогут принять функции управления на основе такого рабочего государства, если ему угодно его так называть.

(стр. 279). „Но эти избранники будут горячо убежденные и к тому же ученые социалисты“.

„Беспрестанно употребляемые в сочинениях и речах лассальянцев и марксистов слова“ —

Утопизм

слова „*ученый социализм*“, не употреблявшиеся никогда, и „*научный социализм*“, употребляемые только в противовес социализму утопическому, стремя-

щемуся навязать народу новые бредни и иллюзии, вместо того, чтобы ограничить область своего познания изучением социального движения самого народа; смотри мою книгу против Прудона —

„сами собой доказывают“, что так называемое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо. Хорошо освобождение! (стр. 279—280).

„Марксисты чувствуют это“ (!) „противоречие и, сознавая, что управление ученых“ (quelle rêverie! *) „самое тяжелое, обидное и презрительное в мире, будет, несмотря на все демократические формы, фактической диктатурой,— утешаются мыслью, что эта диктатура будет временная и короткая“.

Диктатура пролетариата

Non, mon cher! ** *Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов.

„Они говорят, что единственной заботой и целью их будет образовать и поднять народ“ (политикан из кафе!) „как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление сделается скоро ненужным, и государство, утратив весь политический, то есть «господствующий», характер, обратится само собой в свободную организацию экономических интересов и общин. Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?“ (стр. 280).

Оставляя в стороне попытку поездить на либкнехтовском *народном государстве*[401], которое вообще вздор, обращенный против Коммунистического манифеста[402] и т. д., это только значит: ввиду того, что в период борьбы за разрушение старого общества пролетариат действует еще на основе старого общества и поэтому придает еще своему движению политические формы, более или менее соответствующие ему,— в этот период борьбы он не достиг еще своей окончательной организации и применяет для своего освобождения средства, которые после освобождения отпадут; отсюда г-н Бакунин умозаключает, что пролетариату лучше ничего не предпринимать, а выжидать... *дня всеобщей ликвидации* — страш-

* — какой бред! *Ред.*
** — Нет, дорогой мой! *Ред.*

ного суда. „*Своей полемикой* против них" (которая, разумеется, появилась еще до моей книги против Прудона [403] и до Коммунистического манифеста, даже еще до Сен-Симона [404]: хорошее ὕστερον πρότερον *!) „*мы* довели их до *сознания*, что свобода, или анархия" (г-н Бакунин всего-навсего перевел прудоновскую и штирнеровскую анархию на дикое татарское наречие), то есть „свободная организация рабочих масс снизу вверх" (вздор!),

„есть окончательная цель общественного развития и что всякое «государство», не исключая и их народного, есть ярмо, порождающее, с одной стороны, деспотизм, а с другой — рабство" (стр. 280).

Апрель 1874 — не позднее января 1875 г. — *т. 18, с. 611—612, 615—618*

К. Маркс

ФРАГМЕНТЫ ИЗ АВТОРИЗОВАННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА» [341]

Лишь постольку, поскольку капиталист функционирует как персонифицированный капитал, он имеет историческое значение, историческое право на существование и социальный смысл. И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Следовательно, определяющим мотивом его деятельности являются не потребительная стоимость и потребление, а меновая стоимость и ее непрерывное увеличение. Как фанатик накопления, он беспощадно и безудержно понуждает людей к производству ради производства и, следовательно, толкает их инстинктивно к развитию производительных сил и материальных условий, которые одни только могут создать реальный базис нового и более высокого общества **. **Предпосылки**

1874 — январь 1875 г. — *т. 49, с. 215*

Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в **Предпосылки**

* Ошибка, состоящая в принятии последующего и позднейшего (hysteron) за первичное и предшествующее (proteron); извращение действительной последовательности. *Ред.*

** Ср. наст. т., с. 189—190. *Ред.*

общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства.

1874 — январь 1875 г. *т. 23, с. 642*

Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом, которым разжигаются чувства самые подлые, страсти самые гнусные и в своей низости самые отвратительные. Частная собственность, основанная на личном труде, эта собственность, которая так сказать связывает изолированного и автономного работника с внешними условиями труда, вытесняется частной капиталистической собственностью, основанной на эксплуатации труда других, на наемном труде[1].

Когда этот процесс превращения достаточно разложил снизу доверху старое общество, когда производители превратились в пролетариев, а их условия труда — в капитал, когда, наконец, капиталистический строй стал держаться на одной только экономической силе вещей, тогда дальнейшее обобществление труда, а также постепенное превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые средства, в общие средства, тогда, одним словом, дальнейшее уничтожение частной собственности приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не независимый работник, а капиталист, предводитель армии или команды наемных рабочих.

Эта экспроприация совершается в результате действия имманентных законов капиталистического производства, которые ведут к концентрации капиталов. Соответственно этой централизации, экспроприации многих капиталистов немногими, развивается во все возрастающем масштабе приложение науки к технике, методичная и совокупная [avec méthode et ensemble] эксплуатация земли, превращение орудий в могущественную силу только благодаря одному их совместному использованию, стало быть, развивается экономия средств производства, все народы вовлекаются в сеть мирового рынка, а отсюда и международный характер, присущий капиталистическому строю. По мере сокращения числа властелинов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого периода общественной эволюции, возрастают нищета, угнетение, рабство, вырождение, эксплуатация, но вместе с тем и сопро-

Предпосылки

[1] «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie Politique, t. II, p. 434)[89].

тние рабочего класса, который становится все более многочисленным и благодаря самому механизму капиталистического производства все более и более дисциплинированным, сплоченным и организованным. Монополия капитала становится препятствием для способа производства, который вырос при ней и под ее покровительством. Обобществление труда и централизация его материальных средств достигают такого пункта, когда их уже невозможно удержать в их капиталистической оболочке. Эта оболочка взрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы в свою очередь экспроприируются.

Общественный характер труда и средств производства

Экспроприация экспроприаторов

Капиталистическое присвоение, соответствующее капиталистическому способу производства, составляет первое отрицание этой частной собственности, которая является лишь неизбежным следствием независимого и индивидуального труда. Но само капиталистическое производство с фатальностью метаморфозов природы порождает свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность работника, а его индивидуальную собственность, основанную на достижениях капиталистической эры, на кооперации и общем владении всеми средствами производства, включая землю.

Общественная собственность на средства производства

Для превращения частной и раздробленной собственности, предмета индивидуального труда, в капиталистическую собственность, необходимо, естественно, больше времени, усилий и труда, чем этого потребует превращение в общественную собственность капиталистической собственности, которая фактически основывается уже на коллективном способе производства. Там речь шла об экспроприации массы кучкой узурпаторов; здесь речь идет об экспроприации кучки узурпаторов массой *.

1874 — январь 1875 г. *т. 49, с. 228—230*

К. Маркс

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗОБЛАЧЕНИЙ О КЕЛЬНСКОМ ПРОЦЕССЕ КОММУНИСТОВ» [405]

Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, не-

* Ср. наст. т., с. 194—196. *Ред.*

вменяемыми. Они не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат; отсюда и промахи Шаппера и Виллиха. Виллих доказал в североамериканской гражданской войне [176], что он нечто большее, чем просто фантазер, а Шаппер, всю жизнь являвшийся передовым борцом рабочего движения, понял и признал вскоре после окончания кёльнского процесса [406] свое минутное заблуждение. Спустя много лет, лежа на смертном одре, за день до смерти он говорил мне с едкой иронией об этом времени «эмигрантского сумасбродства».— С другой стороны, обстоятельства, при которых были написаны «Разоблачения», объясняют резкость нападок на невольных пособников общего врага. В моменты кризиса опрометчивость становится преступлением против партии, требующим публичного искупления.

8 января 1875 г. *т. 18, с. 550*

Труд

Общество никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда.

8 января 1875 г. *т. 18, с. 551—552*

Ф. Энгельс

ЗА ПОЛЬШУ [407]

Новая Польша, которую поставит на ноги революция, в общественном и политическом отношении будет столь же коренным образом отличаться от Польши 1772 г. [408], как новое общество, навстречу которому мы стремимся, от современного общества.

Национальные отношения

Еще несколько слов. Никто не может безнаказанно порабощать какой-либо народ. [...] Восстановление Польши постигнет в интересах революционной России [...]

Маркс сказал приблизительно следующее. Рабочая партия Европы решительнейшим образом заинтересована в освобождении Польши, и первая программа Международного Товарищества Рабочих говорит о восстановлении Польши, как об одной из целей рабочей политики *. Каковы причины этого особого сочувствия рабочей партии к судьбам Польши?

Прежде всего, разумеется, симпатия к порабощенному народу, который непрерывной героической борьбой против своих поработителей доказал свое исто-

* См. наст. т., с. 135. *Ред.*

рическое право на национальную независимость и самоопределение. Нет решительно никакого противоречия в том, что *интернациональная* рабочая партия добивается восстановления польской нации. Наоборот: лишь после того, как Польша вновь завоюет свою независимость, лишь тогда, когда она будет снова распоряжаться своей судьбой как самостоятельная нация,— лишь тогда для нее снова начнется процесс внутреннего развития и она сможет содействовать социальному преобразованию Европы как самостоятельная сила. Пока жизнеспособный народ скован чужеземным захватчиком, он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; и пока его внутренняя жизнь остается таким образом парализованной, он не в состоянии бороться за социальное освобождение. Ирландия, Россия под монгольским игом и т. д. дают этому положению яркие доказательства.

Пролетарский интернационализм

Другой причиной симпатии рабочей партии к возрождению Польши является особенность ее географического, военно-стратегического и исторического положения. Раздел Польши — вот та цепь, которая сковывает между собой три большие военные деспотии: Россию, Пруссию и Австрию. Лишь восстановление Польши может разорвать эту связь и тем самым смести величайшее препятствие, стоящее на пути к социальному освобождению европейских народов.

Но главная причина симпатии рабочей партии к Польше состоит в следующем: Польша — не только единственный славянский народ, но и единственный европейский народ, который сражался и сражается как всемирный солдат революции. Польша проливала свою кровь в американской войне за независимость [409]; ее легионы сражались под знаменем первой французской республики [410]; в 1830 г. она своей революцией предотвратила нашествие на Францию, которое решили тогда предпринять участники раздела Польши [411]; в 1846 г., в Кракове, Польша первой в Европе водрузила знамя социальной революции [412]; в 1848 г. ее сыны принимают выдающееся участие в революционных боях в Венгрии, Германии и Италии [413]; наконец, в 1871 г. она дает Парижской Коммуне лучших генералов [414] и самых героических солдат.

[...] *Польша имеет и может иметь в Европе лишь одного союзника — рабочую партию.— Да здравствует Польша!*

Между 23 января и 24 марта 1875 г. *т. 18, с. 554—556*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 18—28 МАРТА 1875 г. [415]

[...] Принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий.

т. 34, с. 100—101

[...] Программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь [129] в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше [416]. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования [417], после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой «государственной помощи»! Большего унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гёгга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование *в противовес социалистам*, в целях борьбы с ними!

Коллективное производство Уничтожение классовых различий

Но «государственная помощь» в лассалевском смысле есть в лучшем случае только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощными словами: «чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса»,— как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный* социальный *вопрос!* Если, стало быть, сказать: «германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели»,— то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

т. 34, с. 102—103

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в кото-

ром государство свободно по отношению к своим гражданам, то есть государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова. *«Народным государством»* анархисты кололи нам глаза более чем достаточно *, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается [sich auflöst] и исчезает [418]. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *«государство»* слово «община» [Gemeinwesen], прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна».

Государство

Государство и свобода

Диктатура пролетариата

Отмирание государства

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства»,— представление, которое как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Равенство
Уничтожение классовых различий

т. 34, с. 103—104

---

* Ср. наст. т., с. 363, 368. *Ред.*

Ф. Энгельс

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. V [419]

Уничтожение классовых различий
Предпосылки

Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия.

Предпосылки

Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Конец марта — середина апреля 1875 г. *т. 18, с. 537—538*

Перспективы революции

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости [154] стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается,— это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией.

Социальная революция

Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г-н Ткачев хочет сказать, что револю-

ция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм,— и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются пока еще не повсеместно и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю!

Конец марта — середина апреля 1875 г. — *т. 18, с. 540—541*

Итак, артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или даже славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть потребность: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в 40-х годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою стихийную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных обществ.

Конец марта — середина апреля 1875 г. — *т. 18, с. 542—543*

Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно [...], причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окон-

чательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода,— в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия. Таким образом, г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

Конец марта — середина апреля 1875 г. *т. 18, с. 545—546*

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать восстание, а там «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так.

Конец марта — середина апреля 1875 г. *т. 18, с. 546—547*

Перспективы революции

Россия, несомненно, находится накануне революции. [...] Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы хотя бы потому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта несомненно приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: удачная война против Турции или Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо же... преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства.

Конец марта — середина апреля 1875 г. *т. 18, с. 548*

К. Маркс

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ [420]

> 1. «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, *а так как* приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Первая часть параграфа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры».

Труд и природа как источники богатства

Труд *не есть источник* всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Приведенную выше фразу вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней *подразумевается*, что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но в социалистической программе не должны допускаться подобные буржуазные фразы, обходящие молчанием те *условия*, которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с ней как с принадлежащей ему вещью, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а следовательно, и богатства. У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

Но оставим уж эту фразу, как она есть, каковы бы ни были ее недостатки. Какого же заключения надо бы ожидать? Очевидно, следующего:

«Так как труд есть источник всякого богатства, то ни один член общества не может и присваивать себе богатство иначе, как присваивая продукт труда. Если же он сам не работает, то он живёт чужим трудом, и свою культуру он также приобретает за счет чужого труда».

Вместо этого при помощи словечек *«а так как»* к первому предложению пристегивается второе, что-

бы вывод сделать из этого второго предложения, а не из первого.

Вторая часть параграфа: «Приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества».

Согласно первому положению, труд являлся источником всякого богатства и всякой культуры, а следовательно, никакое общество не возможно без труда. Теперь же мы узнаем, наоборот, что никакой «приносящий пользу» труд не возможен без общества.

С таким же успехом можно было бы сказать, что только в обществе бесполезный или даже вредный для общества труд может стать отраслью промышленности, что только в обществе можно жить праздно и т. д. и т. д.,— короче, переписать всего Руссо.

А что такое «приносящий пользу» труд? Ведь это всего лишь такой труд, который достигает намеченного полезного результата. Дикарь (а человек — дикарь, после того как он перестал быть обезьяной), который убивает камнем зверя, собирает плоды и т. д., совершает «приносящий пользу» труд.

В-третьих. Заключение: «А так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Вот так заключение! Если приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит обществу, а на долю отдельного рабочего придется из этого дохода лишь то, что не требуется на содержание «условия» труда — общества.

И в самом деле, во все времена *защитники каждого данного общественного строя* выдвигали это положение. Прежде всего выступают притязания правительства и всего того, что к нему липнет,— ведь правительство является, мол, общественным органом для сохранения общественного порядка; затем следуют притязания различных видов частной собственности, так как различные виды частной собственности составляют, мол, основы общества, и так далее. Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и поворачивать как угодно.

Сколько-нибудь разумную связь первая и вторая части параграфа могут иметь лишь в следующей редакции:

Общественный труд

«Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», или, что то же самое, «в обществе и при посредстве общества».

Это положение бесспорно правильно, так как если обособленный труд (предполагается, что его веще-

ственные условия имеются налицо) и может создавать потребительные стоимости, то ни богатства, ни культуры он создать не может.

Но столь же бесспорно и другое положение:

Поляризация общества

«По мере того как происходит общественное развитие труда и таким образом труд становится источником богатства и культуры,— развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего».

Это — закон всей истории до настоящего времени. Следовательно, вместо общих фраз о «труде» и «обществе» нужно было ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными сокрушить это общественное проклятие и заставляют их это сделать.

Предпосылки и необходимость революции

Конец апреля — начало мая 1875 г. *т. 19, с. 13—15*

3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в достояние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».

«Возведение средств труда в достояние всего общества» (!) означает, по-видимому, их «превращение в достояние всего общества». Но это лишь мимоходом.

Что такое *«трудовой доход»?* Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое «справедливое» распределение?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?

Чтобы знать, что̀ в данном случае подразумевают под словами «справедливое» распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параг-

рафом. Последиий предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неурезанный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?

Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».

Распределение совокупного общественного продукта

Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется *совокупным общественным продуктом.*

Из него надо теперь вычесть:

Возмещение средств производства

Во-первых, то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.

Расширение производства

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

Резервный фонд

В-третьих, резервный или страховой фонд, используемый при несчастных случаях, стихийных бедствиях и так далее.

Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

Издержки управления

Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Совместное удовлетворение потребностей

Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.

Фонды для нетрудоспособных

Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограниченно только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества.

Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.

Общественная собственность на средства производства
Непосредственно общественный труд

В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

Первая фаза коммунистического общества

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему.

Распределение по труду

То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в

Индивидуальная собственность

собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует

Распределение по труду

тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Право

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Равенство и неравенство

Распределение по труду

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только

Отсутствие классовых различий

рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого,

право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

Первая фаза коммунистического общества

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

Высшая фаза коммунистического общества
Исчезновение старого разделения труда и противоположности умственного и физического труда
Труд, производительные силы
Всестороннее развитие человека
Распределение по потребностям

Я остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пустившее в ней корни, идеологическим правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.

Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение.

Распределение

Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предме-

Способ производства

Общественная собственность на средства производства

тов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?

Конец апреля — начало мая 1875 г. *т. 19, с. 16—21*

Уничтожение классовых различий Социальное равенство

[...] С уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое вытекающее из них социальное и политическое неравенство.

Конец апреля — начало мая 1875 г. *т. 19, с. 25*

«Чтобы *проложить путь к разрешению социального вопроса*, германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с *государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа.* Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии *должны быть вызваны к жизни* в таком объеме, чтобы *из них возникла социалистическая организация совокупного труда*».

Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» — целительное средство того же пророка. «Путь пролагается» ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном *вопросе*», к *«разрешению»* которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые *«вызываются к жизни» государством*, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассаля, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу![421]

Из-за остатка стыдливости «Государственную помощь» ставят... под демократический контроль «трудящегося народа». [...]

Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше *в противовес* французским социалистам и который был принят

реакционными рабочими из «Atelier»[416]. И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.

Коллективное производство в масштабах всего человеческого общества

Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. Что же касается теперешних кооперативных товариществ, то они ценны *лишь* постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии.

Конец апреля — начало мая 1875 г. *т. 19, с. 25—26*

Государство

Перехожу теперь к демократическому разделу:

А. *«Свободная основа государства».*

Прежде всего, согласно II разделу, германская рабочая партия добивается «свободного государства».

Свободное государство — что это такое?

Государство и свобода
Государство и общество

Сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время бóльшая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу,— обнаруживает, как неглубоко проникла она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как *«основу»* существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными *«духовными, нравственными, свободными основами».*

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе словами: *«современное государство»* и *«современное общество»*, а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Государственность коммунистического общества — общественные функции, аналогичные государственным функциям (функции управления)

Возникает вопрос: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Переходный период
Государство переходного периода
Необходимость революционной диктатуры пролетариата

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата.*

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Конец апреля — начало мая 1875 г. *т. 19, с. 26—27*

3. «Ограничение женского и запрещение детского труда».

Женский труд

Нормирование рабочего дня должно уже включать ограничение женского труда, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и прочее; помимо того, оно может означать лишь запрещение женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подразумевали именно это, то так и следовало сказать.

«Запрещение детского труда»! Здесь абсолютно необходимо было указать *предельный возраст*.

Детский труд

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием.

Проведение этой меры,— если бы оно было возможно,— было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

Соединение труда с обучением

Конец апреля — начало мая 1875 г. *т. 19, с. 31*

Ф. Энгельс

ВВЕДЕНИЕ К БРОШЮРЕ «О СОЦИАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В РОССИИ» [422]

Развитие событий в России имеет величайшее значение для немецкого рабочего класса. Существующая ныне Российская империя образует последний сильный оплот всей западноевропейской реакции. В 1848 и 1849 гг. это обнаружилось с полной ясностью. [...] Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока поблизости существует современное российское государство. Германия же — ближайший его сосед, на Германию, стало быть, обрушится первый натиск армий русской реакции. Падение русского царизма, уничтожение Российской империи является, стало быть, одним из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата.

Май 1875 г. *т. 18, с. 567*

К. Маркс

ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ ВО ВТОРОМ ИЗДАНИИ БРОШЮРЫ И. МОСТА «КАПИТАЛ И ТРУД» [423]

То положение, когда народом управляют, должно быть заменено самоуправлением народа.

Самоуправление народа

Начало августа 1875 г. *Вопросы истории КПСС, 1968, № 2, с. 80*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 12 ОКТЯБРЯ 1875 г.[424]

Вся программа в целом в высшей степени неряшлива, путанна, бессвязна, нелогична и позорна. Если бы в буржуазной прессе нашелся хоть один критически мыслящий человек, он разобрал бы эту программу фраза за фразой, исследовал бы действительное содержание каждой фразы, показал бы воочию ее бессмысленность, вскрыл бы все противоречия и экономические ошибки (например, утверждение, будто средства труда составляют ныне «монополию класса капиталистов», как будто на свете нет землевладельцев, или болтовня об «освобождении *труда*» вместо освобождения рабочего класса, тогда как труд в наше время как раз *слишком свободен!*) и выставил бы всю нашу партию в чудовищно смешном виде. Вместо этого ослы из буржуазных газет приняли эту программу совершенно всерьез, вычитали из нее то, чего в ней нет, и истолковали ее в коммунистическом смысле. Рабочие поступают, по-видимому, так же. *Только это обстоятельство* и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы. Пока наши противники, а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать.

т. 34, с. 127—128

Ф. Энгельс

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ[425]

Необходимость социалистической революции

[...] При капиталистическом способе производства, производство достигает такого высокого уровня, что общество не в состоянии уже потребить произведенных средств существования, наслаждения и развития, так как огромной массе производителей искусственно и насильственно закрывается доступ к этим средствам; в результате этого наступающий каждые десять лет кризис снова восстанавливает равновесие путем уничтожения не только произведенных средств существования, наслаждения и развития, но также и значительной части самих производительных сил; таким образом, так называемая борьба за существование принимает *такую* форму, при которой возникает необходимость *защитить* произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от губительного, разрушительного действия самого этого капиталистического общественного строя, отняв руководство общественным производством и распре-

делением у господствующего класса капиталистов, ставшего неспособным к этому, и передав его массе производителей,— а это и есть социалистическая революция.

Уже понимание истории как ряда классовых битв гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование.

Около 12 ноября 1875 г. *т. 20, с. 623*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВУ, 12—17 НОЯБРЯ 1875 г. [426]

Необходимость социалистической революции

[...] Если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, создает гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, потому что оно искусственно отстраняет огромную массу действительных производителей от потребления этих средств существования и развития; если собственный закон жизни этого общества вынуждает его к тому, чтобы постоянно расширять это и без того уже чрезмерно большое, для него, производство, и потому оно вынуждено периодически, каждые десять лет, уничтожать не только массу продуктов, но и сами производительные силы,— то какой же смысл имеет здесь еще болтовня о «борьбе за существование»? Борьба за существование может здесь заключаться еще только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который стал теперь неспособным к нему, а это именно и есть социалистическая революция.

т. 34, с. 137—138

Ф. Энгельс

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ [425]

В истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у ведущих народов. В подобные моменты у народа есть выбор только между двумя полюсами дилеммы: «или — или», и притом вопрос всегда ставится совсем не так, как этого желало бы политиканствующее филистерство всех времен. Даже либеральный немецкий филистер 1848 г. очутился внезапно и неожи-

дано в 1849 г. против своей воли перед вопросом: либо возвращение к старой реакции в еще более свирепой форме, либо продолжение революции до республики,— может быть, даже до единой и неделимой республики с социализмом на заднем плане. Он недолго раздумывал и приложил свою руку к созданию мантёйфелевской реакции как цвета немецкого либерализма [427]. Точно так же французский буржуа оказался в 1851 г. перед несомненно неожиданной для него дилеммой: либо карикатура на империю, преторианство и эксплуатация Франции шайкой прохвостов, либо социально-демократическая республика,— и он склонился перед шайкой прохвостов, чтобы можно было под ее охраной продолжать эксплуатировать рабочих [428].

Ноябрь 1875 г. *т. 20, с. 527*

Вместе с человеком мы вступаем в область *истории*. И животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но они являются пассивными объектами этой истории; а поскольку они сами принимают в ней участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно. И это не может быть иначе до тех пор, пока самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности,— производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей людей, т. е. в наше время общественное производство,— особенно подчинена слепой игре не входивших в их намерения воздействий неконтролируемых сил и пока желаемая цель осуществляется здесь лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются прямо противоположные ей результаты. В самых передовых промышленных странах мы укротили силы природы и поставили их на службу

человеку; благодаря этому мы безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же следствия этого роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет — огромный крах. Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор.

Сознание
Планомерное производство и распределение

Человек
Естествознание

Ноябрь 1875 — май 1876 г. *т. 20, с. 358—359*

[...] У нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время.

Ноябрь 1875 — май 1876 г. *т. 20, с. 363*

Ф. Энгельс

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К «АНТИ-ДЮРИНГУ» [429]

[Относительно «хозяйственной коммуны» Дюринга и господствующей в ней системы разделения труда, распределения, обмена и денежной системы Энгельс делает следующее замечание:]

Деньги

Следовательно, и *выплата вознаграждения* отдельному рабочему обществом.

Следовательно, и накопление сокровищ, ростовщичество, кредит и все последствия вплоть до денеж-

ных кризисов и недостатка денег. Деньги взрывают хозяйственную коммуну столь же неизбежно, как они в настоящий момент подготовили взрыв русской общины и как они взрывают семейную общину, раз при посредстве денег совершается обмен между отдельными членами.

Весна 1876 г. *т. 20, с. 651*

[Дюринговская формулировка «*естественного закона* разделения труда» гласит: «Расчленение профессий и разделение деятельностей повышает производительность труда». Энгельс делает следующее замечание:]

Уничтожение старого разделения труда

Эта формулировка ошибочна, так как она верна лишь для буржуазного производства, причем разделение специальностей уже и тут ограничивает развитие производства вследствие уродования и окостенения индивидов, в будущем же оно совершенно исчезнет. Уже здесь мы видим, что это разделение специальностей на *нынешний* лад представляется Дюрингу чем-то перманентным, имеющим силу и для *социалитета*.

Весна 1876 г. *т. 20, с. 654*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 28 МАЯ 1876 г. [430]

[...] В ней имеется целый раздел, в котором описывается будущее, или так называемое «свободное» общество, меньше всего с экономической стороны, и, между прочим, уже разработан учебный план для начальной и средней школы будущего. В ней, таким образом, преподносятся пошлости в еще более упрощенной форме, чем в его экономическом сочинении, и, беря обе книги вместе, можно разоблачить этого субъекта одновременно и с этой стороны. [...]

Главное, это — страстное желание Вильгельма * восполнить пробелы нашей теории, иметь ответ на всякое филистерское возражение и дать картину будущего общества, потому что ведь филистер задает им вопросы также и на этот счет [...]

т. 34, с. 14—15

Ф. Энгельс

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ [431]

Человек и природа

Животные, как уже было вскользь упомянуто, тоже изменяют своей деятельностью внешнюю природу,

* — Либкнехта. *Ред.*

хотя и не в такой степени, как человек, и эти совершаемые ими изменения окружающей их среды оказывают, как мы видели, обратное воздействие на их виновников, вызывая в них в свою очередь определенные изменения. Ведь в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление действует на другое, и наоборот; и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно даже самые простые вещи. [...] Но когда животные оказывают длительное воздействие на окружающую их природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным. А чем более люди отдаляются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее известных целей. [...]

Впрочем, само собой разумеется, что мы не думаем отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям. [...] Но все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это мог сделать только человек.

Коротко говоря, животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней. И это является последним существенным отличием человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду*.

Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на бо́льшую часть года оставят без воды

* Пометка на полях: «Облагорожение». *Ред.*

свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливать на равнину тем более бешеные потоки. Распространители картофеля в Европе не знали, что они одновременно с мучнистыми клубнями распространяют и золотуху. И так на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы,— что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять.

И мы, в самом деле, с каждым днем научаемся все более правильно понимать ее законы и познавать как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. Особенно со времени огромных успехов естествознания в нашем столетии мы становимся все более и более способными к тому, чтобы уметь учитывать также и более отдаленные естественные последствия по крайней мере наиболее обычных из наших действий в области производства и тем самым господствовать над ними. А чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой и тем невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве.

Но если уже потребовались тысячелетия для того, чтобы мы научились в известной мере учитывать заранее более отдаленные *естественные* последствия наших, направленных на производство, действий, то еще гораздо труднее давалась эта наука в отношении более отдаленных *общественных* последствий этих действий. Мы упомянули о картофеле и о сопровождавшей его распространение золотухе. Но что может значить золотуха в сравнении с теми последствиями, которые имело для жизненного положения народных масс целых стран сведение питания рабочего населения к одному только картофелю? Что значит золотуха в сравнении с тем голодом, который в 1847 г. постиг, в результате болезни картофеля, Ирландию и который свел в могилу миллион питающихся исключительно — или почти исключительно — картофелем ирландцев, а два миллиона заставил эмигрировать за океан! Когда арабы научились ди-

стиллировать алкоголь, им и в голову не приходило, что они этим создали одно из главных орудий, при помощи которого будут истреблены коренные жители тогда еще даже не открытой Америки. А когда Колумб потом открыл эту Америку, то он не знал, что он этим пробудил к новой жизни давно исчезнувший в Европе институт рабства и положил основание торговле неграми. Люди, которые в XVII и XVIII веках работали над созданием паровой машины, не подозревали, что они создают орудие, которое в большей мере, чем что-либо другое, будет революционизировать общественные отношения во всем мире и которое, особенно в Европе, путем концентрации богатств в руках меньшинства и пролетаризации огромного большинства, сначала доставит буржуазии социальное и политическое господство, а затем вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, борьбу, которая может закончиться только низвержением буржуазии и уничтожением всех классовых противоположностей.— Но и в этой области мы, путем долгого, часто жестокого опыта и путем сопоставления и анализа исторического материала, постепенно научаемся уяснять себе косвенные, более отдаленные общественные последствия нашей производственной деятельности, а тем самым мы получаем возможность подчинить нашему господству и регулированию также и эти последствия.

Уничтожение классовых противоположностей

Однако для того, чтобы осуществить это регулирование, требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе.

Необходимость революции

Все существовавшие до сих пор способы производства имели в виду только достижение ближайших, наиболее непосредственных полезных эффектов труда. Дальнейшие же последствия, появляющиеся только позднее и оказывающие действие благодаря постепенному повторению и накоплению, совершенно не принимались в расчет. Первоначальная общая собственность на землю соответствовала, с одной стороны, такому уровню развития людей, который вообще ограничивал их кругозор тем, что лежит наиболее близко, а с другой стороны, она предполагала наличие известного излишка свободных земель, который предоставлял известный простор для ослабления возможных дурных результатов этого примитивного хозяйства. Когда этот излишек свободных земель был исчерпан, пришла в упадок и общая собственность. А все следующие за ней более высокие формы производства приводили к разделению населения на различные классы и тем самым к проти-

воположности между господствующими и угнетенными классами. В результате этого интерес господствующего класса стал движущим фактором производства, поскольку последнее не ограничивалось задачей кое-как поддерживать жалкое существование угнетенных. Наиболее полно это проведено в господствующем ныне в Западной Европе капиталистическом способе производства. Отдельные, господствующие над производством и обменом капиталисты могут заботиться лишь о наиболее непосредственных полезных эффектах своих действий. Более того, даже сам этот полезный эффект — поскольку речь идет о полезности производимого или обмениваемого товара — совершенно отступает на задний план, и единственной движущей пружиной становится получение прибыли при продаже.

Общественная наука буржуазии, классическая политическая экономия, занимается преимущественно лишь теми общественными последствиями человеческих действий, направленных на производство и обмен, достижение которых непосредственно имеется в виду. Это вполне соответствует тому общественному строю, теоретическим выражением которого она является. Так как отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли, то во внимание могут приниматься в первую очередь лишь ближайшие, наиболее непосредственные результаты. Когда отдельный фабрикант или купец продает изготовленный или закупленный им товар с обычной прибылью, то это его вполне удовлетворяет, и он совершенно не интересуется тем, что̀ будет дальше с этим товаром и купившим его лицом. Точно так же обстоит дело и с естественными последствиями этих самых действий. Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на *одно* поколение очень доходных кофейных деревьев,— какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы! При теперешнем способе производства как в отношении естественных, так и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему; что гармония между спросом и предложением превращается в свою

поляриую противоположность, как это показывает ход каждого десятилетиего промышлеииого цикла и как в этом могла убедиться и Германия, пережившая иебольшую прелюдию такого превращеиия во время «краха» [432]; что осиовывающаяся иа собствеииом труде частиая собствеииость при своем дальиейшем развитии с иеобходимостью превращается в отсутствие собствеииости у трудящихся, между тем как все имущество все больше и больше коицеитрируется в руках иетрудящихся; что [...] *

Май — август 1876 г. *т. 20, с. 494—499*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. ЭНГЕЛЬСУ, 19 АВГУСТА 1876 г. [433]

Государство

[...] Лавров прислал мие толстый том о фуикциях «государства» в будущем [434]. Во всяком случае чтеиие я тоже откладываю иа будущее. Здесь теперь все в будущем после грома музыки будущего в Байрёйте [435].

т. 34, с. 22

Ф. Энгельс

ВИЛЬГЕЛЬМ ВОЛЬФ [436]

Так как Германия все еще по преимуществу земледельческая страиа, в которой масса иаселеиия кормится благодаря земледелию и живет в деревиях, то важиейшей, ио зато и труднейшей задачей рабочей партии является разъяснение сельским рабочим их интересов и их положения. Первый шаг для этого — изучить самим эти иитересы и положеиие сельских рабочих. Партийиые товарищи, которым обстоятельства позволяют это сделать, оказали бы большую услугу делу, если бы сравиили описаиие Вольфа с теперешиим положением вещей, учли бы происшедшие измеиеиия и описали теперешиее положеиие сельских рабочих. Наряду с иастоящим батраком ие следует упускать из виду также и мелкого крестьяиииа. Как обстоит дело с выкупом феодальиых повииностей после 1848 года? Надувают ли теперь крестьяиииа так же, как прежде? Эти и другие вопросы возиикают сами собой после прочтеиия «Силезского миллиарда», и, если серьезно взяться отвечать иа эти вопросы, публиковать собраиный материал в партийиом оргаие, то тем самым делу рабо-

* Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

чих будет оказана бо́льшая услуга, чем печатанием какого угодно количества статей о деталях организации будущего общества.

Июнь — ноябрь 1876 г. *т. 19, с. 89—90*

Ф. Энгельс

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К «АНТИ-ДЮРИНГУ» [429]

Дюрингиана.

Равенство. Исторический характер представлений о равенстве

Равенство — *справедливость*.— Представление о том, что равенство есть выражение справедливости, принцип совершенного политического и социального строя, возникло вполне исторически. В первобытных общинах равенства не существовало, или оно существовало лишь в весьма ограниченных размерах для полноправного члена отдельной общины и сочеталось с существованием рабства. То же и в античной демократии. Равенство всех людей — греков, римлян и варваров, свободных и рабов, уроженцев государства и иностранцев, граждан государства и тех, кто только пользовался его покровительством, и т. д.— представлялось античному человеку не только безумным, но и преступным, и было последовательно, что первые его начатки в христианстве подвергались преследованиям.— В христианстве впервые было выражено *отрицательное равенство перед богом всех людей как грешников* и в более узком смысле равенство тех и других детей божьих, искупленных благодатью и кровью Христа. Как та, так и другая концепция вытекала из роли христианства как религии рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных. С победой христианства этот момент отступил на задний план, наиболее важной стала прежде всего противоположность между верующими и язычниками, правоверными и еретиками.— Усиление городов и, вместе с тем, более или менее развитых элементов как буржуазии, так и пролетариата неизбежно должно было вновь вызвать постепенное пробуждение требования равенства как условия буржуазного существования, а с этим

Равенство политическое и социальное

было связано то, что пролетарии из политического равенства стали выводить равенство социальное. Впервые это было резко выражено — конечно, в религиозной форме — в Крестьянской войне [437].— Буржуазная сторона требования равенства была резко,— но еще в виде общечеловеческого требования,— сформулирована впервые у Руссо. Как и при всех требованиях буржуазии, пролетариат и в данном случае, как роковая тень, следует за буржуазией и

делает свои выводы (Бабёф). Эту связь между буржуазным равенством и пролетарскими выводами следует развить более подробно.

Итак, для выработки положения «равенство = справедливости» понадобилась почти вся предшествующая история, и сформулировать его удалось лишь тогда, когда уже существовали буржуазия и пролетариат. Но принцип равенства заключается в том, что не должно существовать никаких привилегий, следовательно он оказывается по сути дела *отрицательным*, он объявляет всю предшествующую историю негодной. Так как этот принцип лишен положительного содержания и так как он огульно отвергает все прошлое, он одинаково пригоден и для того, чтобы быть провозглашенным великой революцией 1789—1796 гг. [438], и для позднейших, фабрикующих системы плоских умов. Но выдавать положение «равенство = справедливости» за высший принцип и за последнюю истину нелепо. Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость — лишь в рамках противоположности к несправедливости; следовательно, над этими понятиями еще тяготеет противоположность по отношению к предшествующей истории, стало быть — само старое общество *.

Уже в силу этого обстоятельства понятия равенства и справедливости не могут выражать *вечную* справедливость и истину. Через несколько поколений общественного развития при коммунистическом строе и при умножившихся ресурсах люди должны будут дойти до того, что кичливые требования равенства и права будут казаться столь же смешными, как смешно, когда теперь кичатся дворянскими и тому подобными наследственными привилегиями. Противоположность как по отношению к старому неравенству и к старому положительному праву, так и по отношению к новому, переходному праву исчезнет из практической жизни; тому, кто будет настаивать, чтобы ему с педантической точностью была выдана причитающаяся ему равная и справедливая доля продуктов,— тому в насмешку выдадут двойную порцию. Даже Дюринг согласится с тем, что это можно «предвидеть», и где тогда окажется место для равенства и справедливости, как не в кладовой для исторических воспоминаний? Оттого, что теперь подобные фразы весьма пригодны для агитации, они отнюдь не становятся вечной истиной.

Исторически преходящий характер требований равенства и права

Переходное право

(Развить *содержание* равенства́.— Ограничение правовой стороной и т. д.)

* Пометка на полях: «Представление о равенстве вытекает из равенства всеобщего человеческого труда в товарном производстве. «Капитал», стр. 36» [439].

Впрочем, также и в настоящее время и для довольно еще долгого будущего абстрактная теория равенства является нелепостью. Ни один пролетарий-социалист или социалистический теоретик не захочет признать абстрактного равенства между собой и бушменом или обитателем Огненной Земли, или хотя бы даже *крестьянином*, или же полуфеодальным сельским поденщиком; а как только это будет преодолено хотя бы только в Европе, будет преодолена и абстрактная точка зрения равенства. При установлении рационального равенства само это равенство теряет всякое значение. Если теперь требуют равенства, то это происходит благодаря предвосхищению того умственного и нравственного *выравнивания*, которое само собой наступает, вместе с требуемым равенством, *при нынешних исторических отношениях*. Но *вечная* мораль должна была быть возможной во всякое время и *повсеместно*. Даже Дюринг не решается утверждать этого о равенстве; он, наоборот, допускает до поры до времени репрессию, признавая, следовательно, что равенство оказывается не вечной истиной, а историческим продуктом и отличительным признаком определенных исторических состояний.

Абстрактное равенство

Рациональное равенство

Умственное и нравственное выравнивание

Буржуазное равенство (уничтожение классовых *привилегий*) весьма отличается от пролетарского равенства (уничтожения самих классов). Требование равенства, идущее дальше этого пролетарского равенства, т. е. абстрактно понятое, становится нелепым. В конце концов и г-н Дюринг вынужден вновь протащить с черного хода насилие, вооруженное и административное, судебное и полицейское.

Уничтожение классов

Таким образом, *представление о равенстве само оказывается историческим продуктом*, для выработки которого необходима вся предшествующая история; представление это, следовательно, не существует испокон веков как вечная истина. Если же в настоящее время оно представляется большинству людей — en principe * — чем-то само собой разумеющимся, то это является результатом не его аксиоматического характера, а *распространения идей XVIII века*. Итак, если в настоящее время два пресловутых мужа становятся на точку зрения равенства, то это происходит оттого, что Дюринг представляет их себе как «образованных» людей XIX века и что это для них *«естественно»*. А как ведут и вели себя *действительные* люди, всегда зависит и всегда зависело от тех исторических условий, при которых они жили.

Лето — осень 1876 г. *т. 20, с. 636—639*

* — в принципе. *Ред.*

Сознание и условия жизни людей

Взгляд, согласно которому *будто бы идеями и представлениями людей созданы условия их жизни*, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Этот взгляд лишь в более или менее отдаленном будущем может стать соответствующим действительности, поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя (sit venia verbo *), вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли.

Лето — осень 1876 г. *т. 20, с. 639*

Общая собственность

...Все индогерманские народы начинают с *общей* собственности. Почти у всех народов она в ходе общественного развития отменяется, *отрицается*, вытесняется другими формами — частной собственностью, феодальной собственностью и т. д. Подвергнуть отрицанию это отрицание, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития — такова задача социальной революции. Или: античная философия первоначально представляла собой стихийный материализм. Из него возник идеализм, спиритуализм, отрицание материализма, сперва в виде противоположности между душой и телом, затем в учении о бессмертии и в монотеизме. Посредством христианства этот спиритуализм стал общераспространенным. Отрицание этого отрицания — воспроизведение старого на более высокой ступени, современный материализм, который, по отношению к прошлому, находит свое теоретическое завершение в научном социализме.

Лето — осень 1876 г. *т. 20, с. 640*

Партия Перспективы революции

При рассмотрении борьбы за существование и декламаций Дюринга против борьбы и оружия следует подчеркнуть, что революционной партии необходимо знать и борьбу: партии предстоит совершить революцию — возможно, в более или менее близком будущем. Но не против нынешнего военно-бюрократического государства,— что политически было бы столь же безумно, как попытка Бабёфа непосредственно перескочить от Директории к коммунизму, и даже еще безумнее, так как Директория все же была буржуазным и крестьянским правительством [440],— а против того буржуазного государства, которое

* — да будет позволено сказать так. *Ред.*

придет на смену нынешнему государству: партия может оказаться вынужденной, в защиту законов, установленных самой буржуазией, предпринять революционные шаги против буржуазного государства.

Армия

Поэтому-то всеобщая воинская повинность — в наших интересах, и она должна быть использована всеми для того, чтобы научиться борьбе; в особенности это относится к тем лицам, которым полученное образование позволяет проходить в течение года, в качестве вольноопределяющихся, военную подготовку, необходимую для того, чтобы стать офицером.

Лето — осень 1876 г. *т. 20, с. 644*

Насилие

Признается, что насилие играет и революционную роль, и именно во все имеющие решающее значение «критические» эпохи, как при переходе к социалитету, притом лишь в качестве вынужденной обороны от реакционных внешних врагов.

Лето — осень 1876 г. *т. 20, с. 644*

Современный социализм [441], хотя он по существу дела возник из наблюдения существующих в данном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, рабочими и эксплуататорами, но по своей теоретической форме он выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века,— ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей. Как всякая новая теория, современный социализм должен был исходить прежде всего из имеющегося идейного материала, хотя его корни лежали в материальных фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближающейся грандиозной революции, сами выступали крайне революционно. Для них не существовало никаких признанных авторитетов. Все: религия, понимание природы, государственный строй, общество — было подвергнуто самой беспощадной критике. Все должно было оправдать свое существование перед вершащим суд рассудком или отказаться от существования. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на *голову* [442], сначала в том смысле, что голова человека, открытые посредством мышления положения захотели также получить признание в качестве основы всех человеческих воззрений, действий и общественных отношений, а затем в том смысле, что, как только обнаружилось полное противоречие действительно-

сти этим положениям, все было фактически перевернуто вверх дном. Все прежние формы общества и государства, все традиционные воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу; мир до сих пор руководился глупыми предрассудками; теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что провозглашенная тогда вечная справедливость нашла соответствующее осуществление в буржуазной юстиции, что государство разума,— общественный договор Руссо [443],— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между дворянством, монархией и бюргерством существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, бедными тружениками и богатыми тунеядцами — именно это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступить в роли представителей страждущего человечества; также уже существовала, хотя и в неразвитой форме и не выдвинувшаяся на передний план, противоположность между рабочими и капиталистами. И это побуждало некоторые головы идти в их критике дальше: распространять требование равенства не только на равенство политических прав, но и социального положения, требовать уничтожения классовых различий. У Сен-Симона переплелись оба направления, у французских аскетических коммунистов господствующим было последнее из них, Оуэн же в стране наиболее развитого капиталистического производства и порожденных им противоположностей разработал последнее направление в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Социальное равенство

Уничтожение классовых различий

Эта противоположность с самого начала была свойственна буржуазному развитию. Т. Мюнцер, левеллеры [444], «Утопия» Т. Мора [445] и т. д.

Новое преобразование общества опять же должно основываться на вечных законах разума и справедливости, однако эти законы, как небо от земли, отличаются от подобных законов у буржуазных просветителей. Мир, построенный этими просветителями и сообразно их принципам, так же неразумен и несправедлив и поэтому так же был выброшен на свалку, как все прежние формы общества и государства. И то, что истинные разум и справедливость до сих

пор ие господствовали в мире, происходило потому, что оии просто ие были еще иадлежащим образом позиаиы. Не было просто того геииальиого человека, который теперь явился и позиал истииу и появлеиие которого ие есть иеобходимое, иеизбежиое событие, связаииое с человеческим развитием, а представляет собой просто счастливую случайиость. Этот геииальиый человек мог бы с таким же успехом родиться 500 лет тому иазад, и тогда ои избавил бы человечество от пяти веков страдаиий и заблуждеиий.

Это представлеиие глубоко характерио для всех аиглийских, фраицузских и первых иемецких социалистов, включая Вейтлиига. Социализм есть выражеиие абсолютиой истииы, разума и справедливости, и его иужио только открыть, чтобы покорить весь мир; а когда имеиио ои будет открыт, это уже дело чистого случая. При этом абсолютиый разум, истииа и справедливость различиы у каждого отдельиого основателя той или иной школы — сравии Оуэиа, Фурье, сеи-симоиистов, Луи Блаиа, Прудоиа, Пьера Леру, Вейтлиига; а так как критерием истииы и справедливости для каждого из иих является его субъективиый рассудок, объем позиаиий и степеиь развития мышлеиия, то ие может быть иного выхода, кроме сглаживаиия различий между иими. Чтобы превратить социализм в иауку, иеобходимо было поставить его иа реальиую почву, подвести под иего прочиую, иепоколебимую осиову. И это сделал Маркс. [...]

Тем времеием развитие капиталистического производства шло вперед семимильиыми шагами, особеиио иа его первоиачальиой родиие, в Аиглии. Аитагоиизм между буржуа и пролетариями стаиовился все более резким, чартистское движеиие достигло в 1842 г. своей высшей точки [446], факты все с большей иаглядиостью показывали лживость учеиий буржуазиой политической экоиомии. Во Фраиции лиоиское восстаиие 1834 г. [447] также провозгласило борьбу пролетариата против буржуазии. Аиглийские и фраицузские социалистические теории приобрели историческое зиачеиие и ие могли ие вызвать отзвук и критику также в Германии, хотя там производство едва лишь иачииало выходить из рамок мелкого хозяйства. Теоретический социализм, образовавшийся теперь ие столько в Германии, сколько среди иемцев, должеи был, следовательио, заимствовать весь свой материал... *

Лето — осень 1876 г. *Избр. соч., т. 5, с. 631—633, 635*

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Т. ОЛСОПУ, 17 ОКТЯБРЯ 1876 г. [448]

Перспективы революции

Вы обязаиы дожить хотя бы до первой победы того дела, радн которого действовалн и боролись на протяжеиии жизии целых двух поколений. А иа Востоке в иастоящее время иазревают события, которые должиы ускорить н могут вызвать крах старой политической и социальиой системы.

т. 50, с. 457

Ф. Энгельс

АНТИ-ДЮРИНГ [449]

Современный социализм по своему содержаиию является прежде всего результатом иаблюдеиия, с одной стороиы, господствующих в современиом обществе классовых протнвоположиостей между имущнми и иеимущнмн, иаемиыми рабочими н буржуа, а с другой — царящей в производстве аиархни. Но по своей теоретической форме ои выступает сиачала только как дальнейшее н как бы более последовательиое развитие прииципов, выдвииутых великнми фраицузскими просветителямн XVIII века. Как всякая иовая теория, современиый социализм должеи был исходить прежде всего из иакопленного до иего идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в экономических фактах.

Великие люди, которые во Фраиции просвещали головы для приближавшейся революции, самн выступали крайне революциоиио. Никаких виеших авторнтетов какого бы то ии было рода они ие призиавали. Религия, поиимаиие природы, общество, государствеииый строй — все было подвергнуто самой беспощадиой критике; все должио было предстать перед судом разума н либо оправдать свое существование, либо отказаться от иего. Мыслящий рассудок стал едииствеииым мерилом всего существующего. Это было время, когда, по выражеиию Гегеля, мир был поставлен иа голову [442], сиачала в том смысле, что человеческая голова и те положеиия, которые оиа открыла посредством своего мышлеиия, выступили с требоваиием, чтобы их признали осиовой всех человеческих действий и общественных отиошеиий, а затем и в том более широком смысле, что действительиость, противоречившая этим положеииям, была фактически переверцута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традициоииые представлеиия былн призиаиы неразумны-

ми и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, и отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума,— общественный договор Руссо [443],— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и бюргерством существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом бюргерство в борьбе с дворянством имело известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было направление Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, левеллеры [444] — во время великой английской революции, Бабёф — во время великой французской революции. Наряду с этими революционными вооруженными выступлениями еще не созревшего класса происходили соответствующие теоретические выступления; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя [450], а в

XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли) *. Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм был первой формой проявления нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных им противоположностей разработал свои предложения по устранению классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Социальное равенство

Уничтожение классовых различий

Общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума у просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были еще надлежащим образом познаны. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал истину. Что он теперь появился, что истина познана именно теперь,— это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а представляет собой просто счастливую случайность. Этот гениальный человек мог бы с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и тогда он избавил бы человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Этот способ понимания глубоко характерен для всех английских, французских и первых немецких социалистов, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как

* Перевод данной части абзаца уточнен. *Ред.*

абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления. Поэтому при столкновении подобных абсолютных истин разрешение конфликта возможно лишь путем сглаживания различий между ними *. Из этого не могло получиться ничего, кроме некоторого рода эклектического среднего социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии. Этот эклектический социализм представляет собой смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе,— смесь, которая допускает крайне разнообразные оттенки и которая получается тем легче, чем больше ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 16—19*

Но в то время как указанный переворот в воззрениях на природу мог совершаться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующий положительный материал для познания,— уже значительно раньше совершились исторические события, вызвавшие решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание [447]; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки [446]. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того, как там развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благоденствии народа как следствии свободной конкуренции. Невозможно уже было не счи-

* Перевод уточнен. *Ред.*

таться со всеми этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, хотя и крайне несовершенным, выражением. Но старое, еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов; производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры». Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся прежняя история была историей борьбы классов* [451], что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода. Тем самым идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

История как борьба классов

Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить * его, а следовательно, и справиться с ним,— он мог лишь просто объявить его никуда не годным. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства, так как прежняя критика направлялась больше на вредные последствия, чем на само капиталистическое производство. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неопла-

* Ср. наст. т., с. 187. *Ред.*

ченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и осуществляемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конечном счете и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капиталистическое производство и как производится капитал.

Два великих научных открытия Маркса и научный социализм

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 25—27*

Мораль

Если мы не сдвинулись с места уже в вопросе об истине и заблуждении, то еще хуже обстоит дело с добром и злом. Эта противоположность вращается исключительно в области морали, стало быть, в области, относящейся к истории человечества, а здесь окончательные истины в последней инстанции рассыпаны как раз наиболее редко. Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому.— Но, возразит кто-нибудь, добро все-таки не зло и зло не добро; если добро и зло валить в одну кучу, то исчезает всякая нравственность, и каждый может делать и поступать так, как ему уго́дно.— Таково именно мнение г-на Дюринга, если освободить это мнение от оракульского наряда. Но так просто вопрос все-таки не решается. Если бы это было действительно так просто, то ведь не было бы никаких споров о добре и зле, каждый знал бы, что̀ есть добро и что̀ есть зло. А между тем, как обстоит дело теперь? Какая мораль проповедуется нам в настоящее время? Прежде всего христианско-феодальная, унаследованная от прежних религиозных времен; она, в свою очередь, распадается в основном на католическую и протестантскую, причем здесь опять-таки нет недостатка в дальнейших подразделениях от иезуитско-католической и ортодоксально-протестантской до либерально-просветительской морали. Рядом с ними фигурирует современно-буржуазная мораль, а рядом с последней — пролетарская

Пролетарская мораль

мораль будущего; таким образом, в одних только передовых странах Европы прошедшее, настоящее и будущее выдвинули три большие группы одновременно и параллельно существующих теорий морали. Какая же из них является истинной? Ни одна, если прилагать мерку абсолютной окончательности; но, конечно, наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, обладает та мораль, которая в настоящем выступает за его ниспровержение, которая в настоящем представляет интересы будущего, следовательно — мораль пролетарская.

Но если, как мы видим, каждый из трех классов современного общества, феодальная аристократия, буржуазия и пролетариат, имеет свою особую мораль, то мы можем сделать отсюда лишь тот вывод, что люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен.

Но ведь в трех вышеуказанных теориях морали есть нечто общее им всем; быть может, оно-то и представляет, по крайней мере, частицу раз навсегда установленной морали? — Указанные теории морали выражают собой три различные ступени одного и того же исторического развития, значит, имеют общую историческую основу, и уже потому в них не может не быть много общего. Более того. Для одинаковых или приблизительно одинаковых ступеней экономического развития теории морали должны непременно более или менее совпадать. С того момента, как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: Не кради [452]. Становится ли от этого приведенная заповедь вечной моральной заповедью? Отнюдь нет. В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные,— какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: Не кради!

Исчезновение краж

Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продук-

том данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных. Не подлежит сомнению, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс. Но из рамок классовой морали мы еще не вышли.

Подлинно человеческая мораль

Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике. А теперь пусть оценят самомнение г-на Дюринга, который, находясь в гуще старого классового общества, претендует,

Бесклассовое общество

накануне социальной революции, навязать будущему, бесклассовому обществу вечную, не зависящую от времени и реальных изменений мораль! Так обстоит дело даже в том случае, если предположить, что г-н Дюринг понимает, хотя бы в общих чертах, структуру этого будущего общества,— а это нам пока еще не известно.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 94—96*

Здесь мы можем остановиться. Было бы излишним следовать еще далее за г-ном Дюрингом, наблюдая, как он сам разрушает по частям столь аксиоматически установленное им равенство, общечеловеческую суверенность и т. д.; как он, ухитрившись построить общество с помощью двух мужей, вынужден, однако, для конструирования государства привлечь еще третьего, ибо,— вкратце излагая дело,— без этого третьего не могут состояться никакие постановления большинства, а без таких постановлений — следовательно, также без господства большинства над меньшинством — не может существовать ни одно государство; как он затем постепенно сворачивает в более спокойный фарватер конструирования своего социалитарного государства будущего, где мы еще будем иметь честь навестить его в одно прекрасное утро. [...]

Равенство

Но если мы и покончили с плоской и несуразной дюринговской трактовкой представления о равенстве, то это еще не значит, что мы покончили с самим этим представлением, которое играло, в особенности благодаря Руссо, определенную теоретическую роль, а

во время великой революции * и после нее — практически-политическую роль и которое еще и теперь играет значительную агитационную роль в социалистическом движении почти всех стран. Выяснение научного содержания этого представления определит также и его ценность для пролетарской агитации.

Представление о том, что все люди как люди имеют между собой нечто общее и что они, насколько простирается это общее, также равны, само собой разумеется, очень старо. Но от этого представления совершенно отлично современное требование равенства. Это требование состоит, скорее, в том, что из того общего свойства людей, что они люди, из равенства людей как людей, оно выводит право на равное политическое и — соответственно — социальное значение всех людей или, по крайней мере, всех граждан данного государства или всех членов данного общества. Должны были пройти и действительно прошли целые тысячелетия, прежде чем из первоначального представления об относительном равенстве был сделан вывод о равноправии в государстве и обществе и этот вывод даже стал казаться чем-то естественным, само собой разумеющимся [453].

Уничтожение классов

[...] С того момента, когда буржуазия вылупляется из феодального бюргерства, превращаясь из средневекового сословия в современный класс, ее всегда и неизбежно сопровождает, как тень, пролетариат. Точно так же буржуазные требования равенства сопровождаются пролетарскими требованиями равенства. С того момента, как выдвигается буржуазное требование уничтожения классовых *привилегий*, рядом с ним выступает и пролетарское требование уничтожения *самих классов*, сначала — в религиозной форме, примыкая к первоначальному христианству, а потом — на основе самих буржуазных теорий равенства. Пролетарии ловят буржуазию на слове: равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере. И в особенности с тех пор, как французская буржуазия, начиная с великой революции, выдвинула на первый план гражданское равенство,— французский пролетариат немедленно вслед за этим ответил ей требованием социального, экономического равенства, и требование это стало боевым кличем, характерным как раз для французских рабочих.

Социальное равенство

* — Французской буржуазной революции XVIII в. *Ред.*

Требование равенства в устах пролетариата имеет, таким образом, двоякое значение. Либо оно является — и это бывает особенно в самые начальные моменты, например в Крестьянской войне,— стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и крепостными, обжорами и голодающими; в этой своей форме оно является просто выражением революционного инстинкта и в этом, только в этом, находит свое оправдание. Либо же пролетарское требование равенства возникает как реакция против буржуазного требования равенства, из которого оно выводит более или менее правильные, идущие дальше требования; оно служит тогда агитационным средством, чтобы поднять рабочих против капиталистов при помощи аргументов самих капиталистов, и в таком случае судьба этого требования неразрывно связана с судьбой самого буржуазного

Социальное равенство Уничтожение классов

равенства. В обоих случаях действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости. Мы уже привели примеры подобных нелепостей, и нам придется еще указать немалое число их, когда мы дойдем до фантазий г-на Дюринга относительно будущего.

Исторический характер представлений о равенстве

Таким образом, представление о равенстве, как в буржуазной, так и в пролетарской своей форме, само есть продукт исторического развития; для создания этого представления необходимы были определенные исторические условия, предполагающие, в свою очередь, долгую предшествующую историю. Такое представление о равенстве есть, следовательно, все что угодно, только не вечная истина. И если в настоящее время оно — в том или другом смысле — является для широкой публики чем-то само собой разумеющимся, или, по выражению Маркса, «уже приобрело прочность народного предрассудка» [454], то это — не результат аксиоматической истинности этого представления, а результат того, что идеи XVIII века получили всеобщее распространение и продолжают сохранять свое значение и для нашего времени.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 103—105, 108—109*

Свобода и необходимость

Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости [Einsicht in die Notwendingkeit]. *«Слепа»* * необходимость, лишь *поскольку она не понята* *» [455]. Не в воображаемой независимости

* Курсив Энгельса. *Ред.*

от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека,— два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой; в силу этого она по необходимости является * продуктом исторического развития. Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе. На пороге истории человечества стоит открытие превращения механического движения в теплоту: добывание огня трением; в конце протекшего до сих пор периода развития стоит открытие превращения теплоты в механическое движение: паровая машина.— И несмотря на гигантский освободительный переворот, который совершает в социальном мире паровая машина,— этот переворот еще не закончен и наполовину,— все же не подлежит сомнению, что добывание огня трением превосходит паровую машину по своему всемирно-историческому освободительному действию. Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства. Паровая машина никогда не будет в состоянии вызвать такой громадный скачок в **Предпосылки**
развитии человечества, хотя она и является для нас представительницей всех тех связанных с ней огромных производительных сил, при помощи которых только и становится возможным осуществить такое состояние общества, где не будет больше никаких

* Перевод уточнен. *Ред.*

Уничтожение классовых различий
Действительная свобода
Человек и природа

классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы. Но как молода еще вся история человечества и как смешно было бы приписывать нашим теперешним воззрениям какое-либо абсолютное значение,— это видно уже из того простого факта, что вся протекшая до сих пор история может быть охарактеризована как история промежутка времени от практического открытия превращения механического движения в теплоту до открытия превращения теплоты в механическое движение.

У г-на Дюринга история, конечно, трактуется иначе. В качестве истории заблуждений, невежества и грубости, насилия и порабощения она составляет в общем для философии действительности довольно отталкивающий предмет; в частности же она распадается на два больших отдела, а именно: 1) от равного самому себе состояния материи до французской революции и 2) от французской революции до г-на Дюринга. При этом

> XIX век остается «еще реакционным по своему существу, а в умственном отношении он даже более реакционен» (!), «чем XVIII век», хотя он носит уже в своем лоне социализм, а тем самым и «зародыш более грандиозного преобразования, чем то, которое придумали» (!) «предтечи и герои французской революции».

Презрение философии действительности ко всей прошлой истории оправдывается следующим образом:

> «Те немногие тысячелетия, для которых возможна, благодаря письменным памятникам, историческая ретроспекция, *не имеют большого значения* вместе с созданным ими доныне строем человечества, если подумать о ряде грядущих тысячелетий... Человеческий род как целое еще очень молод, и если когда-нибудь научная ретроспекция будет оперировать не тысячами, а десятками тысяч лет, то духовно незрелое, младенческое состояние наших учреждений будет иметь бесспорное значение само собой разумеющуюся предпосылку относительно нашего времени, расцениваемого тогда как седая древность».

Не останавливаясь на действительно «самобытном языковом строе» последней фразы, мы сделаем только два замечания. Во-первых, эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких

трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям. Во-вторых, по сравнению с этой седой древностью будущие исторические периоды, избавленные от этих трудностей и препятствий, обещают небывалый научный, технический и общественный прогресс; и было бы во всяком случае чрезвычайно странно — выбирать конец этой седой древности в качестве подходящего момента для того, чтобы делать наставления грядущим тысячелетиям, пользуясь окончательными истинами в последней инстанции, неизменными истинами и проникающими до корней концепциями, открытыми на основе духовно незрелого, младенческого состояния нашего столь «отсталого» и «ретроградного» века.

Научный, технический и общественный прогресс

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 116—118*

Самым поразительным, во всяком случае, является сообщение г-на Дюринга, будто с точки зрения Маркса «все, в конце концов, сводится к одному», так что, по Марксу, например, капиталисты и наемные рабочие, феодальный, капиталистический и социалистический способы производства «сводятся к одному» и, наконец, даже, пожалуй, Маркс и г-н Дюринг тоже «сводятся к одному». Чтобы объяснить возможность подобной явной глупости, приходится допустить, что уже одно слово «диалектика» приводит г-на Дюринга в такое состояние невменяемости, при котором для него, в соответствии с некиим путаным и превратным представлением, в конце концов, «все сводится к одному», что бы он ни говорил и что бы он ни делал.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 127*

«Этот исторический очерк» (генезис так называемого первоначального накопления капитала в Англии) «представляет собой еще сравнительно лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы не опирался, помимо научных, еще и на диалектические костыли. Гегелевское отрицание отрицания играет здесь — за неимением лучших и более ясных доводов — роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр прошедшего. Уничтожение индивидуальной собственности, совершившееся указанным образом с XVI века, представляет собой первое отрицание. За ним последует второе, которое характеризуется как отрицание отрицания и, следовательно, как восстановление «индивидуальной собственности», но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая «индивидуальная собственность» в то же время называется г-ном Марксом и «общественной собственностью», то в этом именно и сказывается гегелевское высшее единство, в котором противоречие снимается, т. е., по гегелевской игре слов, одновременно преодолевается и сохраняется... Экспроприация экспроприаторов является, таким образом, как бы автоматическим продуктом исторической действительности в ее материальных внешних условиях... Едва ли

хоть один разумный человек убедится в необходимости общего владения землей и капиталом на основании веры в гегелевские фокусы, вроде отрицания отрицания... Туманная уродливость представлений Маркса не может, впрочем, удивить того, кто знаком с тем, что можно сделать из такого научного материала, как гегелевская диалектика, или — лучше — какие нелепицы должны получиться из него. Для незнакомых с этими штуками скажу прямо, что первое отрицание играет у Гегеля роль заимствованного из катехизиса понятия грехопадения, а второе — роль высшего единства, ведущего к искуплению. На подобных сумасбродных аналогиях, заимствованных из области религии,— конечно, никак нельзя основать логику фактов... Г-н Маркс успокаивается на своей туманной идее об индивидуальной и в то же время общественной собственности и предоставляет своим адептам самим разрешить эту глубокомысленную диалектическую загадку».

Так говорит г-н Дюринг.

Необходимость революции
Общественная собственность на средства производства

Итак, Маркс не в состоянии доказать необходимость социальной революции, необходимость установления общей собственности на землю и на произведенные трудом средства производства, иначе как путем апелляции к гегелевскому отрицанию отрицания; основывая свою социалистическую теорию на таких, заимствованных у религии, сумасбродных аналогиях, он приходит к тому выводу, что в будущем обществе будет господствовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общественная, в качестве гегелевского высшего единства снятого противоречия.

Оставим пока в стороне отрицание отрицания и посмотрим на эту «собственность, в одно и то же время и индивидуальную и общественную». Г-н Дюринг называет это «туманом», и он,— как это ни удивительно,— действительно прав в этом отношении. Но к несчастью, находится в этом «тумане» совсем не Маркс, а опять-таки сам г-н Дюринг. Подобно тому как раньше он, благодаря своему искусству в пользовании гегелевским методом «бредового фантазирования», сумел без труда установить, что̀ должны содержать в себе еще не законченные тома «Капитала», так и здесь он без большого труда может поправлять Маркса по Гегелю, подсовывая ему какое-то высшее единство собственности, о котором Маркс не сказал ни слова.

У Маркса сказано: «Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает индивидуальную собственность, но на основе достижений капиталистической эры — на основе кооперации свободных работников и их общей собственности на землю и произведенные самим трудом средства производства. Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капитали-

стическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность» [456]. Вот и все. Таким образом, порядки, созданные экспроприацией экспроприаторов, характеризуются как восстановление индивидуальной собственности, но *на основе* общественной собственности на землю и произведенные самим трудом средства производства. Для всякого, кто понимает немецкий язык, это означает, что общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность — на остальные продукты, т. е. на предметы потребления. А чтобы дело было понятно даже шестилетним детям, Маркс на стр. 56 предполагает «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу», т. е. социалистически организованный союз, и говорит: «Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. *Она остается общественной.* Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. *Поэтому она должна быть распределена между ними»* *. А это должно быть достаточно ясно даже для запутавшейся в гегельянстве головы г-на Дюринга.

Общественная собственность на средства производства и индивидуальная собственность на предметы потребления

Распределение совокупного общественного продукта

Собственность, в одно и то же время и индивидуальная и общественная,— эта туманная уродливость, эта нелепица, получающаяся из гегелевской диалектики, эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка, которую Маркс предоставляет разрешить своим адептам,— опять-таки является продуктом свободного творчества и воображения г-на Дюринга. Маркс, выдаваемый г-ном Дюрингом за гегельянца, обязан в качестве результата отрицания отрицания дать некое настоящее высшее единство, а ввиду того что он это делает не так, как хотелось бы г-ну Дюрингу, последнему приходится снова впадать в возвышенный и благородный стиль и в интересах полной истины подсовывать Марксу такие вещи, которые представляют собой собственный фабрикат г-на Дюринга. Человек, абсолютно неспособный, хотя бы в виде исключения, цитировать правильно, должен, разумеется, впадать в нравственное негодование по поводу «китайской учености» других людей, которые всегда, без исключения, цитируют правильно, но именно этим «плохо

* См. наст. т., с. 178, 322. Курсив Энгельса. *Ред.*

прикрывают недостаточное понимание совокупности идей цитируемых в каждом данном случае писателей». Г-н Дюринг прав. Да здравствует историография в высоком стиле!

До сих пор мы исходили из предположения, что свойственное г-ну Дюрингу упорное неправильное цитирование происходит, по крайней мере, вполне добросовестно и зависит либо от его собственной полной неспособности правильно понимать вещи, либо же от присущей историографии в высоком стиле привычки цитировать на память,— привычки, которую обыкновенно принято называть неряшливостью. Но похоже на то, что мы подошли здесь к тому пункту, где и у г-на Дюринга количество переходит в качество. Ибо, если мы взвесим, во-первых, что это место у Маркса само по себе изложено совершенно ясно и к тому же дополняется еще другим, абсолютно не допускающим недоразумений местом в той же книге; во-вторых, что ни в вышеупомянутой критике «Капитала» в «Ergänzungsblätter»[457], ни в критике, помещенной в первом издании «Критической истории»[458], г-н Дюринг еще не открыл этого чудовища — «индивидуальной и в то же время общественной собственности», а открыл его только во втором издании своей книги[459], т. е. уже при *третьем* чтении «Капитала»; затем, что именно в этом втором, переработанном в социалистическом духе издании своей книги г-ну Дюрингу понадобилось приписать Марксу возможно больший вздор о будущей организации общества, чтобы иметь возможность, в противоположность этому, с тем бо́льшим торжеством преподнести, что он и делает, «хозяйственную коммуну, которую *я* охарактеризовал в своем «Курсе» экономически и юридически»,— если мы взвесим все это, то напрашивается вывод, принять который нас почти вынуждает г-н Дюринг,— что он в этом случае с умыслом «благотворно расширил» мысль Маркса, т. е. благотворно для самого г-на Дюринга.

Какую же роль играет у Маркса отрицание отрицания? На странице 791 и следующих Маркс резюмирует конечные результаты изложенного на предыдущих 50 страницах экономического и исторического исследования о так называемом первоначальном накоплении капитала[460]. До капиталистической эры существовало, по крайней мере в Англии, мелкое производство на основе частной собственности работника на его средства производства. Так называемое первоначальное накопление капитала состояло здесь в экспроприации этих непосредственных производителей, т. е. в уничтожении частной собственности, основанной на собственном труде. Это уничтожение сделалось возможным потому, что упомянутое мел-

кое производство совместимо только с узкими, примитивиыми рамками производства и общества, и иа нзвестиой ступеии развитня оио само создает материальиые средства для своего уиичтожеиия. Это уиичтожеиие, превращение иидивидуальиых и раздроблеииых средств производства в общественио-коицеитрироваииые, образует предысторию капитала. Как только работиики были превращены в пролетариев, а их условия труда в капитал, как только капиталистический способ производства стал иа собствеииые иоги,— дальиейшее обобществление труда и дальиейшее превращение земли и других средств производства в капитал, а следовательио и дальиейшая экспроприация частиых собствеиииков приобретают иовую форму. «Теперь экспроприации подлежит уже ие работиик, сам ведущий самостоятельиое хозяйство, а капнталист, эксплуатирующий миогих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманеитных закоиов самого капиталистического производства, путем коицеитрации капиталов. Одии капиталист побивает миогих капиталистов. Рука об руку с этой коицеитрацией, или экспроприацией миогих капиталистов иемиогими, развивается кооперативиая форма процесса труда в постояиио растущих размерах, развивается сознательное технологическое применение иаукн, плаиомерная коллективная эксплуатация земли, превращеиие средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективиое употреблеиие,и экономия всех средств производства путем примеиения нх как коллективиых средств производства комбииированного общественного труда. Вместе с постояиио уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпнруют и моиополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса иищеты, угнетеиия, рабства, деградации, эксплуатацин, ио вместе с тем растет и возмущеиие рабочего класса, который постояиио увеличивается по своей численности, который обучается, объедиияется и органнзуется механизмом самого процесса капиталистнческого производства. Капитал стаиовится оковами того способа производства, который вырос при ием и под иим. Коицеитрация средств прнозводства и обобществление труда достигают такого пуикта, когда оии становятся иесовместимыми с их капиталистической оболочкой. Оиа взрывается. Бьет час капнталистической частиой собствеиности. Экспроприаторов экспроприируют» [461].

Общественные производительные силы

Экспроприация экспроприаторов

А теперь я спрашиваю чнтателя, где диалектически-витиеватые хитросплетеиия и арабескн мысли, где путаиое и превратиое представлеиие, в соответствии с которым все, в коице коицов, сводится к од-

ному, где диалектические чудеса для правоверных, где диалектический таинственный хлам и построения по правилам гегелевского учения о логосе хитросплетения, без которых Маркс, по уверению г-на Дюринга, не может построить свое изложение? Маркс просто доказывает исторически и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием с необходимостью породило условия своего уничтожения, т. е. условия экспроприации мелких собственников, так и теперь капиталистическое производство само породило те материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Процесс этот есть исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы это ни было неприятно г-ну Дюрингу.

Предпосылки

Только теперь, покончив со своим историко-экономическим доказательством, Маркс продолжает: «Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественного процесса. Это — отрицание отрицания» и т. д. (как цитировано выше) [456].

Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть доказательство его исторической необходимости. Напротив: после того как он доказал исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти еще должен совершиться, только после этого Маркс характеризует его к тому же как такой процесс, который происходит по определенному диалектическому закону. Вот и все. Таким образом, это — опять-таки чистейшая передержка г-на Дюринга, когда он утверждает, что отрицание отрицания играет здесь роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр прошедшего, или что Маркс требует, чтобы люди убеждались в необходимости общего владения землей и капиталом (а последнее уже само по себе представляет собой дюринговское «противоречие в телесной форме») на основании веры в закон отрицания отрицания.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. *т. 20, с. 133—138*

Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе

развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на более высокой ступени развития земледелия, достигаемой благодаря самой же частной собственности на землю, частная собственность, наоборот, становится оковами для производства, как это наблюдается теперь и в мелком и в крупном землевладении. Отсюда с необходимостью возникает требование — подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность. Но это требование означает не восстановление первобытной общей собственности, а установление гораздо более высокой, более развитой формы общего владения, которая не только не станет помехой для производства, а, напротив, впервые освободит последнее от стесняющих его оков и даст ему возможность полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Уничтожение частной собственности на землю

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. т. 20, с. 142

Мы покончили с философией; те фантазии о будущем, которые, кроме того, еще имеются в «Курсе», займут наше внимание при рассмотрении переворота, произведенного г-ном Дюрингом в области социализма.

Сентябрь 1876 — январь 1877 г. т. 20, с. 147

Ф. Энгельс

ПИСЬМО И. ПАУЛИ, 14 ФЕВРАЛЯ 1877 г. [462]

Когда мы придем к власти, надо будет, чтобы женщины не только выбирали, но и были избираемы и произносили речи [...]

Диктатура пролетариата Женщины Выборы

т 34, с. 196

Ф. Энгельс

АНГЛИЙСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ХОТЯТ УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ, ПРОИСХОДЯЩЕЙ В ИХ СТРАНЕ [463]

[...] Пока дело будет обстоять так, пока трудящиеся будут иметь возможность с некоторой выгодой для себя лавировать между буржуа и аристократами, в Англии наверняка не будет бурных общественных потрясений социалистического характера, какие бывают в других странах, где господствующие классы образуют перед лицом трудящихся лишь

компактиую и непримиримо враждебиую реакционную массу. Но в тот день, когда трудящиеся классы не смогут больше извлекать никакой выгоды из соперничества интересов земельиой аристократии и промышленной буржуазии, потому что это соперничество перестанет существовать,— в тот день начнется также и в Англии действительно революциоииый период.

[...] Социальное движение в Англии — это движение медленное, эволюционистское, а не революционное, но, тем ие менее, это движение вперед.

5 июня 1877 г. *т. 45, с. 128, 129*

Ф. Энгельс

АНГЛИЙСКИЙ СОЮЗ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ И КОЛЛЕКТИВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДЕРЕВНЕ [464]

Я заметил, что мое последнее письмо [465] было неполным, поэтому считаю своим долгом иаписать вам данное письмо.

В том своем письме я рассказывал вам о Союзе сельскохозяйственных рабочих, осиованном 6 лет тому назад гражданином Арчем, который теперь широко известен в Англии благодаря этой своей инициативе и особенностям своего ораторского искусства: подлинный трибун, несколько резкий, но в этой резкости чувствуется сила.

Он начал свою пропаганду с вопроса о заработной плате. [...] Была сделана попытка поставить вопрос об экспроприации земли в пользу государства, как уже раньше предлагал знамеиитый экоиомист Стюарт Милль. Были подняты также вопросы о всеобщем избирательном праве и народном образовании. Обратите, однако, внимание на одно весьма зиаменательное обстоятельство: движеиие в пользу коллективной собственности было почти исключительно делом тех, кто откололся от гражданина Арча, который неизменно предпочитал вопросы, ие затрагивающие святыни индивидуальной собственности на землю, и, видя рост коллективистского движения, стал даже склоняться к проповеди своего рода примирения между крестьянами и их эксплуататорами; одним словом, перед лицом революциоииой идеи коллективизма он почувствовал себя коисерватором: всю свою кампанию он ограничил только выпадами против высшей аристократии. [...] Была признана необходимость проведения крупных мелиоративных

работ в сельском хозяйстве и выражено пожелание, чтобы вся пригодная для обработки земля была в законодательном порядке передана в руки представительного органа, на условиях уплаты выкупа собственникам; разумеется, эта экспроприация должна быть проведена так, чтобы это соответствовало интересам трудящегося народа, то есть тех, кто только и может обеспечить расцвет сельского хозяйства в будущем.

14 июня 1877 г. *т. 45, с. 130—131*

Ф. Энгельс

КАРЛ МАРКС [466]

Два великих открытия Маркса

Из многих важных открытий, которыми Маркс вписал свое имя в историю науки, мы можем остановиться здесь только на двух.

Первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории. В основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и каковы движущие причины политических перемен — об этом не задумывались. Лишь в новейшей школе французских, а отчасти и английских историков [467] возникло убеждение, что движущей силой европейской истории, по крайней мере со времени средних веков, была борьба развивающейся буржуазии против феодального дворянства за общественное и политическое господство. Маркс же доказал, что вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе речь шла всегда именно об общественном и политическом господстве тех или иных классов общества, о сохранении господства со стороны старых классов, о достижении господства со стороны поднимающихся новых. Но вследствие чего возникают и существуют эти классы? Вследствие имеющихся всякий раз налицо материальных, чисто физически ощущаемых условий, при которых общество в каждую данную эпоху производит и обменивает необходимые средства существования. [...] С этой точки зрения — конечно, при достаточном знакомстве с экономическим положением общества на соответствующем этапе (а этого совершенно нет у наших историков специалистов) — все исторические явления объясняются простейшим

История как борьба классов

образом, и точно так же представления и идеи каждого данного исторического периода объясняются в высшей степени просто экономическими условиями жизни и обусловленными ими общественными и политическими отношениями этого периода. История впервые была поставлена на свою действительную основу; за тем явным, но до сих пор совершенно упускавшимся из виду фактом, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище, одеваться и что, следовательно, они должны *трудиться*, прежде чем они могут бороться за господство, заниматься политикой, религией, философией и т. д., за этим очевидным фактом были теперь, наконец, признаны его исторические права.

Для социалистического мировоззрения это новое понимание истории было в высшей степени важно. Оно доказало, что вся история и поныне идет путем антагонизма и борьбы классов, что всегда существовали господствующие и подчиненные. эксплуатирующие и эксплуатируемые классы и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что на всех предыдущих ступенях развития человечества производство было до того мало развито, что историческое развитие могло совершаться лишь в этой антагонистической форме, что исторический прогресс в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромная масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированных. Но это же понимание истории, естественно и разумно объясняющее существовавшее до сих пор классовое господство, которое иначе можно объяснить только злой волей людей, приводит также к убеждению, что вследствие колоссального развития в настоящее время производительных сил исчезает, по крайней мере в наиболее передовых странах, последнее основание для деления людей на господствующих и подчиненных, эксплуатирующих и эксплуатируемых; что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою историческую роль, что она не только не способна более руководить обществом, но даже превратилась в тормоз для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы — особенно последний грандиозный крах [432] — и угнетенное состояние промышленности во всех странах; что историческое руководство перешло теперь к пролетариату — к классу, который по всем условиям своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранит всякое классовое гос-

Предпосылки Производительные силы

Пролетариат

подство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще; что общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся пролетариат ими овладел и установил такой строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах.

Участие в производстве и управлении

Удовлетворение разумных потребностей

Второе важное открытие Маркса состоит в окончательном выяснении отношения между капиталом и трудом, другими словами, в раскрытии того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом. С тех пор как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стоимости, неизбежно возник вопрос: как же это возможно совместить с тем, что наемный рабочий получает не все произведенное его трудом количество стоимости, а должен часть ее отдавать капиталисту? Тщетно пытались и буржуазные экономисты и социалисты дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, пока наконец не выступил Маркс со своим решением. Это решение заключается в следующем. Современный капиталистический способ производства предполагает существование двух общественных классов: с одной стороны, капиталистов, обладающих средствами производства и жизненными средствами, с другой — пролетариев, лишенных и того и другого и обладающих лишь одним товаром для продажи: своей рабочей силой; а продавать свою рабочую силу они вынуждены, чтобы получать необходимые жизненные средства. Но стоимость товара определяется количеством общественно необходимого труда, овеществленного в его производстве, а стало быть, и воспроизводстве; следовательно, стоимость рабочей силы среднего человека в течение дня, месяца, года определяется количеством труда, овеществленного в массе жизненных средств, необходимых для поддержания этой рабочей силы в течение дня, месяца, года. [...] На службе у капиталиста рабочий не только воспроизводит стоимость своей оплаченной капиталистом рабочей силы, но сверх того производит еще *прибавочную стоимость*, которая сначала присваивается капиталистом, а в дальнейшем по определенным эко-

номическим законам распределяется среди всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникает земельная рента, прибыль, накопление капитала,— словом, все те богатства, которые потребляются или накопляются нетрудящимися классами. Тем самым, однако, было доказано, что обогащение современных капиталистов не в меньшей степени, чем это было у рабовладельцев или эксплуатировавших крепостной труд феодалов, происходит посредством присвоения чужого неоплаченного труда и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь тем способом, каким этот неоплаченный труд присваивается. Но тем самым у имущих классов было выбито последнее основание для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством.

На этих двух важных основаниях зиждется современный научный социализм.

Середина июня 1877 г. *т. 19, с. 111—115*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО В. ЛИБКНЕХТУ, 2 ИЮЛЯ 1877 г.[468]

[...] Для развития Франции чрезвычайно важно, что нынешняя передышка до следующего подъема рабочего движения проходит в условиях буржуазной республики, [...] что, наконец, прекращается потерявший для Франции всякий смысл спор о *форме государства*, и республика предстает как то, что она есть: как классическая форма господства буржуазии и в то же время классическая форма его наступающего разложения.

т. 34, с. 218

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 19 ИЮЛЯ 1877 г.[469]

Прилагаю последнее письмо от Вильгельма *. [...] Его требование дать статью о войне я отклонил, мотивировав свой отказ тем, что не желаю оспаривать

* — В. Либкнехта. *Ред.*

место в «Vorwärts» у господ социалистов будущего и давать снова повод кричать о том, будто я заполняю газету отвлеченными вещами, не интересующими массу читателей [470], которые, по-видимому, желают фантазий вместо фактов. [...] В противовес более развитому буржуазному уму в Германии развивается новый немецкий вульгарный социализм, который достойно может занять место рядом со старым «истинным социализмом» 1845 года [471].

т. 34, с. 42

Ф. Энгельс

АНТИ-ДЮРИНГ [472]

Политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе. [...]

От способа производства и обмена исторически определенного общества и от исторических предпосылок этого общества зависит и способ распределения продуктов. [...]

Но вместе с различиями в распределении возникают и *классовые различия*. Общество разделяется на классы — привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные, а государство, к которому стихийно сложившиеся группы одноплеменных общин в результате своего развития пришли сначала только в целях удовлетворения своих общих интересов (например, на Востоке — орошение) и для защиты от внешних врагов, отныне получает в такой же мере и назначение — посредством насилия охранять условия существования и господства правящего класса против класса угнетенного.

Однако распределение не является всего лишь пассивным результатом производства и обмена; оно, в свою очередь, оказывает обратное влияние на производство и обмен. Каждый новый способ производства или новая форма обмена тормозится вначале не только старыми формами производства и обмена и соответствующими им политическими учреждениями, но и старым способом распределения. Новому способу производства и новой форме обмена приходится путем долгой борьбы завоевывать себе соответствующее распределение. Но чем подвижнее данный способ производства и обмена, чем больше он способен к совершенствованию и развитию, тем скорее и распределение достигает такой ступени, на которой оно перерастает породивший его способ про-

изводства и обмена и вступает с ним в столкновение. Древние первобытные общины, о которых уже шла речь, могут существовать на протяжении тысячелетий, как это наблюдается еще и теперь у индусов и славян, пока общение с внешним миром не породит внутри этих общин имущественные различия, вследствие которых наступает их разложение.

Противоречия капитализма

Напротив, современное капиталистическое производство, существующее едва триста лет и ставшее господствующим только со времени появления крупной промышленности, т. е. всего лишь сто лет тому назад, успело породить в течение этого короткого срока такие противоположности в распределении — с одной стороны, концентрацию капиталов в немногих руках, а с другой, концентрацию неимущих масс в больших городах,— такие противоположности в распределении, от которых оно неизбежно погибнет.

Связь между исторически данным распределением и исторически данными материальными условиями существования того или иного общества настолько коренится в природе вещей, что она постоянно находит свое отражение в народном инстинкте. Пока тот или иной способ производства находится на восходящей линии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения. Так было с английскими рабочими в период возникновения крупной промышленности. Более того: пока этот способ производства остается еще общественно-нормальным, до тех пор господствует, в общем, довольство распределением, и если протесты и раздаются в это время, то они исходят из среды самого господствующего класса (Сен-Симон, Фурье, Оуэн) и как раз в эксплуатируемых массах не встречают никакого отклика. Лишь когда данный способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, когда он наполовину изжил себя, когда условия его существования в значительной мере исчезли и его преемник уже стучится в дверь,— лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым, лишь тогда люди начинают апеллировать от изживших себя фактов к так называемой вечной справедливости. Эта апелляция к морали и праву в научном отношении нисколько не подвигает нас вперед; в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом.

Предпосылки

Ее задача состоит, напротив, в том, чтобы установить, что начинающие обнаруживаться пороки общественного строя представляют собой необходимое следствие существующего способа производства, но в то же время также

и признак наступающего разложения его, и чтобы внутри разлагающейся экономической формы движения открыть элементы будущей, новой организации производства и обмена, устраняющей эти пороки. Гнев, создающий поэтов [473], вполне уместен как при изображении этих пороков, так и в борьбе против проповедников гармонии, которые в своем прислужничестве господствующему классу отрицают или прикрашивают эти пороки; но как мало этот гнев может иметь значения в качестве *доказательства* для каждого данного случая, это ясно уже из того, что для гнева было достаточно материала в *каждую* эпоху всей предшествующей истории.

Однако политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов,— политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана. То, что дает нам до сих пор экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинает с критики пережитков феодальных форм производства и обмена, доказывает необходимость их замены капиталистическими формами, развивает затем законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т. е. поскольку они идут на пользу общим целям общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т. е. изображением его законов с отрицательной стороны, доказательством того, что этот способ производства, в силу своего собственного развития, быстро приближается к той точке, где он сам себя делает невозможным. Эта критика доказывает, что капиталистические формы производства и обмена все более и более становятся невыносимыми оковами для самого производства, что способ распределения, с необходимостью обусловленный этими формами, создал такое положение классов, которое становится с каждым днем все более невыносимым, создал обостряющийся с каждым днем антагонизм между все более уменьшающимися в своей численности, но все более богатеющими капиталистами и все более многочисленными неимущими наемными рабочими, положение которых становится, в общем, все хуже и хуже. Наконец, эта критика доказывает, что созданные в пределах капиталистического способа производства массовые производительные силы, которые он уже не в состоянии обуздать, только и ждут того, что их возьмет в свое владение органи-

Обобществление производительных сил

Планомерное производство
Свободное развитие всех членов общества

зованное для совместной планомерной работы общество, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере.

Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной экономики, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах. Такое исследование и сравнение было в общем и целом предпринято пока только Марксом, и почти исключительно его работам мы обязаны поэтому всем тем, что установлено до сих пор в области теоретического исследования добуржуазной экономики.

Июнь — август 1877 г. *т. 20, с. 150—154*

Если бы наша уверенность относительно надвигающегося переворота в современном способе распределения продуктов труда, с его вопиющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и обжорства, опиралась только на сознание того, что этот способ распределения несправедлив и что справедливость должна же, наконец, когда-нибудь восторжествовать, то наше положение было бы незавидно, и нам пришлось бы долго ждать. Средневековые мистики, мечтавшие о близком наступлении тысячелетнего царства [474], сознавали уже несправедливость классовых противоположностей. На пороге новой истории, 350 лет тому назад, Томас Мюнцер провозгласил это убеждение во всеуслышание. Во время английской, во время французской буржуазных революций раздается тот же клич и... отзвучав, замирает. Чем же объясняется, что тот самый призыв к уничтожению классовых противоположностей и классовых различий, к которому до 1830 г. трудящиеся и страждущие массы оставались равнодушны, находит теперь отклик у миллионов; что он завоевывает одну страну за другой, притом в той самой последовательности, в которой в отдельных странах развивается крупная промышленность, и с той самой интенсивностью, с которой происходит это развитие; что за одно поколение он приобрел такую силу, которая может бросить вызов всем объединившимся против него силам и быть уверенной в своей победе в близком будущем? Объясняется это тем, что современная крупная промышленность создала, с одной стороны, пролетариат, класс, который впервые в истории может выставить требование уничтожения не той или иной особой классовой организации, не той или иной особой классовой привилегии, а уничтоже-

Уничтожение классовых противоположностей и различий

Предпосылки

ния классов вообще; класс, который поставлен в такое положение, что он должен провести это требование под угрозой опуститься, в противном случае, до положения китайских кули. А с другой стороны, та же крупная промышленность создала в лице буржуазии класс, который владеет монополией на все орудия производства и жизненные средства, но который в каждый период спекулятивной горячки и следующего за ним краха доказывает, что он стал неспособен к дальнейшему господству над производительными силами, переросшими его власть,— класс, под руководством которого общество мчится навстречу гибели, как локомотив, у которого машинист не имеет сил открыть захлопнувшийся предохранительный клапан. Иначе говоря, все это объясняется тем, что как производительные силы, порожденные современным капиталистическим способом производства, так и созданная им система распределения благ, пришли в вопиющее противоречие с самим этим способом производства, и притом в такой степени, что должен произойти переворот в способе производства и распределения, устраняющий все классовые различия, чтобы все современное общество не оказалось обреченным на гибель. На этом осязательном, материальном факте, который в более или менее ясной форме с непреодолимой необходимостью проникает в сознание эксплуатируемых пролетариев,— на этом факте, а не на представлениях того или другого мудрствующего домоседа о праве и бесправии, основана уверенность современного социализма в победе.

Противоречия капитализма

Переворот в способе производства и распределения
Уничтожение классовых различий

Июнь — август 1877 г. *т. 20, с. 160—161*

[...] Буржуазия уже недалека теперь от того положения, которое дворянство занимало в 1789 году: она становится не только все более и более социально-излишней, но и прямой социальной помехой, она все более и более отходит от производственной деятельности и — как в свое время дворянство — все более и более становится классом, только получающим доходы. И этот переворот в своем собственном положении, как и создание нового класса, пролетариата, буржуазия осуществила без какого-либо насильственного фокуса, чисто экономическим путем. Более того, буржуазия отнюдь не желала такого результата своей собственной деятельности, напротив: результат этот проложил себе путь с непреодолимой силой, против воли буржуазии и вопреки ее намерениям; ее собственные производительные силы переросли ее руководство и как бы с присущей природе необходимостью гонят все буржуазное общество навстречу — либо гибели, либо перевороту. И если буржуа апеллируют теперь к насилию, чтобы охранить

от крушения разваливающееся «хозяйственное положение», то они лишь доказывают этим, что находятся во власти того же заблуждения, что и г-н Дюринг, будто «политический строй является решающей причиной хозяйственного положения». Точь-в-точь как г-н Дюринг, они воображают, что при помощи «первичного фактора», «непосредственного политического насилия», они могут переделать эти «факты второго порядка», т. е. хозяйственное положение и его неотвратимое развитие; что они могут, следовательно, выстрелами из крупповских пушек и маузеровских ружей стереть с лица земли экономические результаты паровой машины и всех приводимых ею в движение современных машин, стереть с лица земли результаты мировой торговли и развития современных банков и кредита.

Июнь — август 1877 г. *т. 20, с. 169*

Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее. Но этот милитаризм таит в себе зародыш собственной гибели. Соперничество между отдельными государствами принуждает их, с одной стороны, с каждым годом затрачивать все больше денег на армию, флот, пушки и т. д., следовательно — все более приближать финансовую катастрофу; с другой стороны, оно заставляет их все более и более всерьез применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием, так что народ становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса — деревенские и городские рабочие, а также крестьяне — *будет иметь* свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить, и милитаризм погибает в силу диалектики своего собственного развития. То, что оказалось не по силам буржуазной демократии 1848 г., как раз потому, что она была *буржуазной*, а не пролетарской,— а именно, дать трудящимся массам такую волю, содержание которой соответствовало бы их классовому положению,— непременно совершит социализм. А это означает взрыв милитаризма и вместе с ним всех постоянных армий *изнутри*.

Июнь — август 1877 г. *т. 20, с. 175*

Уничтожение классовых противоположностей

[...] Все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относи-

тельно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор, пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д.,— до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами; при этом он никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод, взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс, более того: он стал прямым препятствием для общественного развития; и только теперь он будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал.

Предпосылки

Рабочее и свободное время

Участие в делах всего общества

Июнь — август 1877 г. т. *20, с. 187*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 27 СЕНТЯБРЯ 1877 г.[475]

Перспективы революции

Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции.

т. 34, с. 230

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 19 ОКТЯБРЯ 1877 г.[476]

В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами[477] привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (через *Моста*) с Дюрингом и его «почитателями», и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую,

раньше чем ею оперировать, серьезиого объектнвного изучеиия) — современной мнфологией с ее богинями справедлнвостн, свободы, равенства и братства. [...]

Утопизм В течеине десятнлетнй мы с большнм трудом старалнсь очнстить головы немецкнх рабочнх от *утопического* соцнализма, от фантастнческого представлення о будущем общественном строе, что и давало нм теоретическнй (а потому н практнческнй) перевес иад фраицузамн н англичанами. Но вот утопнческий соцналнзм снова распространяется и притом в форме, гораздо более жалкой по сравиению ие только с великнмн фраицузскими н англнйскнмн утопистами, но н с... Вейтлингом. Само собой разумеется, что утопнзм, который *до* появлення матерналнстнчески-крнтнческого соцналнзма носил в себе этот последннй in nuce *, теперь, выступая иа сцену *post festum* **, может быть только иелепым,— иелепым, пошлым н в самой осиове своей реакцнонным.

т. 34, с. 234, 235

К. Маркс

ПИСЬМО В. БРАККЕ, 23 ОКТЯБРЯ 1877 г.[478]

Журнал «Zukunft» совершенно неудовлетворителен. Его главное стремленне — заменнть материалистическое познаиие ндеологическнми фразами о «справедливостн» н т. д. Программа журиала жалкая [479]. Обещает, между прочим, фаитазировать н на тему об устройстве общества будущего.

т. 34, с. 236

Ф. Энгельс

АНТИ-ДЮРИНГ [472]

Все развнтне человеческого общества после стадин животной днкости начинается с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержання, с того дня, как часть труда могла уже затрачнваться на производство не однх только жизненных средств, ио и средств пронзводства. Избыток продукта труда над издержкамн поддержання труда н образоваиие н накоплеиие нз этого избытка общественного производствеиного и резервного фоида — все это было н остается основой всякого общественного, полнти-

* — в зародыше. *Ред.*
** — *задним числом. Ред.*

ческого и умственного прогресса. В предшествующей истории этот фонд составлял собственность того или иного привилегированного класса, которому вместе с этой собственностью доставались также политическая власть и духовное руководство. Предстоящий социальный переворот впервые сделает этот общественный производственный и резервный фонд, т. е. всю массу сырья, орудий производства и жизненных средств, действительно общественным, изъяв его из распоряжения привилегированного класса и передав его всему обществу как общее достояние.

Обобществление средств производства и жизненных средств

Октябрь 1877 г. *т. 20, с. 199—200*

Простой и сложный труд

Г-н Дюринг открыл у Маркса очень грубую экономическую ошибку, достойную ученика младшего класса и в то же время заключающую в себе общественно-опасную социалистическую ересь.

Теория стоимости Маркса представляет собой «не более как обычное... учение, что труд есть причина всех стоимостей, а рабочее время — мера их. При этом в полной неясности остается представление о том, как следует мыслить различную стоимость так называемого квалифицированного труда. Правда, и по нашей теории естественная себестоимость и, следовательно, абсолютная стоимость хозяйственных предметов может измеряться только затраченным рабочим временем. Но при этом мы исходим из того, что рабочее время одного индивида признается совершенно равноценным рабочему времени другого, и приходится только следить за теми случаями, когда при квалифицированных работах к индивидуальному рабочему времени одного лица присоединяется рабочее время других лиц... например, в виде употребляемого инструмента. Следовательно, дело обстоит не так, как туманно представляет себе г-н Маркс, будто чье-либо рабочее время само по себе имеет бо́льшую стоимость, чем рабочее время другого лица, потому что в первом из них как бы сгущено большее количество среднего рабочего времени; нет, всякое рабочее время, без исключения и принципиально,— следовательно, без необходимости выводить сначала какую-либо среднюю,— совершенно равноценно, и при рассмотрении работ какого-либо лица, как и при рассмотрении каждого готового продукта, нужно только выяснить, сколько рабочего времени других лиц скрыто в том, что на первый взгляд представляется затратой только его собственного рабочего времени. Для строгой значимости теории совершенно не важно, что́ именно будет тем, что не могло бы получить особого свойства и особой работоспособности без рабочего времени других людей,— будет ли этим применяемое рукой орудие производства, или сама рука, или даже голова. Между тем г-н Маркс в своих рассуждениях о стоимости не может отделаться от мелькающего на заднем плане призрака квалифицированного рабочего времени. Быть радикальным в этом направлении ему помешал унаследованный им способ мышления образованных классов, которому должно казаться чудо́вищным признание, что само по себе рабочее

время тачечника н рабочее время архнтектора экономически совершенно равноценны».

То место у Маркса, которое вызвало этот «более мощный гиев» г-иа Дюриига, очеиь коротко. Маркс исследует, чем определяется стоимость *товаров*, и отвечает: содержащимся в иих человеческим трудом. Последиий, продолжает ои, «есть расходоваиие простой рабочей силы, которой в средием обладает телесиый оргаиизм каждого обыкиовеииого человека, ие отличающегося особым развитием... Сравиительио сложный труд озиачает только возведеииый в степеиь или, скорее, помиожеииый простой труд, так что меиьшее количество сложиого труда равияется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведеиие сложиого труда к простому совершается постояиио. Товар может быть продуктом самого сложиого труда, ио его стоимость делает его равиым продукту простого труда, и, следовательио, сама представляет лишь определеииое количество простого труда. Различиые пропорции, в которых различиые виды труда сводятся к простому труду как к едииице их измереиия, устаиавливаются обществеииым процессом за спииой производителей и потому кажутся последиим устаиовлеииыми обычаем»[480].

У Маркса речь идет здесь прежде всего лишь об определеиии стоимости *товаров*, т. е. таких предметов, которые производятся виутри общества, состоящего из частиых производителей,— производятся этими частиыми производителями за частиый счет и обмеииваются ими одии иа другой. Следовательио, здесь говорится отиюдь ие об «абсолютиой стоимости», где бы сия ии обитала, а о стоимости, имеющей силу при определеииой форме общества. Оказывается, что эта стоимость, в этом определеиием историческом поиимаиии, создается и измеряется человеческим трудом, воплощеииым в отдельиых товарах, а этот человеческий труд оказывается далее расходоваиием простой рабочей силы. Одиако ие всякий труд представляет собой всего лишь расходоваиие простой человеческой рабочей силы: очеиь миогие виды труда заключают в себе примеиеиие иавыков или зиаиий, приобретеииых с большей или меиьшей затратой сил, времеии и деиег. Создают ли эти виды сложиого труда в равиые промежутки времеии такую же товариую стоимость, как и труд простой, как расходоваиие всего лишь простой рабочей силы? Ясио, что иет. Продукт часа сложиого труда представляет собой товар более высокой, двойиой или тройиой, стоимости по сравиеиию с продуктом часа простого труда. Посредством этого сравие-

ния стоимость продуктов сложного труда выражается в определенных количествах простого труда, но это сведение сложного труда к простому совершается путем определенного общественного процесса за спиной производителей — процесса, который здесь, при изложении теории стоимости, может быть только констатирован, но еще не объяснен.

Именно этот простой факт, ежедневно совершающийся на наших глазах в современном капиталистическом обществе, и констатирует здесь Маркс. Факт этот настолько бесспорен, что даже г-н Дюринг не отваживается оспаривать его ни в своем «Курсе», ни в своей «Истории политической экономии»[481]. Изложение Маркса отличается такой простотой и прозрачностью, что, наверно, никто, кроме г-на Дюринга, не «остается при этом в полной неясности». Именно вследствие этой полной неясности, в которой пребывает г-н Дюринг, он ошибочно принимает стоимость товаров, исследованием которой здесь только и занимается пока Маркс, за «естественную себестоимость», еще более увеличивающую неясность, и даже за «абсолютную стоимость», которая до сих пор, насколько нам известно, не имела хождения в политической экономии. Что бы, однако, ни понимал под «естественной себестоимостью» г-н Дюринг и какой бы из его пяти видов стоимости ни имел честь представлять «абсолютную стоимость»,— несомненно одно: у Маркса вовсе нет речи об этих предметах, а говорит он только о стоимости товаров, и во всем отделе «Капитала», трактующем о стоимости[482], нет ни малейшего намека на то, считает ли Маркс эту свою теорию стоимости товаров применимой также и к другим формам общества, и если считает, то в каком объеме.

«Следовательно»,— продолжает г-н Дюринг,— «дело обстоит не так, как туманно представляет себе г-н Маркс, будто чье-либо рабочее время само по себе имеет бо̀льшую стоимость, чем рабочее время другого лица, потому что в первом из них как бы сгущено большее количество среднего рабочего времени; нет, всякое рабочее время, без исключения и принципиально,— следовательно, без необходимости выводить сначала какую-либо среднюю,— совершенно равноценно».

Счастье для г-на Дюринга, что судьба не сделала его фабрикантом и, таким образом, избавила его от необходимости устанавливать сто̀имость своих товаров по этому новому правилу, а следовательно, и от неизбежного банкротства. Но что я говорю! Разве мы всё еще находимся в обществе фабрикантов? Отнюдь нет. Со своей естественной себестоимостью и абсолютной стоимостью г-н Дюринг заставил нас

сделать скачок, настоящее salto mortale, из нынешнего дурного мира эксплуататоров в его собственную хозяйственную коммуну будущего, в чистую небесную атмосферу равенства и справедливости,— и мы должны поэтому, хотя и несколько преждевременно, уже здесь заглянуть немного в этот новый мир.

Правда, по теории г-на Дюринга, и в хозяйственной коммуне стоимость хозяйственных вещей может измеряться тоже только затраченным рабочим временем, но при этом рабочее время каждого заранее будет расцениваться совершенно одинаково, всякое рабочее время будет считаться совершенно равноценным без исключения и принципиально, и притом — без необходимости выводить сначала какую-либо среднюю величину. И вот пусть теперь читатель сравнит этот радикальный уравнительный социализм с туманным представлением Маркса, будто чье-либо рабочее время само по себе имеет бо̀льшую стоимость, чем рабочее время другого лица, потому что в первом из них сгущено большее количество среднего рабочего времени,— представлением, от которого Маркс не в силах освободиться из-за унаследованного им способа мышления образованных классов, которому должно казаться чудовищным признание, что рабочее время тачечника и рабочее время архитектора экономически совершенно равноценны!

Беда только в том, что Маркс делает к приведенному выше месту в «Капитале» маленькое примечание: «Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о *заработной плате* *, или стоимости, которую рабочий *получает**, например, за один рабочий день, а о *стоимости товаров* *, в которой *овеществляется* * его рабочий день» [483]. Маркс, словно предчувствуя своего Дюринга, сам, следовательно, предостерегает против применения приведенных положений хотя бы даже к заработной плате, выплачиваемой за сложный труд в нынешнем обществе. И если г-н Дюринг, не довольствуясь тем, что он все-таки это делает, вдобавок характеризует еще приведенные выше положения как те основные начала, согласно которым Маркс якобы хочет регулировать распределение жизненных средств в социалистически организованном обществе,— то это просто бесстыдная подтасовка, подобную которой можно встретить разве только у разбойников пера.

Присмотримся, однако, несколько ближе к дюринговскому учению о равноценности. Всякое рабочее время совершенно равноценно: рабочее время тачеч-

* Курсив Энгельса. *Ред.*

ника, как и рабочее время архитектора. Таким образом, рабочее время, а следовательно, и самый труд имеют стоимость. Но ведь труд есть созидатель всех стоимостей. Только он один придает предметам, находимым нами в природе, стоимость в экономическом смысле. Сама стоимость есть не что иное, как выражение овеществленного в каком-либо предмете общественно необходимого человеческого труда. Следовательно, труд *не может* иметь никакой стоимости. Говорить о стоимости труда и пытаться определить ее — это все равно, что говорить о стоимости самой стоимости или пытаться определить вес не какого-нибудь тяжелого тела, а самой тяжести. Г-н Дюринг разделывается с такими людьми, как Оуэн, Сен-Симон и Фурье, называя их социальными алхимиками [484]. Но когда он мудрит над стоимостью рабочего времени, т. е. над стоимостью труда, то он этим доказывает, что стоит сам еще гораздо ниже действительных алхимиков. Пусть читатель теперь сам судит о дерзости, с какой г-н Дюринг подсовывает Марксу утверждение, будто рабочее время одного человека само по себе имеет бо́льшую стоимость, чем рабочее время другого, и будто рабочее время, а стало быть и труд, обладает стоимостью,— пусть читатель сам судит о дерзости, с какой это приписывается Марксу, который впервые показал, что труд *не может* иметь стоимости и почему именно не может иметь ее!

Для социализма, который хочет освободить человеческую рабочую силу от ее положения *товара*, очень важно понять, что труд не имеет стоимости и не может иметь ее. При таком понимании теряют почву все попытки регулировать будущее распределение средств существования как своего рода высшую форму заработной платы,— попытки, перешедшие к г-ну Дюрингу по наследству от стихийного рабочего социализма. Отсюда как дальнейший вывод вытекает, что распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности. Способу мышления образованных классов, унаследованному г-ном Дюрингом, должно, конечно, казаться чудовищным, что настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора.

Распределение

Производство

Всестороннее развитие всех членов общества

Уничтожение старого разделения труда

Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников!

Если равноценность рабочего времени должна иметь тот смысл, что каждый работник в равные промежутки времени производит равные стоимости и что нет необходимости сперва выводить какую-либо среднюю величину,— то совершенно очевидно, что это неверно. Стоимость, созданная часом труда двух работников, хотя бы одной и той же отрасли производства, всегда окажется различной, смотря по интенсивности труда и искусству работника; этой беде,— которая, впрочем, может казаться бедой только таким людям, как Дюринг,— не может помочь никакая хозяйственная коммуна, по крайней мере на нашей планете. Что же остается, следовательно, от всей концепции равноценности всякого труда? Ничего, кроме пустой крикливой фразы, экономической подоплекой которой является только неспособность г-на Дюринга к различению между определением стоимости трудом и определением стоимости заработной платой,— ничего, кроме простого указа, своего рода основного закона новой хозяйственной коммуны: заработная плата за равное рабочее время должна быть равной! Но в таком случае старые французские рабочие-коммунисты и Вейтлинг приводили уже гораздо лучшие доводы в пользу своего требования равенства заработной платы.

Оплата сложного труда

Как же в целом разрешается важный вопрос о более высокой оплате сложного труда? В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т. е. бо́льшие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную оплату. Из этого, между прочим, следует еще тот практический вывод, что излюбленный лозунг о праве рабочего на «полный трудовой доход» тоже иной раз не так уж неуязвим *.

Октябрь 1877 г. *т. 20, с. 202—207*

Разрешение этого вопроса ** составляет величайшую историческую заслугу труда *** Маркса. Оно

* См. наст. т., с. 381—383. *Ред.*

** — об источнике и механизме образования прибавочной стоимости. *Ред.*

*** — «Капитала». *Ред.*

проливает яркий свет на такие экономические области, где социалисты, не менее, чем буржуазные экономисты, бродили до этого в глубочайшей тьме. От решения этого вопроса берет свое начало научный социализм, и это решение является центральным пунктом научного социализма.

Октябрь 1877 г. *т. 20, с. 210*

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ [177]

Способ соединения рабочих и средств производства

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя.

Октябрь 1877 — июль 1878 г. *т. 24, с. 43—44*

Ф. Энгельс

ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ РАБОТНИЦ [485]

Главная ошибка во всех этих тщетных усилиях уничтожить проституцию, которые мы сейчас наблюдаем, состоит в нежелании дойти до корней зла; а это зло есть главным образом *экономическая проблема*, из которой вытекает *моральная проблема*, и пока для искоренения его будут прибегать к административным средствам, к полицейским репрессиям, к изменению той или иной статьи закона или к сентиментальной декламации, оно будут продолжать существовать, потому что будет по-прежнему существовать его источник. Нужно суметь вмешаться, и вмешаться смело, в царящий ныне экономический хаос в отношениях собственности и труда и навести в них порядок, перестроив их таким образом, чтобы никто не был лишен орудий производства и чтобы гарантированный и производительный труд стал, наконец, основой {mano} Справедливости и Морали, которую так давно ищут.

8 ноября 1877 г. *т. 45, с. 133*

К. Маркс

ПИСЬМО В. БЛОСУ, 10 НОЯБРЯ 1877 г.[486]

Уничтожение классового государства

Что касается выражения «suppression de l'État» *,— которое Лиссагаре сам изменит во втором французском издании [487],— то смысл его совершенно тот же, что и развитый мной в моей брошюре «Гражданская война во Франции» [488]. Кратко ты можешь перевести: «отмена (или уничтожение) классового государства».

Критика культа личности

Я «не сержусь» (как говорит Гейне) [489] и Энгельс точно так же [490]. Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран,— я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов ** произошло под тем непременным условием, что из устава [491] будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль впоследствии поступал как раз наоборот).

т. 34, с. 241

К. Маркс

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» [492]

Глава о первоначальном накоплении [493] претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она изображает, таким образом, исторический процесс, который, отделяя производителей от их средств производства, превращает первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев средств производства — в капиталистов. В этой истории «составляют эпоху все перевороты, которые служат рычагом для возвышения возникающего класса капиталистов; в особенности же перевороты, которые, лишая значительные массы людей их традиционных средств производства и существования, внезапно выбрасывают

* — «упразднение государства». *Ред.*
** — Союз коммунистов. *Ред.*

их на рынок труда. Но основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» и т. д. *(французское издание «Капитала», стр. 315* [494]*)*. В конце главы историческая тенденция капиталистического производства сводится к тому, что оно «с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание»; что оно само создало элементы нового экономического строя, дав одновременно величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя; что капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную. В этом месте я не привожу никаких доказательств по той простой причине, что это утверждение само является только общим резюме обширных исследований, заключающихся в предыдущих главах о капиталистическом производстве.

Предпосылки

Общественная собственность на средства производства

Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы,— а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении,— она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику слишком мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются,— для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня.

Новая экономическая формация
Производительные силы
Всестороннее развитие человека

Около ноября 1877 г. *т. 19, с. 119—120*

Ф. Энгельс

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И РОССИИ [495]

Перспективы революции

Россия — это страна, которая, я думаю, в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль.

12 января 1878 г. *т. 19, с. 123*

К. Маркс

ПИСЬМО Т. ОЛСОПУ, 4 ФЕВРАЛЯ 1878 г. [496]

Перспективы революции

Турция и Австрия были последней опорой *старой государственной системы Европы*... Теперь эта система развалится в ходе ряда последующих войн, а это ускорит *социальный кризис* и поглотит все так называемые державы, эти мнимые державы, как победительницы, так и побежденные, чтобы освободить место для Европейской Социальной Революции.

т. 50, с. 459

Ф. Энгельс

ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 ГОДУ [497]

Пролетарский интернационализм

Так после четырехлетней внутренней борьбы было полностью восстановлено единство действий европейского рабочего класса, и политика, которую провозгласило большинство последнего конгресса Интернационала [498], была полностью оправдана событиями. Снова была теперь восстановлена почва, на которой рабочие различных европейских стран могут опять решительно действовать вместе, оказывая друг другу ту взаимную поддержку, которая составляет главную силу движения. Существование Международного Товарищества Рабочих стало невозможным...* которые запрещали рабочим этих стран вступать в подобный международный союз. Правительства могли бы избавить себя от беспокойства по этому поводу. Движение рабочего класса переросло не только необходимость, но даже и возможность подобного рода формального союза. Великая пролетарская организация не только вполне осуществила свою задачу, но и сама продолжает жить, более могущественная, чем когда бы то ни было, в гораздо более мощном союзе единства и солидарности, в общности действия и политики,— общности,

* Здесь из английского текста статьи выпали одна или две строки. *Ред.*

которая воодушевляет ныне рабочий класс всей Европы и представляет собой его собственное величайшее достижение. Среди рабочих разных стран и даже каждой страны, взятой в отдельности, существует много различных воззрений; но нет больше сект, нет больше притязаний на догматическую ортодоксию, на доктринерское верховенство, а есть совместный план действий, первоначально начертанный Интернационалом, теперь же нашедший всеобщее признание, потому что он повсюду сознательно или стихийно возникал из борьбы, из потребностей движения; это план, который свободно приспосабливается к разнообразным условиям каждой нации и каждой местности и сохраняет, тем не менее, повсюду свои основные черты, обеспечивая таким образом единство цели и общее соответствие средств, применяемых для достижения общей цели — освобождения рабочего класса самим же рабочим классом.

Середина февраля — середина марта 1878 г. *т. 19, с. 132*

Пример немцев довершил дело, и теперь бельгийские рабочие, как и рабочие Германии, Швейцарии, Дании, Португалии, Венгрии, Австрии и части Италии, организуются в политическую партию, отличную от всех других политических партий и противоположную им,— партию, ставящую целью добиться освобождения рабочих любыми политическими действиями, какие потребуются условиями момента.

Середина февраля — середина марта 1878 г. *т. 19, с. 135*

После подавления Коммуны рабочий класс, способность которого к борьбе была парализована на целый ряд лет, был непосредственно заинтересован лишь в том, чтобы избегнуть повторения подобного длительного господства реакции, а вместе с тем необходимости снова бороться не за прямое свое освобождение, а лишь за такие порядки, которые давали бы ему возможность подготовиться к окончательной борьбе за освобождение.

Середина февраля — середина марта 1878 г. *т. 19, с. 139*

Перспективы революции

[...] Внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы. [...]

Великий акт освобождения [154], на все лады расхваленный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое осно-

ванне и абсолютную необходимость будущей революции.

[...] Русская революция означает нечто большее, чем простую смену правительства в самой России. Она означает исчезновение огромной, хотя и неуклюжей военной державы, которая со времен французской революции являлась становым хребтом объединенного европейского деспотизма. Она означает освобождение Германии от Пруссии, ибо Пруссия всегда была креатурой России и существовала, только опираясь на нее. Она означает освобождение Польши. Она означает пробуждение малых славянских народностей Восточной Европы от грез панславизма, взлелеянных среди них нынешним русским правительством. И она означает начало активной национальной жизни самого русского народа, а вместе с тем возникновение настоящего рабочего движения в России. Словом, она означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда.

Середина февраля — середина марта 1878 г. *т. 19, с. 143, 144, 146*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО В. БРАККЕ, 30 АПРЕЛЯ 1878 г.[499]

Государственная собственность

Мне кажется, что Вы, рассуждая о имперских железных дорогах и табачной монополии [500], несколько увлеклись и забежали вперед [501]. Не говоря уже о том, что это необычайно усилило бы мощь пруссачества, обеспечив правительству, с одной стороны, полнейшую финансовую независимость от всякого контроля, а с другой — непосредственное распоряжение двумя новыми армиями, армией железнодорожных служащих и армией продавцов табачных изделий, с вытекающими отсюда возможностями раздачи должностей и коррупции,— не говоря уже обо всем этом, не следует забывать, что всякая передача промышленных и коммерческих функций в руки государства может иметь в наши дни двоякий смысл и двоякий результат, смотря по обстоятельствам: либо реакционный — шаг назад к средневековью, либо прогрессивный — шаг вперед к коммунизму. Но мы в Германии едва только выкарабкались из средневековья и в настоящий момент еще только собираемся, при помощи крупной промышленности и благодаря краху [432], вступить в современное буржуазное общество. У нас в возможно большем развитии нуждается именно режим *буржуазной* экономики, который концентрирует капиталы и до крайно-

сти обостряет противоречия, особенно на северо-востоке. Экономическое разложение феодальных порядков к востоку от Эльбы является для нас, на мой взгляд, самым неотложным шагом вперед. Наряду с этим — разложение мелкого производства, промышленного и ремесленного, по всей Германии и замена его крупной промышленностью. В том-то и заключается, в конце концов, единственная положительная сторона табачной монополии, что она одним ударом превратила бы одно из гнуснейших домашних производств в крупную промышленность. Но зато, с другой стороны, против государственных рабочих-табачников тотчас же были бы введены исключительные законы, они были бы лишены свободы союзов и стачек, а это было бы еще хуже. Нет необходимости в том, чтобы имперские железные дороги и табачная монополия были у нас государственными отраслями хозяйства,— для железных дорог, во всяком случае, это *еще* не является необходимым и только теперь становится таковым в Англии; наоборот, по отношению к почте и телеграфу это *является* необходимым. И за весь ущерб, который причинили бы нам обе эти новые государственные монополии, мы получили бы в качестве компенсации только новую звонкую фразу для агитационных речей. Ибо государственная монополия, учреждаемая исключительно из финансовых и политических соображений, а не в силу настоятельной внутренней необходимости, не дает нам даже сколько-нибудь порядочного аргумента. К тому же введение табачной монополии и упразднение домашней табачной промышленности потребовали бы по меньшей мере столько же времени, сколько еще в крайнем случае может продержаться бисмарковщина. Вы можете быть вполне уверены в том, что прусское государство настолько ухудшило бы *качество* табака и так повысило бы его цену, что сторонники свободной конкуренции с восторгом затрубили бы об этом провале государственного коммунизма и народ поневоле признал бы их правоту.

т. 34, с. 255—256

Ф. Энгельс

АНТИ-ДЮРИНГ [502]

Мы видели во «Введении» *, каким образом подготовлявшие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единствен-

* Ср. «Философия» I [503].

ному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с прежним строем, отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо [443] нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а в конце концов под крылом наполеоновского деспотизма [504]. Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и обществу разума. Противоположность между богатыми и бедными, вместо того чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших как бы мостом над этой противоположностью, а также вследствие устранения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если феодальные пороки, прежде бесстыдно выставлявшиеся напоказ, были хотя и не уничтожены, но все же отодвинуты пока на задний план,— то тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, которым раньше предавались только тайком. Торговля все более и более превращалась в мошенничество. «Братство», провозглашенное в революционном девизе [505], нашло свое осуществление в плутнях и в зависти, порождаемых конкурентной борьбой. Место насильственного угнетения занял подкуп, а вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. Право первой ночи перешло от феодалов к буржуа-фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров. Самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой проституции, ее официальным прикрытием, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие

обещания просветителей. Недоставало еще только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились на рубеже нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории была заложена еще в 1799 году; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взял на себя управление Нью-Ланарком [506].

Противоречия капитализма

Но в это время капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства,— конфликты не только между созданными этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения этих конфликтов. Если, следовательно, около 1800 г. конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались, то еще гораздо менее развиты были тогда средства для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на один мгновение власть, но этим они доказали только всю невозможность господства этих масс при тогдашних отношениях. Пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху.

Предпосылки

Утопизм

Это историческое положение определило взгляды и основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабаты-

Методология научного предвидения будущего

вались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии.

Установив это, мы не будем задерживаться больше ни минуты на этой стороне вопроса, ныне целиком принадлежащей прошлому. Предоставим литературным лавочникам à la * Дюринг самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся только забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филистеры.

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симон выдвигает положение, что

«все люди должны работать» [507].

В том же произведении он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс. [...]

Но понять, что французская революция была классовой борьбой между дворянством, буржуазией и неимущими,— это в 1802 г. было в высшей степени гениальным открытием. В 1816 г. Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает полнейшее поглощение политики экономикой [508]. Если здесь понимание того, что экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об отмене государства, о чем так много шумели в последнее время. [...]

Отмирание государства

Функции управления

Если у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа. [...]

Фурье [...] так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. Так же диалектически он утверждает, в противовес фразам о способности человека к неограниченному совершенствованию, что каждый исторический фазис имеет не только свою восходящую, но и нисходящую линию [509], и этот способ понимания он применяет к будущему

* — вроде. *Ред.*

всего человечества. Подобно тому как Кант ввел в естествознание идею о будущей гибели Земли, так Фурье ввел в понимание истории идею о будущей гибели человечества.

Промышленная революция

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и новые рабочие машины превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали всю основу буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Со все возрастающей быстротой совершалось разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, влачила теперь шаткое существование изменчивая масса ремесленников и мелких торговцев, эта наиболее текучая часть населения. Новый способ производства находился еще в начале восходящей линии своего развития; он был еще нормальным, единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он уже тогда породил вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в трущобах больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей по происхождению, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня, особенно для женщин и детей; массовую деморализацию среди трудящегося класса, внезапно брошенного в совершенно новые условия. И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с детски чистым благородным характером и в то же время прирожденный руководитель, каких немного. Роберт Оуэн усвоил учение просветителей-материалистов о том, что человеческий характер является продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой — условий, окружающих человека в течение всей жизни, и особенно в период его развития. Большинство собратьев Оуэна по общественному положению видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годные для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн же видел в промышленной революции благоприятный случай для того, чтобы осуществить свою любимую идею и тем самым внести порядок в этот хаос. В Манчестере он, как руководитель фабрики, где работало более 500 рабочих, уже сделал попытку, и притом успешную, применить эту идею. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Ланарке, в Шотландии, и, будучи компаньоном-директором предприятия,

действовал здесь в том же направлении, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Ланарка, постепенно возросшее до 2500 человек и состоявшее первоначально из крайне смешанных и по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, тяжбы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями. И он достиг этого просто тем, что поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Ланарке были впервые введены школы для детей младшего возраста, придуманные Оуэном. В них принимали детей, начиная с двухлетнего возраста, и дети так хорошо проводили там время, что их трудно было увести домой. В то время как конкуренты Оуэна заставляли своих рабочих работать по 13—14 часов в день, в Нью-Ланарке рабочий день продолжался только $10^{1}/_{2}$ часов. А когда хлопчатобумажный кризис заставил на четыре месяца прекратить производство, незанятым рабочим продолжали выплачивать полную заработную плату. И при всем том стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и оно все время приносило собственникам обильную прибыль.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. Те условия существования, которые он создал для своих рабочих, еще далеко не соответствовали в его глазах человеческому достоинству.

«Люди эти были моими рабами»,

— говорил он; сравнительно благоприятные условия, в которые он поставил рабочих Нью-Ланарка, были еще далеко не достаточны для всестороннего и рационального развития их характера и ума, не говоря уже о свободной жизнедеятельности.

«А между тем трудящаяся часть этих 2 500 человек производила для общества такое количество реального богатства, для создания которого менее чем полвека тому назад потребовалось бы население в 600 000 человек. Я спрашивал себя: куда девается разница между богатством, потребляемым 2 500 человек, и тем, которое было бы потреблено 600 000 человек?»

Ответ был ясен. Эта разница доставалась владельцам фабрики, которые получали 5% на вложенный в предприятие капитал и еще сверх того больше 300 000 фунтов стерлингов (6 000 000 марок) при-

были. В большей еще степени, чем к Нью-Ланарку, это было применимо ко всем остальным фабрикам Англии.

«Без этого нового богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и сохранения аристократических принципов общественного устройства. А между тем эта новая сила была созданием трудящегося класса»[510].

Ему поэтому должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основой для общественного преобразования и должны были работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности.

На таких чисто деловых началах, как плод, так сказать, коммерческого подсчета, возник коммунизм Оуэна. Этот свой практический характер он сохранял всегда и везде. Так, в 1823 г. Оуэн составил проект устранения ирландской нищеты путем создания коммунистических колоний и приложил к нему подробные расчеты необходимого вложения капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов[511]. А в своем окончательном плане будущего строя Оуэн разработал все технические подробности с таким знанием дела, что если принять его метод преобразования общества, то очень немного можно возразить против деталей, даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока он выступал просто как филантроп, он пожинал только богатство, одобрение, почет и славу. Он был популярнейшим человеком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только его собратья по общественному положению, но даже государственные деятели и монархи. Но как только он выступил со своими коммунистическими теориями, дело приняло другой оборот. Путь к преобразованию общества, по его мнению, преграждали прежде всего три великих препятствия: частная собственность, религия и существующая форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным в среде официального общества и лишиться своего общественного положения. Но эти соображения не могли остановить Оуэна, не убавили энергии его бесстрашного нападения. И произошло именно то, что он предвидел. Изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессой, обедневший в результате неудачных коммунистических опытов в Америке[512],

в жертву которым он принес все свое состояние, Оуэн обратился прямо к рабочему классу, в среде которого он продолжал свою деятельность еще тридцать лет. Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна. Так, в 1819 г. благодаря его пятилетним усилиям был проведен первый закон, ограничивший работу женщин и детей на фабриках [513]. Он был председателем первого конгресса, на котором тред-юнионы всей Англии объединились в один большой всеобщий профессиональный союз [514]. Он же организовал — в качестве мероприятий для перехода к общественному строю, уже вполне коммунистическому,— с одной стороны, кооперативные общества (потребительские и производственные товарищества), которые, по крайней мере, доказали в дальнейшем на практике полную возможность обходиться как без купцов, так и без фабрикантов; с другой стороны — рабочие базары, на которых продукты труда обменивались при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени [515]. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили значительно более поздний прудоновский меновой банк [516], от которого они отличались лишь тем, что не возводились в универсальное целительное средство от всех общественных зол, а предлагались только как один из первых шагов к значительно более радикальному переустройству общества.

Таковы те люди, на которых суверенный г-н Дюринг с высоты своей «окончательной истины в последней инстанции» взирает с тем презрением, образчики которого мы привели во «Введении» [517]. И это презрение не лишено в известном смысле своего достаточного основания: оно, в сущности, имеет своим источником поистине ужасающее невежество относительно сочинений всех трех утопистов. [...]

Что же касается двенадцати страниц, посвященных Роберту Оуэну, то здесь г-н Дюринг не воспользовался абсолютно никаким другим источником, кроме жалкой биографии филистера Сарганта, который также был незнаком с важнейшими сочинениями Оуэна — с его сочинениями о браке и о коммунистическом строе [518]. Только поэтому г-н Дюринг осмеливается утверждать, что у Оуэна «нельзя предполагать решительного коммунизма». Во всяком случае, если бы г-н Дюринг хотя бы держал в руках «Книгу о новом нравственном мире» Оуэна, то он нашел бы в этой книге не только прямую формулировку самого решительного коммунизма, с равной для всех обязанностью труда и равным правом на

продукт,— равным соответственно возрасту, как всегда прибавляет Оуэн,— но нашел бы там и вполне разработанный проект здания для коммунистической общины будущего, с планом, фасадом и видом с высоты птичьего полета. [...] Оуэн не только проповедовал «решительный коммунизм», но он также же проводил его на практике в течение пяти лет (в конце 30-х и начале 40-х годов) в колонии Harmony Hall [519], в Гэмпшире, где коммунизм не оставлял желать ничего в смысле решительности. Я лично знал некоторых бывших участников этого образцового коммунистического эксперимента. [...]

Утопизм

Утописты, как мы видели, были утопистами потому, что они не могли быть ничем иным в такое время, когда капиталистическое производство было еще так слабо развито. Они были вынуждены конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо в самом старом обществе эти элементы еще не выступали так, чтобы быть для всех очевидными; набрасывая свой общий план нового здания, они вынуждены были ограничиваться апелляцией к разуму именно потому, что не могли еще апеллировать к современной им истории. Но когда теперь, почти через 80 лет после их выступления, на сцене появляется г-н Дюринг с претензией вывести «руководящую» систему нового общественного строя не из наличного, исторически развившегося материала как его необходимый продукт, а из своей суверенной головы, из своего чреватого «окончательными истинами» разума, то он, который повсюду чует эпигонов, сам является всего лишь эпигоном утопистов, самоновейшим утопистом. Великих утопистов он называет «социальными алхимиками». Пусть так. Алхимия в свое время была необходима. Но с тех пор крупная промышленность развила противоречия, дремавшие в капиталистическом способе производства, в столь вопиющие антагонизмы, что приближающийся крах этого способа производства можно, так сказать, осязать руками, а новые производительные силы могут быть сохранены и развиваемы далее только путем введения нового способа производства, соответствующего их нынешней стадии развития. Указанные противоречия развились в такой степени, что борьба между обоими классами, которые порождены существующим способом производства и постоянно воспроизводятся им со все более обостряющимся антагонизмом, охватила все цивилизованные страны и усиливается с каждым днем. Поэтому теперь уже достигнуто понимание этих исторических взаимосвязей, понимание условий социального преобразования, ставшего в силу этих взаимосвязей необходимым, а также и понимание обусловленных всем этим основных черт этого пре-

Методология научного предвидения будущего

Предпосылки
Противоречия капитализма

Производительные силы
Способ производства

Понимание условий и основных черт коммунистического преобразования общества

образования. И если г-н Дюринг фабрикует теперь новый утопический общественный строй не из наличного экономического материала, а извлекает его просто из своего высочайшего черепа, то недостаточно будет просто сказать, что он занимается «социальной алхимией». Нет, он поступает, как тот, кто после открытия и установления законов современной химии вздумал бы воскресить старую алхимию и пожелал бы воспользоваться атомным весом, молекулярными формулами, валентностью атомов, кристаллографией и спектральным анализом единственно для того, чтобы открыть... *философский камень.*

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 267—277*

ОЧЕРК ТЕОРИИ [520]

Материалистическое понимание истории и научный социализм

Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в *философии*, а в *экономике* соответствующей эпохи. Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что «разумное стало бессмысленным, благо стало мучением» [521],— является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям. Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения обнаруженных зол должны быть тоже налицо — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся производственных отношениях.

Методология

Надо не *изобретать* эти средства из головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства.

Итак, как же, в связи с этим, обстоит дело с современным социализмом?

Всеми уже, пожалуй, признано, что существующий общественный строй создан господствующим теперь классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производства, называемый со времени

Маркса капиталистическим способом производства, был несовместим с местными и сословными привилегиями, равно как и с взаимными личными узами феодального строя; буржуазия разрушила феодальный строй и воздвигла на его развалинах буржуазный общественный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев,— словом, всех буржуазных прелестей. Капиталистический способ производства мог теперь развиваться свободно. С тех пор как пар и новые рабочие машины превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, созданные под управлением буржуазии производительные силы стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как в свое время мануфактура и усовершенствовавшиеся под ее влиянием ремесла пришли в конфликт с феодальными оковами цехов, так и крупная промышленность в своем более полном развитии приходит в конфликт с теми узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже переросли буржуазную форму их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который возник только в головах людей — подобно конфликту между человеческим первородным грехом и божественной справедливостью,— а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно,— рабочего класса.

Предпосылки

Противоречия капитализма

В чем же состоит этот конфликт?

Предпосылки

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне — земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая

роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она исторически выполнила эту роль, начиная с XV века, на трех различных ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности,— подробно изображено Марксом в IV отделе «Капитала». Но буржуазия, как установил Маркс там же, не могла превратить эти ограниченные средства производства в мощные производительные силы, не превращая их из средств производства, применяемых отдельными лицами, в *общественные* средства производства, применяемые лишь *совместно массой людей*. Вместо самопрялки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо отдельной мастерской — фабрика, требующая совместного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда разрозненных действий в ряд общественных действий, а продукты — из продуктов отдельных лиц в продукты общественные. Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие теперь из фабрик и заводов, представляют собой продукт совместного труда множества рабочих, через руки которых они должны были последовательно пройти, прежде чем стали готовыми. Никто в отдельности не может сказать о них: «Это сделал *я*, это *мой* продукт».

Общественный характер средств производства

Общественный характер производства

Но там, где основной формой производства является стихийно сложившееся разделение труда в обществе, там это разделение труда неизбежно придает продуктам форму *товаров*, взаимный обмен которых, купля и продажа, дает возможность отдельным производителям удовлетворять свои разнообразные потребности. Так и было в средние века. Крестьянин, например, продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия. В это общество отдельных производителей, товаропроизводителей, и вклинился новый способ производства. Среди стихийно сложившегося, *беспланового* разделения труда, господствующего во всем обществе, он установил *планомерное* разделение труда, организованное на каждой отдельной фабрике; рядом с *производством отдельных производителей* появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на одном и том же рынке, а следовательно, по ценам, по крайней мере, приблизительно одинаковым. Но планомерная организация оказалась могущественнее стихийно сложившегося разделения труда; на фабриках, применявших общественный труд, изготовление продуктов обходилось дешевле, чем у разрозненных мелких производителей. Производство отдельных производителей поби-

Планомерная организация общественного производства на каждом отдельном капиталистическом предприятии

валось в одной области за другой, общественное производство революционизировало весь старый способ производства. Однако этот революционный характер общественного производства так мало сознавался, что оно, напротив, вводилось именно ради усиления и расширения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с определенными, уже до него существовавшими рычагами производства и обмена товаров: купеческим капиталом, ремеслом и наемным трудом. Ввиду того что оно само выступало как новая форма товарного производства, свойственные товарному производству формы присвоения сохраняли свою полную силу также и для него.

При той форме товарного производства, которая развивалась в средние века, вопрос о том, кому должен принадлежать продукт труда, не мог даже и возникнуть. Он изготовлялся отдельным производителем обыкновенно из собственного сырья, часто им же самим произведенного, при помощи собственных средств труда и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе этот продукт, он принадлежал ему по самому существу дела. Следовательно, право собственности на продукты покоилось *на собственном труде*. Даже там, где пользовались посторонней помощью, она, как правило, играла лишь побочную роль и зачастую вознаграждалась помимо заработной платы еще и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их по сути дела в общественные средства производства. С этими общественными средствами производства и продуктами продолжали, однако, поступать так, как будто они по-прежнему оставались средствами производства и продуктами отдельных лиц. Если до сих пор собственник средств труда присваивал продукт потому, что это был, как правило, его собственный продукт, а чужой вспомогательный труд был исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукт, хотя последний являлся уже не *его* продуктом, а исключительно продуктом *чужого труда*. Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто действительно приводил в движение средства производства и действительно был производителем этих продуктов, а *капиталистом*. Средства производства и производство по существу стали общественными. Но они остаются подчиненными той

Основное противоречие капитализма

форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылку *. В этом противоречии, которое придает новому способу производства его капиталистический характер, *уже содержатся в зародыше все коллизии современности*. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства и во всех экономически господствующих странах, сводя тем самым производство отдельных производителей к незначительным остаткам, *тем резче должна была выступать и несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением*.

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже существующей. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения. Земледелец, нанимавшийся время от времени на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, который на худой конец и один мог его прокормить. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелкого отдельного производителя все более и более обесценивались, и ему не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталисту. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства; из побочного занятия, каким он был прежде, он превратился теперь в единственную деятельность работника. Работник, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса пожизненных наемных рабочих к тому же чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному круше-

* Нет надобности разъяснять здесь, что если *форма* присвоения и остается прежней, то *характер* присвоения претерпевает вследствие вышеописанного процесса не меньшую революцию, чем характер производства. Присваиваю ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда — это, конечно, два весьма различных вида присвоения. Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством. Но этот зародыш мог развиться в капиталистический способ производства только тогда, когда были созданы необходимые для этого исторические предпосылки.

нию феодального строя, роспуску свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и т. д. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, с одной стороны, и производителями, лишенными всего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией.*

Проявление основного противоречия

Противоречия товарного производства

Мы видели, что капиталистический способ производства вклинился в общество, состоявшее из товаропроизводителей, отдельных производителей, общественная связь между которыми осуществлялась посредством обмена их продуктов. Но особенность каждого общества, основанного на товарном производстве, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, случайно имеющимися у него средствами производства и для своей индивидуальной потребности в обмене. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве этот продукт вообще может найти потребителей; никто не знает, существует ли действительная потребность в производимом им продукте, окупятся ли его издержки производства, да и вообще будет ли его продукт продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, внутренние присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и могут быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями.

В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало никакого обмена, и продукты не принимали характера товаров.

Крестьянская семья производила почти все, в чем она нуждалась: орудия и одежду, так же как и предметы питания. Производить на продажу она начала только тогда, когда стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодалу; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они добывали бо́льшую часть нужных для собственного потребления предметов своим личным трудом: они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, товарное производство еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, местное объединение внутри: марка [522] в деревне, цех в городе.

С расширением же товарного производства и в особенности с появлением капиталистического способа производства дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать более открыто и властно. Старые связи были расшатаны, былые перегородки разрушены, и производители все более и более превращались в независимых, разрозненных товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу и принимала все более и более острый характер. А между тем главное орудие, с помощью которого капиталистический способ производства усиливал анархию в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: это была растущая организация производства как производства общественного на каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной стабильностью. Проникая в ту или иную отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия [523] и последовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба разгоралась уже не только между местными отдельными производителями; местные схватки разросли́сь, в свою очередь, до размеров борьбы между нациями, до торговых войн XVII и XVIII веков [524]. Наконец, крупная промышленность и возникновение мирового рынка сделали эту борьбу все-

общей и в то же время придали ей неслыханную ожесточенность. В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Побежденные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная — с удесятеренной яростью — из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе.*

Проявление основного противоречия

В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг», который открыл в нем уже Фурье[525]. Но Фурье в свое время еще не мог, конечно, видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в пролетариев, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства. Та же движущая сила социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему беспрерывно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает вытеснение все большего и большего количества самих рабочих машинного труда и, в конечном счете, образование усиленного предложения рабочих рук, превышающего средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию, как я назвал ее еще в 1845 г.*, поступающую в распоряжение производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую в ре-

* «Положение рабочего класса в Англии», стр. 109[526].

зультате неизбежно следующего за этим краха: эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором заработной платы, удерживая ее на низком уровне, соответственно потребности капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится самым мощным боевым средством капитала против рабочего класса, что средство труда постоянно вырывает из рук рабочего жизненные средства и собственный продукт рабочего превращается в орудие его порабощения [527]. Это приводит к тому, что экономия на средствах труда с самого начала является, вместе с тем, беспощаднейшим расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда [528]; что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство для того, чтобы обратить всю жизнь рабочего и его семьи в потенциальное рабочее время для увеличения стоимости капитала. Вот почему чрезмерный труд одной части рабочего класса обусловливает полную безработицу другой его части, а крупная промышленность, по всему свету гоняющаяся за потребителями, ограничивает у себя дома потребление рабочих масс голодным минимумом и таким образом подрывает свой собственный внутренний рынок. «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления капитала, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале. Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который *производит свой собственный продукт как капитал*» * (Маркс, «Капитал», стр. 671) [529]. Ждать от капиталистического способа производства иного распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Поляризация буржуазного общества

Мы видели, как способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, превращается, вследствие анархии производства в обществе, в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов посто-

* Курсив Энгельса. *Ред.*

янно улучшать свои машины, постоянно увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширять размеры своего производства. Огромная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается настоящей детской забавой, проявляется теперь в виде *потребности* расширять эту промышленность и качественно, и количественно,— потребности, не считающейся ни с каким противодействием. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Коллизия становится неизбежной, и так как она не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг».

Экономические кризисы

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов вместе с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. В торговле наступает застой, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются жизненных средств, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся массы товаров по более или менее сниженным ценам не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы в конце концов после самых отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова. С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой раз [530]. Характер этих кризисов выражен до такой степени ярко, что Фурье уловил суть всех этих кризисов, назвав первый из них crise pléthorique, кризисом от изобилия [531].

Проявление основного противоречия

В кризисах с неудержимой силой прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа производства, который они переросли.*

Противоречия капитализма

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигла такой степени развития, что стала несовместимой с существующей рядом с ней и над ней анархией производства в обществе,— этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов посредством разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства отказывается служить под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и промышленная резервная армия. Средства производства, жизненные средства, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала,— все элементы производства и общего благосостояния имеются в изобилии. Но «изобилие становится источником нужды и лишений» (Фурье), потому что именно оно-то и препятствует превращению средств производства и жизненных средств в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись сначала в капитал, в средство эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак, стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил.*

Это противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, сами по себе до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма: государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено * взять на себя руководство указанными средствами производства и сообщения. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог.

Общественный характер производительных сил

Акционерные общества

Государственная собственность на средства производства

Если кризисы выявили неспособность буржуазии к дальнейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производ-

* Я говорю *«вынуждено»*, так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения *действительно* перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет *экономически* неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим *всякое* огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода,— то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевская Seehandlung [532], королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии.

ствеиных предприятий и средств сообщеиия в руки акциоиериых обществ и в государствеиную собствеиность доказывает иеиужиость буржуазии для этой цели. Все общественные фуикции капиталиста выполияются теперь иаемиыми служащими. Для капиталиста ие осталось другой общественной деятельиости, кроме загребаиия доходов, стрижки купонов и игры иа бирже, где различиые капиталисты отиимают друг у друга капиталы. Если раиьше капиталистический способ производства вытесиял рабочих, то теперь ои вытесняет и капиталистов, правда, пока еще ие в промышлеииую резервиую армию, а только в разряд излишнего иаселеиия.

Государственная собственность как предпосылка действительного обобществления

Но ни переход в руки акциоиериых обществ, ни превращенне в государствеииую собствеииость ие уиичтожают капиталистического характера производительиых сил. Отиосительио акциоиериых обществ это совершеиио очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь оргаиизация, которую создает себе буржуазиое общество для охраиы общих виешиих условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельиых капиталистов. Современное государство, какова бы ии была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальиый совокупиый капиталист. Чем больше производительиых сил возьмет оио в свою собствениость, тем полиее будет его превращеиие в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оио эксплуатировать. Рабочие остаиутся иаемиыми рабочими, пролетариями. Капнталистические отиошения ие уиичтожаются, а, иаоборот, доводятся до крайиости, до высшей точки. Но иа высшей точке происходит переворот. Государствеииая собствеииость иа производительиые силы ие разрешает коифликта, ио оиа содержит в себе формальиое средство, возможиость его разрешеиия.

Необходимость обобществлення общественных средств производства

Это разрешеиие может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительиых сил будет призиаиа иа деле и что, следовательио, способ производства, присвоеиия и обмеиа будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и ие прибегая ии к каким окольиым путям возьмет в свое владеиие производительные силы, переросшие всякий другой способ управлеиия ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмеиа, прокладывая себе путь только как слепо действую-

щий закон природы, насильственно и разрушительно,— этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер,— а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники,— до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Планомерное производство
Потребности

Новый способ присвоения

Общественное присвоение средств производства и индивидуальное присвоение средств жизни
Предпосылки

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную*

Диктатура пролетариата

Государственная собственность на средства производства Уничтожение классовых различий Отмирание государства

власть и *превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии.

Отмирание государства

Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы,— с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества,— является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает.

Функции управления

На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», *оно отмирает* [533]. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство» [534], фразу, имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра.

Обобществление средств производства

С тех пор как на историческую сцену выступил капиталистический способ производства, взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но оно стало возможным, стало исторической необходимостью лишь тогда, когда материальные условия его проведения в жизнь оказались налицо. Как и всякий другой общественный прогресс, оно становится осуществимым не вследствие осознания того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. д., не вследствие простого желания отменить классы, а в силу известных новых экономических условий.

Исторический характер разделения общества на классы

Разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господствующий и угнетенный — было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в эксплуатацию масс.

Уничтожение классов

Но если разделение на классы имеет, таким образом, известное историческое оправдание, то оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень раз-

внтия пронзводства, иа которой присвоеиие особым общественным классом средств пронзводства н продуктов,— а с ннмн н полнтнческого господства, монополнн образовання н духовного руководства,— не только становнтся излишннм, но и является препятствнем для экономнческого, полнтнческого н ннтеллектуального развнтня. Эта ступеиь теперь достнгнута. Полнтнческое и ннтеллектуальиое банкротство буржуазнн едва ли составляет тайиу даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. Прн каждом крнзнсе общество задыхается под тяжестью своих собственных производнтельиых сил н продуктов, которые оно не может нспользовать, н остается беспомощным перед абсурдным протнворечнем, когда пронзводнтели не могут потреблять потому, что недостает потребнтелей. Свойствеиная современным средствам пронзводства снла расшнрення разрывает оковы, наложенные капнталнстнческнм способом пронзводства. Освобождеине средств пронзводства от этих оков есть едннственное предварнтельное условие беспрерывного, постоянно ускоряющегося развнтня пронзводнтельных снл, а благодаря этому — н практнческн безграннчного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращенне средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь нскусственное торможенне производства, но также н то прямое расточенне н уннчтоженне пронзводнтельных снл н продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутннком пронзводства н достнгает своих высшнх размеров в крнзисах. Сверх того, оно сберегает для общества массу средств пронзводства и продуктов путем устранения безумной роскошн н мотовства господствующих теперь классов н нх полнтическнх представителей. Возможность обеспечнть всем членам общества путем общественного пронзводства ие только вполне достаточные н с каждым днем улучшающнеся материальные условня существовання, но также полное свободное развнтне н прнменение нх фнзнческих н духовных способностей,— эта возможность достнгнута теперь впервые, но теперь она действнтельно *достигнута* *.

Ускорение развития производительных сил
Безграничный рост производства
Общественная собственность на средства производства

Постоянное улучшение условий существования и всестороннее свободное развитие всех членов общества

* Несколько цифр могут дать прнблнзнтельное представленне об огромной способностн современных средств пронзводства к расшнренню даже под капнталнстнческим гнетом. По новейшнм вычнсленням Джнффена [535], общая сумма всех богатств Велнкобрнтанни н Ирланднн составляла круглым чнслом:

в 1814 г. —	2 200 млн. ф. ст.	=	44 млрд. марок
» 1865 » —	6 100 » »	=	122 » »
» 1875 » —	8 500 » »	=	170 » »

Что же касается уннчтожения средств пронзводства н продуктов во время крнзнсов, то на втором конгрессе немецкнх про-

Планомерная, сознательная организация общественного производства

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Окончательное выделение человека из царства животных
Контроль над условиями жизни общества

Сознательное историческое творчество

Скачок человечества из царства необходимости в царство свободы

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самоё природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

Всемирно-историческая роль пролетариата
Научный социализм

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 278—295*

После всего сказанного читатель не удивится, если мы ему сообщим, что изложение основных черт социа-

мышленников (в Берлине, 21 февраля 1878 г.[536]) было установлено, что общие убытки одной только *германской железоделательной промышленности* достигли во время последнего кризиса 455 млн. марок.

лизма, данное в предыдущей главе *, получилось отнюдь не в духе г-на Дюринга. Наоборот. Г-н Дюринг должен швырнуть его в бездну всего отверженного, ко всем прочим «ублюдкам исторической и логической фантастики», к «диким концепциям», «путаным и туманным представлениям» и т. д. Ведь для него социализм отнюдь не есть необходимый результат исторического развития и тем более не результат грубо материальных экономических условий современности, направленных исключительно на достижение целей насыщения желудка. У него дело поставлено куда более основательно. Его социализм является окончательной истиной в последней инстанции;

он представляет собой «естественную систему общества», он коренится в «универсальном принципе справедливости»,

и если он все-таки вынужден принимать во внимание существующее, созданное предыдущей грешной историей, положение вещей в целях его улучшения, то в этом надо видеть скорее несчастье для чистого принципа справедливости. Г-н Дюринг создает свой социализм, как и все прочее, при помощи своих пресловутых двух мужей. Вместо того чтобы играть, как до сих пор, роли господина и слуги, эти две марионетки на сей раз разыгрывают для разнообразия пьесу о равноправии — и дюринговский социализм готов в своей основе.

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 296*

После того как в предыдущей главе * мы установили неизбежность кризисов, порождаемую капиталистическим способом производства, и их значение как кризисов самого этого способа производства, как принудительных орудий общественного переворота,— нам нет нужды тратить слова на возражения против поверхностных взглядов г-на Дюринга по этому вопросу. Перейдем к его положительному творчеству, к его «естественной системе общества» [537].

Эта система, построенная на «универсальном принципе справедливости» и избавленная, таким образом, от всякой необходимости считаться с докучливыми материальными фактами, состоит из федерации хозяйственных коммун, между которыми существует

«свобода передвижения и обязательный прием новых членов, согласно определенным законам и административным нормам».

* См. наст. т., с. 460—477. *Ред.*

Сама хозяйственная коммуна является прежде всего

«всеобъемлющим схематизмом всемирио-исторического значеиия» и далеко превосходит «ошибочные половинчатости», иапример, иекоего Маркса. Оиа означает «сообщество лиц, которые в силу своего публичного права распоряжения известным простраиством земли и группой производственных предприятий объедииены между собой для совместиой деятельности и совместиого участия в доходе». Публичное право есть «право иа вещь... в смысле *чисто публицистического отношения к природе* и производствеииым предприятиям».

Что̀ сие должно означать,— над этнм пусть ломают себе головы будущне юрнсты хозяйственной коммуны, мы же отказываемся от какой бы то нн было попытки в этом направленнн. Мы узнаём от г-на Дюринга только то, что

это право отиюдь ие тождествеино с «корпоративиой собствеииостью рабочих обществ», которая не исключает взаимиой конкуреицин и даже эксплуатации наемиого труда.

При этом вскользь говорнтся, что

идея «общей собствеииости», встречающаяся также и у Маркса, «по меиьшей мере иеясиа и сомиительиа, ибо это представлеиие о будущем всегда имеет такой вид, как будто оио озиачает лишь корпоративиую собствеииость отдельных рабочих групп».

Мы снова имеем здесь дело с одннм из столь обычных у г-на Дюрннга «мерзкнх прнемчиков» подтасовкн, «для вульгарного характера которых» (как он сам говорнт) «вполне подходнло бы только вульгарное слово — гнусно»; это такая же высосанная нз пальца ложь, как и другая выдумка г-на Дюрннга, будто общая собственность является у Маркса «собственностью одновременно н нндньидуальной, и общественной».

Одно, во всяком случае, ясно: публицистнческое право данной хозяйственной коммуны на ее средства труда является нсключительным правом собственностн, по крайней мере по отношенню ко всякой другой хозяйственной коммуне, а также по отношению ко всему обществу н государству.

Но это право должио быть лишеио возможиости «изолироваться... от виешиего мира, ибо между различиыми хозяйствеииыми коммуиами существует свобода передвижения и обязательный прием иовых члеиов, согласио определеииым закоиам и адмииистративным иормам... подобио...

> нынешней принадлежности к какому-нибудь политическому образованию или участию в хозяйственных делах общины».

Следовательно, будут существовать богатые и бедные хозяйственные коммуны, и их выравнивание будет происходить путем притока населения к богатым коммунам и отлива его из бедных коммун. Таким образом, г-н Дюринг, желающий устранить конкуренцию из-за продуктов между отдельными коммунами посредством организации торговли в национальном масштабе, преспокойно оставляет существовать конкуренцию из-за производителей. Вещи изымаются из сферы конкуренции, люди же остаются подчиненными ей.

Однако это еще далеко не дает нам ясности относительно «публицистического права». Двумя страницами далее г-н Дюринг объявляет нам:

> Торговая коммуна простирается «прежде всего так же далеко, как и та политическо-общественная область, жители которой являются в своей совокупности единым правовым субъектом и в качестве такового имеют право распоряжаться всеми землями, жилищами и производственными предприятиями».

Итак, право распоряжаться принадлежит все-таки не отдельной коммуне, а всей нации. «Публичное право», «право на вещь», «публицистическое отношение к природе» и т. д.— все это не только «по меньшей мере неясно и сомнительно», но и находится в прямом противоречии с самим собой. Здесь действительно получается — по крайней мере, поскольку каждая отдельная хозяйственная коммуна тоже является субъектом права,— «собственность одновременно и индивидуальная, и общественная»; и эту «туманную ублюдочную форму» можно встретить поэтому опять-таки только у самого г-на Дюринга.

Во всяком случае, хозяйственная коммуна распоряжается своими средствами труда в целях производства. Как же идет это производство? Если судить по тому, что сообщает нам г-н Дюринг, оно идет совсем по-старому, с той только разницей, что место капиталиста заняла теперь коммуна. Самое большее, мы узнаём еще, что только отныне каждому предоставляется свободный выбор профессии и что устанавливается равная для всех обязанность труда.

Основную форму всего существовавшего до сих пор производства образует разделение труда, с одной стороны, внутри общества, с другой — внутри каждого отдельного производственного предприятия. Как же относится к разделению труда дюринговский «социалитет»?

Первым крупным общественным разделением труда является отделение города от деревни.

Этот антагонизм,— полагает г-н Дюринг,— «неустраним по самой природе вещей». Однако «вообще не вполне правильно представлять себе пропасть между сельским хозяйством и промышленностью... незаполнимой. В действительности уже теперь существует некоторая непрерывность перехода между ними, а в будущем она обещает стать значительно большей». Уже теперь в земледелие и сельское хозяйство проникли две отрасли промышленности: «во-первых, винокурение, во-вторых, производство свекловичного сахара... значение же производства спирта так велико, что его скорее преуменьшают, чем преувеличивают». И «если бы в результате каких-нибудь открытий образовался более значительный круг таких отраслей промышленности, которые делали бы необходимым размещение производства в деревне в непосредственной близости к производству сырья», то этим самым была бы ослаблена противоположность между городом и деревней и была бы «приобретена широчайшая основа для развития цивилизации». Впрочем, «нечто подобное может возникнуть и другим путем. Кроме технической необходимости, все большее значение приобретают социальные потребности, и когда эти последние получат решающее влияние на группировку различных видов человеческой деятельности, то невозможно уже будет оставлять в пренебрежении те выгоды, которые проистекают из установления систематической тесной связи между занятиями деревни и деятельностью по технической переработке продуктов».

Но вот в хозяйственной коммуне возникает как раз вопрос о социальных потребностях. Не поспешит ли она в таком случае использовать в самой полной мере упомянутые выше выгоды соединения земледелия с промышленностью? Г-н Дюринг не замедлит теперь, конечно, с обычной для него обстоятельностью сообщить нам свое «более точное понимание» отношения хозяйственной коммуны к этому вопросу. Не так ли? Жестоко обманулся бы читатель, подумав так. Приведенные выше тощие и затасканные общие места, которые опять-таки все время вертятся вокруг да около винокуренной и сахароваренной сферы действия прусского права,— вот и все, что г-н Дюринг в состоянии сказать нам по вопросу о противоположности между городом и деревней в настоящем и будущем.

Перейдем к разделению труда в деталях. Здесь г-н Дюринг уже несколько «более точен». Он говорит о

«личности, которая должна отдаться *исключительно одному* роду деятельности». Если дело идет о введении какой-нибудь новой отрасли производства, то «вопрос заключается просто в том, есть ли возможность некоторым образом создать определенное число *существ*, которые

посвятили бы себя производству одного вида продуктов, а также возможно ли создать необходимое для них потребление» (!). Любая отрасль производства в социалитете «*не потребует труда* большой массы *населения*». И в социалитете тоже будут существовать *«экономические разновидности»* людей, «различающиеся по своему образу жизни».

Таким образом, в сфере производства все остается более или менее по-старому. Правда, г-н Дюринг признаёт, что

в обществе господствует до сих пор «порочное разделение труда»,

но в чем заключается это последнее и чем оно будет заменено в хозяйственной коммуне, об этом мы узнаём лишь следующее:

«Что касается вопроса о самом разделении труда, то, как мы уже сказали выше, он может считаться решенным, раз будут приниматься во внимание различия природных условий и личных способностей».

Наряду со способностями будет играть роль и личная склонность:

«Привлекательность восхождения к таким родам деятельности, которые требуют бо́льших способностей и предварительной подготовки, будет покоиться исключительно на склонности к соответствующему занятию и на удовольствии от *выполнения именно этой и никакой другой вещи*» (выполнение вещи!).

Таким путем в социалитете будет вызвано соревнование и

«само производство приобретет известный интерес, а тупое ремесленничество, которое ценит производство лишь как средство для получения дохода, перестанет налагать свой глубокий отпечаток на все общественные отношения».

Господство разделения труда над производителями в буржуазном обществе

Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства,— а современное общество является именно таким,— не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Сказанное относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной промышленности был наиболее могущественным,— к разделению труда. Уже первое крупное разделение труда — отделение города от деревни —

обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других. Если крестьянин овладевает землей, а горожанин — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником. Вместе с разделением труда разделяется и сам человек. Развитию одной-единственной деятельности приносятся в жертву все прочие физические и духовные способности. Это калечение человека возрастает в той же мере, в какой растет разделение труда, достигающее своего высшего развития в мануфактуре. Мануфактура разлагает ремесло на его отдельные частичные операции, отводит каждую из них отдельному рабочему как его пожизненную профессию и приковывает его таким образом на всю жизнь к определенной частичной функции и к определенному орудию труда. «Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований... Сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы» (Маркс) [538],— в автоматическое орудие, которое во многих случаях достигает своего совершенства лишь путем буквального физического и духовного уродования рабочего. Машины, применяемые в крупной промышленности, низводят рабочего от положения машины до роли простого придатка к ней. «Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины» (Маркс) [539]. И не одни только рабочие, но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа порабощен своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист порабощен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще порабощены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности — даже и тогда, когда этой специальностью является просто ничегонеделание.

Уже утописты вполне понимали последствия раз-

Уничтожение старого разделения труда

Уничтожение противоположности между городом и деревней

деления труда, видели калечение, с одной стороны, рабочего, а с другой стороны — самой трудовой деятельности, сводящейся к тому, что рабочий в течение всей своей жизни однообразно, механически повторяет одну и ту же операцию. И Фурье, и Оуэн требовали уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда вообще. Согласно взгляду обоих, население должно распределяться по стране группами в 1 600—3 000 человек; каждая группа занимает в центре своей территории громадный дворец и ведет общее домашнее хозяйство. И хотя Фурье говорит местами о городах, однако сами эти города состоят только из четырех или пяти таких дворцов, расположенных по соседству друг с другом. Согласно взгляду обоих, каждый член общества занимается и земледелием, и промышленностью. У Фурье главную роль в промышленности играют ремесло и мануфактура, у Оуэна, напротив,— уже крупная промышленность, и он требует уже применения силы пара и машин к работам домашнего хозяйства. Но оба они выдвигают требование, чтобы и в земледелии, и в промышленности существовало возможно большее чередование занятий для каждого отдельного лица и чтобы, сообразно с этим, юношество подготовлялось воспитанием к возможно более всесторонней технической деятельности. Согласно взгляду обоих, человек должен всесторонне развивать свои способности путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь вернуть себе утраченную вследствие его разделения привлекательность — прежде всего посредством указанного чередования занятий и соответствующей этому небольшой продолжительности «сеанса» (употребляя выражение Фурье) [540], посвящаемого каждой отдельной работе. Оба названные утописта стоят неизмеримо выше унаследованного г-ном Дюрингом способа мышления эксплуататорских классов, согласно которому противоположность между городом и деревней неустранима по самой природе вещей. Согласно этому ограниченному способу мышления, известное количество «существ» должно остаться при всех условиях обреченным на то, чтобы производить *один* вид продуктов: таким путем хотят увековечить существование «экономических разновидностей» людей, различающихся по своему образу жизни,— людей, испытывающих удовольствие от того, что они занимаются именно этим, и никаким иным, делом, и, следовательно, так глубоко опустившихся, что они *радуются* своему собственному порабощению, своему превращению в однобокое существо. При сопоставлении

Всестороннее развитие человека

с основными мыслями, содержащимися даже в самых безумно смелых фантазиях «идиота» Фурье, при сопоставлении даже с самыми скудными идеями «грубого, тусклого и скудного» Оуэна [517], г-н Дюринг, который сам еще всецело остается рабом разделения труда, выглядит как самодовольный карлик.

Обобществление средств производства
Планомерное производство
Освобождение каждого человека и всего общества
Уничтожение старого разделения труда
Необходимость и всеобщность труда

Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства. Само собой разумеется, что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека [541]. Старый способ производства должен быть, следовательно, коренным образом перевернут, и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда. На его место должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования, и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные,— где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение.

Всестороннее развитие человека

Труд как потребность

Все это в настоящее время уже отнюдь не фантазия и не благочестивое пожелание. При современном развитии производительных сил достаточно уже того увеличения производства, которое будет вызвано самим фактом обобществления производительных сил, достаточно одного устранения проистекающих из капиталистического способа производства затруднений и помех, расточения продуктов и средств производства, чтобы, при всеобщем участии в труде, рабочее время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров.

Сокращение рабочего времени

Уничтожение старого разделения труда

Точно так же уничтожение старого разделения труда отнюдь не является таким требованием, которое может быть осуществлено лишь в ущерб производительности труда. Напротив, благодаря крупной промышленности оно стало условием самого производства. «Машинное производство уничтожает необходимость мануфактурно закреплять распределение групп рабочих между различными машинами, прикреплять одних и тех же рабочих навсегда к одним и тем же функциям. Так как движение фабрики в целом исходит не от рабочего, а от машины, то здесь может совершаться постоянная смена персонала, не вызывая перерывов процесса труда... Наконец, та быстрота, с которой человек в юношеском возрасте

научается работать при машине, в свою очередь устраняет необходимость воспитывать особую категорию исключительно машинных рабочих» [542]. Но в то время как капиталистический способ применения машин вынужден сохранять и дальше старое разделение труда с его окостенелыми частичными функциями, несмотря на то, что оно стало технически излишним,— сами машины восстают против этого анахронизма. Технический базис крупной промышленности революционен. «Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего... Мы видели, как это абсолютное противоречие... жестоко проявляется в непрерывном принесении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (Маркс, «Капитал») [543].

Закон перемены труда

Научив нас превращать, в технических целях, молекулярное движение, осуществимое более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок. Сила воды была

связана с данным местом, сила пара — свободиа. Еслн снла воды связана по иеобходнмостн с деревней, то снла пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капнталнстнческое прнмененне последней сосредоточнвает ее пренмущественно в городах и превращает фабрнчные села в фабрнчные города. Но этнм самым оно в то же время подрывает условня нормального хода пронзводства. Первая потребиость паровой машнны н главиая потребность почтн всех отраслей крупной промышленностн — это иалнчие сравннтельно чистой воды. Между тем фабрнчный город превращает всякую воду в вонючую жижу. Поэтому в той же мере, в какой концеитрацня в городах является основным условием капнталнстнческого пронзводства, в той же мере каждый промышленный капнталнст в отдельностн постояино стремнтся перенестн свое предприятне из большнх городов, нензбежно создаваемых капнталнстнческнм пронзводством, в сельскую местность. Этот процесс можно детально изучнть в текстильных округах Ланкашнра н Йоркшнра; капнталнстнческая крупиая промышленность непрерывио создает там иовые большне города тем, что оиа постоянно устремляется нз города в деревню. То же самое пронсходит в округах металлообрабатывающей промышленностн, где те же результаты порождаются отчасти другнмн причннамн.

Планомерная органнзацня пронзводнтельных снл
Размещенне промышленностн

Уничтожнть этот новый порочный круг, это постояиио возобиовляющееся противоречне современной промышлеиностн, возможно опять-таки лишь с уничтожеинем ее капнталнстнческого характера. Только общество, способное устаиовить гармоинческое сочетанне своих пронзводнтельиых снл по едному общему плаиу, может позволить промышлеиностн разместнться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развнтня н сохраиеиия, а также н для развнтня прочих элементов пронзводства.

Уннчтоженне протнвоположности между городом н деревней, нх слиянне

Такнм образом, уннчтоженне протнвоположностн между городом и деревней не только возможно,— оио стало прямой необходнмостью для самого промышленного пронзводства, как н для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно иеобходнмо в ннтересах общественной гнгнены. Только путем слняння города н деревни можно устраинть нынешиее отравленне воздуха, воды н почвы, н только прн этом условнн массы городского населення, ныне чахнущне, сумеют добнться такого положення, прн котором их экскременты будут использованы в качестве удобрения для выращивания растеннй, вместо того чтобы порождать болезнн.

Капнталнстнческая промышленность уже стала относительио незавнснмой от узкнх рамок местного

производства необходимых ей сырых материалов. Текстильная промышленность перерабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда перерабатывается в Англии и Германии, испанская и южноамериканская медная руда — в Англии. Каждый каменноугольный бассейн снабжает промышленность топливом далеко за своими пределами, охватывая все более расширяющуюся с каждым годом область. На всем европейском побережье паровые машины приводятся в движение английским каменным углем, местами — немецким и бельгийским. Общество, освобожденное от пут капиталистического производства, может пойти в этом направлении еще гораздо дальше. Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов.

Всестороннее развитие производителей

Уничтожение противоположности между городом и деревней

Распределение промышленности

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены — и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс. Какая бы участь ни была суждена германской империи прусской нации, Бисмарк может лечь в могилу с гордым сознанием, что его заветное желание, гибель больших городов, непременно осуществится [544].

Обобществление средств производства

Уничтожение старого разделения труда

Теперь, после всего сказанного, можно оценить по достоинству ребяческое представление г-на Дюринга, будто общество может взять во владение всю совокупность средств производства, не производя коренного переворота в старом способе производства и не устраняя прежде всего старого разделения труда; будто задача может считаться решенной, раз только «будут приниматься во внимание природные условия и личные способности». При этом, однако, целые массы человеческих существ останутся попрежнему прикованными к производству *одного* вида продуктов, целые «населения» будут заняты в одной какой-нибудь отрасли производства, и человечество будет, как и до сих пор, делиться на известное число различным образом искалеченных «экономических разновидностей», каковыми являются «тачечники» и

«архитекторы». Выходит, что общество в целом должно стать господином средств производства лишь для того, чтобы каждый отдельный член общества оставался рабом своих средств производства, получив только право выбрать, *какое* средство производства должно порабощать его. Пусть читатель обратит также внимание на то, как г-н Дюринг объявляет разрыв между городом и деревней «неустранимым по самой природе вещей», допуская здесь лишь ничтожный паллиатив в специфически прусских, по своему сочетанию, отраслях производства — винокуренной и свеклосахарной; как размещение промышленности по всей стране он ставит в зависимость от каких-то будущих открытий и от *вынужденной* необходимости непосредственно связывать промышленное производство с производством сырья — сырья, которое уже теперь потребляется во все растущем отдалении от места его производства,— и как он, в заключение, пытается прикрыть свой тыл уверением, что социальные потребности в конце концов приведут все-таки к соединению земледелия с промышленностью, даже *вопреки* экономическим соображениям, словно этим приносится какая-то экономическая жертва!

Обобществление средств производства

Размещение промышленности

Те революционные элементы, которым предстоит устранить старое разделение труда, а вместе с ним и разрыв между городом и деревней, и произвести переворот во всем производстве, содержатся уже в зачаточном состоянии в условиях производства современной крупной промышленности и встречают препятствие для своего дальнейшего развития лишь в нынешнем капиталистическом способе производства. Но для понимания этого нужно, конечно, иметь несколько более широкий горизонт, чем область действия прусского права, где водка и свекловичный сахар являются решающими продуктами промышленности и где торговые кризисы можно изучать по состоянию книжного рынка. Для этого надо знать настоящую крупную промышленность, в ее историческом развитии и ее современном действительном положении, особенно в той стране, которая является ее родиной и единственным местом, где она достигла своего классического развития. И тогда никому не придет в голову опошлять современный научный социализм и низводить его до *специфически прусского социализма* г-на Дюринга.

Предпосылки Уничтожение старого разделения труда

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 299—309*

Мы уже видели выше [545], что дюринговская политическая экономия сводится к положению: капиталистический способ *производства* вполне хорош и может быть сохранен, но капиталистический способ *распределения* — от лукавого, и он должен исчез-

нуть. Теперь мы убедились, что дюринговский «социалитет» представляет собой не что иное, как осуществление этого положения в фантазии. В самом деле, г-н Дюринг не находит почти никаких недостатков в способе производства капиталистического общества как таковом, он хочет сохранить старое разделение труда во всех существенных чертах и потому почти ни слова не может сказать о производстве в проектируемой им хозяйственной коммуне. Конечно, производство — это такая область, где мы имеем дело с осязательными фактами, и «рациональная фантазия» может предоставить здесь полету своей свободной души лишь ничтожный простор, так как опасность осрамиться слишком велика. Другое дело — распределение, которое, по мнению г-на Дюринга, не находится ни в какой связи с производством и определяется не производством, а просто актом воли: оно как бы самим небом предназначено для того, чтобы служить ареной для дюринговской «социальной алхимии».

Одинаковой для всех обязанности участвовать в производстве соответствует одинаковое право на потребление. Это одинаковое право на потребление организуется как в масштабе хозяйственной коммуны, так и в масштабе коммуны торговой, охватывающей целый ряд хозяйственных коммун. Здесь «труд... обменивается на другой труд согласно принципу равной оценки... Выполненная работа и то, что дается за нее взамен, представляют здесь действительно равные количества труда». И притом это «уравнивание человеческих сил» сохраняет свое значение «независимо от того, сколько отдельные личности произвели продуктов, больше или меньше, и *даже* в том случае, когда они случайно *ничего* не произвели», ибо всякое дело, поскольку оно требует затраты времени и сил,— следовательно, и игру в кегли и прогулку,— можно рассматривать как выполненную работу. Но этот обмен происходит не между отдельными лицами, так как собственником всех средств производства, а следовательно, и всех продуктов является община; этот обмен происходит, с одной стороны, между каждой хозяйственной коммуной и ее отдельными членами, а с другой — между различными хозяйственными и торговыми коммунами. «Все отдельные хозяйственные коммуны заменят в своих собственных пределах мелкую торговлю вполне планомерным сбытом». Точно так же будет организована и оптовая торговля. «Система свободного хозяйственного общества... остается поэтому громадным меновым учреждением, мероприятия которого осуществляются при посредстве денежной основы, даваемой благородными металлами. Понимание неизбежной необходимости этого основного свойства отличает нашу схему от всех тех туманных воззрений, которые присущи даже наиболее рациональным формам имеющих ныне хождение социалистических представлений».

В целях этого обмена хозяйственная коммуна, как первый присвоитель общественного продукта, должна устанавливать «для каждого рода предметов единую цену», соответ-

ствующую средним издержкам производства. «Ту роль, которую играет в настоящее время... для определения стоимости и цены так называемая себестоимость производства, будут играть» (в социалитете) «...оценки требующегося количества труда. Эти оценки согласно принципу, признающему за каждой личностью равные права также и в хозяйственной области, сводятся в конце концов к учету числа участвовавших в работе лиц; они будут служить основанием для определения соотношения цен, соответствующего одновременно природным условиям производства и общественному праву реализации. Производство благородных металлов сохранит то руководящее значение для установления стоимости денег, какое оно имеет и в настоящее время... Отсюда видно, что в измененном общественном строе мы не только не утрачиваем, но, напротив, здесь-то впервые находим подлинный принцип определения и меру, действительные в первую очередь для стоимостей, а следовательно, и для тех соотношений, в которых продукты обмениваются друг на друга».

Знаменитая «абсолютная стоимость», наконец, реализована.

Но, с другой стороны, коммуна должна будет также предоставить отдельным лицам возможность покупать у нее произведенные продукты, для чего коммуна будет выплачивать каждому своему члену ежедневно, еженедельно или ежемесячно определенную, для всех одинаковую, сумму денег в качестве эквивалента за его труд. «Поэтому, с точки зрения социалитета, безразлично, говорить ли о том, что заработная плата должна исчезнуть, или же о том, что она должна стать исключительной формой экономических доходов». Но одинаковые заработные платы и одинаковые цены создают «количественное, хотя и не качественное, равенство потребления», и тем самым получает свое экономическое осуществление «универсальный принцип справедливости».

Что касается определения уровня этой заработной платы будущего, то об этом г-н Дюринг говорит только, что

здесь, как и во всех других случаях, обменивается «равный труд на равный». За шестичасовой труд будут поэтому выплачивать сумму денег, воплощающую в себе тоже шесть часов труда.

Однако «универсальный принцип справедливости» отнюдь не следует смешивать с той грубой уравнительностью, которая приводит буржуа в такую ярость против всякого коммунизма, в особенности же против стихийного рабочего коммунизма. Этот принцип далеко не такой уж неумолимый, каким ему хотелось бы казаться.

«Принципиальное равенство прав в экономической области не исключает того, что наряду с удовлетворением тре-

бований справедливости будет иметь место еще *добровольное* выражение особой признательности и почета... Общество *делает самому себе честь*, когда отмечает высшие виды деятельности, предоставляя им *умеренную прибавку* для нужд потребления».

И г-н Дюринг тоже делает самому себе честь, когда, соединяя невинность голубя с мудростью змия[546], так трогательно заботится об умеренном добавочном потреблении для дюрингов будущего.

Этим самым, по Дюрингу, окончательно устраняется капиталистический способ распределения. Ибо

«даже если допустить, что при наличии такого положения вещей кто-нибудь действительно имел бы в своем распоряжении избыток частных средств, то он не в состоянии будет найти для этого избытка никакого капиталистического применения. Ни отдельная личность, ни группа лиц не станут приобретать этот избыток для целей производства иначе, как путем обмена или покупки, но никогда они не будут вынуждены платить обладателю избытка проценты или прибыль». И поэтому допустимо «наследование, соответствующее принципу равенства». Оно неизбежно, ибо «известного рода наследование всегда будет необходимым спутником семейного принципа». Право наследования тоже «не сможет привести к накоплению больших состояний, ибо образование собственности... здесь больше уже не может иметь своей целью создание средств производства и возможности существовать исключительно в качестве рантье».

Таким образом, хозяйственная коммуна как будто благополучно сконструирована. Посмотрим теперь, как она хозяйствует.

Мы предполагаем, что все проекты г-на Дюринга полностью осуществлены; мы заранее предполагаем, следовательно, что хозяйственная коммуна выплачивает каждому своему члену за его ежедневный шестичасовой труд денежную сумму, в которой воплощены тоже шесть часов труда, скажем — 12 марок. Равным образом мы предполагаем, что цены точно соответствуют стоимостям, т. е., при наших предпосылках, заключают в себе только затраты на сырье, изнашивание машин, потребление средств труда и выплаченную заработную плату. Хозяйственная коммуна, состоящая из ста работающих членов, производит в таком случае ежедневно товаров на 1 200 марок, а в год, состоящий из 300 рабочих дней,— на 360 000 марок, и такую же сумму она выплачивает своим членам, из которых каждый делает, что ему угодно, со своей долей в 12 марок в день, или 3 600 марок в год. В конце года, как и через сто лет, коммуна будет не богаче, чем в самом начале. В течение всего этого времени она не будет даже в состоянии предоставлять г-ну Дюрингу умеренную прибавку для

нужд потребления, если она не хочет затронуть для этого фонд своих средств производства. Накопление совершенно забыто. Хуже того: так как накопление является общественной необходимостью, а сохранение денег дает удобную для накопления форму, то организация хозяйственной коммуны прямо призывает ее членов к частному накоплению и тем самым — к разрушению самой коммуны.

Накопление

Как избежать этого разлада в природе хозяйственной коммуны? Она могла бы искать выхода в излюбленном г-ном Дюрингом «обложении данью», в надбавке к цене, и продавать свою годовую продукцию вместо 360 000 марок за 480 000. Но так как все остальные хозяйственные коммуны находятся в том же самом положении и потому должны были бы сделать то же самое, то каждой из них, при обмене с другой, пришлось бы платить такую же сумму «дани», какую она кладет в свой карман, и, таким образом, «подать» ложилась бы только на ее собственных членов.

Или же коммуна решит это дело гораздо проще, а именно — шестичасовой труд каждого члена коммуны она будет оплачивать продуктом не шестичасового труда, а меньшего количества часов, скажем — всего только четырех часов, т. е. вместо 12 марок будет платить ежедневно только 8 марок, оставляя при этом цены товаров на прежней высоте. В этом случае коммуна прямо и открыто делает то, что она в предыдущем случае пыталась делать скрыто и окольным путем: она ежегодно накапливает открытую Марксом прибавочную стоимость в размере 120 000 марок, оплачивая чисто капиталистическим способом труд своих членов ниже произведенной ими стоимости и расценивая в то же время по полной стоимости товары, которые они могут приобретать только у нее. Таким образом, хозяйственная коммуна только в том случае сможет образовать резервный фонд, если она разоблачит себя как «облагороженную» truck system * на самой широкой коммунистической основе.

Итак, одно из двух: либо хозяйственная коммуна обменивает «равный труд на равный», и тогда не она, а только частные лица в состоянии накопить у себя фонд для поддержания и расширения производства, либо же она образует такой фонд, но тогда она не обменивает «равный труд на равный».

Так обстоит дело с содержанием обмена в хозяйственной коммуне. А как обстоит дело с его формой?

* Truck system называется в Англии хорошо известная также в Германии система, при которой фабриканты сами являются владельцами лавок и заставляют своих рабочих приобретать нужные им товары в этих лавках.

Деньги

Обмен осуществляется посредством металлических денег, и г-н Дюринг немало кичится «всемирно-историческим значением» этого усовершенствования. Но в обмене между коммуной и ее членами эти деньги отнюдь *не являются* деньгами, они отнюдь не функционируют в качестве денег. Они служат всего лишь рабочими квитанциями, или, говоря словами Маркса, они лишь констатируют «индивидуальную долю участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта» и в этой своей функции «имеют с деньгами так же мало общего, как, скажем, театральный билет» *. Они могут поэтому быть заменены каким угодно знаком, и Вейтлинг, например, заменяет их «коммерческой книжкой» **, где на одной стороне отмечаются рабочие часы, а на другой — получаемые за них предметы потребления [547]. Одним словом, в обмене между хозяйственной коммуной и ее членами деньги функционируют просто как оуэновские «рабочие деньги», единицей которых служит час труда,— этот «фантом», на который с таким презрением взирает г-н Дюринг и который он сам, однако, вынужден ввести в свое хозяйство будущего. Будет ли марка, обозначающая количество выполненных «производственных обязанностей» и приобретенных за это «прав на потребление», клочком бумаги, жетоном или золотой монетой,— это для *данной* цели совершенно безразлично. Но для других целей это далеко не безразлично, как будет показано ниже.

Если, таким образом, металлические деньги уже в обмене между хозяйственной коммуной и ее членами функционируют не в качестве денег, а как замаскированные трудовые марки, то еще менее они осуществляют свою функцию денег при обмене между различными хозяйственными коммунами. Здесь, если допустить предпосылки г-на Дюринга, металлические деньги совершенно излишни. Действительно, тут было бы совершенно достаточно простой бухгалтерии, которая гораздо проще обслуживает обмен продуктов известного количества труда на продукты такого же количества труда, если она ведет счет при помощи естественного мерила труда — времени и рабочего часа как его единицы,— чем в том случае, когда она предварительно переводит рабочие часы на деньги. Обмен является здесь в действительности чисто натуральным обменом; все превышения требований легко и просто выравниваются путем переводов на другие коммуны. Если же какая-нибудь

* См. наст. т., с. 179. *Ред.*
** Перевод уточнен. *Ред.*

коммуна действительно оказалась бы в дефиците по отношению к другим коммунам, то все «имеющееся во вселенной золото», сколько бы его ни провозглашали «деньгами по самой природе своей», не в состоянии избавить эту коммуну от необходимости покрытия дефицита путем увеличения собственного труда, если только она не желает впасть в долговую зависимость от других коммун. Впрочем, пусть читатель все время не упускает из виду, что мы здесь отнюдь не занимаемся конструированием будущего. Мы просто принимаем условно предположения г-на Дюринга и только делаем неизбежно вытекающие из них выводы.

Итак, золото, которое «по самой природе своей является деньгами», не может осуществить эту свою природную функцию ни в обмене между хозяйственной коммуной и ее членами, ни в обмене между различными коммунами. Тем не менее г-н Дюринг предписывает золоту выполнение этой функции и в «социалитете». При таком положении дела приходится искать для нее другой сферы деятельности. И такая сфера действительно существует. Хотя г-н Дюринг и дает каждому право на «количественно равное потребление», но он никого не может принудить к этому. Наоборот, он гордится тем, что в созданном им мире каждый может делать со своими деньгами все, что ему угодно. Он не может, следовательно, помешать тому, чтобы одни откладывали себе деньжонки, между тем как другие не в состоянии будут свести концы с концами на свой заработок. Он делает такой исход даже неизбежным, открыто признавая в праве наследования общую собственность семьи, откуда вытекает далее обязанность родителей содержать детей. Но этим в количественно равном потреблении пробивается огромная брешь. Холостяк великолепно и весело живет на свой ежедневный заработок в восемь или двенадцать марок, тогда как вдовец с восемью несовершеннолетними детьми может лишь скудно прожить на такой заработок. С другой стороны, коммуна, принимая без оговорок в уплату всякие деньги, тем самым допускает возможность, что эти деньги были приобретены не собственным трудом, а каким-либо иным путем. Non olet [548]. Она не знает их происхождения. Но в таком случае имеются все условия для того, чтобы металлические деньги, игравшие до сих пор только роль трудовой марки, начали действительно выполнять функцию денег. Налицо оказывается возможность и мотив, с одной стороны, для образования сокровищ, с другой — для возникновения задолженности. Нуждающийся занимает у того, кто копит деньги. Полученные взаймы деньги, принимаемые коммуной в уплату за

жизненные средства, становятся опять тем, чем они являются в современном обществе,— общественным воплощением человеческого труда, действительной мерой труда, всеобщим средством обращения. Все «законы и административные нормы» в мире так же бессильны изменить это, как не могут они изменить таблицу умножения или химический состав воды. А так как собиратель сокровищ имеет возможность заставить нуждающегося платить проценты, то вместе с металлическими деньгами, функционирующими в качестве настоящих денег, восстанавливается также и ростовщичество.

До сих пор мы рассматривали только те последствия, которые порождаются сохранением металлических денег в сфере действия дюринговской хозяйственной коммуны. Но вне этой сферы остальной грешный мир спокойно продолжает пока что жить по старинке. На мировом рынке золото и серебро остаются ***мировыми деньгами***, всеобщим покупательным и платежным средством, абсолютным общественным воплощением богатства. А вместе с этой ролью благородного металла возникает для отдельных членов хозяйственной коммуны новый мотив к образованию сокровищ, к обогащению, к ростовщичеству,— мотив, толкающий на то, чтобы свободно и независимо лавировать как по отношению к коммуне, так и за ее рубежом, реализуя на мировом рынке накопленное частное богатство. Ростовщики превращаются в торговцев средствами обращения, в банкиров, в господ, владеющих средствами обращения и мировыми деньгами, а следовательно, в господ, захвативших в свои руки производство и самые средства производства, хотя бы эти последние еще много лет продолжали фигурировать номинально как собственность хозяйственной и торговой коммуны. Но тем самым эти превратившиеся в банкиров собиратели сокровищ и ростовщики становятся также господами самой хозяйственной и торговой коммуны. «Социалитет» г-на Дюринга в самом деле весьма существенно отличается от «туманных представлений» других социалистов. Он не преследует никакой другой цели, кроме возрождения крупных финансистов; под их контролем и для их кошельков коммуна будет самоотверженно изнурять себя работой,— если она вообще когда-нибудь возникнет и будет существовать. Единственным для нее спасением могло бы явиться лишь то, что собиратели сокровищ предпочтут, быть может, при помощи своих мировых денег не медля ни минуты... сбежать из коммуны.

При господствующем в Германии основательном незнакомстве со старыми социалистическими учениями, какой-нибудь невинный юноша может задать

вопрос, не могут ли, например, и оуэновские трудовые марки дать повод к подобному же злоупотреблению. Хотя мы и не обязаны здесь выяснять значение этих трудовых марок, все же — для сравнения дюринговского «всеобъемлющего схематизма» с «грубыми, тусклыми и скудными идеями» Оуэна — мы считаем уместным заметить следующее. Во-первых, для такого злоупотребления оуэновскими трудовыми марками было бы необходимо предварительное превращение их в действительные деньги, между тем как г-н Дюринг предполагает ввести действительные деньги, но хочет запретить им функционировать иначе, чем в качестве простых трудовых марок. В первом случае имело бы место действительное злоупотребление, во втором же случае прокладывает себе путь имманентная, не зависящая от человеческой воли природа денег: деньги добиваются здесь свойственного им нормального употребления наперекор тому злоупотреблению, которое г-н Дюринг хочет навязать им в силу своего собственного непонимания природы денег. Во-вторых, трудовые марки представляют собой у Оуэна лишь переходную форму к полной общности общественных ресурсов и свободному пользованию ими и, самое большее, преследуют еще побочную цель — сделать коммунизм более приемлемым для британской публики. Поэтому если бы какое-нибудь злоупотребление заставило оуэновское общество отменить трудовые марки, то тем самым это общество сделало бы шаг вперед в направлении к своей цели и поднялось бы на более высокую ступень развития. Наоборот, стоит дюринговской хозяйственной коммуне отменить деньги, и она тотчас теряет свое «всемирно-историческое значение», лишается наиболее оригинальной своей прелести, перестает быть дюринговской хозяйственной коммуной и опускается до уровня тех туманных представлений, над которыми г-н Дюринг поднял ее с такими тяжелыми усилиями рациональной фантазии *.

Откуда же возникают все эти странные блуждания и шатания, на которые обречена хозяйственная коммуна г-на Дюринга? Они возникают просто благодаря туману, окутывающему в голове г-на Дюринга понятия стоимости и денег и заставляющему его в конце концов стремиться к открытию стоимости труда. Но так как в Германии г-н Дюринг отнюдь

* Заметим мимоходом: г-ну Дюрингу совершенно неизвестна та роль, которую трудовые марки играют в оуэновском коммунистическом обществе. Он знает об этих марках — из книги Сарганта [549] — лишь постольку, поскольку они фигурируют в естественно не удавшихся Labour Exchange Bazaars [515], этих попытках перейти с помощью прямого трудообмена из существующего общества в коммунистическое.

не имеет монополии на подобные туманные представления, а, наоборот, имеет в этом отношении много конкурентов, то мы «заставим себя на минуту заняться распутыванием того клубка», который он здесь смастерил.

Единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть стоимость товаров. [...]

[...] Когда я говорю, что какой-нибудь товар имеет определенную стоимость, то я этим утверждаю: 1) что он представляет собой общественно-полезный продукт; 2) что он произведен частным лицом за частный счет; 3) что, будучи продуктом частного труда, он является одновременно, как бы без ведома производителя и независимо от его воли, продуктом общественного труда, притом определенного количества этого труда, устанавливаемого общественным путем, посредством обмена; 4) это количество я выражаю не в самом труде, не в таком-то числе рабочих часов, а *в каком-нибудь другом товаре*. [...]

Но товарное производство и товарный обмен, вынуждая покоящееся на них общество прибегать к такому окольному пути, заставляют его вместе с тем возможно больше сокращать этот путь. Они выделяют из общей плебейской массы товаров один царственный товар, в котором раз навсегда может выражаться стоимость всех других товаров,— товар, который признаётся непосредственным воплощением общественного труда и потому может непосредственно и безусловно обмениваться на все другие товары: этот товар — деньги. Деньги в зародыше уже содержатся в понятии стоимости, они представляют собой лишь развившуюся стоимость. Но когда стоимость товаров, в отличие от самих товаров, получает самостоятельное бытие в деньгах, тогда в общество, производящее и обменивающее товары, вступает новый фактор,— фактор с новыми общественными функциями и последствиями. [...]

Однако товарное производство — вовсе не единственная форма общественного производства. В древнеиндийской общине и в южнославянской задруге продукты не превращаются в товары. Члены общины объединены для производства непосредственно общественной связью, труд распределяется согласно обычаю и потребностям, и таким же образом распределяются продукты, поскольку они идут на потребление. Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере внутри общины), а значит и превращение их в *стоимости*.

Обобществление средств производства

Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в не-

посредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем. Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае известны людям прямо и абсолютно, то обществу не может прийти в голову также и впредь выражать их посредством всего лишь относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей раньше неизбежной за неимением лучшего средства,— т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является *время*. Точно так же и химия не стала бы выражать атомные веса разных элементов окольным путем, в их отношении к атому водорода, в том случае, если бы она умела выражать атомные веса абсолютно, в их адекватной мере, а именно — в действительном весе, в биллионных или квадрильонных частях грамма. Следовательно, при указанных выше условиях, общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать нелепым и бессмысленным образом, говоря, что это сукно обладает *стоимостью* в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной «стоимости» *.

Непосредственно общественный труд
Мера труда

Стоимость

Производственный план

* Что вышеупомянутое взвешивание полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве представляет собой все, что остается в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость, это я высказал уже в 1844 г. («Deutsch-Französische Jahrbücher», стр. 95) [550]. Но очевидно, что научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря «Капиталу» Маркса.

Понятие стоимости является наиболее общим и потому всеобъемлющим выражением экономических условий товарного производства. В понятии стоимости содержатся поэтому в зародыше не только деньги, но и все более развитые формы товарного производства и товарного обмена. [...] В форме стоимости продуктов уже содержится в зародыше вся капиталистическая форма производства, противоположность между капиталистами и наемными рабочими, промышленная резервная армия, кризисы. Желать уничтожения капиталистической формы производства при помощи установления «истинной стоимости» — это то же самое, что стремиться к уничтожению католицизма путем избрания «истинного» папы или пытаться создать такое общество, где производители будут, наконец, господствовать над своим продуктом, путем последовательного проведения в жизнь экономической категории, являющейся наиболее широко охватывающим выражением того факта, что производители порабощены своим собственным продуктом.

Раз товаропроизводящее общество развило форму стоимости, присущую товарам как таковым, в форму денег, то многое из того, что в стоимости еще скрыто в виде зародышей, прорывается наружу. Ближайшим и наиболее существенным результатом является то, что товарная форма приобретает всеобъемлющий характер. [...] И с той же естественной необходимостью деньги, наперекор всем «законам и административным нормам», должны были бы разложить дюринговскую хозяйственную коммуну, если бы она когда-нибудь осуществилась. [...]

«Обмен труда на труд, согласно принципу равной оценки», поскольку это выражение г-на Дюринга вообще имеет какой-нибудь смысл, означает, что продукты равных количеств общественного труда обмениваются друг на друга. Это и есть закон стоимости — основной закон как раз товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства. Он прокладывает себе путь в современном обществе таким способом, каким только и могут прокладывать себе путь экономические законы в обществе частных производителей, т. е. как слепо действующий закон природы, заключенный в самих вещах и отношениях и не зависящий от воли и стремлений производителей. Возводя этот закон в основной закон своей хозяйственной коммуны и требуя, чтобы она проводила его вполне сознательно, г-н Дюринг делает основной закон существующего общества основным законом своего фантастического общества. Он хочет сохранить современное общество, но без его отрицательных сторон.

Он стоит совершенно на той же почве, что и Прудон. Подобно последнему, он хочет устранить отрицательные стороны, возникшие вследствие развития товарного производства в капиталистическое, выдвигая против них тот самый основной закон капиталистического производства, действие которого как раз и породило эти отрицательные стороны. Подобно Прудону, он хочет уничтожить действительные следствия закона стоимости при помощи фантастических.

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 310—325*

«В свободном обществе не должно быть никакого культа [...]» «Правильно понятая социалитарная система *должна* поэтому... *упразднить* все аксессуары духовного колдовства и, следовательно, все существенные элементы культа».

Религия воспрещается.

Но ведь всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения. Этот первоначальный процесс прослежен при помощи сравнительной мифологии — по крайней мере у индоевропейских народов — до его первого проявления в индийских ведах, а в дальнейшем своем развитии он детально исследован у индусов, персов, греков, римлян, германцев и, насколько хватает материала, также у кельтов, литовцев и славян. Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы,— силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил [...]. На дальнейшей ступени развития вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на *одного* всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека. Так возник монотеизм, который исторически был последним продуктом греческой вульгарной философии более поздней эпохи и нашел свое уже готовое воплощение в иудейском, исключительно национальном боге Ягве. В этой удобной для ис-

Религия

пользования и ко всему приспособляющейся форме религия может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным, до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил. Но мы уже неоднократно видели, что в современном буржуазном обществе над людьми господствуют, как какая-то чуждая сила, ими же самими созданные экономические отношения, ими же самими произведенные средства производства. Фактическая основа религиозного отражения действительности продолжает, следовательно, существовать, а вместе с этой основой продолжает существовать и ее отражение в религии. И хотя буржуазная политическая экономия и дает некоторое понимание причинной связи этого господства чуждых сил, но дело от этого ничуть не меняется. Буржуазная политическая экономия не в состоянии ни предотвратить кризисы вообще, ни уберечь отдельного капиталиста от убытков, от безнадежных долгов и банкротства, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты. До сих пор еще в ходу поговорка: человек предполагает, а бог (т. е. господство чуждых человеку сил капиталистического способа производства) располагает.

Условия отмирания религии

Одного только познания, даже если оно идет дальше и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*. И когда

Обобществление средств производства
Планомерное производство
Освобождение общества и всех его членов

это действие будет совершено, когда общество, взяв во владение всю совокупность средств производства и планомерно управляя ими, освободит этим путем себя и всех своих членов от того рабства, в котором ныне их держат ими же самими произведенные, но противостоящие им, в качестве непреодолимой чуждой силы, средства производства, когда, следовательно, человек будет не только предполагать, но и располагать,— лишь тогда исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор еще отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать.

Но г-н Дюринг не расположен ждать, пока религия умрет своей естественной смертью. Он поступает основательнее. Он перебисмаркивает самого Бисмарка: он декретирует еще более строгие майские законы [551] не только против католицизма, но и против всякой религии вообще; он натравливает своих жандармов будущего на религию и помогает ей, таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование. Куда мы

ии посмотрим — везде специфически прусский социализм.

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 328—330*

Семья

Подобно тому как г-н Дюринг считает возможным, как мы это видели выше, заменить капиталистический способ производства общественным, не преобразуя самого производства,— точно так же он воображает, что можно оторвать современную буржуазную семью от всей ее экономической основы, не изменяя тем самым всей формы семьи. Эта форма представляется ему до такой степени неизменной, что он даже делает «древнее римское право», хотя и в несколько «облагороженном» виде, руководящим началом для семейных отношений на вечные времена, представляя себе семью только как «оставляющую наследство», т. е. как владеющую собственностью единицу. В этом вопросе утописты стоят неизмеримо выше г-на Дюринга. Для них, вместе с установлением свободного объединения людей в общество и превращением частной домашней работы в общественную промышленность, непосредственно дано также и обобществление воспитания юношества, а вместе с тем действительно свободные взаимоотношения членов семьи. Далее, уже Маркс установил («Капитал», стр. 515 и сл.), что «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами» *.

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 330—331*

Воспитание

[...] Г-н Дюринг слышал краем уха, что в социалистическом обществе труд и воспитание будут соединены и таким путем подрастающим поколениям будет обеспечено разностороннее техническое образование, как и практическая основа для научного воспитания; поэтому также и этот пункт он использует на свой обычный лад для социалитета. Но так как в сфере производства, по г-ну Дюрингу, прежнее разделение труда в существенных чертах, как мы видели, преспокойно продолжает существовать, то у этого технического школьного образования отнимается всякое позднейшее практическое применение, отнимается всякое значение для самого производства,— техническое образование преследует исключительно школьную цель: оно должно заменить собой

* См. наст. т., с. 185—186. *Ред.*

гимнастику, о которой наш радикальный новатор и слышать не хочет. Вот почему г-н Дюринг и может дать нам по этой части лишь две-три банальные фразы, вроде следующей:

«Юноши, как и старики, должны работать в серьезном смысле этого слова».

Поистине жалкое впечатление производит это беспомощное и бессодержательное переливание из пустого в порожнее, когда сравниваешь его с тем местом «Капитала» (стр. 508—515), где Маркс развивает положение, что «из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» *.

Оставим в стороне университет будущего, где философия действительности будет служить ядром всего знания и где рядом с медицинским факультетом будет процветать также и юридический; оставим в стороне также «специальные учебные заведения», о которых мы узнаём лишь то, что они предназначаются только «для двух-трех дисциплин».

Январь — июнь 1878 г. *т. 20, с. 334—335*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВУ, 10 АВГУСТА 1878 г. [552]

Перспективы революции

Г-н Бисмарк, который в течение семи лет так работал на нас, как если бы мы за это ему платили, теперь, по-видимому, уже не может сдержать своих усилий ускорить пришествие социализма. «После меня хоть потоп» — не удовлетворяет его; он добивается наступления этого потопа еще при жизни,— да свершится воля его! Боюсь только, что он работает чересчур усердно и потоп наступит раньше положенного срока.

т. 34, с. 263

* См. наст. т., с. 184. *Ред.*

К. Маркс

ПРЕНИЯ В РЕЙХСТАГЕ О ЗАКОНЕ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ [553]

Мирный путь развития революции и насилие

«Если же вы несколько внимательнее рассмотрите эти учения и цели социал-демократии, то станет ясно, что не *мирное развитие является целью*, как говорили до сих пор, а что *мирное развитие — лишь этап*, ведущий к *конечной цели*, для достижения которой нет иного пути, кроме пути насилия» [...]

Если взять первую половину фразы, то она содержит либо тавтологию, либо глупость: когда Эйленбург говорит о «цели», «конечных целях», то у него оказываются «мирными» или «не мирными» именно эти цели, а не характер развития. На самом же деле Эйленбург хочет сказать следующее: мирное развитие по направлению к цели — только этап, который должен повести к насильственному развитию цели, и это последующее превращение «мирного» развития в «насильственное» заложено, по Эйленбургу, в самой природе поставленной цели. В данном случае цель — освобождение рабочего класса и заключающийся в ней общественный переворот (поворот) {Umwälzung (Umwendung)}. «Мирным» историческое развитие может оставаться лишь до тех пор, пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию. Если бы, например, в Англии и в Соединенных Штатах большинство в парламенте или в конгрессе получил рабочий класс, то он мог бы законным путем устранить стоящие на пути его развития законы и учреждения, да и то лишь в той мере, в какой это вызывается общественным развитием. И все-таки «мирное» движение превратилось бы в «насильственное», столкнувшись с *сопротивлением* заинтересованных в старом порядке, а если эти последние оказываются побежденными силой (как в американском движении и французской революции) [554], то они восстают против «законной» силы.

Право

Но то, что проповедует Эйленбург, это — *насильственная реакция* со стороны власть имущих против *развития*, которое *проходит* через «мирный этап», и цель этой реакции — предотвратить позднейшие «насильственные» конфликты; это — боевой клич насильственной контрреволюции против «мирного» развития. На деле правительство пытается *насильно* подавить неугодное ему, но с точки зрения *закона* неуязвимое развитие. Таково необходимое введение в насильственную революцию.

Вторая половина сентября 1878 г. — *т. 45, с. 142—143*

К. Маркс

БЕСЕДА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «CHICAGO TRIBUNE» [555]

Перспективы революции

Когда он говорит на свою любимую тему — о социализме,— то не прибегает к мелодраматическим тирадам, которые ему зачастую приписывают, но обстоятельно излагает свои утопические планы «освобождения человечества» с серьезностью и убежденностью, свидетельствующими, что он твердо уверен в осуществлении своих теорий, если не в этом, то, по крайней мере, в следующем столетии.

До 18 декабря 1878 г. *т. 45, с. 468*

— Ко времени съезда в Готе в 1875 г. среди социал-демократов не было единства. Одно крыло составляли сторонники Лассаля, а другое состояло из тех, кто в общем признавал программу Интернационала, и называлось Эйзенахской партией [556]. [...]

Общественная собственность на средства производства

— Однако,— заметил я,— социалисты в общем рассматривают превращение средств труда в коллективную собственность общества как кульминационный пункт движения.

— Конечно, мы говорим, что таков будет результат движения, но это является вопросом времени, образования и установления более высокоорганизованного общественного строя.

— Эта программа,— заметил я,— приемлема только для Германии и одной или двух других стран.

— Позвольте! — возразил он.— Если Вы делаете выводы только на этом основании, то Вы ничего не поймете в деятельности партии. Многие из пунктов программы не имеют значения вне Германии. Испания, Россия, Англия и Америка имеют свои программы, учитывающие особые трудности в каждой из этих стран. Единственное сходство этих программ состоит в общности их конечной цели.

— И эта цель — господство труда?

— Эта цель — *освобождение труда*.

До 18 декабря 1878 г. *т. 45, с. 470—471*

— Но все-таки,— спросил ваш корреспондент,— что сделал социализм до сих пор?

Международный характер коммунистического преобразования общества

— Два дела,— ответил он.— Социалисты доказали, что борьба между капиталом и трудом является всеобщей, повсеместной, словом, носит *всемирный*

характер, и поэтому они попытались добиться взаимопонимания между рабочими разных стран; это сделалось тем более необходимым, поскольку наем рабочих капиталистами приобрел еще более космополитические черты, иностранных рабочих противопоставляют местным не только в Америке, но и в Англии, Франции и Германии. И вот возникли интернациональные связи между рабочими различных стран — свидетельство того, что социализм является не только местной, но и интернациональной проблемой, которую следует решать путем интернациональных действий рабочих. Рабочий класс пришел в движение стихийно, не сознавая, каковы будут конечные цели этого движения. Социалисты не изобретают движение, а лишь разъясняют рабочим его характер и цели.

— Каковые означают свержение современной общественной системы,— прервал я его.

— Мы утверждаем,— продолжал он,— что система, при которой землей и капиталом владеют предприниматели, в то время как работники владеют лишь своей рабочей силой, будучи вынужденными продавать ее как товар, является лишь определенной исторической фазой, которая исчезнет, уступив место *более высокому состоянию общества*. Повсюду мы наблюдаем раскол общества. Усиление антагонизма между двумя классами идет рука об руку с развитием промышленных ресурсов современных стран. С социалистической точки зрения уже существуют средства для того, чтобы революционизировать нынешнюю фазу исторического развития.

Предпосылки

До 18 декабря 1878 г. — *т. 45, с. 471—472*

— Д-р Маркс, Вам и Вашим последователям приписывают всякого рода поджигательские речи против религии. Вам, разумеется, хотелось бы, чтобы вся эта система была уничтожена, искоренена до основания.

Отмирание религии

— Мы знаем,— ответил он после краткого раздумья,— что насильственные меры против религии бессмысленны; но наше мнение таково: *религия будет исчезать* в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию.

— Знаете ли Вы о преподобном Джозефе Куке из Бостона?

— Мы слышали о нем; это человек, весьма плохо осведомленный о социализме.

— В своей недавней лекции на эту тему он сказал: «Карлу Марксу иные приписывают высказывание о том, что в Соединенных Штатах и Великобритании, а также, возможно, и во Франции реформа труда произойдет без кровавой революции, но что в Германии, а также в России, Италии, Австрии кровопролитие должно совершиться»[557].

Революция

— Не надо быть социалистом,— заметил доктор, улыбаясь,— чтобы предвидеть предстоящие кровавые революции в России, Германии, Австрии, а, возможно, также и в Италии, если итальянцы будут по-прежнему придерживаться той политики, которую они теперь проводят. События Французской революции могут вновь разыграться в этих странах. Это очевидно всякому, искушенному в политике. Однако эти революции будут совершены большинством. Ни одна революция не может быть совершена партией, она *совершается только народом*.

— Упомянутый преподобный джентльмен,— добавил я,— привел выдержку из письма, которое, по его словам, Вы направили парижским коммунистам в 1871 году. Вот эта выдержка: «Нас пока еще самое большее 3 000 000. Через двадцать лет нас будет 50 000 000, быть может, даже 100 000 000. Тогда мир будет принадлежать нам, ибо против ненавистного капитала восстанут не только Париж, Лион, Марсель, но и Берлин, Мюнхен, Дрезден, Лондон, Ливерпуль, Манчестер, Брюссель, С.-Петербург, Нью-Йорк, словом, весь мир. И перед лицом этого нового восстания, какого еще не знала история, прошлое исчезнет, как отвратительный кошмар, ибо народный пожар, вспыхнувший одновременно в сотнях мест, истребит даже память о прошлом!» Полагаю, доктор, в данном случае Вы признаете, что являетесь автором этой выдержки?

— Я не написал ни слова из этого. Я никогда не пишу *подобной мелодраматической чепухи*. Я весьма тщательно обдумываю то, что пишу. А это было помещено примерно в указанное время в «Figaro» за моей подписью. Тогда пускались в оборот сотни писем такого рода. Я написал в лондонский «Times» заявление, что это фальшивки[558]. Однако если бы я вздумал опровергать все, что говорилось и писалось обо мне, то мне потребовалось бы два десятка секретарей.

До 18 декабря 1878 г. *т. 45, с. 474—475*

Насилие

— [...] Но не пропагандируют ли сторонники социализма убийство и кровопролитие с целью претворения в жизнь социалистических принципов?

— Ни одно великое движение,— ответил Карл Маркс,— никогда не рождалось *без кровопролития*. Независимость Америки была завоевана в результате кровопролития[175]. Наполеон овладел Францией путем кровавых актов и был свергнут таким же путем.

Италия, Англия, Германия и любая другая страна дают этому доказательства.

До 18 декабря 1878 г. *т. 45, с. 476*

Ф. Энгельс

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ В ГЕРМАНИИ.— ПОЛОЖЕНИЕ В РОССИИ [559]

Перспективы революции

Друг Бисмарк может быть спокоен. Немецкие рабочие совершат революцию, которую он так хорошо подготовил. Когда Россия даст сигнал — они будут знать, что делать.

Уже несколько лет я обращаю внимание европейских социалистов на положение в России, где назревают события решающего значения. Борьба между правительством и тайными обществами приняла там настолько острый характер, что долго это продолжаться не может. Движение, кажется, вот-вот вспыхнет. Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима.

21 марта 1879 г. *т. 19, с. 158*

К. Маркс

ПИСЬМО Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ, 10 АПРЕЛЯ 1879 г. [560]

Железные дороги возникли прежде всего как «couronnement de l'oeuvre» * в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития*,— в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и т. д. Я называю их «couronnement de l'oeuvre» не только в том смысле, что это были, наконец (наряду с океанским пароходством и телеграфом), *средства сообщения*, адекватные современным средствам производства, но также и потому, что они послужили основой для возникновения огромных акционерных компаний, одновременно образовав новый отправной пункт для создания разного рода *других* акционерных компаний, начиная с банковских. Одним

* — «увенчание дела». *Ред.*

словом, они дали такой толчок *концентрации капитала*, которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и в громадной степени расширили *космополитическую деятельность ссудного капитала*, благодаря чему весь мир оказался опутанным сетью финансового мошенничества и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного» братства.

С другой стороны, возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства.

т. 34, с. 290—291

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 26 ИЮНЯ 1879 г. [561]

Что касается г-на Хёхберга, то Вы ошибаетесь, думая, что я питаю к нему какую бы то ни было «антипатию». Когда г-н Хёхберг основал «Zukunft», мы получили приглашение сотрудничать, подписанное: «Редакция» [562]. Если я не ошибаюсь, в то время самое имя г-на Хёхберга было нам неизвестно, и само собой разумеется, что мы не обратили внимания на такого рода анонимное послание. Вскоре после этого г-н Хёхберг опубликовал свою программу журнала «Zukunft», согласно которой социализм основывался на понятии «справедливости» [479]. Такая программа с самого же начала прямо исключала всех тех, кто рассматривает социализм в конечном счете не как следствие каких-нибудь идей или принципов, вроде справедливости и т. д., но как идеальный продукт материально-экономического процесса, общественного производственного процесса на известной ступени. Этим г-н Хёхберг сам сделал всякое наше сотрудничество невозможным.

т. 34, с. 296

Ф. Энгельс

ПИСЬМО И. Ф. БЕККЕРУ, 1 ИЮЛЯ 1879 г. [563]

Вполне понятно, что кротость, так некстати проявленная Либкнехтом в рейхстаге [564], произвела очень неблагоприятное впечатление [...] Как бы ни кончилось нынешнее состояние, новое движение начинается на более или менее революционной основе и должно поэтому носить гораздо более решительный характер, чем истекший первый период движения. Фразы о достижении цели мирным путем или не нужны будут больше или же их перестанут принимать всерьез. Сделав эти фразы невозможными и направив движение по революционному руслу, Бисмарк сослужил нам большую службу, которая с избытком возмещает небольшой ущерб, нанесенный нам препятствиями, чинимыми в агитации.

С другой стороны, это покорное выступление в рейхстаге привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспряшли духом и стремятся склоками и интригами дезорганизовать партию. [...] «Freiheit» [565] трещит без умолку о революции огнем и мечом [...]

т. 34, с. 298—299

К. Маркс

ПИСЬМО К. КАФЬЕРО, 29 ИЮЛЯ 1879 г. [566]

Предпосылки

[...] *Материальные условия*, необходимые для освобождения пролетариата, стихийно порождаются в процессе развития капиталистического производства *.

т. 34, с. 300

К. Маркс, Ф. Энгельс

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, В. ЛИБКНЕХТУ, В. БРАККЕ И ДР. [567]

[...] Партийные органы, особенно «Vorwärts» вместо того, чтобы основательно обсудить эти вопро-

* В рукописи далее перечеркнуто: «...классовая борьба, которую оно предполагает...», «а в то же время и классовая борьба... целью которой является, в конечном счете, социальная революция». «Тем, что отличает критический и революционный социализм от его предшественников, по моему мнению, несомненно является эта материалистическая основа. Она показывает, как на определенной ступени исторического развития животное неизбежно превращается в человека...» *Ред.*

сы [568], предпочитают рассуждать о структуре будущего общественного строя.

17—18 сентября 1879 г. *т. 19, с. 167*

Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией,— это ядро всякого революционного социализма,— проповедовалась уже и Лассалем.

17—18 сентября 1879 г. *т. 19, с. 169*

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более как призрак, что он не существует в действительности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между ней и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классовой борьбы? Уничтожим классовую борьбу — и буржуазия и «все независимые люди» «не побоятся пойти рука об руку с пролетариями»! Но в дураках-то останутся именно пролетарии. [...]

От программы не следует *отказываться;* только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение «коммуниста» Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г. [432] и тем самым *действительно* кое-что делает для подготовки крушения существующего строя. [...]

Вот какова программа трех цюрихских цензоров [569]. Она не оставляет никакого места для недоразумений, особенно для нас, отлично знакомых еще с 1848 г. с подобными речами. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковы-

ваются как иедоразумеиия, и всякой дискуссии кладется коиец декларацией о том, что по существу иикаких расхождеиий между иами иет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазиых демократов, теперь с таким же успехом могут имеиовать себя социал-демократами: как для первых демократическая республика, так для последиих иизвержеиие капиталистического строя — дело далекого будущего, ие имеющее абсолютио иикакого зиачеиия для политической практики современиости; поэтому можио посредиичать, заииматься соглашательством и филаитропией сколько душе угодио. Точио так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу призиают, потому что отрицать ее уже попросту иевозможио, ио иа деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, ие должиа иавлекать иа себя иеиависть буржуазии или вообще чью бы то ии было иеиависть, оиа должиа прежде всего вести эиергичиую пропагаиду в среде буржуазии; вместо того чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же иедостижимые для иашего поколеиия цели, пусть лучше все свои силы и всю свою эиергию оиа обратит иа осуществлеиие тех мелкобуржуазиых реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят коиечиую катастрофу в постепеииый, совершающийся по частям и по возможиости мириый процесс перерождеиия. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости ие только сами иичего ие делают, ио и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило кроме болтовии; люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движеиие иа каждом шагу и в коице коицов привели его к поражеиию, которые иикогда ие видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где иевозможио ии сопротивлеиие, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втисиуть историю в рамки своего обывательского кругозора, ио с которыми история иикогда ие считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждеиий, то оии уже подвергиуты достаточиой критике в «Маиифесте Коммуиистической партии», в разделе о «иемецком, или «истииином», социализме». Там, где классовая борьба отстраияется как иечто иепривлекательиое и «грубое», там в качестве осиовы социализма остаются лишь «истиииое человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлеио то иеизбежиое явление, что к борющемуся пролетариату при-

соединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте» [570]. Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные элементы просвещения [...]

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение.

17—18 сентября 1879 г. *т. 19, с. 171—174*

Что касается нас, то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. При основании Интернационала мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса *. Мы не можем, следовательно, идти вместе с людьми, открыто заявляющими, что рабочие слишком необразованны для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа.

17—18 сентября 1879 г. *т. 19, с. 175*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 19 СЕНТЯБРЯ 1879 г. [571]

Между тем, сюда приехал Хёхберг, чтобы привлечь нас [572]. Он нашел одного Энгельса, который, подвергнув критике изданный Хёхбергом (под псевдонимом д-ра К. *Рихтера*) «Jahrbuch», разъяснил ему глубокую пропасть, лежащую между нами и им. [...]

Когда Энгельс высказался начистоту, Хёхберг словно с неба свалился; он, в сущности, сторонник «мирного» развития и ждет освобождения проле-

* См. наст. т., с. 323; ср. с. 136. *Ред.*

риата только от «образованных буржуа», то есть от себе подобных.

т. 34, с. 327

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 14 НОЯБРЯ 1879 г.[573]

Право

Правовая почва, на которой борется живая партия, не только должна быть ею самой создана, но и во всякое время может быть изменена. [...] Партия, лишенная возможности принимать обязательные для нее решения, должна находить свои законы лишь в своих живых, постоянно меняющихся потребностях. Если же она предпочитает подчинять эти потребности старым, уже окостеневшим и отмершим решениям, то она сама себе роет могилу.

т. 34, с. 330—331

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 24 НОЯБРЯ 1879 г.[574]

Гражданская война

Вот места в отчете[575], которые я главным образом имею в виду: [...] где говорится, что партия, которая осуждает всякую войну (значит и ту, которую она сама *обязана* вести и ведет, несмотря ни на что) и ставит себе целью братство всех людей (на словах это цель всех партий, на деле же ни одной, так как и мы не собираемся брататься с буржуа, покуда они хотят оставаться буржуа),— что такая партия не может стремиться к гражданской войне (значит, даже и в том случае, когда гражданская война является единственным средством, ведущим к цели).

т. 34, с. 337

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Т. ОЛСОПУ, 14 ДЕКАБРЯ 1879 г.[576]

Перспективы революции

Нет сомнения в том, что крах в России назревает и может произойти в любой момент. Нет сомнения и в том, что падение русского деспотизма окажет сильнейшее воздействие на Германию и Австрию. Но вероятен ли там немедленный взрыв и имеются ли у него вообще шансы на успех,— этого я не могу знать.

т. 50, с. 463—464

Ф. Энгельс

ПИСЬМО И. Ф. БЕККЕРУ, 19 ДЕКАБРЯ 1879 г. [577]

Перспективы революции

В России дела обстоят великолепно! Там, пожалуй, развязка близка, а когда она наступит, то у власть имущих Германской империи душа уйдет в пятки. Это будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории.

т. 34, с. 344

К. Маркс

КАПИТАЛ. ТОМ ВТОРОЙ [177]

Как простое товарное обращение не тождественно с простым обменом продуктов, так и обращение годового товарного продукта нельзя разложить на простой, непосредствованный взаимный обмен его различных составных частей. Деньги играют в нем специфическую роль, которая находит свое выражение особенно в способе воспроизводства основной капитальной стоимости. (Позже надо будет исследовать, как все это предстало бы в ином виде, если предположить, что производство является коллективным и не имеет формы товарного производства.)

Коллективное производство

Осень 1879 — начало 1880 г. *т. 24, с. 511—512*

Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что величина отмирающей и потому подлежащей возмещению in natura части основного капитала (здесь капитала, функционирующего в производстве предметов потребления) изменяется в различные, следующие один за другим годы. Если в одном году эта часть очень велика (превышает среднюю норму отмирания, подобно тому как это бывает со смертностью людей), то в следующем году она, несомненно, будет значительно меньше. Если предположить, что прочие условия не изменились, то количество сырья, полуфабрикатов и вспомогательных материалов, необходимое для производства предметов потребления в течение года, вследствие указанных изменений в возмещении основного капитала не уменьшается; следовательно, в одном случае все производство средств производства должно было бы расшириться, в другом — сократиться. Эти колебания можно предотвратить лишь посредством постоянного относительного перепроизводства; при этом, с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой

Необходимость относительного перепроизводства

стороны, создается запас сырья и т. д. сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в рамках капиталистического общества перепроизводство является одним из элементов общей анархии.

Осень 1879 — начало 1880 г. *т. 24, с. 532—533*

Ф. Энгельс

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ [578]

В заключение подведем кратко итоги изложенному нами ходу развития:

I. *Средневековое общество:* Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому примитивно неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов,— самим ли производителем или его феодальным господином. Лишь там, где сверх этого потребления оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек предназначается на продажу и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится лишь в процессе возникновения; но уже и в это время оно заключает в себе в зародыше *анархию общественного производства.*

Предпосылки

II. *Капиталистическая революция:* Переворот в промышленности, совершающийся сначала посредством простой кооперации и мануфактуры. Концентрация разбросанных до сих пор средств производства в больших мастерских и превращение их тем самым из индивидуальных средств производства в общественные,— превращение, в общем и целом не коснувшееся формы обмена. Старые формы присвоения остаются в силе. Выступает *капиталист:* в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и превращает их в товары. Производство становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом.* Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности.

Общественный характер производства

Основное противоречие капитализма

Проявления основного противоречия

а) Отделение производителя от средств производства. Рабочий обречен на пожизненный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией.*

b) Все большее выявление и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Безудержная конкурентная борьба. *Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом.*

c) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение из фабрик рабочих: *возникновение промышленной резервной армии.* С другой стороны — беспредельное расширение производства, что также стало принудительным законом конкуренции для каждого фабриканта. С обеих сторон — неслыханное развитие производительных сил, превышение предложения над спросом, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: *здесь — излишек средств производства и продуктов, там — излишек рабочих,* лишенных работы и средств существования. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам циркулировать иначе, как при условии предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает против формы обмена.* Буржуазия уличается, таким образом, в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами.

Переход общественных производительных сил в собственность акционерных обществ, трестов и государства

d) Частичное признание общественного характера производительных сил — признание, к которому вынуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — сначала в собственность *акционерных обществ,* позже — трестов, а затем — и *государства.* Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

Пролетарская революция Диктатура пролетариата Обобществление средств производства

III. *Пролетарская революция,* разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим актом он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве ка-

питала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Планомерное производство
Уничтожение классов
Отмирание государства
Человек
Свобода

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самое природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

Всемирно-историческая роль пролетариата
Научный социализм

Январь — первая половина марта 1880 г.

т. 19, с. 228—230

К. Маркс

ВВЕДЕНИЕ К ПРОГРАММЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [579]

Принимая во внимание,

что освобождение класса производителей есть освобождение всего человеческого рода, без различия пола и расы;

что производители могут стать свободными, лишь овладев средствами производства;

что средства производства могут принадлежать им только в двух формах:

Освобождение пролетариата и всего человечества
Коллективная собственность на средства производства

1) в форме индивидуальной, которая в виде общего явления не существовала никогда и которая все более и более вытесняется промышленным прогрессом;

2) в форме коллективной, материальные и интеллектуальные элементы которой создаются самим развитием капиталистического общества;

Предпосылки

принимая во внимание,

что такое коллективное присвоение может осуществиться лишь в результате революционного действия класса производителей,— или пролетариата,— организованного в самостоятельную политическую партию;

Необходимость революции
Необходимость пролетарской партии

что нужно добиваться подобной организации всеми средствами, какие имеются в распоряжении про-

летариата, в том числе и с помощью всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения;

французские рабочие социалисты, выдвигая конечной целью своей борьбы в плане экономическом возвращение к коллективной собственности на все средства производства, решили в качестве *средства для организации и борьбы* принять участие в выборах [580] с нижеследующей программой-*минимум*.

Начало мая 1880 г. *т. 19, с. 246*

К. Маркс

БЕСЕДА С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ГАЗЕТЫ «SUN» ДЖОНОМ СУИНТОНОМ [581]

Его манера вести беседу напоминала сократовскую — такой она была свободной, широкой, такой творческой, острой и искренней, язвительно-насмешливой со вспышками юмора и задорного веселья. Он говорил о политических силах и народных движениях в различных странах Европы — о грандиозном духовном движении в России, об интеллектуальных сдвигах в Германии, о движении во Франции и застое в Англии. Он говорил с надеждой о России, философски о Германии, весело о Франции и хмуро об Англии, упоминая пренебрежительно об «атомистических реформах», на которые тратили свое время либералы в английском парламенте. Обозревая европейский мир страну за страной, обрисовывая характерные черты, события и личности — на поверхности и скрытые в глубине,— он показал, что ход вещей подводит к целям, которые несомненно будут осуществлены.

Август 1880 г. *т. 45, с. 478—479*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 5 НОЯБРЯ 1880 г. [582]

Вскоре после этого в Лондон приехал Гед, чтобы здесь вместе с нами (со мной, Энгельсом и Лафаргом) составить избирательную программу [583] для рабочих к предстоящим всеобщим выборам [580]. [...] Этот очень сжатый документ дает во введении в нескольких строках определение коммунистической цели *, а в экономической части содержит только те

* См. наст. т., с. 519—520. *Ред.*

требования, которые действительно выросли непосредственно из самого рабочего движения.

т. 34, с. 378

Эти господа [584] против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай!

т. 34, с. 380

К. Маркс

ПИСЬМО Г. М. ГАЙНДМАНУ, 8 ДЕКАБРЯ 1880 г. [585]

Перспективы революции
Мирные и немирные средства

На Ваши слова о том, что Вы не разделяете взглядов моей партии в отношении Англии, я могу только возразить, что эта партия считает английскую революцию не *необходимой*, но — согласно историческим прецедентам — *возможной*. Если бы неизбежная эволюция перешла в революцию, то в этом были бы повинны не только правящие классы, но и рабочий класс. Каждая миролюбивая уступка первых была вырвана у них «давлением извне». Их действия следовали за этим давлением, и если последнее все больше и больше ослабевало, то только потому, что английский рабочий класс не знает, как пользоваться своей силой и использовать свои свободы, которые предоставлены ему законом.

Предпосылки

В Германии рабочий класс прекрасно понимал с самого начала рабочего движения, что от военного деспотизма невозможно избавиться иначе, как путем революции. В то же время германские рабочие понимали, что без предварительной организации, приобретения знаний, пропаганды и [слово неразборчиво] такая революция, даже начатая успешно, обернулась бы, в конечном счете, против них. Вследствие этого они действовали в рамках строгой *законности*. Беззаконие всецело исходило от правительства, которое объявило рабочий класс *вне закона* [586]. Преступления рабочих заключались не в *действиях*, а во *взглядах*, неугодных их правителям. К счастью, это же самое правительство, отбросив рабочий класс при помощи буржуазии на задний план, становится в настоящее время все более невыносимым для последней, так как бьет ее по самому чувствительному месту — по карману. Такое положение вещей не может долго продолжаться.

т. 34, с. 383

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАУТСКОМУ, 1 ФЕВРАЛЯ 1881 г.[587]

Проблема перенаселения

Если катедер-социалисты[588] настойчиво требуют от нас, пролетарских социалистов, разрешить им загадку, каким образом мы сможем устранить возможную угрозу перенаселения и связанную с этим опасность краха нового социального строя, то из этого вовсе не следует, что я обязан выполнить их желание. Разрешать за этих людей все их сомнения, возникающие у них из-за их собственной путаной сверхмудрости, или, например, хотя бы только опровергать весь тот несусветный вздор, который один Шеффле нагородил во многих толстых томах, было бы, полагаю, просто потерей времени. [...]

К тому же я отнюдь не считаю этот вопрос злободневным в такой момент, когда только что возникающее американское массовое производство и *подлинное* крупное земледелие грозят форменным образом удушить нас лавиной произведенных ими жизненных средств; накануне переворота, который в числе других последствий только еще должен привести к *заселению земного шара*,— то, что Вы об этом пишете на стр. 169—170[589], слишком поверхностно затрагивает этот вопрос,— накануне переворота, который также и в Европе *необходимо потребует* сильного прироста населения.

Расчет Эйлера стоит того же, что и тот расчет, согласно которому 1 крейцер, положенный в первом году нашей эры под сложные проценты, удваивается через каждые тринадцать лет и сейчас, следовательно, должен составить, примерно, $\frac{1\times 2^{144}}{60}$ гульденов, то есть глыбу серебра, превышающую по своим размерам земной шар. Когда Вы на стр. 169 говорите, что американские общественные отношения незначительно отличаются от европейских, то это верно лишь в том случае, если Вы рассматриваете одни только крупные приморские города или же только внешние правовые формы этих отношений. Широкие массы американского населения живут, несомненно, в условиях, чрезвычайно благоприятствующих приросту населения. Доказательством этого служит поток иммиграции. И все-таки для удвоения населения потребовалось бы 30 с лишним лет. Запугивания здесь ни к чему.

Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей,

так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений. Планомерно достигнуть в таком обществе результата, какой уже теперь во Франции и Нижней Австрии возник в процессе стихийного, беспланового развития, кажется мне не таким уж трудным делом. Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как, и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами.

Впрочем, уже в 1844 г. я писал об этом («Deutsch-Französische Jahrbücher», стр. 109): «Даже если бы Мальтус был безусловно прав, то все же было бы необходимо немедленно предпринять это» (социалистическое) «преобразование, так как лишь оно, лишь просвещение масс, осуществимое благодаря этому преобразованию, сделало бы возможным и то моральное ограничение инстинкта размножения, которое сам Мальтус считает наиболее легким и наиболее действенным средством против перенаселения»[590].

т. 35, с. 123—124

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. Д. НЬЮВЕНГЕЙСУ, 22 ФЕВРАЛЯ 1881 г.[591]

Мне кажется, что «вопрос», о котором Вы мне сообщаете и который будет разбираться на предстоящем Цюрихском конгрессе, поставлен неправильно: что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать *непосредственно*, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать. Но в данном случае вопрос поставлен совершенно *отвлеченно*, представляя собой в сущности фантастическую проблему, и единственным ответом на него должна быть *критика* самого *вопроса*. Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения. Впрочем, затруднения правительства, внезапно образовавшегося в результате победы народа, вовсе не представляют собой чего-то специфически «социалистического». Наоборот. Буржуазные политики, одержав победу, сразу чувствуют себя в затруднительном положении из-за своей «победы», социалист же может, по крайней мере, действовать не стесняясь. В одном Вы можете быть уверены: социалистическое правительство не придет к власти в стране,

Методология научного предвидения будущего

Диктатура пролетариата

где условия еще не настолько созрели, чтобы можно было немедленно, приняв необходимые меры, так скрутить буржуазию в бараний рог, что будет осуществлено первое desideratum * — время для дальнейших действий.

Вы, пожалуй, укажете мне на Парижскую Коммуну; но, не говоря уже о том, что это было восстание только одного города в исключительных условиях, большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть. Тем не менее, обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы добиться выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем,— единственно, что тогда было достижимо. Одним только захватом Французского банка был бы сразу же положен конец бахвальству версальцев и т. д. и т. д.

Общие требования французской буржуазии (mutatis mutandis **) были перед 1789 г. почти столь же определенны, как и первые непосредственные требования пролетариата в наши дни, приблизительно одинаковые во всех странах, где господствует капиталистическое производство. Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее, а priori, хотя бы малейшее представление о том, каким образом осуществятся требования французской буржуазии? Доктринерское, неизбежно фантастическое предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы сегодняшнего дня. Фантазия о близкой гибели мира воодушевляла древних христиан в их борьбе против Римской империи и давала им уверенность в победе. Научное понимание неизбежного и постоянно происходящего на наших глазах разложения господствующего общественного строя, массы, все более и более доводимые до бешенства правительствами, которые воплощают в себе призраки прошлого, в то же время положительное развитие средств производства, движущееся вперед гигантскими шагами,— все это служит нам порукой, что в тот момент, когда вспыхнет настоящая пролетарская революция, будут налицо и условия (конечно, совсем не идиллические) ее непосредственного, ближайшего modus operandi ***.

По моему убеждению, еще не наступил критический момент для создания нового Международного Товарищества Рабочих; поэтому я считаю, что все рабочие, а также и социалистические конгрессы, поскольку они не связаны с непосредственными условиями, имеющимися в той или иной определенной

* — требование, условие. *Ред.*
** — с соответствующими изменениями. *Ред.*
*** — способа действия. *Ред.*

стране, не только бесполезны, но даже вредны. Они неизменно будут сводиться к бесконечному пережевыванию банальных общих мест.

т. 35, с. 131—133

К. Маркс

КОНСПЕКТ КНИГИ ЛЬЮИСА Г. МОРГАНА «ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО» [592]

Относительно современной *моногамной семьи: она должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество*, точно так же как это было и в прошлом. Она представляет собою продукт общественной системы... следует предполагать, что она способна совершенствоваться еще далее, *пока не будет достигнуто равенство полов*. Если, в связи с предполагаемым неуклонным прогрессом цивилизации, моногамная семья в отдаленном будущем не будет более в состоянии отвечать потребностям общества, то невозможно заранее предсказать характер ее преемницы (стр. 491, 492) *. **Семья**

Конец 1880 — начало марта 1881 г. *т. 45, с. 254*

Теперь, когда размеры собственности стали так огромны, ее формы так *разнообразны*, она сделалась *силой, непреодолимой* для народа. «*Человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным творением*. Но все же настанет время, когда человеческий разум *возвысится до господства над собственностью... Одна лишь погоня за собственностью не есть конечное назначение человечества. Время, прошедшее с наступления цивилизации*, только доля

(и *притом очень маленькая*)

прожитого человечеством, только доля времени, *которое ему еще предстоит прожить*. ***Гибель общества угрожает стать завершением исторического поприща, единственной конечной целью которого является собственность, угрожает гибелью общества, ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного уничтожения...*** Он (высший общественный строй) *будет возрождением, в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов*» (стр. 552) **.

Конец 1880 — начало марта 1881 г. *т. 45, с. 269*

---

* Отчеркивание текста в данном фрагменте принадлежит Марксу. *Ред.*

** Ср. наст. т., с. 526, 574, 575, 577. *Ред.*

К. Маркс

НАБРОСКИ ОТВЕТА НА ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ [593]

Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?

Возможность некапиталистического пути развития

Отвечаю: потому, что в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. [...]

Другое обстоятельство, благоприятное для сохранения русской общины (путем ее развития), состоит в том, что она не только является современницей капиталистического производства, но и пережила тот период, когда этот общественный строй сохранялся еще в неприкосновенности; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе и с наукой, и с народными массами, и с самими производительными силами, которые он порождает *. Словом, перед ней капитализм — в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма, возвращением современных обществ к «архаическому» типу общей собственности или, как говорит один американский писатель **, которого никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях и который пользуется в своих исследованиях поддержкой вашингтонского правительства — «новый строй», к которому идет современное общество, «будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа» ***. Итак, не следует особенно бояться слова «архаический».

[...] В более древних общинах производство ведется сообща и распределяются только продукты. Этот первобытный тип кооперативного или коллек-

Противоречия капитализма

* В рукописи далее зачеркнуто: «Одним словом, он превратился в арену кричащих антагонизмов, конфликтов и периодических бедствий, показывая даже наиболее ослепленным, что он является преходящей системой производства, осужденной на исчезновение вследствие возвращения общества к...» *Ред.*

** — Л. Г. Морган. *Ред.*

*** См. предыдущий фрагмент. *Ред.*

тивного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства. [...]

Обстоятельством весьма благоприятным, с точки зрения исторической, для сохранения «земледельческой общины» путем ее дальнейшего развития служит то, что она не только является современницей западного капиталистического производства, что позволяет ей присвоить себе его плоды без того, чтобы подчиниться его modus operandi *, но что она пережила уже период, когда капиталистический строй оставался еще незатронутым; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе и с трудящимися массами, и с наукой, и с самими производительными силами, которые он порождает,— словом, переживает кризис, который окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства.

Разумеется, эволюция общины совершалась бы постепенно, и первым шагом в этом направлении было бы создание для нее нормальных условий на ее *нынешней основе* **. [...]

Сельское хозяйство

Оставляя в стороне все бедствия, угнетающие в настоящее время русскую «сельскую общину», и принимая во внимание лишь форму ее строения и ее историческую среду, нужно признать, что с первого же взгляда очевидно, что одна из ее основных характерных черт — общая собственность на землю — образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, привычка русского крестьянина к *артельным* отношениям облегчила бы

Коллективное производство

* — образу действия. *Ред.*

** В рукописи далее зачеркнуто: «А историческое положение русской «сельской общины» не имеет себе подобных! В Европе она одна сохранилась не в виде рассеянных обломков, наподобие тех редких явлений и мелких курьезов, обломков первобытного типа, которые еще недавно встречались на Западе, но как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи. Если в общей собственности на землю она имеет основу коллективного присвоения, то ее историческая среда — одновременно с ней существующее капиталистическое производство — предоставляет ей уже готовые материальные условия совместного труда в широком масштабе. Следовательно, она может использовать положительные приобретения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья [594]. Парцеллярное земледелие оно может постепенно заменить крупным земледелием с применением машин, для которых так благоприятен физический рельеф русских земель. Она может, следовательно, стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой тяготеет современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству. Для начала нужно было бы, напротив, поставить ее в нормальное положение» *Ред.*

Возможность некапиталистического пути развития

ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на не подвергающихся разделу лугах, при осушительных работах и других предприятиях, представляющих общий интерес.

Предпосылки

Но для того, чтобы коллективный труд мог заменить в самом земледелии труд парцеллярный, источник частного присвоения,— нужны две вещи: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления.

Что касается экономической потребности, то она даст себя почувствовать самой «сельской общине», как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т. е. как только с нее будет снято лежащее на ней бремя и как только она получит нормальное количество земли для возделывания. Прошло то время, когда русскому земледелию требовались лишь земля и ее парцеллярный земледелец, вооруженный более или менее первобытными орудиями. Это время прошло с тем большей быстротой, что угнетение земледельца истощает его поле и делает последнее неплодородным. Ему нужен теперь кооперативный труд, организованный в широком масштабе. И притом, разве крестьянин, которому не хватает самых необходимых вещей для обработки его двух или трех десятин, окажется в лучшем положении, когда количество его десятин удесятерится?

Но оборудование, удобрение, агрономические методы и пр.— все необходимые для коллективного труда средства — где их найти? Именно здесь-то и скажется крупное превосходство русской «сельской общины» над архаическими общинами того же типа. Она одна сохранилась в Европе в широком, национальном масштабе. Она находится благодаря этому в исторической среде, в которой существующее одновременно с ней капиталистическое производство предоставляет ей все условия коллективного труда. Она имеет возможность использовать все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья. Физическая конфигурация русских земель благоприятствует сельскохозяйственной обработке при помощи машин, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом. Что же касается первоначальных организационных издержек, интеллектуальных и материальных,— то русское общество обязано предоставить их «сельской общине», за счет которой оно жило так долго и в которой оно еще должно искать свой «источник возрождения».

Лучшим доказательством того, что такое развитие «сельской общины» соответствует направлению исторического процесса нашего времени, служит роковой

кризис, претерпеваемый капиталистическим производством в европейских и американских странах, в которых оно наиболее развилось,— кризис, который кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа — к коллективному производству и коллективному присвоению. [...]

Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. [...] Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя.

Конец февраля — начало марта 1881 г. *т. 19, с. 401—402, 404, 406—408, 410*

С точки зрения исторической единственный серьезный аргумент в доказательство *неизбежного разложения* общинного землевладения в России состоит в следующем: общинная собственность существовала повсюду в Западной Европе, в ходе общественного прогресса она повсюду исчезла — каким же образом могла бы она избегнуть той же участи в России?

Предпосылки
Общественные производительные силы
Противоречия капитализма

Прежде всего в Западной Европе смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам. С одной стороны, оно чудесным образом развило общественные производительные силы, но, с другой стороны, оно оказалось несовместимым с теми самыми силами, которые оно порождает. Его история есть отныне лишь история антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий. В конце концов оно показало всем, за исключением тех, кто слеп в силу своей заинтересованности, свой чисто преходящий характер. Народы, у которых оно наиболее развилось, как в Европе так и в Америке, стремятся лишь к тому, чтобы разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность — *высшей формой* архаического типа собственности, т. е. собственностью коммунистической.

Кооперативное производство
Коммунистическая собственность

Если бы Россия была изолирована от мира, если бы она должна была сама, своими силами, добиться тех экономических завоеваний, которых Западная Европа добилась, лишь пройдя через длинный ряд

эволюций — от первобытных общин до нынешнего ее состояния, то не было бы, по крайней мере в моих глазах, никакого сомнения в том, что с развитием русского общества общины были бы неизбежно осуждены на гибель. Но положение русской общины совершенно отлично от положения первобытных общин Запада. Россия — единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Возможность некапиталистического пути развития

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и преобразовать еще архаическую форму своей сельской общины, вместо того чтобы ее разрушить (отмечу мимоходом, что форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций).

Если поклонники капиталистической системы в России станут отрицать возможность такой комбинации, пусть они докажут, что, для того чтобы ввести у себя машины, она вынуждена была пройти через инкубационный период машинного производства. Пусть они объяснят мне, каким образом могли они ввести у себя, можно сказать, в несколько дней механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков? *

Конец февраля — начало марта 1881 г. *т. 19, с. 412—413*

Отвлечемся на момент от бедствий, которые давят русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Положение ее совершенно особое, не имеющее прецедентов в истории. Во всей Европе она одна только является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи.

Возможность некапиталистического пути развития

Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда — существование одновременно с ней капиталистического производства — обеспечивает ей в готовом виде материальные условия для кооперативного труда, организованно-

* В рукописи далее зачеркнуто: «Хотя капиталистический строй на Западе клонится к упадку и приближается время, когда он станет лишь «архаической» формацией, эти русские поклонники...» *Ред.*

го в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее кавдинские ущелья. С помощью машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, она сможет постепенно заменить парцеллярную обработку комбинированной обработкой. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние в ее теперешней форме, она может непосредственно стать *отправным пунктом* той экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, не прибегая к самоубийству.

Конец февраля — начало марта 1881 г. *т. 19, с. 419—420*

К. Маркс

ПИСЬМО В. И. ЗАСУЛИЧ, 8 МАРТА 1881 г.[595]

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету[584] работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев.* Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» («Капитал», франц. изд., стр. 315)[596].

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы.* Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«*Частная собственность*, основанная на личном труде... вытесняется *капиталистической частной собственностью*, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной соб-*

ственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность.*

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка,
оставаться преданным Вам
Карл Маркс

т. 35, с. 136—137

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 12 МАРТА 1881 г.[597]

Немножко поменьше доктринерских статей вроде таких, как статья о государственном социализме[598], было бы не вредно. [...]

Государственная собственность

Это чисто корыстная, манчестерски-буржуазная[599] фальсификация называть «социализмом» всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию — покровительственные пошлины, гильдии, табачную монополию, огосударствление отдельных отраслей промышленности, Seehandlung[532], королевский фарфоровый завод. Мы должны подвергать это *критике*, а не *принимать на веру*. Если же мы сделаем последнее и построим на этом теоретическую систему, то она рухнет вместе со своими предпосылками, рухнет при простом доказательстве, что этот мнимый социализм является всего лишь феодальной реакцией, с одной стороны, и предлогом для выкачивания денег — с другой, а его косвенная цель — превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих. Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков — хорош социализм! Но к этому придешь, если поверишь буржуазии в том, чему она сама не верит, а только прикидывается, что верит: будто государство — это социализм! *

т. 35, с. 139, 140

* Ср. наст. т., с. 450—451, 471, 628. *Ред.*

К. Маркс, Ф. Энгельс

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА, СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЛОНДОНЕ В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ [600]

Перспективы революции

Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие [601], которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны.

21 марта 1881 г. — *т. 19, с. 252*

К. Маркс

КОНСПЕКТ КНИГИ ГЕНРИ САМНЕРА МЕЙНА «ЛЕКЦИИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТОВ» [602]

Мейн игнорирует нечто гораздо более глубокое: что кажущееся верховным самостоятельное существование *государства* само является лишь *кажущимся* и что оно во всех своих формах является *наростом на обществе;* так же как оно *появляется* только на определенной ступени развития общества, оно опять исчезнет, как только общество достигнет до сих пор еще не достигнутой ступени.

Отмирание государства

Апрель — июнь 1881 г. — *т. 45, с. 422*

К. Маркс

ПИСЬМО Ж. ЛОНГЕ, 23 АПРЕЛЯ 1881 г.[603]

Перспективы революции

Перед нами — самый революционный период, какой когда-либо приходилось переживать человечеству. Плохо теперь быть «стариком» и иметь возможность лишь предвидеть, вместо того чтобы видеть самому.

т. 35, с. 153

Ф. Энгельс

СПРАВЕДЛИВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА СПРАВЕДЛИВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ [604]

Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день! Многое можно было бы сказать и о справедливом рабочем дне, справедливость которого точь-в-точь такова же, как и справедливость заработной платы. Но это придется отложить до другого раза. Из того, что сказано, совершенно ясно, что старый лозунг отжил свой век и вряд ли пригоден в наше время. Справедливость политической экономии, поскольку последняя верно формулирует законы, управляющие нынешним обществом, эта справедливость оказывается целиком на одной стороне — на стороне капитала. Итак, похороним навеки старый лозунг и заменим его другим:

Обобществление средств производства

СРЕДСТВА ТРУДА — СЫРЬЕ, ФАБРИКИ, МАШИНЫ — ВО ВЛАДЕНИЕ САМИХ РАБОЧИХ!

1—2 мая 1881 г. *т. 19, с. 257—258*

Ф. Энгельс

СИСТЕМА НАЕМНОГО ТРУДА [605]

Обобществление средств производства

[...] Подлинное освобождение рабочего класса невозможно до тех пор, пока он не станет собственником всех средств труда — земли, сырья, машин и т. д., а тем самым и собственником ВСЕГО ПРОДУКТА СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ТРУДА.

15—16 мая 1881 г. *т. 19, с. 261*

Ф. Энгельс

ТРЕД-ЮНИОНЫ [606]

[...] Рабочий класс Англии должен, наконец, попытаться вырваться из этого порочного круга и найти выход в движении, направленном к УНИЧТОЖЕНИЮ САМОЙ СИСТЕМЫ НАЕМНОГО ТРУДА [...]

Около 20 мая 1881 г. *т. 19, с. 265*

Диктатура пролетариата

[...] Борьба между двумя большими общественными классами неизбежно становится борьбой политической. Так было с длительной борьбой между буржуазией, или классом капиталистов, и землевладельческой аристократией; так обстоит дело и с борьбой между рабочим классом и теми же капиталистами. Во всякой борьбе класса против класса бли-

жайшей целью борьбы является политическая власть; господствующий класс защищает свое политическое верховенство, иначе говоря, свое обеспеченное большинство в законодательных органах; угнетенный класс борется сначала за долю этой власти, а затем и за всю власть, чтобы получить возможность изменить существующие законы соответственно своим собственным интересам и нуждам. Так, рабочий класс Великобритании годами страстно боролся, прибегая даже к насилию, за Народную хартию [607], которая должна была дать ему эту политическую власть. Он потерпел поражение, но борьба произвела такое впечатление на победившую буржуазию, что с тех пор она очень довольна уж тем, что ценой все новых и новых уступок рабочим покупает продолжение перемирия.

Партия

[...] В политической борьбе класса против класса важнейшим оружием является организация.

Около 20 мая 1881 г. *т. 19, с. 266*

Перспективы революции

[...] Быстро приближается время, когда рабочий класс Англии недвусмысленным образом потребует полной доли своего представительства в парламенте. Во-вторых, что столь же быстро приближается время, когда рабочий класс поймет, что борьба за высокую заработную плату и за короткий рабочий день, как и вся деятельность тред-юнионов в ее нынешнем виде, является не самоцелью, а лишь средством, пусть средством очень необходимым и действенным, но все же только одним из многих средств, ведущих к достижению более высокой цели: к полному уничтожению всей системы наемного труда.

Партия

Для полного представительства рабочих в парламенте, равно как и для подготовки к уничтожению системы наемного труда, станет необходима организация не отдельных профессий, а рабочего класса как целого. И чем скорее это будет сделано, тем лучше. Нет в мире такой силы, которая хотя бы в течение одного дня могла сопротивляться британскому рабочему классу, когда он будет организован как единое целое.

Около 20 мая 1881 г. *т. 19, с. 268*

К. Маркс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 20 ИЮНЯ 1881 г.[608]

Еще до получения твоего экземпляра книги Генри Джорджа [609] я получил два других: один от Суинтона и один от Уилларда Брауна; я отдал поэтому

один Энгельсу, а другой — Лафаргу. Сегодня я ограничусь тем, что лишь очень кратко выскажу свое суждение об этой книге.

Человек этот в теоретическом отношении совершенно отстал. Он совсем не понял природы *прибавочной стоимости* и потому пускается, по примеру англичан, в спекулятивные рассуждения об обособившихся частях прибавочной стоимости, то есть о соотношении прибыли, ренты, процента и т. д., причем уровень его спекуляций даже ниже, чем у англичан. Его основной догмат заключается в том, что *все* было бы *в порядке*, если бы земельная рента выплачивалась государству (ты найдешь такое требование также в *«Коммунистическом манифесте»*, там, где говорится о *переходных мероприятиях* [610]). Этот взгляд первоначально принадлежал буржуазным экономистам; он был впервые (если не считать аналогичного требования в конце XVIII столетия) выдвинут сразу после смерти Рикардо его первыми *радикальными* последователями. В 1847 г. я в своем сочинении, направленном против Прудона, писал об этом следующее: «Мы понимаем, почему такие экономисты, как Милль» (отец, а не сын Джон Стюарт, повторивший это только в несколько измененной форме), «Шербюлье, Хильдич и другие, требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытым выражением ненависти *промышленного капиталиста* к *земельному собственнику*, являющемуся в его глазах бесполезным и излишним в общем ходе буржуазного производства» [611].

Мы сами, как уже упоминалось, включили это присвоение земельной ренты государством в число многих других *переходных мероприятий*. Эти меры — как в свою очередь отмечается в «Манифесте» — полны внутренних противоречий, что вообще свойственно переходным мероприятиям.

Но *Колен* [612] первым превратил это требование *радикальных* английских буржуазных экономистов в *социалистическую панацею* и объявил, что это мероприятие разрешает антагонизмы, которые заключает в себе современный способ производства. [...]

Вслед за ними и независимо от них прусский банкир, бывший лотерейный сборщик Замтер из Восточной Пруссии — большой тупица,— между прочим также разрешился толстым томом подобного «социализма» [613].

т. 35, с. 163—164

Ф. Энгельс

АМЕРИКАНСКИЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС [614]

[...] Нам придется иациоиализировать землю и обрабатывать ее кооперативиыми товариществами под коитролем иарода. Тогда, и только тогда, и для земледельцев и для иации сиова стаиет выгодио обрабатывать землю, каковы бы ни были цеиы иа америкаиское или иное зерио и мясо.

Сельское хозяйство

Конец июня 1881 г. *т. 19, с. 280*

Ф. Энгельс

ПАРТИЯ РАБОЧИХ [615]

[...] Никогда еще в Аиглии ие было шире, чем теперь, распростраиено убеждение, что старые партии обречены на гибель, что старые пароли утратили смысл, что старые лозуиги подорваиы, что старые паиацеи уже больше ие действеииы. Мыслящие люди всех классов начииают поиимать, что должеи быть проложен новый путь и что путь этот возможеи лишь в иаправлеиии демократии. Но в Аиглии, где промышлеииый и земледельческий рабочий класс образует огромиое большиинство иаселеиия, демократия озиачает власть рабочего класса, ие более н не меиее. Пусть же этот рабочий класс готовится к выполнеиию предстоящей ему задачи — к управлеиию этой обшириой империей; пусть ои поймет ответственность, которая иеизбежио выпадет иа его долю. Лучший способ для этого — воспользоваться той силой, которая уже иаходится в его руках, тем фактическим большинством, которым ои обладает в каждом большом городе королевства, для посылки в парламеит людей из своих собствеииых рядов.

Диктатура пролетариата

Середина июля 1881 г. *т. 19, с. 287*

Ф. Энгельс

ХЛОПОК И ЖЕЛЕЗО [616]

Вот каково положеиие, к которому привели страиу двадцать пять лет почти иеограиичеииого господства доктриiы маичестерской школы [599]. Мы полагаем, что результаты эти таковы, что оии требуют безотлагательного отстраиеиия маичестерских и бирмиигемских джеитльмеиов, с тем чтобы иа ближайшие двадцать пять лет уступить очередь рабочему

Диктатура пролетариата

классу. Во всяком случае хуже он наверное управлять не сможет.

Конец июля 1881 г. *т. 19, с. 295*

Ф. Энгельс

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ — НЕОБХОДИМЫЕ И ИЗЛИШНИЕ [617]

Бесклассовое общество

[...] Общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество.

1—2 августа 1881 г. *т. 19, с. 296*

Обобществление производства

[...] Экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о «хозяйском глазе» и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе «хозяйский глаз» на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают.

Итак, капиталист уж больше не может предъявлять права на свою прибыль как на «заработную плату за руководство», так как он ничем не руководит. Надо помнить об этом, когда защитники капитала трезвонят, повторяя эту пустую фразу.

Но в нашей статье на прошлой неделе [618] мы попытались показать, что класс капиталистов стал не способен также управлять огромной системой производительных сил нашей страны; что капиталисты, с одной стороны, так расширяли производство, что периодически наводняли продукцией все рынки, а с другой стороны, становились все менее и менее способными выдержать иностранную конкуренцию. Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным.

Диктатура пролетариата

Мы снова заявляем им: «Отойдите прочь! Предоставьте рабочему классу вас сменить».

1—2 августа 1881 г. *т. 19, с. 299*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 25 ОКТЯБРЯ 1881 г.[619]

[...] Гед приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы французской Рабочей партии [579]. И Маркс тут же в моей комнате в присутствии моем и Лафарга продиктовал ему вводную часть *: рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства; это возможно в индивидуальной или в коллективной форме; индивидуальную форму владения экономическое развитие преодолевает и с каждым днем будет преодолевать все более; остается, стало быть, лишь форма коллективного владения и т. д. Это был мастерский образец убедительной аргументации, немногословной и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой сжатой формулировке поразила меня самого.

Коллективная собственность на средства производства

т. 35, с. 189

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 30 НОЯБРЯ 1881 г.[620]

Основная масса наших сторонников в Саксонии состоит из ручных ткачей, которые обречены на гибель паровым ткацким станком и продолжают существовать еще кое-как только благодаря голодной заработной плате и подсобным занятиям (огородничество, вырезывание игрушек из дерева и т. д.). Положение этих людей экономически реакционно, они представляют гибнущую ступень производства. Поэтому они, во всяком случае, не в такой степени природные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности. Это не значит, что они по своей природе реакционны (какими сделались *здесь* в конце концов, например, остатки ручных ткачей, составляющие ядро «консервативных рабочих»), но они все же не очень надежны, и в особенности потому, что из-за ужасного нищенского положения они обладают гораздо меньшей способностью к сопротивлению, чем городские рабочие, а их разбросанность позволяет политически поработить их с большей легкостью, чем жителей больших городов. После тех фактов, о которых сообщал «Sozialdemokrat» [621], можно, действительно, только удивляться тому героизму, с каким эти несчастные еще сумели удержаться в таком большом количестве.

* См. наст. т., с. 519—520. *Ред.*

Но подлинного ядра крупного движения в масштабе нации они составить не могут. Нужда делает их при известных обстоятельствах — например, в 1865—1870 гг. — более восприимчивыми к социалистическим взглядам, чем население больших городов, но та же самая нужда делает их и менее надежными. Утопающий хватается за соломинку, он не может ждать, пока от берега отчалит несущая ему спасение лодка. Лодка — это социалистическая революция, соломинка — покровительственные пошлины и государственный социализм.

т. 35, с. 193—194

Ф. Энгельс

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ [622]

Всем народам-завоевателям свойственно всяческими способами обманывать своих противников, и это, по их мнению, совершенно в порядке вещей; но стоит их противникам позволить себе то же самое, как они назовут это вероломством и изменой. Однако те средства, которые пускаются в ход в целях порабощения, должны быть дозволены также и в целях свержения ига рабства. Пока будут существовать эксплуатирующие и господствующие народы и классы на одной стороне, эксплуатируемые и порабощенные на другой, — до тех пор применение хитрости и насилия будет с обеих сторон необходимостью, против которой всякая моральная проповедь остается бессильной.

1881—1882 гг. *т. 19, с. 465*

К. Маркс, Ф. Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» [623]

[...] Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России бóльшую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община * —

* — В оригинале русское слово, написанное латинскими буквами. *Ред.*

эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Возможность некапиталистического пути развития

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

21 января 1882 г. *т. 19, с. 305*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 31 ЯНВАРЯ 1882 г.[624]

Что кризисы являются одним из самых могучих рычагов политического переворота, об этом говорится уже в «Коммунистическом манифесте» и показано в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» на данных вплоть до 1848 г. включительно, но наряду с этим было показано также, что возврат процветания надламывает революции и создает почву для победы реакции [625]. При подробном разборе необходимо принять во внимание промежуточные кризисы, носящие отчасти более местный, а отчасти более специфический характер; такой промежуточный кризис, сводящийся к чисто биржевым спекулятивным делам, мы переживаем в настоящий момент; до 1847 г. эти кризисы были регулярными промежуточными звеньями, так что в моем «Положении рабочего класса» цикл еще определен в пять лет [626].

т. 35, с. 218—219

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАУТСКОМУ, 7 ФЕВРАЛЯ 1882 г.[627]

[...] *Действительные*, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции [...]

т. 35, с. 219

Национальные отношения
Пролетарский интернационализм

Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций. [...] Интернациональное сотрудничество возможно только между *равными* и [...] даже primus

inter pares * нужен разве только при непосредственном действии. [...] Устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития.

т. 35, с. 220, 221

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 22 ФЕВРАЛЯ 1882 г.[628]

Национальные отношения
Пролетарская революция и национальное освобождение

[...] Не стану вдаваться в исследование того, как могло случиться, что малые славянские народы видят в царе своего единственного освободителя. Достаточно того, что, по их мнению, это так; мы изменить этого не можем, и так оно и остается до того момента, пока не будет свергнут царизм; в случае войны все эти интересные маленькие национальности встанут на сторону царизма, врага всего капиталистически развитого Запада. Пока дело обстоит таким образом, я не могу интересоваться их *непосредственным* немедленным освобождением, они остаются нашими прямыми врагами в такой же мере, как и царь — их союзник и покровитель.

Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное. И какой бы интерес ни возбуждали балканские славяне и т. п., но если их освободительные стремления вступают в коллизию с интересами пролетариата, то мне до них совершенно нет дела. Эльзасцы тоже угнетены, и я буду рад, когда мы снова сбудем их с рук. Но если накануне явно надвигающейся революции они захотели бы спровоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить друг на друга эти два народа и таким образом оттянуть революцию, то я сказал бы: «Остановитесь! Вы можете терпеть столько же, сколько и европейский пролетариат. Когда он освободится, и вы, само собой, станете свободными, а до тех пор мы не позволим вам становиться поперек дороги борющемуся пролетариату». То же и со славянами. Победа пролетариата с необходимостью принесет им действительное освобождение, а не мнимое и временное, какое может дать им царь. Поэтому славяне, которые до сих пор не только ничего не сделали для Европы и ее развития, а являются для него тормозом, должны обладать хотя бы таким же терпением, как наши пролетарии. Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая унесет в ты-

* — первый среди равных. *Ред.*

сячу раз больше людей, чем все население Герцеговины,— не такой должна быть, по-моему, политика пролетариата.

т. 35, с. 230

Национальные отношения Перспективы революционных преобразований

Через 2—4 поколения и после общих европейских переворотов Великая Сербия, безусловно, будет возможна; ныне же — при существующем культурном уровне элементов, из которых она состоит — она так же безусловно невозможна.

[...] В стране три политических центра: Белград, Черногория, Аграм *. Ни хорваты, ни черногорцы не желают подчиняться верховенству Белграда. Напротив — черногорцы и их друзья, маленькие, отсталые народности Кривоша ** и Герцеговины, будут защищать свою «независимость» против Белграда и всякого другого центрального правительства, будет ли оно сербским или нет, точно так же, как против турок и австрийцев. Эта независимость заключается в том, что они в доказательство своей ненависти к угнетателям крадут скот и другое движимое имущество у своих же «угнетенных» сербских соотечественников, как они делали это 1000 лет тому назад, и кто покушается на это их право разбоя, тот покушается на их независимость. Я достаточно авторитарен, чтобы считать существование таких маленьких отсталых народностей в центре Европы анахронизмом. Если бы даже эти люди обладали такими же достоинствами, как воспетые Вальтером Скоттом шотландские горцы, тоже, впрочем, злейшие грабители скота, мы все-таки могли бы осудить только лишь те *методы*, которые применяет для расправы с ними современное общество. Будь мы у кормила власти, *мы тоже* должны были бы положить конец укоренившимся у этих молодцов стародавним традициям разбоя в духе Ринальдо Ринальдини и Шиндерганнеса. Так же пришлось бы поступить и великосербскому правительству.

Диктатура пролетариата

т. 35, с. 231—232

Ф. Энгельс

О КОНЦЕНТРАЦИИ КАПИТАЛА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ [629]

[...] Наступит момент, когда европейский, и в особенности немецкий, рабочий встанет перед альтернативой: голодная смерть или революция! [...]

* Хорватское название: Загреб. *Ред.*

** Сербское название: Кривошие. *Ред.*

Мы должны все же считаться с обстоятельствами, а так как последние благодаря близорукости и алчности наших противников все более исключают возможность развития путем подлинных реформ, то мы должны видеть свою задачу в том, чтобы вопреки всяким трусам подготавливать умы к революционному ходу событий.

О таком конфликте свидетельствуют: гигантская концентрация капитала, с одной стороны, и растущая массовая нищета — с другой; развязка может быть только одна: *социальная революция!*

3 мая 1882 г. *т. 19, с. 316, 317*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 16 МАЯ 1882 г.[630]

Огосударствление

Третьего дня у меня был Зингер; от него я узнал, что конспиративный адрес еще годится, в чем я не был вполне уверен, так как мы им давно не пользовались. У Зингера сомнения иного рода. Он принадлежит к числу тех, которые считают огосударствление чего-нибудь полумерой или, во всяком случае, подготовительным социалистическим мероприятием и поэтому втайне мечтают о покровительственных пошлинах, табачной монополии, об огосударствлении железных дорог и т. д. Все это — вздор, наследие односторонне преувеличенной борьбы против манчестерства[599]; этот вздор имеет больше всего последователей именно среди перешедших к нам буржуазных и академических элементов, потому что он дает им преимущество в спорах с их буржуазной и «образованной» * средой. Зингер рассказывал, что у вас в Берлине недавно дебатировался этот вопрос и что Зингер, к счастью, оказался в меньшинстве. Мы не имеем права ни политически, ни экономически компрометировать себя ради таких мелочных соображений. Я пытался объяснить ему: 1) что, по нашему мнению, в Германии покровительственные пошлины совершенно не к месту (в Америке — наоборот), так как наша промышленность развилась и стала способной экспортировать при свободе торговли, а для этой способности экспортировать ей совершенно необходима конкуренция заграничных полуфабрикатов на внутреннем рынке; что железоделательная промышленность, производящая в четыре раза больше, чем нужно внутри страны, использует покровительственные пошлины лишь против *внутреннего рынка* и, наоборот, *за границей*, как по-

* В оригинале берлинский диалект: «jebildeten». *Ред.*

казывает опыт, прибегает к бросовым ценам; 2) что табачная монополия представляет собой такое ничтожное огосударствление, которое в дискуссии мы не можем использовать даже в качестве примера, и что, вообще говоря, мне наплевать, добьется ли ее Бисмарк или нет, так как и в том и в другом случае это в конечном результате пойдет нам только на пользу; 3) что огосударствление железных дорог выгодно лишь для акционеров, продающих свои акции выше стоимости, для нас же нисколько, ибо с несколькими крупными компаниями мы справимся так же быстро, как и с государством, если оно будет уже в наших руках; что акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими, и огосударствление не прибавит к этому никаких новых доказательств. Но Зингер слишком крепко вбил себе в голову это огосударствление и согласился со мной только в том, что с политической точки зрения ваша отрицательная позиция — единственно правильная.

Огосударствление

Диктатура пролетариата
Акционерные общества

т. 35, с. 267—268

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. ГЕПНЕРУ, 25 ИЮЛЯ 1882 г.[631]

Лейпцигская литература сводится преимущественно к рассуждениям о социализме будущего [...]

т. 35, с. 287

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАУТСКОМУ, 12 СЕНТЯБРЯ 1882 г.[632]

Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке. По моему мнению, собственно колонии, то есть земли, занятые европейским населением, Канада, Кап *, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату

Пролетарская революция и колониальные страны

* Капская провинция. *Ред.*

придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже весьма вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться еще и в других местах, например, в Алжире и в Египте, и *для нас* это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода.

Возможность некапиталистического пути развития

Отрицание экспорта революции

Оборонительные войны

т. 35, с. 297—298

Ф. Энгельс

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ [633]

Крупная промышленность как предпосылка

[...] Лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера,— конфликты не только между созданными этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения этих конфликтов.

Сентябрь 1882 г. *т. 19, с. 193*

История как борьба классов

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы клас-

сов, что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

Поэтому социализм теперь стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить* его, а следовательно, и справиться с ним,— он мог лишь просто объявить его никуда не годным. Чем более возмущался он неизбежной при этом способе производства эксплуатацией рабочего класса, тем менее был он в состоянии ясно указать, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает.

Утопизм

Сентябрь 1882 г. *т. 19, с. 208—209*

---

* См. наст. т., с. 411. *Ред.*

Ф. Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ» [634]

Научный социализм

[...] Научный социализм в существенной части представляет собой немецкий продукт и мог возникнуть только у нации, классическая философия которой сохранила живую традицию сознательной диалектики, т. е. в Германии *. Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики. И если школьные наставники немецкой буржуазии потопили память о великих немецких философах и созданную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма — до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует в действительности,— то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля.

21 сентября 1882 г. *т. 19, с. 322—323*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 22 СЕНТЯБРЯ 1882 г. [636]

[...] Обе фракции «Рабочей партии» [637], вместе взятые, составляют лишь ничтожно малую часть парижских рабочих масс, которые все еще следуют за такими людьми, как Клемансо; полемика Геда против него также носила чересчур личный характер, да и вообще велась совершенно неправильно. Меж-

---

* «В Германии» — это описка. Следует сказать: «среди немцев». Ибо поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические отношения Англии и Франции. Отсталые в начале сороковых годов в еще большей степени, чем теперь, экономические и политические условия Германии могли в лучшем случае вызвать к жизни только карикатуры на социализм (ср. «Коммунистический манифест», III, 1, с): «Немецкий или «истинный» социализм» [635]). Только когда созданные в Англии и Франции экономические и политические отношения были подвергнуты немецко-диалектической критике, можно было достигнуть действительных результатов. С этой точки зрения, следовательно, научный социализм представляет собой не *исключительно* немецкий, а в не меньшей степени и международный продукт. (*Примечание Энгельса к немецкому изданию 188[illegible].*)

ду тем Клемансо — человек вполне способный к развитию, и при известных условиях может пойти значительно дальше, чем сейчас, в особенности если он поймет, что дело в *классовой борьбе;* правда, поймет он это лишь тогда, когда будет к тому *вынужден.* Гед вбил себе в голову, что «афинская республика» Гамбетты гораздо менее опасна для социалистов, чем «спартанская республика» Клемансо, и поэтому хочет предотвратить ее, как будто мы — или вообще какая-нибудь партия в мире — можем воспрепятствовать какой-либо стране пройти через исторически необходимые ступени ее развития. Он не учитывает также, что мы едва ли придем во Франции от республики в духе Гамбетты к социализму, не пройдя через республику в духе Клемансо. А без такого понимания необходимой исторической связи и, тем самым, вероятного хода развития событий невозможна никакая успешная партийная политика. **Предпосылки**

т. 35 с. 305

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 28 ОКТЯБРЯ 1882 г.[338]

Из статей Фольмара мне очень понравилась именно первая [339] [...]

Вторую статью я лишь бегло просмотрел, так как в это время два или три человека мне непрерывно мешали, иначе я по тому, как автор представляет себе революцию, заметил бы французское влияние и, наверное, узнал бы нашего Фольмара. Ты вполне правильно уловил эту сторону дела [340]. В его представлении о революции фраза о «единой реакционной массе» [341] находит, наконец, долгожданное осуществление: все официальные партии, сбитые в один клубок,— *здесь;* мы, социалисты, в стройном отряде,— *там;* великая решающая битва — и после первого же удара победа по всей линии. В действительности все это происходит не так просто. В действительности революция, напротив, начинается, как ты и отмечаешь, с того, что огромное большинство народа, а также и официальных партий объединяются *против* изолированного благодаря этому правительства и свергают его: и лишь после того, как те из официальных партий, которые смогли еще удержаться, в борьбе между собой потерпят крах одна при помощи другой и одна вслед за другой — только тогда произойдет то решительное деление, о котором говорит Фольмар, и вместе с тем наступит возможность нашего господства. Если бы мы вздумали вместе с Фольмаром начать революцию немедлен- **Революция** **Диктатура пролетариата**

но с ее *последнего акта*,— нам пришлось бы очень плохо.

т. 35, с. 318—319

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 2—3 НОЯБРЯ 1882 г.[642]

Что касается статей Фольмара [639], то именно первая из них, направленная своим острием против людей, которые кричат об отмене закона против социалистов [586] *любой* ценой, была очень хороша и убедительна. [...] Действительный недостаток второй статьи (который я, правда, заметил, но которому не придал значения) заключается в ребяческом представлении, что ближайшая революция должна будет *начаться* с разделения всего мира на две армии: «Здесь Вельфы! Здесь Вайблинги!» [643]; с одной стороны — мы, с другой — вся «единая реакционная масса» [641]. Это значит, что революция должна начаться с *пятого акта*, а не с первого, в котором все оппозиционные партии совместно выступают против правительства и его промахов и таким образом одерживают победу, после чего среди победителей отдельные партии одна за другой изживают себя, сходят со сцены, что в конце концов заставит народную массу целиком перейти на нашу сторону, и тогда уже сможет развернуться знаменитый решительный бой Фольмара.

Революция

т. 35, с. 325

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 28 НОЯБРЯ 1882 г.[644]

Партия

[...] Когда создают партию без программы, партию, в которой могут подвизаться все, кому угодно, то это уже не партия. [...] И слыхано ли что-нибудь подобное: партия без программы, партия, за расплывчатыми мотивировочными положениями которой (составленными совершенно в духе «коммуниста» Микеля, который тоже верит, что коммунизм возможен через 500 лет [645]) следует заключение о том, что каждая группа фабрикует свою собственную частную программу!

т. 35, с. 337—338

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. МАРКСУ, 30 НОЯБРЯ 1882 г.[646]

Прилагаю полученное сегодня письмо Бебеля. «Мистическое», чего он сразу не смог понять и что могло бы избавить их от закона против социалистов [586], это, разумеется, вспышка революционного кризиса в России. Удивительно, что все эти люди не могут привыкнуть к мысли, что толчок должен прийти оттуда. А я ведь не один раз растолковывал ему это.

Перспективы революции

т. 35, с. 99

Ф. Энгельс

МАРКА [647]

Итак, благодаря трем французским и одной немецкой революциям [648] мы пришли, наконец-таки, к тому, что у нас снова имеются свободные крестьяне. Но как далеко нашему нынешнему свободному крестьянину до свободного члена марки прежних времен! Его участок большей частью значительно сократился, а неподеленная марка исчезла вовсе, за исключением немногочисленных, очень мелких и запущенных общинных лесных участков. Но не пользуясь общинными угодьями, мелкий крестьянин не может содержать скота; не содержа скота, он не имеет удобрений, без удобрений невозможно рациональное земледелие. Сборщик налогов и угрожающая фигура судебного исполнителя, стоящая за ним, столь хорошо известные современному крестьянину, были незнакомы общиннику прежних времен, так же как и ростовщик, дающий ссуды под залог земли, в лапы которого один за другим попадают крестьянские дворы. Но самое замечательное заключается в том, что эти новые свободные крестьяне, у которых так сильно урезаны наделы и подрезаны крылья, появились в Германии, где все происходит слишком поздно, в такое время, когда не только научное ведение сельского хозяйства, но и новоизобретенные сельскохозяйственные машины все более и более превращают мелкое крестьянское хозяйство в устарелую, уже нежизнеспособную форму производства. Подобно тому как механическое прядение и ткачество вытеснили самопрялку и ручной ткацкий станок, так и эти новые методы сельскохозяйственного производства должны беспощадно уничтожить парцелльное сельское хозяйство и заменить его крупной земельной собственностью, если

только им будет предоставлено для этого необходимое время.

Ибо уже сейчас всему европейскому земледелию, в том виде как оно ведется в настоящее время, угрожает могущественный соперник — американское массовое производство зерна. С американской землей, которую сама природа позаботилась сделать плодородной и удобренной на долгий ряд лет и которую можно приобрести за бесценок, не могут выдержать состязания ни наши обремененные долгами мелкие крестьяне, ни наши столь же запутавшиеся в долгах крупные землевладельцы. Весь европейский способ ведения сельского хозяйства терпит поражение от американской конкуренции. В Европе можно будет продолжать заниматься земледелием только в том случае, если оно будет вестись в общественной форме и на счет всего общества.

Обобществление сельского хозяйства

Таковы виды на будущее для наших крестьян. А восстановление хотя и горемычного, но свободного класса крестьян имело *ту* хорошую сторону, что оно поставило крестьянина в положение, в котором он — при содействии своих естественных союзников — рабочих — может сам себе помочь, лишь только он захочет понять, *как это сделать* *.

Союз пролетариата и крестьянства

Но как? — Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применения сельскохозяйственных машин, но и предоставит им средства организовать наряду с земледелием также и крупную промышленность с использованием силы пара и воды, и притом организовать ее без капиталистов, а силами самого товарищества.

Организовать крупное земледелие и применить сельскохозяйственные машины и означает другими словами: сделать излишним сельскохозяйственный труд большей части мелких крестьян, которые теперь сами обрабатывают свои поля. А чтобы эти вытесненные из земледелия люди не оставались без работы или не были вынуждены скопляться в городах, для этого необходимо занять их промышленным трудом в самой деревне, а это может быть с выгодой для них организовано только в крупном масштабе, при помощи силы пара или воды.

---

* Далее следует текст, представляющий собой добавление Энгельса к отдельному изданию «Марки», вышедшему в 1883 г. под названием «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем он мог бы быть?». *Ред.*

Как это устроить? Подумайте об этом хорошеиько, иемецкие крестьяие. Помочь вам могут только *социал-демократы.*

Середина сентября — первая половина декабря 1882 г. *т. 19, с. 343—345*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ, 22 ДЕКАБРЯ 1882 г.[649]

Война и революция

Европейскую войиу я считал бы иесчастьем; иа этот раз дело прииявло бы чрезвычайио серьезиый характер, войиа иа долгие годы разожгла бы повсюду шовииизм, так как каждый иарод боролся бы за свое существоваиие. Вся работа русских революциоиеров, которые уже иаходятся иакаиуие победы, оказалась бы бесполезиой, пошла бы иасмарку; иашу партию в Германии сразу же захлестиул и расколол бы поток шовииизма, и то же самое произошло бы во Франции. Едииствеиио хорошее, что могло бы при этом произойти, это — восстаиовлеиие Малой Польши, ио это ведь произойдет и в результате революции, и притом само собой; русская коиституция, как следствие неудачиой войны, имела бы совсем ииое, скорее коисерватнвиое зиачеиие в отличие от коистнтуции, завоеваниой революциоииым путем. Такая войиа, по моему миеиию, отсрочила бы революцию иа десять лет, правда, потом революция оказалась бы тем более основательиой.

т. 35, с. 348

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Э. БЕРНШТЕЙНУ, 1 МАРТА 1883 г.[650]

Электротехническая революция

Шум, который подиял Фирек по поводу электротехиической революции, иичего ие смысля в этом деле, только реклама для издаиной им брошюры. Но в действительности это колоссальная революцня. Паровая машииа иаучила иас превращать тепло в мехаиическое движеиие, ио использоваиие электричества откроет иам путь к тому, чтобы превращать *все* вcomponents energy — теплоту, механическое движеиие, электричество, магиетнзм, свет — одиу в другую и обратио и применять нх в промышлеииости. Круг завершеи. Новейшее открытие Депре, состоящее в том, что электрический ток очень высокого иапряжеиия прн сравиительио малой потере эиергии можио передавать по простому телеграфиому проводу на такие расстояиня, о каких до сих пор и мечтать ие смели, и использовать в коиечиом пуикте,— дело это

еще только в зародыше,— это открытие окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, делает возможным использование также и самой отдаленной водяной энергии, и если вначале оно будет полезно только для *городов*, то в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней. Совершенно ясно, однако, что благодаря этому производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии. Тупица Фирек видит в этом лишь новый аргумент для своего излюбленного огосударствления: то, чего не может сделать буржуазия, должен сделать Бисмарк.

Уничтожение противоположности между городом и деревней

т. 35, с. 374

Ф. Энгельс

ПИСЬМО Ф. А. ЗОРГЕ, 15 МАРТА 1883 г.[651]

Человечество стало ниже на одну голову и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда, естественно, обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания. У доморощенных знаменитостей и мелких талантов, а то и просто у шарлатанов теперь развязаны руки. Конечная победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий — и без того неизбежных — теперь будет гораздо больше. Ну, что ж, с этим мы должны справиться — для того мы и существуем. Вот почему мы отнюдь не теряем мужества.

т. 35, с. 386

Ф. Энгельс

НАБРОСОК НАДГРОБНОЙ РЕЧИ НА МОГИЛЕ МАРКСА [652]

Каких-нибудь 15 месяцев тому назад большинство из нас собралось вокруг этой могилы, которая должна была тогда стать последним местом успокоения возвышенной и благородной женщины. Сегодня мы снова должны раскрыть эту могилу, чтобы опустить туда останки ее мужа.

Карл Маркс был одним из тех выдающихся людей,

какнх иемиого рождается в течеиие столетия. Чарлз Дарвин открыл закои развития органического мира иа нашей планете. Маркс открыл основной закон, определяющнй движеиие н развнтне человеческой нстории, закон, до такой степеии простой и самоочевидиый, что почти достаточно простого его изложеиия, чтобы обеспечить его призиаиие. Мало того, Маркс открыл также закон, по которому создан наш иынешиий общественный строй с его велнким классовым делеиием иа капиталнстов и наемных рабочих; закон, по которому это общество сорганизовалось, росло, пока почти ие переросло самого себя; закои, в силу которого оио должио, в коице коицов, погибиуть, подобио всем предыдущим нсторнческнм фазам общества. Такие результаты делают особеиио тягостиым созиаиие, что ои отият у иас в разгар своей работы и что, как ии миого им сделано, еще больше оставил ои иезавершеиным.

Но наука, как ни был ои ей предаи, далеко не поглощала его полиостью. Не было человека, который испытывал бы более чистую радость, чем ои, при виде каждого достижеиия науки в любой области, иезависимо от того, было лн оио практически примеиимо или нет. Но иа иауку он смотрел прежде всего как иа могущественный рычаг истории, как иа революциониую силу в самом высоком зиачеиии этого слова. И в качестве такой имеиио снлы он ею пользовался, в этом нмеиио видел ои назиачеине тех огромиых знаний, особеино во всех областях истории, какими ои обладал.

Ибо ои действительио был, как сам ои себя иазывал, революциоиером. Борьба за освобождеиие класса иаемиых рабочих от оков современной капнталистической системы экоиомнческого производства была его подлииной стихией, н иикогда ие было борца активнее, чем он. Венцом этой части его деятельиости было создаиие Международного Товарищества Рабочнх, признаиным вождем которого ои был с 1864 до 1872 года. Товарнщество это, поскольку речь идет о виешних признаках, прекратило свое существоваиие; но братская связь союза рабочих всех цнвилизоваииых страи Европы и Америки устаиовлеиа раз иавсегда и все время продолжает существовать без всякнх уз виешнего формальиого союза.

Кто борется за какое-либо дело, тот ие может не иажить себе врагов. И ои имел миого врагов. В течеиие большей части своей полнтнческой жизин он был в Европе тем человеком, которого больше всего иенавндели и на которого больше всего клеветали. Но он почти не обращал виимаиия на клевету. Если кто-лнбо иа земле преодолел клевету, то это имеиио он, н в час своей смерти он с гордостью мог

оглянуться на миллионы своих последователей в сибирских рудниках и в мастерских Европы и Америки; он видел, что его экономические теории были приняты как неоспоримые основы социализма во всем мире, и если у него было еще много противников, то едва ли остался хоть один личный враг *.

17 марта 1883 г. *т. 19, с. 348—349*

Ф. Энгельс

ПОХОРОНЫ КАРЛА МАРКСА [653]

В субботу, 17 марта, на Хайгетском кладбище был похоронен Маркс в той же могиле, в которой пятнадцать месяцев тому назад была погребена его жена.

На могиле *Г. Лемке* возложил на гроб два венка с красными лентами от имени редакции и экспедиции газеты «Sozialdemokrat» и от имени лондонского *Коммунистического просветительного рабочего общества* [128].

Затем *Ф. Энгельс* произнес на английском языке речь приблизительно следующего содержания:

«14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та брешь, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Два великих открытия Маркса

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные пред-

* В газете «La Justice» (от 20 марта 1883 г.) во французском переводе этой речи под заголовком «Речь Фридриха Энгельса» в конце добавлено: «Чем был Маркс в своей частной жизни, для своей семьи и своих друзей,— в данный момент нет у меня сил выразить это. И не к чему, так как это знаете все вы, пришедшие сюда сказать ему последнее прости.

Прощай, Маркс! Твое дело и твое имя будут жить века». *Ред.*

ставления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,— а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал,— даже в области математики,— а таких областей было очень много, и ни одной из них он не занимался поверхностно.

Таков был этот муж науки. Но это в нем было далеко не главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, практическое применение которого подчас нельзя было даже и предвидеть,— его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и еще в последнее время за открытиями Марселя Депре.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому *он* впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Rheinische Zeitung» 1842 г., парижский «Vorwärts!» 1844 г., «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» 1847 г., «Neue Rheinische Zeitung» 1848—1849 гг., «New-York Daily Tribune» 1852—1861 гг. и помимо того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное Товарищество Рабочих.— поистине это было делом, которым мог гордиться тот, кто его создал, даже если бы он не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был тем человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!»

Около 18 марта 1883 г. *т. 19, с. 350—352*

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.
О-11 О коммунистической общественной формации. В 4 т. Т. 2. Из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, 1857 — 1895 гг. Кн. 1.— М.: Политиздат, 1988.— 558 с.
ISBN 5—250—00597—7 (т. 2, кн. 1)

М $\frac{0101000000-279}{079(02)-88}$ КБ—5—97—88 **ББК 11+66.017.88**

Карл Маркс
Фридрих Энгельс
Владимир Ильич Ленин

О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Т. 2. Из произведеиий Карла Маркса
и Фридриха Эигельса 1857—1895 гг.

Книга первая

Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технические редакторы *И. А. Золотарева, Т. Н. Полунина*

ИБ № 5502

Сдано в иабор 05.03.87. Подписано в печать 31.03.88. Формат $60\times90^1/_{16}$.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,0. Усл. кр.-отт. 35,50. Уч.-изд. л. 34,75. Тираж 80 тыс. экз. Заказ № 2724. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленииа тнпография
«Красный пролетарий». 103473, Москва,
И-473, Краснопролетарская, 16.

Страница «Введения» Ф. Энгельса к «Диалектике природы»

Slavonic 3020 a

To the Chairman of the Meeting, March 21st 1881, in celebration of the Anniversary of the Paris Commune.

Citizen,

~~[illegible]~~ greatly regret ~~[illegible]~~ we have to inform you that we are not able to attend your meeting.

When, ~~[illegible]~~, the Commune of Paris succumbed to the atrocious massacre organized by the defenders of "Order", the ~~[illegible]~~ victors little thought that ten years would not elapse before an event [would] happened in distant Petersburg, which, ~~[illegible]~~ maybe after long and violent struggles, must ultimately and certainly lead to the establishment of a Russian Commune:

that the King of Prussia who [has], ~~[illegible]~~ prepared the Commune by besieging Paris [illegible]

[illegible]

Первая страница обращения
К. Маркса и Ф. Энгельса
к председателю славянского митинга
21 марта 1881 г.